наш XX век

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

КАЛИНИЧЕНКО

ДЕЛО О 140 МИЛЛИАРДАХ, ИЛИ 7060 ДНЕЙ ИЗ ЖИЗНИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В 70–80-х годах прошлого столетия одно только упоминание имени Владимира Калиниченко приводило в трепет секретарей обкомов, министров и членов политбюро. В то время Владимир Иванович работал важняком – так называли в народе следователей по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР. Кредо Калиниченко: «Закон – священная корова». Он решал сложнейшие головоломки, был человеком бесстрашным и абсолютно невосприимчивым к лести. Дослужившись до генерала, в 1991 году Калиниченко уволился из прокуратуры по собственному желанию. Сейчас занимается адвокатской практикой.

- Владимир Калиниченко
  -
  -
  - Предисловие
  - Дело о 140 миллиардах (начало)
  - Ошская трагедия
  - Дело о 140 миллиардах (продолжение)
  - Из прошлого
  - Дело о 140 миллиардах (продолжение)
  - Из прошлого
  - Дело о 140 миллиардах (продолжение)
  - Из прошлого
  - Дело о 140 миллиардах (продолжение)
  - «Джеки-потрошители»
  - Из прошлого. Конец 70-х
  - Гейдар Алиев – Гамбой Мамедов. Схватка
  - Кровавый Сумгаит
  - Дело о 140 миллиардах (продолжение)
  - Рука дающего да не оскудеет (Дело «Океан»)
  - Тайна гибели Машерова
  - О милиции
  - Из прошлого
  - Убийство на «Ждановской»
  - Дело подполковника Зотова
  - С. Ф. Медунов и Сочинско-Краснодарское дело
  - Дело о 140 миллиардах (продолжение)
  - Белое золото. Немного о Гдляне и других
  - Из прошлого
  - Д. А. Кунаев. Закат политической карьеры

- Дело о 140 миллиардах (окончание)
- Прокурорские тайны. Немного о прошлом и настоящем
- Следователю по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР посвящается

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38

- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61

Владимир Калиниченко
Дело о 140 миллиардах, или 7060 дней из жизни следователя

© Калиниченко В. И., 2017
© «Центрполиграф», 2017

Прекращением уголовного дела о 140 миллиардах (дело Фильшина) и ликвидацией Прокуратуры СССР закончилась для меня государственная служба.

Владимир Калиниченко

Предисловие

В 8-м и 9-м номерах журнала «Юность» за 1989 год был опубликован мой очерк «Точка отталкивания» об убийстве на станции метро «Ждановская» (ныне «Выхино») майора КГБ СССР Вячеслава Афанасьева. В тот же период в рабочем блокноте я стал делать наброски воспоминаний о профессиональной деятельности в органах прокуратуры. С годами наброски приобрели очертания книги, которую я назвал «Дело о 140 миллиардах, или 7060 дней из жизни следователя». Уголовное дело о 140 миллиардах было последним в моей служебной карьере. В 1996 году интерес к публикации этой книги проявило издательство «Олимп». Мы заключили договор о ее издании в количестве 10 000 экземпляров. От получения предоплаты за рукопись я отказался до выхода книги. Шло время, и через пару лет по непонятной для меня причине тираж сократили до 3000 экземпляров. В 1998 году книга вышла в мягкой обложке, мне предоставили 50 экземпляров и выплатили совсем мизерный гонорар, но остальной тираж на книжных прилавках без объяснения причин так и не появился. Однажды мне в руки попала книга о криминальных историях советского периода. С удивлением я прочитал главу за подписью некоего Александра Хабарова об убийстве на «Ждановской». Знать об этом автор мог только по слухам, но в его повествовании содержались целые абзацы из моего очерка, самое главное заключалось в том, что в самом очерке я изменил фамилии антигероев, и эти изменения Хабаров автоматически продублировал. В разговоре по телефону Хабаров неуклюже оправдывался, а я по условиям договора обратился к главному редактору издательства. Он пообещал разобраться, но на этом все закончилось.

Спустя некоторое время мне по секрету сказали, что весь тираж выкупили представители концерна АСТ Тельмана Исмаилова. Это было похоже на правду, потому что Исмаилов и его сыновья родились и выросли в Азербайджане, а в книге была глава о расследовании уголовного дела на бывшего прокурора Азербайджанской ССР Гамбоя Мамедова, вступившего в жесточайший конфликт с первым секретарем ЦК Компартии республики Гейдаром Алиевым. На родине Исмаилова оставались высокопоставленные чиновники, которые совсем не желали предания гласности обстоятельств того дела конца 70-х годов. Соответствовала ли эта информация действительности, я не знаю по настоящее время.

Выкуп тиража могли инициировать представители

Казахстана, потому что в одной из глав я достаточно подробно изложил декабрьские события 1986 года на площади имени Л. И. Брежнева в Алма-Ате. Это были первые массовые выступления молодежи на почве обострения межнациональных отношений и борьбы за власть в Казахской ССР. По делу о массовых беспорядках были осуждены десятки молодых людей, а после развала СССР началась кампания по их реабилитации. И снова же мое видение событий того времени было невыгодно высокопоставленным должностным лицам.

Не мог я исключить и вмешательства сотрудников ФСБ. Дело было в том, что в книге я рассказывал о проверке в рамках уголовного дела об убийстве Афанасьева версии о безвестном исчезновении майора КГБ СССР Виктора Шеймова и его семьи, а возможно, и об их убийстве. В этом подозревали нескольких обвиняемых в убийстве Афанасьева. Трупы исчезнувших обнаружены не были, и поэтому никаких оснований для предъявления обвинения в совершении подобного преступления не существовало. После развала СССР в конце 1991 года Виктор Шеймов дал первое интервью американским журналистам в США, куда он сбежал вместе с семьей. Примерно в те же годы в США появились публикации, в том числе бывшего начальника отдела ЦРУ по работе с Советским Союзом, который бахвалился тем, что им удалось завербовать шифровальщика, занимавшего высокую должность в КГБ, с его помощью подключиться к подземным коммуникациям под Кремлем для прослушивания телефонных переговоров высших должностных лиц Советского Союза и вывезти своего агента в США. В данном случае речь могла идти только о Викторе Шеймове.

Еще через несколько лет известный тележурналист Николай Николаев на канале НТВ сделал передачу об убийстве на «Ждановской». Таковую я считаю самой удачной, и прежде всего потому, что помимо меня в ней принимала участие легендарная судья Московского городского суда, ныне покойная Зинаида Александровна Опарина, которая провела судебное разбирательство и вынесла приговор убийцам Афанасьева. В этой передаче также принимали участие трое осужденных по этому уголовному делу. Во время передачи я вступил в полемику по телемосту с бывшим заместителем начальника Управления внешней контрразведки КГБ СССР генерал-майором Олегом Калугиным. В конце 80-х почувствовав угрозу разоблачения как агента ЦРУ, он стал выступать с резкой критикой в адрес ведомства, в котором проработал долгие годы. На этой волне Калугин был избран депутатом Верховного Совета СССР, выждал определенное время и сбежал в США. Там он получил свои

«тридцать сребреников» и благополучно проживает на деньги, полученные в результате предательства. В 1995 году он был заочно приговорен к 15 годам лишения свободы за измену родине. Тогда в полемике с Калугиным я узнал, что Шеймов, с семьей проживая в США и будучи недоволен тем, что ЦРУ недостаточно оплатило его предательские услуги, обратился с иском в суд и получил с ответчика еще один миллион долларов.

Казалось бы, что все это никакой большой тайны не составляет, если бы не одно но. Еще в 1980 году установили, что Шеймов был завербован американцами, и, когда встал вопрос о его разоблачении, его вместе с семьей вывезли на самолете американского посла на территорию США. Так что вполне возможно, что с того времени продолжалась некая оперативная комбинация по дезинформации нашего противника. Думаю, что после интервью Шеймова и публикации в печати о его вербовке и работе на ЦРУ вся его история большой государственной тайны не составляла. Тем не менее передача Николая Николаева с просмотра была снята, и более ее никогда и никому не демонстрировали. Возможно, то же самое было препятствием в издании книги.

Впрочем, гадание о том, кем был изъят выпущенный тираж, – дело бесполезное.

Спустя более 20 лет менять что-либо в книге смысла нет, потому что она написана так, как я оценивал события своей жизни на тот период. Много позже мне довелось прочитать много публикаций и мемуаров, просмотреть десятки документальных фильмов о событиях тех лет. Сегодня смотрю совсем иначе на предательскую роль Михаила Горбачева в умышленном развале Советского Союза, в том, как по его инициативе был спровоцирован полет и посадка на Красной площади Матиаса Руста, потому что эта провокация позволила Горбачеву отстранить от руководства высшее командование Советской армии, которое могло воспрепятствовать его действиям по развалу СССР. По инициативе того же Горбачева было инспирировано дело о 140 миллиардах, которое должно было сыграть решающую роль в дискредитации первого президента РСФСР Бориса Ельцина и его ближайшего окружения. Впрочем, выводы о моих предположениях пусть делает каждый читатель, исходя из своего жизненного опыта и политических взглядов на современную Россию.

Дело о 140 миллиардах (начало)

В январе 1991 года разразился скандал, связанный с попыткой правительства РСФСР продать 140 миллиардов рублей за доллары США. Противозаконная сделка была пресечена спецслужбами СССР. Непосредственно заключение сделки курировал заместитель председателя Совета министров РСФСР Геннадий Фильшин, именем которого и стали называть эту «сделку века».

В течение года зарубежная и советская печать, телевидение и радио обрушивали на головы граждан поток противоречивой информации о намерениях сторон. Так, коммунисты утверждали, что в случае реализации сделки подрывались экономические устои государства, а наши предприятия и запасы полезных ископаемых за бесценок продавались на Запад.

Демократы, в свою очередь, обвиняли правящую партию (КПСС) и руководителей СССР в попытках дискредитировать молодое российское правительство, демократические преобразования в стране и лично председателя Верховного Совета РСФСР Бориса Николаевича Ельцина.

«20 января в аэропорту Шереметьево-2 в ходе таможенного досмотра у подданного Великобритании Пола Пирсона, вылетающего в Швейцарию, обнаружены и задержаны документы по сделке, противоречащей действующему законодательству, заключенной с советской стороны Челябинским филиалом производственно-экологической фирмы ЭХО при Международном неправительственном фонде «Вечная память солдатам», а с иностранной стороны – английской компанией «Дов трейдинг интернэшнл»[1].

Отъезд Пирсона из Москвы с документами о продаже 140 миллиардов рублей за 7 миллиардов 756 миллионов долларов США готовился тщательно. Компаньон Пирсона и основное действующее лицо в этой сделке английский бизнесмен Колин Гиббинс приобрел пять билетов на разные дни и рейсы, пытаясь скрыть действительную дату вылета. Подстраховал себя и факсами, в которых сообщил своим людям в Цюрихе о предполагаемых датах прилета Пола. Гиббинс надеялся, что, если, несмотря на принятые меры, сделка все же попала в поле зрения КГБ, за счет подобных маневров ему удастся переправить документы своим западным партнерам. Для прикрытия действительной цели поездки Пирсон пригласил в Швейцарию любовницу. Тем самым он демонстрировал отъезд с сугубо личными целями.

Из оперативных источников. Пол Пирсон окончил военно-морское училище близ Портсмута. Несколько лет ходил на военном корабле в качестве инженера-электрика. Затем ушел из армии и четыре года жил в Саудовской Аравии, Португалии, США, Нигерии, Греции, ФРГ, причем в Нигерии преподавал электронику в военно-морском училище. С 1985 года в Москве. Здесь познакомился с академиком (офицером КГБ) Юрием Козловым.

Позже именно Пирсон познакомил Козлова с Гиббинсом, и они совместно занялись проработкой идеи «кредитного трансферта», то есть обмена (продажи) рублей на доллары США. Козлов, в свою очередь, познакомил Гиббинса с директором Челябинского филиала производственно-экологической фирмы ЭХО Андреем Свиридовым, в будущем – партнером Гиббинса в сделке о 140 миллиардах.

В 1990 году Пирсон был задержан в одном из банков Великобритании при сдаче наличными солидной суммы долларов. После экспертизы выяснилось, что большая их часть – фальшивки, изготовленные в Афганистане, и, вероятнее всего, они были завезены в Лондон из Москвы. Никакой ответственности за попытку сбыть фальшивые доллары Пирсон по непонятным причинам не понес.

Перед выездом в аэропорт все собрались в офисе Гиббинса в гостинице «Волга», заказали такси и, пожелав Полу и его подруге счастливого пути, «замерли» в ожидании удачного завершения первого этапа операции.

Неприятности начались с прохождения таможенного контроля, когда Пирсона попросили вскрыть пакет, опечатанный Гиббинсом. Рядом с таможенниками стояли молодые люди, внешний вид которых не оставлял сомнений в принадлежности к известному ведомству. Остальные вещи Пирсона интереса не вызвали, составление протокола носило формальный характер, и бывший военный моряк, чей послужной список давал основания заподозрить его в активной работе на спецслужбы Великобритании, наверняка понял, что все их действия по проработке и заключению сделки с самого начала находились под контролем спецслужб СССР.

Звонок Пола в офис поверг компаньонов в состояние шока. Хотелось надеяться на лучшее, и потому партнеры Гиббинса по сделке – генеральный директор фирмы ЭХО Андрей Свиридов со товарищи – помчались в аэропорт, где их худшие опасения подтвердились. В тот же день изъятые у Пирсона материалы легли на стол председателя КГБ СССР Крючкова. Вечером в программе «Время» было передано сообщение Центра

общественных связей КГБ о задержании Пирсона.

С лета 1990 года с бригадой следователей я находился в Оше, расследуя уголовное дело о массовой резне, произошедшей вследствие очередного межнационального конфликта. Погибли свыше пятисот человек, среди которых много женщин и детей.

Ошская трагедия

Июнь 1990 года. В Ереван, где я находился в командировке, расследуя дело о некачественном строительстве, повлекшем тяжкие последствия при спитакском землетрясении, позвонил заместитель генерального прокурора СССР Владимир Иванович Кравцев:

– Немедленно вылетайте в Ош! Что там произошло, вы знаете из сообщений печати!

Знал я, откровенно говоря, мало, ибо кормили нас информацией дозированно. В Оше произошли массовые беспорядки и имелись человеческие жертвы. О количестве погибших не сообщалось.

В ошском аэропорту меня встретил начальник отдела оперативного реагирования Александр Фролов[2]. По занимаемой в то время должности я был его первым заместителем.

Штаб срочно создаваемой следственно-оперативной группы дислоцировался в здании прокуратуры области. В Ош во всеоружии, а проще – с лучшей криминалистической техникой, которой располагала в то время Прокуратура СССР, прибыл в полном составе отдел по внедрению в практику научно-технических средств во главе с его начальником Николаем Емельяновым[3].

Ежедневно прибывали следователи прокуратуры, МВД и КГБ.

Втроем мы и занялись организацией расследования дела, возбуждаемого по имевшему место факту массовых беспорядков, естественно сосредоточив усилия на раскрытии убийств.

По каналу Шахрихансай, к которому меня привезли в тот же день, плыли трупы. На левом берегу шумел восточный киргизский базар. На правом – узбекский. Ширина канала составляла не более десяти метров. Счет трупам шел на сотни.

7 июня на улицах районного центра Кара-Су группами собирались люди узбекской национальности, составлявшие основную часть населения города. Все обсуждали расстрел милицией соплеменников на поле колхоза имени Ленина и начавшуюся резню в других районах области. Страсти накалялись и достигли высшей точки, когда днем на центральную площадь привезли трупы двух зверски убитых пасечников. Толпа жаждала мести! Толпа жаждала смерти в лице коренных жителей региона – киргизов.

Братья Темировы и их друзья Адахамов, Юсупов и Эгамбердиев были активными участниками обсуждения происходившего. Разгоравшуюся злость подкрепляли изрядным

употреблением спиртного. Куролесили весь день и ночь. Под утро пришли к выводу, что от слов нужно переходить к делу – найти и убить кого-нибудь из киргизов. Вспомнили, что недалеко от центра живет народный судья Кара-Суйского района Абдинасирова. Ее и предложили в качестве объекта будущей расправы. При обсуждении плана нападения уточнили, что в квартире судьи проживают одни женщины – ее родственницы и, значит, никто серьезного сопротивления оказать не сможет. Вооружились металлическими прутьями, ножами, топором и около пяти часов утра поднялись на четвертый этаж хрущевки.

Абдинасирова и две ее племянницы, младшей из которых было всего двенадцать лет, сразу поняли, что их ожидает. Телефон работал, но дозвониться в милицию было сложно, хотя несколько раз это удалось сделать. На просьбы о помощи им отвечали неопределенно.

Между тем входная дверь трещала под ударами топора и наконец рухнула. Пытаясь прикрыть племянниц, Абдинасирова выбежала в коридор и попыталась заговорить с убийцами. Вырвавшийся от страха душераздирающий крик прервал удар топором по голове. После второго удара ножом в спину судья упала и все пятеро стали избивать ее ногами.

В дальней, закрытой на ключ комнате 20-летняя племянница Гульнара кричала в телефонную трубку: «Умоляю вас, приезжайте скорее – уже тетю убивают! Прошу вас, помогите нам!» Ее слушали не слыша, ибо стражей порядка охватил страх. Обстановкой в городе они не владели и, как осажденные в крепости – здании горотдела милиции, думали только о себе и ждали наступления утра.

Абдувахид Темиров ворвался в комнату через балкон. Гульнара успела спрятаться под стол, откуда ее вытащил за волосы Кабыл Темиров и тут же нанес удар ножом в спину. Абдувахид ударил топором по голове. Истекающую кровью молодую женщину раздели и стали насиловать по очереди, в том числе в извращенной форме. Затем добили и принялись за ребенка. Убивали девочку топором и прутом, но ей повезло… Уставшие насильники нанесли ей удары, которые не были смертельными.

Между делом обшарили квартиру, нашли и забрали золотые украшения, деньги, духи и бутылку коньяка «Кыргызстан». По пути домой, обсуждая содеянное, пришли к выводу, что малолетняя Динара осталась в живых, и решили вернуться, чтобы ее добить. Но уже наступило утро, и на место трагедии прибыл наряд милиции, который и задержал убийц, за исключением Эгамбердиева, сбежавшего в Узбекистан.

Это было одно из первых убийств, раскрытых в Оше. Темировы и компания первыми сели на скамью подсудимых. Как вы понимаете, тогда еще существовали Советский Союз и центральные органы власти, с которыми считались. Тем не менее уже тогда мы столкнулись с тем, что правоохранительные органы Андижанской области, где скрывался Эгамбердиев, сделали все возможное, чтобы не отдать его в руки правосудия. Рассказывать об этом нет смысла.

Уже тогда, пытаясь разобраться в причинах происшедшего, я стал понимать, как тесно людям разных национальностей живется на нашей земле-матушке.

Расстояние от центра киргизского города Ош до границы Андижанской области Узбекистана составляло не более десятка километров. На территории самого Оша компактно проживали сотни тысяч узбеков и киргизов. Условное социальное расслоение среди них от нас не скрывали и сообщили, что узбеки доминируют в торговле, общественном питании и на автотранспорте, то есть обладают значительными денежными средствами со всеми вытекающими отсюда последствиями. Киргизы занимают главенствующее положение во властных структурах, особенно в партийных и советских органах, а также в милиции. Разница в материальном положении между ними была заметной.

До начала ошской трагедии мы уже имели кровавые вспышки национализма в Сумгаите, Баку, Кировабаде, Алма-Ате и Фергане, но у власти в лице ЦК КПСС и генерального секретаря Горбачева не было ни желания, ни способностей увидеть глубину назревавших в том или ином регионе проблем и действенно влиять на их разрешение.

Так сложилось исторически, что на условной границе между Киргизией и Узбекистаном киргизы в основном селились в горах, занимались животноводством. Узбеки осели в низинах. Основной род их занятий – земледелие.

К середине 80-х политика властей свелась к искусственному подталкиванию людей, проживающих в горах, перемещаться на равнину и начинать новую жизнь на плодородных землях, которые считали фактически своей собственностью узбеки. Остро встал вопрос с жильем. На этой почве нарастала взаимная неприязнь. В 1989 году на территории области возникла самодеятельная неформальная группировка «Народно-демократический фронт Киргизии» (НДФК), объединявшая в своих рядах киргизов. В ответ появилось такое же объединение «Адолат», состоящее из узбекской части населения.

Несколько позже в Оше появилась еще одна неформальная

группа – «Ош-аймагы», которая поставила перед собой программную цель – обеспечить участками под индивидуальное строительство только лиц киргизской национальности, не обеспеченных жильем. Местом строительства чисто киргизского поселения лидер «Ош-аймагы» Бектемиров и его сторонники выбрали поля колхоза имени Ленина, труженики которого в основном узбеки.

27 мая 1990 года на несанкционированный митинг, состоявшийся на поле, прибыло все руководство города, где экстренно провело открытое заседание бюро горкома и приняло решение о выделении представителям «Ошаймагы» 30 гектаров поливных земель колхоза. Знали ли отцы города, к чему может привести такое решение? Ответ однозначен: да.

> «Первому секретарю Ошского обкома Компартии Киргизии тов. *Кульматову Р. С.*
>
> Председателю Ошского облисполкома тов. *Бекболатову Ж.*
>
> …Поступающая в УКГБ информация свидетельствует о том, что… вынашиваются намерения организовать в городе Оше акцию по насильственному захвату земельных участков лицами киргизской национальности, не имеющими квартир и проживающими в стесненных условиях…
>
> …Среди населения г. Оша все активнее муссируются слухи о предстоящем 27 мая с. г. физическом столкновении, которое якобы произойдет между лицами киргизской и узбекской национальности из-за насильственного захвата поливных земель, принадлежавших колхозу имени Ленина Кара-Суйского района…»

Эти докладные записки 6 и 20 апреля 1990 года подписал начальник УКГБ по Ошской области полковник Мамеев, прекрасно понимавший, к чему ведет неуклонно проводившаяся в жизнь политика властей. Всего таких докладных записок было девять.

Буквально через несколько дней докладные записки Мамеева были сняты с контроля, а проще говоря, проигнорированы. 27 мая на колхозном поле начались митинги. Люди стали делиться на своих и чужих.

Страсти накалялись, и власти приняли решение: пусть даже путем применения насилия навести порядок. В Ош стянули дополнительные силы милиции из различных регионов республики. «Командовать парадом» прибыл министр внутренних

дел Киргизии В. В. Гончаров. Он принял решение не допускать на поле митингующих, но вскоре его отменил, так как с людьми и именно на месте конфликта решили встретиться руководители республики и области.

Утром 4 июня на поле стали стекаться толпы людей, вооружаясь по пути камнями и палками. Границу возможного столкновения перекрыли вооруженные автоматическим оружием работники милиции. В 22 часа стали поступать первые сведения о бесчинствах толпы. Весь личный состав областной милиции вооружили, были приняты меры к обороне зданий ГУВД и УВД.

5 июня утром объявили указ Президиума Верховного Совета Киргизской ССР о введении в Оше и области чрезвычайного положения. В тот же день при соприкосновении с толпой работники милиции первыми открыли огонь на поражение. Поле колхоза имени Ленина обагрилось кровью.

Еще можно было обуздать страсти, предотвратить гибель десятков людей, но для этого нужно было сказать правду тем, от кого зависело принятие правильного политического решения и привлечение необходимых сил и средств для локализации очагов конфликта. Властные структуры, наоборот, провоцировали конфликт.

Мягко говоря, непонятные действия работников милиции вызывали у нас, следователей, недоумение, особенно когда мне рассказали, как с вертолетов по митингующим вели снайперский огонь. Эти и другие данные продиктовали необходимость создания специальной следственной группы, в задачу которой входило расследование эпизодов превышения власти людьми в форме.

Группы следователей, работавшие по различным направлениям, рассредоточились по всему городу.

Местом моей дислокации было здание прокуратуры города. С первых дней мне представили одного из руководителей следствия в области, русского парня. Произвел он очень благоприятное впечатление, и я с удовольствием работал с ним, пока не выяснилось, что он не просто любит выпить, а пить не умеет, превращаясь в состоянии сильного алкогольного опьянения в агрессора или клоуна. Вскоре я смог убедиться в этом. В кабинет зашел один из следователей бригады и взволнованным голосом сообщил, что мне нужно спуститься на первый этаж и посмотреть, что происходит в одном из кабинетов с нашим коллегой. Сцена была безобразной. На стульях полукругом сидели, прихлопывая в ладоши, работники милиции и прокуратуры, киргизы. В центре, едва удерживаясь на ногах, отплясывал барыню руководитель следствия в области. За него было стыдно, за издевательство

местных пинкертонов обидно.

Обстановка в городе продолжала оставаться крайне напряженной, поэтому все ходили с личным оружием, здание, где мы работали, охранялось. Охрана состояла из киргизской милиции. Примерно через месяц ко мне зашел местный русский следователь, свободно владеющий киргизским языком, и рассказал, что совершенно случайно подслушал разговор «охранников». Они с подачи своих начальников были крайне обеспокоены тем, что мы активно ведем следствие в отношении работников милиции, и обоснованно опасались, что вскоре могут начаться их аресты, всерьез обсуждали, как воспрепятствовать этому. Решили, что самое лучшее – перебить нас и сжечь здание прокуратуры со всеми материалами уголовных дел.

В Оше в это время находился председатель КГБ республики, к которому я поехал и поставил в известность об опасности, которая может угрожать мне и подчиненным. Реакции никакой. Со снисходительной восточной улыбкой он сказал: «Зачем так сгущать краски?» Надо отдать должное – кое-какие «меры» принял. Охрану из здания прокуратуры сняли вообще. Пришлось поехать на склад вещественных доказательств и забрать все изъятое по делу оружие (автоматы, пистолеты, боеприпасы). До зубов вооружиться самому и так же вооружить следователей, организовать боевые дежурства.

Через несколько дней после этого я уехал на совещание в прокуратуру области, а когда вернулся, то увидел мирно посапывающего на лавочке с подложенными под голову кроссовками человека. Что-то знакомое было в его фигуре, и я растолкал спящего. Удивление мое было безмерно. Передо мной сидел во всей красе собственный корреспондент «Литературной газеты» Юрий Рост. Мы расцеловались, и Юра с удивлением заговорил, что ничего не может понять. По городу бродят группками обозленные люди. На улицах – БМП, десантники, а у штаба следственной группы такая идиллия. У меня в кабинете работает на компьютере специалист-программист, к которому он прошел беспрепятственно и получил информацию о том, где в данный момент нахожусь я. На улице мирно пощипывают травку бараны.

Через пару часов общения Юра пребывал в полной растерянности, когда перед ним положили пачку фотографий – загруженных в кузовы машин убитых детей, его глаза повлажнели, и он долго не мог прийти в себя.

5 августа в «Литературной газете» под рубрикой «Горячая полоса» был опубликован очерк Юрия Роста «Колокол по тем, кто пока еще жив». Зловещее предзнаменование.

«…В Ошской области у меня нет ни родных, ни знакомых, – писал Рост. – Правильно, читатель. Не тебя травили газами, не твой дом жгли, и не твою пятилетнюю дочь насиловали, и сжигали заживо не тебя. Так что не по тебе звонит колокол. Пока!

…Самих следователей никто не охраняет, хотя угроз достаточно. В районах и областном центре, несмотря на обещание о помощи, – тихий саботаж. На милицию вообще особенно рассчитывать нельзя, на партийное руководство – тоже… События в Ошской области, мощностью в десятки сумгаитов, а жестокостью превосходящие все, что нам известно даже по литературе, пришлись на время съезда партии, но там не нашлось времени, чтобы обсудить эту человеческую катастрофу. Да, события в Ошской области не знают аналога. А понятно ли вам, что стоит за этой формулировкой? Объясняю: это люди, которым перерезали горло и выпускали кровь (как это делают, когда режут овец), а затем бросали на дороге на поругание или скидывали в воду, это – убитые, а потом сожженные дотла, это – отрезанные носы, уши, выколотые глаза, это – обугленная человеческая голова на шесте, это – зверски изнасилованные десятки женщин, убитые потом, это – изнасилованные и убитые девочки. Убитые дети, много детей – от тех, кто еще в утробе, от новорожденных до подростков… И убитые старики…

За людьми охотились организованно. Задействовали грузовые машины, автобусы. Подогретые спиртным и наркотиками молодчики повязывали на головы красные повязки и убивали – убивали беззащитных местных жителей, особенно в районном центре Узгене. Из окон домов люди с ужасом наблюдали, как работники милиции в форме, на помощь которых они так рассчитывали, сами занимались организацией погромов и направляли по конкретным адресам распоясавшихся боевиков…

…В один из первых трагических дней в селе Мырза-Ака убили двадцать семь человек. Могли убить на пятнадцать больше. Их спасла отважная семидесятилетняя женщина Анна Ивановна Букреева, спрятав их в своем доме… Когда погромщики, которые показались ей на одно лицо, ворвались во двор, она вышла к ним.

– У тебя узбеки есть?

– Нет.

– Ну-ка уходи со двора. Мы сами разберемся.

– Я со своего двора никуда не пойду.

Тогда они стали избивать брата соседкиного мужа и заставили его звать на помощь, чтобы кто-нибудь из родных отозвался, обозначив себя.

– Много их было, Анна Ивановна?

– Ой, много, обкуренные все. А потом, когда они ушли, так

подростки по улице ходили тоже с красными повязками на головах и с ножами.

– А того, который кричал, убили?

– Убили на месте, и отца, и сыновей, которые не успели ко мне, тоже убили. Этих, правда, уже в больнице. Их вроде «скорые» подобрали и увезли в больницу… Может, знаете, тут дядя Яша парализованный (мы его так звали), того тоже убили. В одну комнату свезли. Подождите, говорят, врачи куда-то по делам вышли, а тут двери сорвали. Врачи приходят, а узбеки – убиты. Ой, те все были сговоренные…»

В один прекрасный день к нам с Емельяновым привезли одного из подозреваемых. Маленького роста, щуплый. Всю жизнь был пастухом. Смотрит затравленно. В глазах – испуг. Посмотришь – жалко становится. А когда выясняется, что 6 июня он лично поймал в горах пасечника, заарканил его и, сидя на лошади, несколько часов таскал за собой, задаешь вопрос – откуда в нем это? Несчастного пленника он добил выстрелом из охотничьего ружья в упор.

С первых дней пребывания в Оше каждое утро нас поджидал у здания прокуратуры невысокого роста лет пятидесяти узбек. Горе его было безмерно. В одном из ущелий на Папане стояла принадлежавшая его семье пасека. За ней приглядывали двое сыновей и племянник. 8 июня они исчезли. Он умолял нас, падал на колени, предлагал любые деньги, помощь сородичей, лишь бы помогли найти детей, даже мертвых.

Их убийство мы раскрыли через несколько месяцев. У подножия священной киргизской горы Тасмо разбирали руками камни, извлекая из-под них практически разложившиеся останки ребятишек. Такие же, как и они, подростки на лошадях захватили их прямо на пасеке. Убегать было некуда – дорога из ущелья одна, и она была перекрыта убийцами. Веревками их заарканили и впереди себя под ударами батогов стали гнать на гору. Подъем занял несколько часов. Сжималось сердце, когда представлял я все страдания, которые перенесли несчастные. С вершины священной горы их сбросили в обрыв. Позже тела забросали камнями.

Рост был первым журналистом, который дал правильную и честную оценку произошедшим событиям. Нам говорить правду запрещали, объясняя это тем, что таковая может еще более послужить разжиганию межнациональной розни. Старая песня. Правда всегда одна. Она может нравиться или не нравиться представителям той или иной национальности, но всегда одна. И то, что в Оше 80 процентов убитых были узбеки, – правда.

Я никогда не забуду, как ко мне в прокуратуру приехала

представительная делегация узбеков – аксакалов. Они просили, чтобы я встретился с людьми. Согласился. Приехали в махаллю (место компактного проживания узбеков). Собралась многотысячная толпа. Выступали по очереди, и речи сводились к одному: ты наш старший брат, мы много о тебе знаем, мы верим Москве и не хотим кровной мести. Мы просим тебя, чтобы было честное расследование и виновные были наказаны по закону. Что нужно для этого, скажи. Будем кормить ваших следователей, дадим им кров. Проси что хочешь, только пусть все будет по справедливости.

Мы сделали все возможное, чтобы хотя бы частично оправдать чаяния этих людей. Сегодня есть два самостоятельных государства – Узбекистан и Киргизия. Как живут те, с кем свела меня судьба в 1990 году в Оше, право, не знаю.

На следующий день после выхода «Литературной газеты» с очерком Юрия Роста мне позвонили. Приятным, но властным голосом спросили:

– Вы Калиниченко?

Получив утвердительный ответ, собеседник представился:

– Командир полка Ферганской десантной дивизии полковник Солуянов.

О командире-«афганце», Герое Советского Союза Александре Солуянове я, конечно, слышал и читал. Знал, что он со своим полком был переброшен в Ош и спасал людей в Узгене и в самом областном центре.

– Скажите, все, что написал Рост, правда? – спросил Солуянов.

– Да! – ответил я. – Я хотел бы познакомиться с вами лично.

– Не возражаю. В 18:00 я пришлю за вами машину и предлагаю вечером баньку на территории ошской военной бригады.

Мы встретились.

Я всегда полагал, что умею пить. В тот вечер в компании старших офицеров Ферганской десантной дивизии я понял, что тягаться с ними в питии бессмысленно. Утром я, как всегда, пришел на работу.

В фойе городской прокуратуры на столе стоял крупнокалиберный пулемет. Старший сержант, рослый парень в камуфляже, отдал мне честь и доложил:

– По приказу полковника Солуянова заступили на круглосуточное дежурство для обеспечения охраны вас и ваших следователей.

Право, жаль, что сегодня Герой Советского Союза генерал-майор Солуянов не у дел. Российской армией руководят другие

люди, а в Таджикистане при миротворческой миссии российской армии таджики убивают таджиков.

Интересно, что думает об этом «величайший миротворец» всех времен лауреат Нобелевской премии Михаил Сергеевич Горбачев? Там, в Оше, его прихлебатели, ссылаясь на всесильного генсека, приказным тоном советовали нам не сгущать краски.

Дело о 140 миллиардах (продолжение)

В Оше застало меня сообщение о смерти отца. После похорон, через сорок один день, скончался брат. Конец 1990-го и начало 1991 года оказались крайне тяжелыми в личном плане – потеря родных людей невосполнима. Не принес удовлетворения и отпуск, который мне дали, несмотря на сложную ситуацию, связанную с расследованием ошской трагедии. Месяц пролетел быстро, но отъезд в Киргизию прервал вызов к начальнику следственной части Прокуратуры СССР Сбоеву.

Скандал к тому времени разгорался, о чем я знал из газет и информационных телевизионных программ. Ситуация, связанная со сделкой о 140 миллиардах, обсуждалась на Верховном Совете РСФСР, ибо ее благословил не кто иной, как заместитель премьера России Геннадий Фильшин. Просьба председателя Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина к депутатам «простить на первый раз Геннадия Иннокентьевича» осталась без ответа, и было принято решение о создании парламентской комиссии, куда в большинстве своем вошли депутаты-коммунисты.

Возглавил их небезызвестный Илья Константинов. «Левым крылом» комиссии командовал Александр Починок, все эти годы так и не покидавший высший законодательный орган России и наконец получивший в награду пост руководителя налоговой службы России.

Сбоев сообщил, что по решению генерального прокурора СССР Трубина по факту заключения противозаконной сделки принято решение о возбуждении уголовного дела. Расследование поручено мне.

Переданная начальником следственной части небольшая папка начиналась с сопроводительного письма в адрес Прокуратуры СССР, подписанного лично председателем КГБ СССР Крючковым. Помимо контрактов и переписки, изъятых у Пирсона, в папке имелись заключения по существу сделки специалистов Госбанков СССР и РСФСР, а также постановление о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного статьей 170 УК РСФСР (злоупотребление служебным положением), подписанное первым заместителем генерального прокурора СССР Васильевым.

«В ПРОКУРАТУРЕ СОЮЗА ССР

Как уже сообщалось, 20 января этого года в аэропорту

Шереметьево-2 в ходе таможенного досмотра задержан подданный Великобритании Пол Пирсон.

Учитывая, что указанный контракт заключен в нарушение действующего законодательства, 29 января 1991 года Прокуратурой Союза ССР по данному факту возбуждено уголовное дело по признакам ст. 170 УК РСФСР, предусматривающей ответственность за злоупотребление властью и служебным положением. Расследование по делу будет производиться Прокуратурой Союза ССР и Комитетом государственной безопасности»[4].

Это были первые неправедные попытки внести в расследование элементы политической конъюнктурщины, ибо злоупотреблять служебным положением может только конкретное должностное лицо или лица. Сам факт злоупотребления не может быть абстрактным, относящимся к не названным в постановлении о возбуждении уголовного дела подозреваемым.

Разразившийся в Москве скандал сразу привлек пристальное внимание западных средств массовой информации, начавших собственные расследования.

«Теперь о том же, но только с английской стороны сделки. Свое журналистское расследование провел наш английский коллега Фрэнк Уильямс…

…Что такое «Дов трейдинг интернэшнл»? Такая компания не существует в официальном реестре трудовых компаний, в котором по британскому закону каждая компания должна состоять…»[5]

Для следствия подобные сообщения откровением не были. Фирмы «Дов трейдинг интернэшнл» в Лондоне действительно не существовало, а указанный в контрактах ее юридический адрес был частной квартирой.

А вот что нас повергло в изумление, так это поступившее факсом сообщение Интерпола о международном розыске Колина Гиббинса за преступления, совершенные на территории Великобритании.

> «Отправитель: НЦБ Интерпола в Лондоне. Исх. 031027 от 31.01.91 г. Получатель: ИНЦБ Интерпола в Москве Генеральный секретариат Интерпола (для сведения)…Сообщаем, что Гиббинс Колин Клайв находится в национальном розыске в нашей стране за таможенные правонарушения на суммы, превышающие триста восемьдесят тысяч фунтов стерлингов… Вопрос о

выдаче указанного лица передан на рассмотрение соответствующих судебных властей. Что касается других лиц – Пирсон Пол Грэхем и Фрай Дэвид Чарлвуд (партнеры Гиббинса по сделке), они оба известны таможенным властям как сообщники Гиббинса. Указанная южноафриканская компания «Дов трейдинг интернэшнл» также известна как фасад для трех вышеуказанных лиц. Примите уверения в нашем сотрудничестве по этому делу и всем другим вопросам. Мы были бы признательны за направление нам фотографий и отпечатков пальцев указанных лиц для их точной идентификации. *Только для полицейского и судебного использования.* Наилучшие пожелания.

Интерпол. Лондон».

К этому времени среди депутатского корпуса стали распространяться слухи о том, что Гиббинс является агентом КГБ и долгие годы сотрудничал с этим ведомством.

Из оперативных источников. Колин Гиббинс родился 14 ноября 1942 года в городе Рагби графства Уорконшир. Работал в одной из фирм по производству компьютеров и по ее заданию в 1975 году выехал в ЮАР. После возвращения в 1978 году устроился в Бирмингемскую электрическую компанию на должность телевизионного инженера. Через некоторое время он – служащий фирмы «Конор лейзерс» в Девентри. Специализация – ремонт лазерных установок. В 1984 году выехал в СССР, где занимался установкой нелегально вывезенного из Англии лазера. Здесь он познакомился с журналисткой Ларисой Д. (впоследствии ее назовут агентом КГБ, специально приставленным к Гиббинсу). Именно Лариса свела Колина с президентом швейцарской фирмы «Иматэкс» Крисом Флери.

Из досье английской полиции: «Флери – известный в Европе контрабандист, специализирующийся на поставках тонких технологий в СССР. В случае пребывания на территории Великобритании Флери ждет немедленный арест; им активно интересуются спецслужбы США и Швейцарии».

И в тот период, и впоследствии любые мои попытки докопаться до сути взаимоотношений Гиббинса с советской стороной наталкивались на упорное молчаливое сопротивление заинтересованных лиц, и, право, я чувствовал себя крайне неловко, когда летом 1991 года в Лондоне следователь таможенно-акцизной полиции Великобритании Кристофер Константин, занимавшийся расследованием дела Гиббинса,

показывал документы, которые у нас относились к строго охраняемой государственной тайне и из которых явствовало, что на протяжении многих лет советская сторона щедро оплачивала через швейцарские банки деликатные услуги английского бизнесмена. Я прочитал письмо, написанное Флери 1 декабря 1985 года, из которого было видно, что он и Колин заключили соглашение о секретном сотрудничестве. По условиям соглашения первый брал на себя обязательства в подыскании и консультировании клиентуры по контрабандным поставкам ноу-хау, второй предоставлял в распоряжение партнера свои технические знания.

Именно Флери познакомил Гиббинса с неким Брайаном Трехерном, и они совместно учредили фирму «Юниверсал лейзерс сервис». Задача фирмы – поставка в СССР через третьи страны (в частности, Кипр и Швейцарию) точных технологий, запрещенных к ввозу в нашу страну.

Работа продвигалась настолько успешно, что буквально через год Гиббинс купил в Англии виллу стоимостью 170 тысяч фунтов стерлингов. Неприятности для него начались после того, как в мае 1989 года сотрудники британской таможни задержали в бирмингемском аэропорту его и Трехерна при попытке вывоза двух скоростных видеокамер «Имакон-790».

Ситуация пиковая – их экспорт запрещен не только в СССР, но и во все страны, где идет работа по созданию ядерного оружия. Видеокамеры этого типа используются при испытании ракет, съемках процессов во время ядерной реакции, прохождения снаряда через броню и т. д. Технические возможности позволяют снимать до 500 миллионов кадров в секунду.

Судья Ричард Уэйкерли, рассматривавший дело Гиббинса и Трехерна, охарактеризовал попытку продажи видеокамер в СССР как «серьезный вопрос, касающийся коллективной безопасности западных стран».

Признаться, я краснел и тогда, когда английские следователи называли мне имена офицеров спецслужб СССР, которые через подставные фирмы проделывали эти внешнеторговые операции. Показывали и другие документы, связанные с деятельностью Гиббинса в СССР. От англичан я узнал, что только за три года жизни в нашей стране он 18 раз посетил города, называемые «закрытыми зонами». Именно после этого я стал догадываться, что Гиббинс никогда не был агентом КГБ (как утверждала демократическая пресса), а если и работал в интересах СССР, то совсем на другое ведомство.

После задержания в Бирмингеме Гиббинса кратко допросили и… арест заменили выпуском под залог. Естественно, в суд он

больше не явился и скрылся в ЮАР. (Правда, это не мешало ему регулярно посещать Советский Союз, занимаясь бизнесом в каких угодно сферах.)

До сделки в 140 миллиардов Гиббинс был еще далек. Кстати, в ходе следствия разыскать и допросить Криса Флери не удалось. Он исчез. Так же как и названные нам английской стороной офицеры ГРУ, опекавшие Гиббинса и Флери в СССР.

«29.08.91 г.

Уважаемый г-н Калиниченко!

(по Колину Клайву Гиббинсу)

Еще раз спасибо за оказанную Вами помощь в марте 1991 г. (англичане приезжали в Москву за Гиббинсом). Надеюсь, что наше следственное отделение и отдел по борьбе с мошенничеством лондонской полиции во время Вашего визита в Лондон оказали существенную помощь в Вашем расследовании этой многомиллионной аферы.

Если понадобится какая-то иная дополнительная помощь, не задумываясь, обращайтесь к нам (телекс 23424 GEIDLIN G, или по факсу 071–353 3706, или через Интерпол).

Что касается Вашего дальнейшего расследования по делу Колина Гиббинса в Советском Союзе, я был бы очень благодарен, если бы Вы сообщили нам что-либо касающееся предмета нашего расследования и в отношении К. Гиббинса в Соединенном Королевстве. Это относится к экспорту трех высококачественных систем-камер, которые поставлены во внешнеторговое объединение «Техноинторг», детали их таковы:

«Имакон-790» – поставлено «Хэдленд фотоникс лтд., ОК» в «Паар сайентифик лтд.» (Брайан Трехерн) в декабре 1987 года. Доставлены товары «Паар» для Гиббинса в Советский Союз через Кипр. В Москву из Ларнаки – рейсом СУ-522 18 декабря 1987 года, авиаквитанция 555-0945 2052.

«Кодак SP2000 моушн анализис систем» – поставлено «Кодак ОК» в «Паар сайентифик лтд.» в феврале 1989 года. Товары поставлены Гиббинсом прямо из Бирмингема в Москву – английская авиаквитанция № 125-2598 6262 от 11 марта 1989 года и финская авиаквитанция № 105-3341 7930 от 10 марта 1989 года.

«Имакон-790» – также поставлено «Хэдленд

фотонике ОК» в «Паар сайентифик лтд.» в мае 1989 года. Товар конфискован в бирмингемском аэропорту, а Колин Гиббинс и Брайан Трехерн арестованы.

Как Вы уже поняли, Колин Гиббинс в течение нескольких лет нарушал действующие в Соединенном Королевстве правила. Но наше расследование сконцентрировало свое внимание на трех наиболее важных эпизодах, 30 которые названы выше.

Был бы очень благодарен, если бы Вам удалось выяснить относительно систем (1 и 2) – куда они ушли, куда (3) предназначалась и для каких целей. Если Вам удастся найти какое-нибудь документальное свидетельство, полезное нашему расследованию, или еще что-либо относящееся к делу, мы были бы очень благодарны, если бы Вы разрешили нам сделать копии. Эти копии, если Вы их дадите, будут нами использованы только с целью расследования и не будут приложены к официальным документам без Вашего согласия.

Если Вам удастся помочь в этом вопросе, будем очень благодарны.

Желаем успеха в Вашем нынешнем расследовании и надеемся, что Вы остались довольны визитом в Соединенное Королевство. Надеемся на тесное сотрудничество наших служб в будущем.

С искренним уважением, К. А. Константин».

Это письмо направил на мое имя следователь таможенной полиции Великобритании Кристофер Константин, долгие годы занимавшийся делом Гиббинса и искренне стремившийся к тому, чтобы последний оказался на скамье подсудимых. Естественно, я не мог помочь ему в получении нужных материалов, потому что не имел к ним никакого доступа. Наши полномочия в своих странах были абсолютно разными.

Дело о 140 миллиардах было последним в моей более чем 20-летней работе на следствии. Я уволился со службы в Прокуратуре СССР в январе 1992 года, когда было принято решение о ее ликвидации и прокурор РСФСР Степанков по своему усмотрению выбирал, кого из бывших работников центрального аппарата союзной прокуратуры он возьмет на работу, естественно со значительным понижением в должности. Определяющим критерием было отношение к новой демократической власти и заслуги в содействии свержению «тоталитарного режима».

– Вы не должны уходить с работы, которая была вашим

призванием и которой отданы лучшие годы жизни, – сказал мне заместитель генерального прокурора СССР Владимир Иванович Кравцев в январе 1992 года. – Соглашайтесь на любую должность.

– Владимир Иванович! – сказал я ему на прощание. – Придет время, и вам, как честному и глубоко порядочному человеку, придется принимать неправедные решения, вытекающие из политической конъюнктурщины в борьбе за власть и большие, очень большие деньги. Перебороть себя вы не сумеете, и расплата последует незамедлительно.

Последний раз с адвокатом Кравцевым мы встретились и вспомнили о прошлом весной 1995 года.

В конце 1991 года не стало Советского Союза – страны, в которой я родился и вырос, получил специальное образование и которой служил честно и бескорыстно в течение семи тысяч шестидесяти дней.

Из прошлого

Мы дети своего времени. На мою долю выпало видеть могущество и разрушение великого государства, сопровождающееся сменой шести генеральных секретарей ЦК КПСС, крушением коммунистической системы, жесточайшими межнациональными конфликтами, трагической гибелью десятков тысяч сограждан. Конца этому не видно.

Воспоминания детства эпизодичны. Комната в коммунальной квартире, где на все праздники собирается многочисленная родня. 1 мая и 7 ноября отец берет меня на парад. Музыка, флаги, приподнятое настроение окружающих. Жили небогато, но вообще-то нормально.

Проснувшись однажды утром, вижу плачущую маму и хмуро вышагивающего из угла в угол отца.

– Почему ты плачешь? – спрашиваю маму.

– Сынок, умер Сталин, – ответили мне.

То, что Сталин у нас самый главный, я, несмотря на пятилетний возраст, знаю хорошо. Внушили. На меня надели черного цвета костюмчик и отвели, как всегда, в детский сад. Там между нами, мало что понимающими детьми, ходили заплаканные воспитательницы и нашивали на левую сторону груди черно-красные треугольнички.

Умер вождь. Мне говорят, что все мы когда-нибудь умрем, как дядя Вася – муж маминой сестры. Отчетливо помню гроб с покойником и батюшку, отпевающего отошедшего в мир иной. Печальная и вместе с тем какая-то величаво грустная церемония. «Наверное, так будут хоронить Сталина», – думалось мне.

Нет. В полдень тишину города взорвали вой заводских сирен, пронзительные гудки паровозов и клаксонов автомобилей. Жутко все это было слышать.

«Дорогие товарищи и друзья! Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет министров СССР, Президиум Верховного Совета СССР с чувством великой скорби извещают партию и всех трудящихся, что 5 марта в 9 часов 50 минут вечера после тяжелой болезни скончался председатель Совета министров Союза ССР и секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин.

Перестало биться сердце соратника и гениального продолжателя дела Ленина, мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и советского народа…

Бессмертное имя Сталина всегда будет жить в сердцах

советского народа и всего прогрессивного человечества…»[6]

Те дни запомнились великой скорбью огромной страны. В большинстве своем люди горевали искренне. Через годы я узнал, что в день похорон вождя, как и при коронации последнего русского императора, в Москве погибли сотни москвичей. Они пришли проводить в последний путь своего кумира, но умирали и были покалечены в жуткой давке на центральных площадях и улицах столицы. И еще запомнилось, как взрослые спрашивали друг друга: «Что теперь с нами будет?» Нам же, детворе, внушали: «Сталин жил! Сталин жив! Сталин будет жить! Ничто не сотрет его имя в памяти народа!»

Для генералиссимуса последним пристанищем стал Мавзолей на Красной площади, где в установленные дни советские люди и иностранцы могли лицезреть забальзамированный труп властолюбивого и жестокого человека. Сегодня мало кто помнит, что после смерти Сталина было принято иное решение о месте его захоронения.

«В целях увековечения памяти великих вождей Владимира Ильича Ленина и Иосифа Виссарионовича Сталина, а также выдающихся деятелей, захороненных на Красной площади у Кремлевской стены, соорудить в Москве монументальное здание – Пантеон – памятник вечной славы великих людей Советской страны. По окончании сооружения Пантеона перенести в него саркофаг с телами В. И. Ленина и И. В. Сталина, а также останки выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства, захороненных у Кремлевской стены»[7].

Так что идея очистки Красной площади от захоронений отнюдь не нова и не принадлежит российским демократам. То ли денег не нашли, то ли по другой причине, но постановление № 66 осталось невыполненным. Пантеон так и не соорудили. Похороны на кладбище в центре Москвы продолжались долгие годы, разумеется только в отношении людей избранных и абсолютно лояльных к власти на день смерти. Таким, как Хрущев, Микоян, Косыгин, и многим другим не повезло. Им нашли другие места вечного упокоения.

Тогда же, в 53-м, поклявшись в верности делу Ленина и Сталина, их преданные соратники и друзья тут же поделили власть между собой.

Прошло совсем немного времени, и из разговоров взрослых я узнал о том, что арестовали, а затем расстреляли ближайшего соратника Сталина Берию. Почему-то запомнилось: Берия – английский шпион. Как же так, думал я, такой большой человек – и шпион? Как выясняется сегодня, руки Берии действительно по локоть в крови, но он содержал и контролировал личную

разветвленную сеть агентов влияния и просто агентов, занимавших высокое положение не только в фашистской Германии, но и в Западной Европе и США, был организатором и руководителем советского ядерного проекта и сумел фактически с минимальными затратами, за счет похищения атомных секретов утереть нос американцам. За выдачу этих секретов на электрическом стуле казнили русских шпионов – супругов Розенберг.

«В ослепительной вспышке советского атомного взрыва с небывалой доселе яркостью высветилась горделивая стать нашей науки… достижения нашей индустрии… Была выдвинута лживая версия о похищении атомных секретов. Эту версию пытались вписать в историю не только ядовитыми чернилами продажных журналистов, но и кровью мучеников… Невинные тени супругов Розенберг еще чудятся в электрическом кресле тюрьмы Синг-Синг. Рано или поздно невинные жертвы атомной истерии будут реабилитированы, но никто и никогда не оправдает тех, кто разжигал, раздувал и поддерживал преступную ложь о хищении «тайн атома»[8].

Уже первоклашкой я был безмерно горд за свою страну, которая, победив в Великой Отечественной войне, успешно и быстрыми темпами восстанавливала разрушенное хозяйство, создала собственную атомную бомбу, не позволив тем самым империалистам развязать против нас третью мировую войну. Жалко было несчастных супругов Розенберг, которых американцы безжалостно казнили. Разве мог я не верить руководителям нашей партии и государства?

Оказывается, верить не следовало. Все было наглой и беспардонной ложью. Лицемерие вообще присуще всем, кто нами руководил. И сегодня никто не знает, кем было принято решение о разгоне митинга в Тбилиси, кровавых событиях в Вильнюсе и Чечне. Правду можно будет узнать через десятки лет, когда творцы великой лжи отойдут в мир иной.

«Несомненная заслуга в быстром создании в СССР ядерного оружия принадлежит и американским ученым, супружеской паре – Джулиусу и Этель Розенберг, которые оказали в этом своевременную и бескорыстную помощь советским ученым и тем спасли цивилизацию от ядерной катастрофы… Хотелось бы, чтобы наше руководство увековечило их память и назвало их именами одну из улиц или площадей Москвы»[9].

Но что там Розенберги, Берия и другие! Перепуганные родители шепотом обсуждают самую шокирующую новость середины 50-х – разоблачение культа личности Сталина. Оказывается, он повинен в гибели десятков миллионов советских

людей. Эти разоблачения сделал самый верный его соратник – Хрущев. А как же понимать фотографии в газетах, которые рассматривает отец? Вот Хрущев восторженно аплодирует вождю на съезде, вот подобострастно заглядывает ему в глаза на прогулке, вот со скорбным лицом несет его гроб. Осмелевшая бабушка рассказывает, как в 37-м бесследно исчезали соседи, за которыми ночью приезжали из НКВД. Значит, это правда?

«Ленинское ядро Центрального комитета сразу же после смерти Сталина стало на путь решительной борьбы с культом личности, его тяжелыми последствиями. Наши враги утверждают, будто культ личности Сталина порожден не определенными историческими условиями, которые уже ушли в прошлое, а самой советской системой, с их точки зрения недемократичной… Подобные клеветнические утверждения опровергаются всей историей развития Советского государства» (из постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 года «О преодолении культа личности и его последствий»).

В шоке находились не только мы, а, пожалуй, и весь мир. Тем более что секретный доклад Хрущева был неизвестен советским людям, но нелегально доставлен на Запад и там опубликован. Сам разоблачитель культа находился в довольно щекотливом положении. Ведь он, как первый секретарь ЦК КП Украины, а затем и московской партийной организации, по должности был членом пресловутых «троек» и подписывал тысячи смертных приговоров, в большинстве своем ни в чем не повинным людям. Но сегодня он у власти, а значит, неприкасаем.

Не успели отойти от очередного потрясения, как грянуло новое. С 22 по 29 июня 1957 года страна застыла в тревожном ожидании. В Кремле явно что-то происходило. Ясность внес пленум ЦК, состоявшийся 4 июля.

«Верный ленинец и сотоварищи» развенчали антипартийную группу в лице таких же «верных ленинцев» Маленкова, Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова. Оказывается, они фракционными методами добивались смены руководящих органов партии и, очищая себя от скверны КПСС, пошли на обновление руководящего ядра. Отступников изгнали с занимаемых постов, Президиум ЦК обновили. В его списке появились будущие «застойщики» Брежнев, Суслов и конечно же Хрущев.

Советские люди дружно аплодировали победителю: «… Оценивая все происходящие события, вспоминаешь и о том, как правильно поступила партия, что вовремя выперла из правительства смутьянов и интриганов Кагановича, Молотова, Маленкова. Как теперь без них спокойно…»[10]

Как видно из даты письма, оно являлось одобрением курса, выбранного партией, даже через два года после разгрома антипартийной группировки и, конечно, не было случайным, ибо нуждавшийся в международном признании глава СССР впервые в истории первого в мире государства рабочих и крестьян засобирался с визитом в Америку.

До этого Хрущев решился на беспрецедентный шаг – проведение в Москве Первого Международного фестиваля молодежи и студентов. Мы поворачивались к миру цивилизованным лицом или, скорее, делали вид, что поворачиваемся.

Естественно, многое зависело от того, насколько удачным будет визит советского лидера в США, особенно в сознании народа. Пропагандистская кампания развернулась на полную мощь по принципу: хотели как лучше, а получилось как всегда.

Из очередного напутствия вождю:

«…наш Никитушка не подкачает! Не подумайте, что, называя Вас Никитой, Никитушкой, Никитой кукурузным, мы проявляем тем самым какое-то панибратство, какое-то неуважение к Вам. Нет! Это любовь, большая, настоящая, такая именно, какую проявляли все русские люди к своим богатырям.

Искренне любящий Вас советский человек, который готов для Родины, для партии отдать все, что ему дала советская власть, и даже то, что получил от своей матери».

Такие и подобные им подхалимские письма хлынули в Москву накануне визита в массовом порядке, тиражировались на всю страну, издавались за рубежом. Вышеприведенное я лично прочитал на странице 552 книги под редакцией зятя Хрущева Аджубея «Лицом к лицу с Америкой». Это сегодня мы смело и дружно критикуем прошлое. Тогда же не менее дружно и радостно рукоплескали откровенным глупостям, допускаемым главой государства и его ближайшим окружением.

Впрочем, не стоит представлять Хрущева только глупцом. Чего-чего, а политического цинизма у этого человека было предостаточно. Взять все тот же первый визит в Америку. Неожиданно для всех Никита Сергеевич согласился на беспосадочный перелет в Штаты на новом лайнере Ту-114, который так никогда и не пошел в пассажирскую серию.

В США не нашлось гражданского аэродрома, способного принять эту махину, и суперлайнер посадили на одной из военных баз. Эка невидаль, скажет читатель – и будет не прав, ибо американцам наглядно продемонстрировали, что у русских есть самолет, способный без посадок донести до их

благословенной земли не только атомную, но и водородную бомбы, которые к тому времени создал будущий миротворец Андрей Дмитриевич Сахаров.

Правда, демонстрируя в такой завуалированной форме свою силу, Хрущев в официальных речах на приемах говорил только о мире во всем мире: «Суть наших предложений состоит в том, чтобы в течение четырех лет все государства осуществили полное разоружение и не имели больше средств ведения войны».

Было ли это действительно утопической верой в возможность изменить мир в лучшую сторону, или все тем же величайшим политическим цинизмом ведения переговоров с позиции силы? Скорее второе. Ведь мог же он в своем выступлении сказать ошарашенным американцам: «…я приехал в США не с длинной рукой… Я не буду протягивать шапку… Мы просить у вас ничего не собираемся, у нас все есть… Крысу дохлую нам не подбрасывайте, мы вам можем подбросить не одну дохлую кошку».

И подбросили не кошку, конечно, а кое-что посерьезнее. Заявлениям Хрущева о мире и разоружении внимал молодой сенатор Джон Кеннеди. Пройдет совсем немного времени, и ему, уже президенту Соединенных Штатов Америки, доложат, что вместо реальных шагов к разоружению, пусть даже и не за четыре мифических года, Хрущев принял решение о размещении на Кубе ракет с ядерными боеголовками.

Те дни запомнились на всю жизнь. Страх, состояние, близкое к панике, охватило окружающих меня близких и сограждан. Вот-вот начнется война между нами и Америкой. Все обсуждают между собой, как успеть вовремя покинуть мое родное Запорожье, по которому обязательно нанесут первый ядерный удар, ибо расположены на его территории крупнейшие предприятия оборонного комплекса, черной и цветной металлургии. Говорят, мы тоже не лыком шиты. Наши транспорты с войсками плывут на Кубу. Путь им пытаются преградить корабли ВМС США, и тогда из глубин океана всплывают таинственные атомные субмарины. В нашу мощь и силу хочется верить. Ведь сказал же Хрущев, что мы выпускаем баллистические ракеты, как сосиски. О том, что глава государства блефовал, мы, конечно, не догадывались.

Ну а уж если наши спутники есть в космосе, то достойно ответить ударом на удар мы сможем. В этом нас убеждают и пресса, и телевидение. Но своим мальчишечьим умом понимаю: у меня и земляков шансов уцелеть нет. От американских ракетных баз в Турции до моего родного города – всего ничего.

Наконец всеобщий вздох облегчения. Никита Сергеевич сумел договориться с президентом США. Но…

Потрясения продолжаются. В солнечный первомайский день над Свердловском сбили сверхсекретный американский шпионский самолет У-2. Он летел на умопомрачительной высоте, но наша ракета его достала. Отвечаем американцам ударом на удар. Вскоре мир оказался в очередном шоке. В Далласе на глазах у тысяч сограждан застрелили Джона Кеннеди. Заговорили о «руке Москвы», ибо предполагаемый убийца президента ранее попросил политического убежища в СССР, проживал в Минске и незадолго до убийства вместе с русской женой вернулся в США.

Подробности о случившемся в основном черпаем из кухонных разговоров. Официальная информация довольно скупа. Наши нервы берегут, утаивая многое, что происходит в мире и внутри страны. Катастрофы подводных лодок, аварии на шахтах, предприятиях оборонки, локальные конфликты. Не поймешь, где правда, где домыслы. Но все равно нами руководит борец за мир во всем мире Никита Хрущев. Об угрозе войны говорят практически все. Люди действительно живут страхом, и поэтому зачастую приходится слышать: «Да, жить нелегко, начались перебои с хлебом, стали печь его из кукурузы, с отрубями, исчезло мясо, молоко, мыло, соль. Не страшно! Потерпим! С голоду не умрем. Лишь бы не было войны. В борьбе за мир и страдаем…»

Дело о 140 миллиардах (продолжение)

В 1990 году накал политических страстей в нашей стране приобретал все более острый характер. Верховный Совет и правительство России делали все возможное, чтобы уйти от диктата центра и получить больше самостоятельности в областях экономической и финансовой. К лету появились первые предложения об обмене рублей на доллары. Делали их ринувшиеся на российский рынок западные бизнесмены с сомнительной деловой репутацией. Именно тогда, а не после задержания Пирсона зарождалось скандальное дело о 140 миллиардах.

Одним из первых на переговорах в правительстве России появился американский бизнесмен Джон Росс. С ним и подписал 31 августа 1990 года протокол премьер-министр Иван Силаев. Назывался он «О намерениях реализации совместного проекта по нормализации экономических и социальных условий в РСФСР и других регионах». Протокол предусматривал реализацию проекта финансирования всех его этапов в общей сумме до 50 миллиардов долларов США, соответственно в обмен на рубли.

Позже в ходе следствия было установлено: Джон Росс, он же Яна Семенович Зубок, 1927 года рождения, уроженец Киева, окончивший в 1954 году Киевский финансово-экономический техникум, проживал на Украине и был дважды судим за хищения. В 70-х годах эмигрировал в США. По оперативным данным, на новой родине занимался нелегальным бизнесом, на чем попался и был завербован ФБР, конкретно – специалистом по СССР Питером Гриненко. Работал по еврейской мафии и содействовал тому, что некоторые преступные авторитеты попали на скамью подсудимых. Новое имя и прикрытие ему создали американские спецслужбы, порекомендовав заняться бизнесом на территории СССР. Занимался Зубок созданием СП по производству… презервативов на территории Латвии и Украины.

На этом в очередной раз погорел, заподозренный в контрабанде. Выручил Яну все тот же Силаев, правда тогда еще не премьер России.

В конце 1996 года в газетах появились многочисленные публикации о разоблачении «русской мафии» в Америке, и в частности о судебных процессах, где фигурировали один из крестных отцов Марат Балагула и другие не менее известные в США и за их пределами личности. Вскользь писали о

соотечественниках, которые содействовали ФБР в разоблачении более удачливых эмигрантов третьей волны. Фамилия Джона Росса прямо не называлась, но эти журналистские расследования совпадали с тем, что нам стало известно о Яне Зубке. Первые публикации о личности Джона Росса кое-кем в нашей стране, в том числе и некоторыми журналистами, были восприняты болезненно. Ряд центральных газет («Известия») сделали ему рекламу как солидному и процветающему предпринимателю. Таковым он вряд ли был, и это показали последующие годы.

Неудача с Джоном Россом и ему подобными не остановила сторонников «кредитного трансферта», а именно так обозначили они фактическую продажу рублей за доллары США.

Прослышав о намерениях советской стороны поправить свои финансовые дела, в Москву ринулись разного рода авантюристы и дельцы криминального бизнеса. Хитрейшие из них сами, впрочем, не совались, а находили таких же авантюристов среди наших соотечественников и делали их за сравнительно небольшие деньги своими посредниками. Одним из них был Владимир Павлович Вакула, выпускник Вильнюсской высшей партийной школы, президент рижской фирмы «Балтияс кронис» и президент АО «Севзапинвест» в Ленинграде.

Раньше он работал в аппарате ЦК ВЛКСМ Латвии, был секретарем парткома Даугавгэсстроя, учился в Академии общественных наук при ЦК КПСС, был инструктором Рижского райкома партии, позже примкнул к независимой Компартии Латвии. В 1990 году в срочном порядке расстался с КПСС. Тогда же, работая вице-президентом коммерческой фирмы «Торнадо», пытался наладить деловые связи с одним из руководителей фирмы «Инфосис» (Норвегия) Магне Индалом. Фирму «Балтияс кронис» создал специально для проведения операций по конвертации рублей и с предложением принять участие в этих операциях обратился к Индалу.

Вскоре на выставке польских товаров, проводившейся в СЭВе, Вакула познакомился со Свиридовым, который представился президентом ассоциации «Возрождение уральской деревни». Вакула посвятил Свиридова в идею «кредитного трансферта» и назвал суммы, предлагаемые для конвертации, естественно с так называемой «дельтой или отстегом» в пользу участников сделки. Ошеломленный Свиридов тут же свел Вакулу с начальником экономического отдела Совмина РСФСР, а чуть позже с Фильшиным, тогда уже заместителем Силаева.

В середине октября в Москву прилетел Магне Индал. У него была генеральная доверенность на ведение переговоров о конвертации 50 миллиардов долларов США, подписанная

генеральным директором финансовой группы «Новая республика» (США) Лео Эмилио Ванто. Первая проверка группы позволила российской стороне установить, что она сравнительно недавно зарегистрирована в Австрии, ее уставный капитал просто жалок и составляет всего 500 долларов США. Тем не менее Вакула договорился и организовал встречу Индала с Фильшиным и министрами России: финансов – Федоровым, МВЭС[11] – Ярошенко, торговли – Хлыстовым (конечно, с участием Свиридова).

Через день или два при повторной встрече Ярошенко задал Индалу вопрос: как такая слабая финансовая группа, от имени которой он действует, может предоставить для конвертации такую огромную сумму? «Оскорбленный» Индал вытащил на божий свет и показал российской стороне прелюбопытнейшие бумаги: свидетельство о том, что Лео Эмилио Ванто в США является почетным членом президентского клуба, фотографию президента США с подписью «Дорогому другу Лео Ванто. Рональд Рейган», такую же фотографию Джорджа Буша с автографом и письмо, адресованное ему же госсекретарем Бейкером с характеристикой Лео Ванто, а также рекомендательное письмо, подписанное членом конгресса США Бобби Торном. Не знаю, были ли эти документы подлинными. В ходе следствия мне удалось добыть только их ксерокопии.

Тогда же Индал вручил от имени финансового треста «Алеко-кредит» и лично от Эмилио Ванто письмо, адресованное Ельцину, Силаеву, членам Верховного Совета и кабинета министров с предложением провести «кредитный трансферт» на сумму 50 миллиардов долларов США.

Сверхзаманчивое предложение требовало встречи с самим Ванто, и его решили пригласить в Москву через МИД России, но вышел конфуз – посольство СССР в Вашингтоне отказало американцу в выдаче визы.

Как пояснили допрошенные в ходе следствия свидетели, в 80-х годах финансовые круги западных стран и Японии активизировали деятельность по скупке недвижимости в различных районах мира. Но разговоры о предполагаемой приватизации превышали возможности свободных валютных средств на их приобретение. Готовясь к вторжению в экономику СССР, крупные финансовые круги стали прибегать к услугам подставных брокерских фирм. Возникли противоречия между японским и американским капиталом. Каждая страна, а точнее, ее руководители призвали на помощь спецслужбы для защиты своих экономических интересов.

Эти устремления довольно наглядно просматривались в деле

о 140 миллиардах. В октябре 1990 года Вакула через Индала получил от Ванто карточку с образцами подписей для открытия в одном из банков Москвы рублевого счета. Ее изучение кое-кого повергло в шок. Финансовая группа «Новая республика» была зарегистрирована в Австрии, сам Ванто проживал в штате Висконсин, а карточка была заверена нотариусом штата Невада, где, как известно, находится Центр прогнозирования и управления чрезвычайными ситуациями США (читай: ЦРУ).

Из оперативных источников стало известно, что Ванто был замешан в скандале «Иран-контрас» и после ухода в тот период директора ЦРУ перешел на нелегальное положение и отошел от активной финансовой деятельности. Кстати, в причастности к спецслужбам Вакула подозревал и Индала. По его словам, однажды он спросил об этом Магне. Последний рассмеялся и ничего ему не ответил. Подозрения Вакулы основывались на том, что Индал поддерживал близкие отношения с нашим торговым представителем в Норвегии в тот период, когда местные спецслужбы разоблачили как агента КГБ своего торгового представителя, с которым в свою очередь и в свое время работал он и один из заместителей Крючкова.

Когда началась проверка финансовой состоятельности Ванто, он прислал факс на имя Ельцина, в котором рекомендовал обратиться к председателю КГБ СССР Крючкову с просьбой подтвердить его репутацию и деловую состоятельность.

Как рассказывал при допросах Вакула, по его мнению, западные бизнесмены к началу 90-х годов контролировали и владели 114 миллиардами советских рублей, из них: 20 – Индия, 36 – Япония, 20 – Великобритания, 3 – итальянская компания. Часть рублей находилась в восточноевропейских странах. Интересы западных предпринимателей были нацелены в первую очередь на нефтегазовую и угольную промышленность, энергоемкие производства, добычу алмазов, химическую промышленность, выпускающую сырье для производства новых композиционных материалов. Реинвестирование рублей намечалось именно в эти отрасли.

По инициативе Запада курс рубля искусственно взвинчивался, снижалась возможность его приобретения. Особенно росли цены. Темпы инфляции нарастали. В результате страну вынуждали идти на более быстрое сближение с негосударственным сектором экономики капстран и его внедрение на советский рынок. Отсюда появилась возможность многоступенчатого отмывания грязных денег.

Уже тогда имелись данные о намерении Ирака и Ливии скупать рубли. Многомиллионные должники за поставки к ним

оружия, Каддафи и Хусейн получили возможность предложить рубли по коммерческому курсу и в конечном счете расплатиться с нами нашими же деревянными.

Продажа по низкому курсу валюты, наряду с внутренними проблемами: забастовками шахтеров, авиадиспетчеров и т. д., их требования о повышении заработной платы позволяли Западу надиктовывать нам изменения в выгодной для них политической ситуации как внутри страны, так и за рубежом.

И все же в реальность предложений Ванто поверили, Силаев подписал на имя Ельцина докладную записку с просьбой решить вопрос о продаже рублей за доллары. В последний момент сделка сорвалась. Что было тому причиной – неизвестно, но, говорят, наши спецслужбы «просветили» Бориса Николаевича в том, кем в действительности является «друг» Рональда Рейгана.

Пройдет некоторое время, и расследования наших и западных журналистов позволят установить, что у Ванто имеются счета в крупных банках Милана, Женевы, Брюсселя, Лондона, через которые он продает и покупает рубли, доллары, фунты, франки. Суммы огромные. Всплывет фамилия его партнера по этим операциям – некоего Фаруха Хана. Запомни, читатель, это имя. Мы к нему вернемся позже.

Наиболее поразительным оказалось другое. В конце 80-х в банках города Клотен (Швейцария) оказались 2 тонны советского золота. Мне передали документы о его размещении по слиткам и весу с подписями лиц, контролирующих операции с ним. Это были подписи Лео Эмилио Ванто, Джека Тремонти, Мартина Гулевица и других западных бизнесменов, занимающихся попутно «кредитными трансфертами». Джек Тремонти известен американцам как крупный мафиози, тесно связанный с сицилийским кланом Биондо. Бывший детройтский футболист, завязанный на нью-йоркском клане Гамбино, Мартин Гулевиц был осужден в 1987 году за торговлю наркотиками. Именно он в паре с Ванто открыл в Вене вышеупомянутую фирму «Нью репаблик ГМБХ» (финансовая группа «Новая республика») и занялся через нее сбытом рублей на Запад. Под прикрытием этой фирмы планировалось купить 140 миллиардов рублей.

По информации наших и западных источников, Ванто отмывал деньги Медельинского картеля и сицилийской мафии. Известная журналистскими расследованиями деятельности мафии в международном масштабе ныне покойная Клэр Стерлинг утверждает, что Ванто покупал русское оружие, ядерные материалы, выполнял заказы неаполитанских мафиози и все эти годы был тесно связан с КГБ СССР.

Из прошлого

Бурные 60-е. Пилот сбитого У-2 Гарри Фрэнсис Пауэрс остался жив и предстал перед советским судом. В Москве разоблачили англо-американского шпиона, полковника ГРУ Олега Пеньковского. «Шпион, который спас мир» – так назовут его потом на Западе, но в изданной там же книге о суперагенте, выдавшем важнейшие секреты родины, элитные сотрудники ЦРУ охарактеризуют его как стяжателя, мелочного, честолюбивого и самовлюбленного человека, неоднократно предлагавшего свои услуги для осуществления им лично локальных ядерных взрывов в Москве в случае обострения конфликта СССР с Западом.

Первый человек в космосе – наш Юрий Гагарин. Ликование соотечественников безгранично. Я горжусь своей страной и считаю, что у меня счастливое детство. Летом пионерлагеря, красный галстук на груди. Утром и вечером линейка, песни у костра. Пионер, будь готов! Всегда готов!

Центральная улица города – проспект Ленина. Для молодежи просто Бродвей, куда вечерами приходят потусоваться. В моду входят рок-н-ролл, твидовые пиджаки, узкие до невозможности брюки, прическа кок. Тех, кто косит под эту моду, называют стилягами, и с ними ведут беспощадную борьбу общественность и дружинники: задерживают, ведут профилактические беседы, приобщают к общественно-полезному труду. С нами, школьниками, поступают попроще. Не мудрствуя лукаво, брюки внизу разрезают ножницами и ведут в парикмахерскую, где великолепная твоя прическа идет под ноль.

Стиляги пристают к иностранцам, выклянчивают западные шмотки, сувениры. Появилось незнакомое слово «фарца». Говорят о небывалом росте венерических заболеваний как наследии Московского фестиваля. Видимо, это правда, потому что в местном пединституте одна из студенток заразила сифилисом почти половину преподавательского состава.

В Харькове местная молодежная элита дошла до того, что создала организацию под названием «Голубая лошадь». Занимались ненормальным для советского человека сексом, оральным и анальным, в том числе групповым. При этом свои непристойные занятия фотографировали. Отщепенцев разоблачили наши доблестные правоохранительные органы, и они предстали перед судом. История эта вызвала жгучий интерес у нас, подростков, да и у взрослых тоже. В 1969 году при прохождении производственной практики в Ленинском нарсуде Харькова мы нашли в архиве дело «Голубой лошади». Там

действительно было много, мягко говоря, пикантных фотографий.

В Москве разоблачили крупных валютчиков Рокотова и Файбышенко. Вопреки общепринятому в цивилизованном мире правилу не применять обратную силу закона под них изменили меру наказания в одной из статей Уголовного кодекса и по указанию Хрущева расстреляли.

Сегодня этого «миротворца» пытаются представить эдаким прогрессивным реформатором системы. Это не так. Он был человеком своего времени. При нем и при его участии рассматривались дела «врагов советской власти», выносились смертные приговоры. Он не только не противился этой политике, но и активно проводил ее в жизнь. С его согласия уже после войны жестоко подавили восстания жителей Берлина и Будапешта.

Из письма рабочего С. И. Синявина из г. Волчанска Свердловской области на имя секретаря ЦК КПСС Суслова 24 сентября 1959 года: «В настоящее время я иногда слушаю «Голос Америки» на русском языке, передают, как Никита Сергеевич ездит по американской земле. Передаются его беседы и некоторые речи, которые приятно слушать. Неприятно, когда задают и передают по американскому радио нелепые вопросы… о том, существуют ли у нас в Советском Союзе забастовки. Но товарищ Хрущев на это правильно сказал, что у нас правительство и народ единое целое и поэтому забастовок не бывает. На такие вопросы и отвечать не следует, пусть лучше господа пьют свое пиво».

И это после танков и автоматных очередей в Новочеркасске Ростовской области, где стреляли по безоружным рабочим, вся вина которых состояла в том, что они хотели иметь право на достойную жизнь (рабочие забастовали и вышли на улицы родного города). Отдельных оставшихся в живых организаторов забастовки и демонстрации впоследствии либо казнили, либо осудили к длительным срокам лишения свободы.

Предпочитают не вспоминать сегодня, что своими реформаторскими нововведениями, особенно в сельском хозяйстве, в выдвижении лозунга «догнать и перегнать Америку» и построить к 80-м годам в СССР коммунизм этот человек поставил огромную страну на грань голода. Неужели забыли отвратительный серый хлеб с добавками из кукурузы и отрубей?

> Как вы, я совсем не гордый и вам посвящаю стих
> Не с тем, чтоб мне дали орден. Не в поисках благ земных.
> Пусть плавают и не тонут. Летают на крыльях молвы

Благие мечты Вашингтона, святые дела Москвы,
Но люди заткнут им глотки и всех, как сказали вы,
Поджарят на сковородке и будут навек правы.
Глава великой державы, шагающей в коммунизм,
В строках, что на вид шершавы, пред вами падаю ниц.

С. Ширяев, Смоленская область, Ельнинский район, колхоз «Правда» (письмо отважному рыцарю армии мира)

Эра правления Хрущева подходила к концу, и все же его низвержение с пьедестала было неожиданным.

В тот день я занимался самостоятельным изучением английского языка, которого не знаю до сих пор, а в анкетах пишу – читаю и перевожу со словарем. (Кстати, спустя многие годы один из героев этой книги – Колин Гиббинс – на допросах пытался подловить меня на знании английского. Впрочем, как и я подозревал его в хорошем знании русского. Эти подозрения доходили до смешного. Осенью 1990 года в Бельгии меня и следователя Виктора Боярова пригласили на день рождения помощника королевского прокурора. В компании оказались полицейские из США и Франции. После изрядного употребления спиртного поступило предложение сфотографировать на память удостоверения всех присутствующих на коллективной фотографии. Я по инструкции своего не взял, а у моего помощника оно было. Засмущался один из американцев и тут же свое забрал. Позже он подсел ко мне и честно признался, что работает в ЦРУ.

– Владимир! Я знаю, ты из КГБ, – говорил он мне на русском. – Скажи, какое донесение ты будешь писать о нашей встрече, а я скажу тебе, что напишу я.

Попытки объяснить мою принадлежность только к Прокуратуре СССР его не убедили. Характерно, что до этого в Англии я слышал в Скотленд-Ярде аналогичные намеки, высказанные, правда, в более деликатной и не столь откровенной форме. Чего-чего, а шпиономании хватало всем.)

Вообще же о незнании английского жалею по сей день. Но тогда, в 64-м, надежда на успешное освоение иностранного оставалась. В квартире, где я корпел над учебником, на кухне два военных летчика (муж преподавательницы и его сослуживец) принимали по сто граммов. По телевизору передали какое-то чрезвычайное сообщение. Голоса пьющих становились все громче и запальчивей. Я тихо подошел к двери, прислушался:

– Саша, еще один такой фортель – и я выброшу этот

партийный билет к… матери!

– Серега, успокойся. Тебе нужны неприятности? Держи язык за зубами.

Минут через пять входит расстроенная «англичанка».

– Что случилось, Светлана Михайловна? – спрашиваю я ее.

– Володенька, только что передали – сняли Никиту Сергеевича Хрущева. Наш новый генеральный секретарь Леонид Ильич Брежнев. Все, что делал Хрущев, было неправильно, и за это его наказали.

– Самое главное, не расстреляли как английского шпиона Берию, – зло говорю я, – может, он такой же шпион.

– Ну зачем ты так. – Светлана Михайловна вздыхает, и я понимаю, что ей так же, как и мне, трудно осознавать, что произошло в нашей стране в очередной раз. Наиболее преданный и верный соратник генсека свалил очередного «верного ленинца», чтобы самому стать таковым. Теперь его курс к светлому будущему будет самым правильным. Ведь меня учат: «Партия – честь, ум и совесть нашей эпохи». Новый курс приветствовали бурными аплодисментами и криками «одобрямс».

«Хочу быть коммунистом», – скажу я через восемь лет на бюро Заводского райкома КП Украины, а через девятнадцать лет приду в Свердловский райком КПСС Москвы, чтобы забрать партбилет и учетную карточку члена КПСС. Мне предлагали выбросить партбилет и выйти из КПСС раньше, когда набирала силу межрегиональная депутатская группа, почувствовавшая приближение победы. Это давало очки в будущем перераспределении мест под солнцем. Последнее казалось кощунственным, и не потому, что я был ортодоксальным коммунистом. В те далекие годы следовало быть академиком Сахаровым, генералом Григоренко, Владимиром Высоцким, Анатолием Марченко, чтобы в конце 80-х иметь моральное право называть себя демократом и стойким противником коммунистической идеологии. Перевертыши, перевертыши! Что хотели, то и имеем. Русские люди, дворяне по происхождению, в таких случаях стрелялись, ибо не было ничего страшнее, чем потеря чести. За годы советской власти такое понятие, как честь, мы утратили напрочь.

Дело о 140 миллиардах (продолжение)

Провал Ванто не повлиял на поиск новых партнеров для проведения 140-миллиардной сделки. С согласия правительства России штаб для изыскания средств в валюте и выбора партнеров расположился в гостинице «Россия». Видную роль в его работе играл ранее упоминавшийся Андрей Свиридов – генеральный директор Челябинского филиала производственно-экологической фирмы ЭХО при Международном неправительственном фонде «Вечная память солдатам».

Сам фонд был создан 12 декабря 1989 года коммерсантом А. Безугловым. В соответствии с уставом фонд являлся благотворительной организацией, средства которой должны были целиком направляться на финансирование благотворительных проектов, программ и оплату накладных расходов фонда. Предмет его деятельности – возведение на территории СССР и иностранных государств памятных мемориалов всем погибшим солдатам, увековечение их имен, розыск солдатских захоронений.

Учредителями фонда стали: Союз адвокатов СССР, Союз юристов СССР, Советский комитет ветеранов войны, советское отделение международной ассоциации «Нормандия – Неман», отделение «Мега» Всесоюзного аэрокосмического общества, Союз ветеранов Афганистана, организация добровольных обществ «Фонд молодежных инициатив», КМО «Смена» (московское отделение).

12 декабря 1989 года состоялось собрание представителей учредителей фонда. В тот же день утвердили устав фонда.

В числе его попечителей значились: академик Велихов, академик Патон, Галина Вишневская и Мстислав Ростропович, митрополит Питирим, космонавт Елисеев и другие.

Быть почетными командорами организованного фондом так называемого конвоя «Дервиш-91» (в память о погибших моряках конвоев 1941–1945 годов) в письменной форме согласились президент СССР Михаил Горбачев и председатель Верховного Совета РСФСР Борис Ельцин, премьер-министр Англии Мейджор, маршал Ахромеев и другие известные лица.

«ПРЕЗИДЕНТ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК. *Москва, Кремль, 14 ноября 1990 года.* Международный неправительственный

фонд «Вечная память солдатам» А. Ф. Безуглову. От всего сердца поддерживаю благородную акцию фонда «Вечная память солдатам». С благодарностью принимаю предложение стать почетным командором Северного конвоя «Дервиш-91». Президент Союза Советских Социалистических Республик *М. Горбачев».*

Между тем в течение года фонд не был зарегистрирован в установленном законом порядке, но имел расчетный счет в банке и получал в виде пожертвований сотни тысяч рублей. Это дало возможность Безуглову постановлением президиума фонда от 12 июня 1990 года создать внешнеторговую фирму «Русский торговый дом» во главе с Василием Моисеевым – бывшим мастером профессионально-технического училища и будущим партнером Гиббинса и Свиридова по сделке.

Тут же Безуглов передал Моисееву за счет средств фонда взнос в уставный капитал в размере 500 000 рублей, и один из его замов подписал приказ, которым только Моисееву установили должностной оклад в размере 2500 рублей (довольно приличные по тем временам деньги).

Моисеев тут же отблагодарил Безуглова, назначив его старшим экономическим советником «Русского торгового дома» с окладом, кто бы мог подумать, 2500 рублей.

Не так глупы были эти комбинаторы от Остапа Бендера. Помимо обеспечения себя приличными заработками, они сделали солидную рекламу в средствах массовой информации (особенно ссылаясь на могущественных попечителей и покровителей) и замахнулись на большее. Партнерами в наметившейся сделке о 140 миллиардах выступили Колин Гиббинс, никому не известная фирма «Русский торговый дом» в лице Моисеева и Уральский филиал производственно-экологической фирмы ЭХО. На печатях этих организаций, поставленных на контрактах и других документах, значились реквизиты разрекламированного в Союзе и на Западе фонда «Вечная память солдатам».

Учрежденная по инициативе Безуглова дирекция фонда 20 апреля 1990 года создала еще одну структуру – производственно-коммерческую фирму «Мосспринт», целью которой (на бумаге) было оказание помощи ветеранам и членам семей погибших. Вследствие серьезных нарушений действующего законодательства в регистрации фирмы «Мосспринт» было отказано.

Тем не менее в августе 1990 года директор «Мосспринта» Ахмалетдинов решил создать производственно-экологическую фирму ЭХО и реализовал задуманное. Учредителем очередного

«мыльного пузыря» стала его юридически не существующая фирма.

Неприятности с регистрацией не смущали «новых русских». К чему формальности? Словом, когда в Москву приехал политический деятель новой волны председатель правления челябинской областной организации «Демократическая партия России» Андрей Свиридов и предложил создать филиал фирмы ЭХО в своем регионе, возражений не последовало.

Своя рука – владыка. Документы сварганили. Но снова осечка – в Челябинске филиал не зарегистрировали, поскольку сами учредители не являлись юридическими лицами.

И тогда Свиридов создает и регистрирует ассоциацию «Возрождение уральской деревни» – брата-близнеца филиала фирмы ЭХО. Отныне и вплоть до провала сделки в контрактах и иных документах, в зависимости от складывающейся ситуации, фигурируют именно эти две структуры плюс фонд «Вечная память солдатам». Цель одна – продать 140 миллиардов рублей за доллары и получить при этом свою долю, так называемую «дельту». Как любили говорить тогда и впоследствии о таком способе обогащения: наши интересы должны быть учтены.

Не буду утомлять читателя описанием целого ряда махинаций Свиридова с денежными средствами филиала и фонда. Их было предостаточно. Но когда на горизонте замаячили неприятности, каждый стал выкручиваться, как считал нужным.

> «21.04.91 г. СРОЧНАЯ ТЕЛЕГРАММА председателю Челябинского горсовета народных депутатов. «23 января в программе «Время» был передан сюжет о незаконной продаже 140 миллиардов рублей Челябинским филиалом фирмы ЭХО, якобы учрежденной Международным неправительственным фондом «Вечная память солдатам». 1. Ни правлением фонда, ни его дирекцией фирма ЭХО не создавалась, и в реестре предприятий фонда она не числится. 2. По наведенным нами справкам… филиал незаконно действует от имени Международного неправительственного фонда «Вечная память солдатам». 3. Просим Вас срочно установить происхождение филиала фирмы, приостановить его незаконную деятельность.
>
> *Председатель фонда Безуглов»*

Однако вернемся к Гиббинсу. Сбежав в ЮАР, он вместе с компаньоном Дэвидом Фраем организовал посредническую

фирму «Дов трейдинг интернэшнл». Прослышав о продаже рублей за доллары, Гиббинс по договоренности с Фраем срочно отбыл в СССР. Перед отъездом, за дружеским застольем, он попросил случайных знакомых – жителей Лондона супругов Растин – заняться поиском бизнесменов, способных предоставить крупные долларовые суммы.

Вернувшись в Москву, Гиббинс при содействии ранее упоминавшегося Юрия Козлова первоначально посетил Госбанк и Промстройбанк СССР, где получил разъяснение, что предложенные им условия, а именно покупка 140 миллиардов рублей по курсу 18,5 рубля за один доллар США, неприемлемы и незаконны. 5 декабря 1990 года аналогичные переговоры Гиббинс провел в МВЭС России и получил аналогичные разъяснения. Он не сдавался и нашел-таки в номерах-офисах гостиницы «Россия» человека, пообещавшего через свои связи в правительстве реализовать предложения по сделке.

Это был Свиридов. По его подсказке Гиббинс подготовил письмо на имя Силаева о продаже 140 миллиардов рублей за 8 миллиардов долларов США. По своим каналам Свиридов «протолкнул» письмо лично премьеру, который, в свою очередь, поручил изучить предложение своему заместителю Фильшину. Геннадий Иннокентьевич списал документ президенту компании «Российский дом» Новикову и министру внешнеэкономических связей Ярошенко.

> «СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР. *Москва.* «Тов. Новикову Д. И. для сведения и осмысливания – + Ярошенко В. И.» (подпись – Г. Фильшин. 20.12.90). № 31505. К письму Колина Гиббинса».

Оба они от участия в проработке сделки уклонились. Однако это не помешало Гиббинсу вступить в переговоры с так называемой «рабочей группой» под руководством Свиридова.

Компания на переговорах в гостинице «Россия» собралась пестрая. Разыскиваемый Интерполом Гиббинс, бывший ортодоксальный коммунист Свиридов, бывший мастер производственного обучения ПТУ Моисеев, некто Бед еров (в прошлом инженер), бывший наш соотечественник, гражданин Израиля Владимир Розенберг, военный переводчик Чернявский и, наконец, бывший партийный функционер, а затем офицер ПГУ[12] КГБ СССР Торосов.

Пройдет время, и после разразившегося скандала все они будут дружно утверждать, что «сделка провалена КГБ с целью дискредитации российского правительства» и даже инспирирована советскими контрразведчиками. Тогда же они

активно занимались ее проработкой, одновременно подозревая друг друга и блефуя. Моисеев намеками, а иногда и открыто называл себя полковником КГБ. Когда потребовали доказательства, он развернул красные корочки и показал заполненное на его имя служебное удостоверение с фотографией, где он был в форме полковника госбезопасности. Партнеры забеспокоились. Ясность внес Свиридов, пояснивший, что Моисеев украл мундир майора КГБ Горосова, купил в Военторге дополнительные звезды, нацепил на погоны, сфотографировался и подделал удостоверение.

Из дневника следователя:

«23.05.91 г. Четверг.

Сегодня допросили заместителя директора гостиницы «Россия» Цимбалистова. То, что он рассказывает, вызывает, мягко говоря, недоумение. Оказывается, по просьбе Ельцина Моссовет принял решение, которым обязал управление гостиничного хозяйства выделить Верховному Совету России постоянно в гостинице 560 мест. Это и было сделано, причем вопросы размещения в гостинице решает не ее администрация, а специальная служба Верховного Совета.

Первые полгода в гостиницу поселялись без заполнения анкет вообще. Сейчас за место платят из кассы Верховного Совета 25 рублей, тогда как с иностранцев берут 107 долларов, или 60 рублей. Гостиница несет убытки, а в половине номеров проживают москвичи, имеющие постоянное жилье в столице. В арендуемые номера постоянно подселяются друзья и знакомые депутатов. По словам Цимбалистова, в последнее время там проживало 200 чеченцев. В номерах пьют, водят женщин. Особо отвратительно ведут себя Уражцев из «Щита» и небезызвестный Лев Шимаев[13]. Попробовали их выселить, но последовал грозный окрик Бориса Николаевича: «Оставить в покое!» Так и поступили.

Так во сколько же обходятся налогоплательщикам наши демократы с такими безмерными аппетитами, кстати приобретающие на льготных условиях и без очереди легковые автомобили?! И в больницах 4-го управления лечатся, и на дачах Совмина живут, и спецпайки те же имеют».

Но это так, к слову, о тех, кто громко кричал о возрождении великой России.

19 декабря 1990 года между Гиббинсом и Верховным Советом РСФСР был подписан протокол о намерениях по сделке. От имени Верховного Совета его подписал житель Днепропетровска, заведующий сектором одного из совместных предприятий Н.

Трегуб. На допросах он пояснил, что выступить от имени Верховного Совета его уговорил Свиридов, который пообещал, что все вопросы по сделке «будут проводиться» через высший законодательный орган России, где он пользуется полной поддержкой.

Свиридов и здесь продолжал блефовать. Но встречу Гиббинса с Фильшиным все же организовал и получил соответствующие резолюции зампреда Совмина.

Сделку решили провести через Министерство торговли России, а реализацию наметили сразу после поездки в Швейцарию и подписания соответствующих документов. Подготовкой визита занялись Владимир Розенберг и таинственный «адвокат» некий Шимон Рабин – представитель западной стороны, который, по утверждениям Свиридова и компании, гарантировал нужную для валютного обмена сумму долларов.

Из прошлого

«ПРОСТО» О СЛЕДОВАТЕЛЕ
Я самоотмобилизуюсь. И с жаром в сердце обязуюсь
Всегда во всем примером быть, не пить спиртного, не курить
И перед сном не наедаться, одним лишь воздухом питаться.
Всегда в квартире убирать, варить супы, белье стирать,
В красивых женщин не влюбляться, с женой всю жизнь практиковаться.
В командировки не летать, в июле в отпусках бывать,
Заканчивать по делу в год без нервотрепок и невзгод,
Свести к нулю все проволочки и ликвидировать «отсрочки»[14].
Активным обязуюсь стать, на всех собраньях выступать.
И обязуюсь по секрету стихи в стенную слать газету.
С такой житухи дам обет – отдать концы во цвете лет!

В. Королевский, следователь по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР, 1980

Кем только не мечтаешь стать в детстве: актером, врачом, музыкантом. Но вот впереди выпускные экзамены, и следует

сделать окончательный выбор. Я решил избрать профессию журналиста. Первое разочарование ждало в Киеве. Только на факультет русской филологии сдавать экзамены можно было на русском языке. На остальных – на украинском. Хотя разговорной речью я владел абсолютно свободно и в последующем делал даже литературные переводы, написать грамотно сочинение на украинском языке просто бы не смог. Для меня, выходца с Левобережной Украины, родным языком был русский. Впрочем, как тогда, так и сейчас принадлежности к нации по принципу разговора на ридний мови (родном языке) я не придавал никакого значения. Шел 1965 год, и что-то не замечалось ущемления по национальным признакам коренного населения малороссов.

Несолоно хлебавши отбыл домой и с 1 сентября приступил к работе на одном из предприятий оборонной промышленности. Прошло полтора года, пока судьба не свела меня с соседом – следователем милиции. Он увлеченно рассказывал о своей работе, о годах учебы в Харьковском юридическом институте. Я вспомнил прочитанную, редкую по тем временам, книгу бывшего следователя по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР Льва Шейнина «Старый знакомый». Это было как озарение. С этого момента у меня появилась одна-единственная цель – не просто поступить в этот институт, а обязательно распределиться в органы прокуратуры на должность следователя, ибо они, и только они занимались раскрытием и расследованием умышленных убийств.

1 сентября 1967 года в возрасте девятнадцати лет я стал студентом первого курса Харьковского юридического института. По существующим в то время порядкам после второго и третьего курсов студенты обязаны были проходить производственную практику в системе МВД, судах, прокуратуре. Весь срок практики я проходил ее только в последнем ведомстве. Это позволило довольно быстро познать все азы будущей профессии. Поэтому, распределившись в прокуратуру Запорожской области, на зимних каникулах 1971 года я был назначен стажером, а через месяц – следователем прокуратуры Заводского района города Запорожья. За полгода до обретения диплома я получал и зарплату, и стипендию.

После сдачи госэкзаменов напряженный режим работы районного следователя стал частью моей жизни. Дела о нарушениях правил техники безопасности, хищениях соцсобственности, кражах, грабежах, хулиганстве, совершенных несовершеннолетними, изнасилованиях и, конечно, об убийствах (которые, кстати, совершались тогда довольно редко). И – самое

трудное – бесконечные, в любое время суток выезды на трупы как с признаками насильственной смерти (самоубийства, несчастные случаи и т. п.), так и по фактам смерти ненасильственной. Горе, слезы близких, отсутствие транспорта для доставки трупов в морг и обязанность обеспечить такую доставку (вплоть до погрузки умершего в автомашину), участие в судебно-медицинских вскрытиях (кстати, после моих выездов на трупы в состоянии гнилостных изменений жена неоднократно спускала в мусоропровод пропитавшуюся неприятным запахом верхнюю одежду).

Все это обрушивалось на меня ежедневно и было лишь частью работы следователя. В производстве находились десятки дел со сжатыми сроками расследования. Поэтому каждый день с интервалами в два-три часа вызываю свидетелей и потерпевших. Кроме того, необходимо периодически встречаться с обвиняемыми в тюрьме. Чувство недосыпания преследует постоянно. Отчаяние охватывает, когда среди бела дня при очередном допросе чувствуешь, как начинают слипаться глаза, а голова перестает соображать… Просишь вызванного часок прогуляться, сдвигаешь стулья и погружаешься в сон. Вздремнув, бросаешь кипятильник в стакан, пару ложек кофе и – опять за работу.

В 1972 году на меня «положили глаз» в райкоме партии и, несмотря на существовавший тогда при приеме в КПСС лимит на служащих, в порядке исключения приняли в партию. Еще через год с повышением забрали в областную прокуратуру.

Вскоре последовал неожиданный вызов в горком партии. Предложили стать инструктором отдела административных органов. Решение было неокончательным, и мне порекомендовали не ставить в известность руководство о сделанном предложении.

На следующий день утром я предстал перед светлые очи прокурора области Владимира Григорьевича Светличного.

– Что тебе предложили? – в лоб спросил он.

Я замялся и стал неуклюже оправдываться. Светличный продолжал давить, пока я буквально не прошептал:

– Предложения не было. Были намеки…

– Намеки, – улыбнулся прокурор области. – Тогда конкретное предложение делаю я. Согласен быть прокурором-криминалистом?

Пауза заняла секунд тридцать, и последовал четкий ответ: «Да!»

Владимир Григорьевич дал указание кадровику срочно подготовить приказ и добавил:

– Вот видишь, а ты говорил, что он хочет от нас сбежать.

Спасибо Богу и Светличному, что я так и не «сбежал» в партийные органы.

Мечтать о большем я тогда и не мог, потому что в каждой области Союза такая должность была единственной и уникальной. Криминалистов относили к следственной элите, ибо они обеспечивали: внедрение в практику научно-технических средств и научных рекомендаций, передового опыта, учебу следователей по повышению профессионального мастерства и, самое главное, руководили следственно-оперативными группами по раскрытию умышленных убийств в условиях неочевидности.

Не дай бог, если прокурор-криминалист в течение года оставлял нераскрытыми пару убийств. Тут же вызывали в Киев для разборок на ковре. Это вам не сегодняшние фронтовые сводки о происшествиях за сутки и полное равнодушие к количеству нераскрытых убийств.

В 1979 году я возглавил специальную следственно-оперативную группу по раскрытию убийств в условиях неочевидности, в которую вошли талантливые сыщики Евгений Евгеньевич Малышев и Юрий Борисович Катютин.

Вообще нужно сказать, что первые десять лет профессиональной жизни, трудные и напряженные по физическим и психологическим нагрузкам, были самыми счастливыми. Сравнительно невысокий оклад – 152 рубля – считали вполне приличным. Основополагающим было чувство долга и большая ответственность перед согражданами и государством. О дополнительных заработках, а тем более о получении мзды речи быть не могло.

Меня иногда спрашивают, брал ли я взятки. Что ответить?

Первый раз взятку мне предложили в 1972 году по делу о неосторожном убийстве. Родилось оно из банального так называемого отказного материала, связанного с доставлением в больницу с закрытой черепно-мозговой травмой рабочего завода «Запорожсталь» Крижановского. Вопреки возражениям прокурора района, на свой страх и риск возбудил уголовное дело и чисто следственным путем раскрыл убийство.

После ареста подозреваемого Виктора Бастуева его мать принесла пять тысяч рублей. В нарушение существующего порядка о попытке дать взятку я никому не доложил, а провел с несчастной женщиной долгий и вполне человеческий разговор.

Бастуев отделался небольшим сроком лишения свободы. Встретил я его через пару лет на пороге прокуратуры области.

– Здравствуйте, Владимир Иванович, – растерянно заговорил Бастуев, – а мы вас совсем потеряли из виду. – Выдержал паузу и

вдруг, вытянув руку в сторону стоянки автомашин, сказал: – А я вот машину купил.

Он показывал на новенький ярко-красного цвета «москвич». Я же подумал, как важно не испачкаться и чувствовать себя просто честным человеком. Но самое главное заключается в том, чтобы люди, с которыми свела тебя судьба, понимали: есть государство, в котором не все покупается и продается и справедливое решение принимается по закону. Как в том случае, так и в будущем взяток я не брал и не жалею об этом.

Получал я и иные уроки. Довольно скоро убедился, насколько жизнь и судьба каждого из нас зависят от партийного аппарата, руководившего всем и вся, постоянно рапортующего наверх об успешном руководстве жизнью региона, выполнении и перевыполнении плановых заданий. Информация о теневой жизни комсомольских и партийных функционеров поступала ко мне постоянно и, конечно, была связана с уголовными делами, находящимися в производстве.

Тяжелое впечатление производили несчастные случаи с людьми на предприятиях черной и цветной металлургии. При установлении вины конкретных должностных лиц все равно приходил к выводу – виновата система.

Например, спешат с реконструкцией цеха слябинга «Запорожстали». Сдашь досрочно – премии и ордена обеспечены, в том числе и руководителям партийных органов. Из-за спешки не позаботились о расширении складских помещений и поэтому пошли на увеличение высоты складирования слябов. Этим создали опасные условия для рабочих цеха. Вскоре последовала трагическая гибель рабочего. Трое детей остались сиротами.

Виновников нашли, но кто заставил принять реконструируемый цех с такими недоделками? Оказывается, первый секретарь горкома Пьянков.

Премии и награды за досрочную сдачу объекта обмывали в спецдомиках на острове Хортица. Ночью пьяному Пьянкову захотелось пельменей. Подняли с постели руководителей одного из ресторанов, поваров. Пельмени приготовили и привезли сановному чиновнику. Он спал весь испачканный собственной блевотиной.

Или такой характерный случай. В области ЧП. Первый секретарь обкома Всеволожский возвращался из Киева и в самолете потерял «Золотую Звезду» Героя. Был ли под мухой, история умалчивает. Весь личный состав милиции подняли по тревоге. Попробуй добейся такого при раскрытии по горячим следам серьезного убийства. Лучшие сыщики взяли ноги в руки. Через два дня нашли и «раскололи» пассажира, подобравшего

«Звезду» на полу в салоне самолета. Отличившимся – награды. Таких и подобных им примеров были сотни.

В начале 70-х Днепропетровскую и Запорожскую области посетил фаворит генсека всесильный министр внутренних дел Николай Анисимович Щелоков. На организации приема «отличился» начальник городского уголовного розыска Иван Жеребко. Такого усердия не оставляли без наград, и она тут же нашла «героя» в виде ордена Ленина. А вообще я впервые увидел Щелокова живьем через несколько лет на похоронах его брата Якова – директора завода «Кремний-полимер». Запомнилась жена министра, холеная, интересная женщина с матового оттенка и без единой морщинки лицом. Позже в Москве злословили, что она регулярно принимала молочные ванны. Вообще, разговор о Щелокове будет особый, и он впереди, ибо именно этот человек через несколько лет принял решение о моей физической ликвидации.

Дело о 140 миллиардах (продолжение)

Род Чейтор и Джон Хикс:

«Я двойной агент, говорит англичанин, причастный к рублям.

…Как сообщили нам вчера, англичанин, стоящий у истоков мошеннической сделки с советскими рублями на 140 миллиардов, хвастался, что он является двойным агентом… Бывший мастер по ремонту телеаппаратуры Колин Гиббинс признался своему деловому партнеру Невиллу Шо, что он работает на МИ-5[15] и КГБ.

Гиббинс – марионетка в заговоре КГБ с целью «опрокинуть» президента Российской Федерации Бориса Ельцина с наличными Восток – Запад, – поведал Н. Шо о своей тайной жизни»[16].

Джон Дэвисон:

«…В Швейцарии, где должна была осуществиться сделка, в руководящих кругах полиции убеждены, что след в конечном счете приведет к наркокартелям. «Мы считаем, что в данной сделке задействованы наркоденьги, включая и принадлежащие Медельинскому наркокартелю, как часть мощной машины для отмывания грязных денег, в настоящее время действующей в Советском Союзе», – заявил швейцарский офицер по связи с американским агентством по борьбе с наркотиками.

Советский Союз – Дикий Запад для наркомира. Местная полиция слаба, плохо оснащена и зачастую коррумпирована, а местная мафия – могущественна, имеет хорошие связи с КГБ и местными сорвиголовами. Это еще и рай для отмывающих деньги, поскольку там никто не откажется от нарко – или любого другого рода доллара»[17].

Эти и другие публикации средств массовой информации на Западе мне регулярно передавали наши контрразведчики, а вот первое знакомство с майором английской разведки Колином Гиббинсом состоялось дней через десять после задержания Пирсона.

На допросе он заметно нервничал.

– Если вы отдадите меня в руки английской полиции, это повредит вашему государству, – неоднократно утверждал Гиббинс. – В Америке меня подвергнут пожизненному заключению, в Англии дадут большой срок. Чтобы получить снисхождение, я не буду молчать.

К концу допроса в кабинет вошли работники КГБ. Гиббинса сфотографировали анфас и в профиль, откатали отпечатки

пальцев и для окончательной идентификации личности отправили в Интерпол.

Вдруг наступило длительное молчание. Да, мы получили подтверждение, что Гиббинс является именно тем человеком, на арест которого выдан ордер судебными властями Великобритании, но по части запроса о его выдаче царила тишина. Долго подобное продолжаться не могло, и генеральный прокурор СССР Н. С. Трубин подписал через МИД СССР соответствующий запрос властям Великобритании. Я нервничал, ожидая результатов, и однажды услышал от оперативных работников госбезопасности следующее: «Наша головная боль ничто по сравнению с тем, как беспокоит эта проблема коллег из Сикрет интеллидженс сервис. Им выдача Гиббинса судебным властям совсем ни к чему».

Через несколько месяцев мне сообщили, что в Москву прибывают следователь, ведущий дело Гиббинса, и инспектор полиции. Они намереваются арестовать Колина и препроводить его в суд города Рагби. Проведение этой операции никаких возражений со стороны руководства КГБ СССР не вызвало. Но во второй половине дня неожиданно позвонил первый заместитель начальника УКГБ по Москве и Московской области Карабанов и попросил срочно встретиться. Только в кабинете его начальника генерала Прилукова я стал понимать, с какой деликатной проблемой мы столкнулись. У него на столе лежала докладная записка на имя Крючкова о выдаче Гиббинса. Никаких резолюций председателя КГБ на ней не было, и тем не менее Прилуков сказал:

– Я понимаю сложность и вашего и моего положения, но поступила команда сделать все возможное, чтобы Гиббинс не был арестован англичанами. Надеюсь, вы все понимаете.

– Но это невозможно, – ответил я, – машина запущена. В ней задействованы министерства иностранных дел двух государств и их силовые структуры.

– Я понимаю, Владимир Иванович, – пояснил Прилуков, – это все равно что поезд на полной скорости идет под откос, но его нужно остановить, и другого выхода нет. Давайте принимать решение.

Именно тогда я пришел к окончательному выводу, что Гиббинс никогда не был агентом КГБ, а работал в интересах нашего государства на ГРУ[18] (до командировки в Англию и откровений Кристофера Константина было еще долго). До последнего момента спецслужба молчала, а когда по-настоящему запахло жареным, проявила себя.

Каких только комбинаций мы не продумывали в тот вечер. На следующий день я крутился перед англичанами как уж на сковородке. Крайне деликатные и уважающие закон люди, они объяснили, что не могут арестовать Гиббинса на территории СССР. Это возможно, например, только на борту их самолета. Единственное, о чем они просили, – встретиться с Гиббинсом и уговорить его выехать в Великобританию. В мою задачу входило не допустить этой встречи.

Несмотря на принятые меры, дисциплинированный Гиббинс решил явиться в следственную часть Прокуратуры СССР, и чекисты вынуждены были в открытую остановить его на подходе, усадить в автомашину и отвезти на квартиру к сожительнице, где он прятался вплоть до отъезда из Москвы наших британских коллег. Как же все это отличалось от приема, который спустя несколько месяцев нам оказали в Лондоне!

«Джеки-потрошители»

Продолжалась моя профессиональная жизнь на следствии. Изучая раскрытые умышленные убийства в области, я пришел к выводу, что практически всегда оставались нераскрытыми преступления, совершенные по сексуальным мотивам. Почему? И кто те люди-маньяки, поведение которых не укладывается в общественном сознании?

Просматривая криминальную хронику в сегодняшних газетах, читаю: изнасилованы две одиннадцатиклассницы… Развратные действия с пятиклассницей в доме по месту жительства… семиклассницу изнасиловали утром в подъезде… Учащаяся 9-го класса изнасилована сразу двоими. Снова ученица 11-го класса. Изнасилована девочка 12 лет врачом-терапевтом. Встреченного ребенка маньяк заставил идти в лифт, на последнем этаже усадил девочку на лестницу, раздел и изнасиловал… Это хроника недели в одном – пусть и самом крупном – городе страны. Оговорюсь, неполная и далеко не самая страшная. В середине 90-х в Москве арестовали «рекордсмена», изнасиловавшего более 150 женщин. Ряховский, Чикатило, Головков, Михасевич – эти монстры годами наводили ужас на десятки тысяч людей.

Зима 1974 года на Украине была на редкость снежная. Около 10 часов утра мне позвонил зам прокурора области В. Демьяненко. Сообщил об исчезновении несколько дней назад ребенка.

«Юлечка Васягина, девочка шести лет, проживала с мамой на первом этаже двухэтажного старого дома. Форточки на окнах большие, квадратные. Мать оставила девочку одну и сама заперла двери на ключ. Вернувшись, была потрясена: девочка исчезла. Только открытая форточка хоть как-то проясняла причины случившегося, – сообщил мне Виктор Сергеевич. – Но это не все. Милиция организовала прочесывание лесопосадок, оврагов и балок в этом районе. Нашли очень подозрительное место, предполагают, что там труп. Собирайся и выезжай. И еще учти: ее мать отличалась крайней неразборчивостью в связях, у нее было много случайных знакомств».

На окраине рабочего поселка недалеко от Днепра стояли несколько милицейских машин, «Волга» начальника УВД Юрия Титаренко, толпились работники уголовного розыска. «Где?» – спросил я. Мой коллега в районе следователь Михаил Люксембург рассказал, что в овраге нашли странно присыпанный снегом бугор, накрытый куском жести и еловыми ветками. Если девочка там, то может оказаться, что убийца живет где-то

недалеко. Поэтому приглашенные работниками милиции понятые – жители близлежащих домов – были мной забракованы.

– Ребята, это классика, описанная в учебниках криминалистики, – пришлось объяснять милиционерам. – Понятой может оказаться убийцей. Езжайте в другой конец поселка и подберите женщин, и только женщин.

Привезли двух женщин, назвали их адреса. Жили они от места, где мы находились, довольно далеко и потому, с нашей точки зрения, были вполне нейтральными людьми.

Наконец вместе с судебно-медицинским экспертом спускаемся в овраг. Наверху остались понятые, Титаренко и Люксембург, которому я диктовал протокол осмотра места происшествия. Кусок жести и ветки летят в сторону. Под ними – совковая лопата со сломанным черенком. Оказаться здесь случайно, тем более в таком виде, она не могла. Внимательно осмотрев, выбрасываю ее наверх:

– Михаил, опиши ее подробней.

И тут чисто автоматически взгляд задерживается на одной из понятых: побледнела, явно нервничает. Перехватываю настороженный взгляд Титаренко – он тоже заметил. Разгребаем снег. Перед нами обнаженный и закоченевший труп девочки…

– Владимир Иванович! Можно тебя на минутку? – машет Титаренко рукой, приглашая подняться к нему. – Только не оборачивайся, – не скрывает он своей настороженности. – Ты обратил на нее внимание? – Киваю в знак согласия. – Я пойду к своей машине, – продолжает Титаренко, – и буду на виду у всех говорить по телефону. А когда вернусь, спроси, что у нас нового. Давай!

Титаренко ушел. Мне не по себе, скрывать волнение довольно трудно. Неужели зацепились? Не верится: слишком необычно то, что происходит. Продолжаем осмотр, наблюдаю. К оврагу спешит Юрий Леонтьевич.

– Что-то есть? – спрашиваю, как договорились.

Титаренко играет как заправский актер: столько уверенности в голосе!

– Все в порядке, за ним поехали. – Он поворачивается к женщине и в упор смотрит на нее. Та лихорадочно переводит взгляд на лопату, затем по очереди на нас и медленно оседает.

Я почти выскакиваю из оврага и вижу, как, поддерживая понятую, Титаренко помогает ей подняться. Голос его звучит не совсем обычно, он с трудом себя сдерживает:

– Вы знаете, чья это лопата? Вы ведь знаете, правда?!

Женщина долго молчит и, покусывая губы, с трудом выдавливает:

– Это наша лопата… Вы знаете, кто убил? Мой муж…

В тот день Николай Штанько не работал и начал пить с утра. Бормотухи в магазине предостаточно, а жену накануне отвез в больницу. К обеду решил поискать приключений. Вспомнил об одной знакомой, на квартире которой провел две ночи, и решил пойти к ней. На стук в дверь никто не ответил, подошел к окну. Форточку открыла Юлечка. О чем они говорили и как он выманил ребенка, так никто никогда и не узнал. Соседи видели, как насильник вытащил ее через форточку, взял на руки и понес.

Купил конфет и еще вина. Во времянку прошел осторожно, так что родители жены ничего не заметили. Угощал девочку конфетами, сам пил. Бедная Юлечка, проживая с мамой в одной комнате, часто видела любовные игры мамы с очередным поклонником и на вопросы, что происходит в темноте, когда ее укладывают спать, слышала ответы, что это «папа и мама играют». Предложение убийцы «поиграть в маму и папу» приняла по-детски непосредственно. Только когда ей стало больно, очень больно, она заплакала и, захлебываясь, приговаривала: «Я все расскажу маме… я все расскажу…»

Вдруг в окно постучали. «Николай, ты дома?» – послышался голос. Руки насильника задрожали. На кровати все громче плакала изнасилованная девочка. В окно стучал брат жены. Бросок, и руки лихорадочно сжали шею жертвы. Хрипы не стихали. Слева, на стиральной машине, молоток. Удар по голове, еще… Кровь на кровати, кровь на стене, но в комнате полная тишина, в окно больше не стучали. Облегченно вздохнув, залпом осушил очередную бутылку и уже мертвого ребенка изнасиловал еще раз.

Через несколько часов мы в доме, где было совершено тяжкое преступление. На стенах плохо затертые брызги крови, в мусорном ведре у сарая – окровавленные детские трусики. Следов преступления более чем достаточно.

Убийцу в том же году расстреляли.

В те годы мы избегали кровавых подробностей в освещении подобных трагедий. Щадили нервы читателей. Примитивно понимали и мотивы содеянного. Для обывателя нормальный, то есть психически полноценный, человек на такое не способен, а уж ненормального, рассуждали мы, видно за версту.

Между тем на счету смоленского садиста Стороженко десятки жертв, витебского Михасевича – свыше сорока, ростовского Чикатило – свыше пятидесяти. И это только трое из огромного перечня сексуальных маньяков последних лет, так долго остававшихся в тени. Многие, кстати, так и не найдены до сих

пор…

Сексуальные преступления – самая труднораскрываемая категория преступлений. Убийц ищут годами, а точное количество жертв маньяков вообще неизвестно. Знаем ли мы, сколько за последние годы пропало наших детей, жен, сестер и матерей, большую часть которых так и не нашли, хотя их ищут днями, месяцами, годами и даже десятилетиями? Представляем ли мы, в каких муках они погибают?!

Ни о какой морали маньяка говорить не приходится, потому что он болен, но отнюдь не психическими заболеваниями. Это сексуальные патологии по типу психопатии, которые давным-давно указаны в международной классификации болезней. В случае с Юлечкой – педофилия, то есть половое влечение к детям. Впрочем, об этом позже.

Теплым вечером поступило сообщение об очередном убийстве. Картина была ужасная: молодую, красивую, к тому же беременную женщину изнасиловали, изрезали тело, вспороли живот, выкололи глаза, перерезали горло. Она шла домой поздно вечером, и от конечной остановки трамвая ей нужно было пройти до ближайших домов через лесополосу всего метров тридцать. Но женщина не дошла.

Более двадцати лет я проработал в следственных органах и видел всякое. Но после каждой подобной трагедии меня преследуют картины гибели несчастных, пережитый ими ужас в момент нападения, крики, стоны от боли и унижения, страх перед ощущением, что жизнь на этом кончается, страстное желание выжить и бесполезные мольбы к тому, кто уже не может не убить.

Как мало мы рассказываем об этом! Наши призывы к элементарной осторожности – на улицах, в подъезде, в лифте, при случайных знакомствах – наивны. Человек не верит, что это может произойти с ним самим.

А зря…

Одна из жертв витебского убийцы Михасевича выходила из автобуса в пустынном месте. Пассажиры уговаривали ее не делать этого, предостерегая, что в течение многих лет в этом районе нападают на женщин и убивают. Смех и ироничные отговорки уверенной в себе спортсменки слышал находившийся в автобусе Михасевич. О том, как такая самоуверенность разозлила его и как он потом глумился над жертвой, стало известно много лет спустя из его показаний.

В Ставрополе исчезали мальчики. Версии о преступлениях по сексуальным мотивам прорабатывались, с моей точки зрения, примитивно (как и по многим аналогичным делам!). А убийца, учитель этих мальчиков, Сливко все приводил и приводил свои

жертвы в лес, вешал мальчишек на деревьях. Их агонию в петле, последующий процесс расчленения трупов снимал кинокамерой.

Кто же они такие, эти монстры, «Джеки-потрошители»? Пять лет я изучал дела о таких преступлениях, специальную литературу. Оказалось, что уникальнейший опыт западноевропейских ученых и криминалистов конца XIX и начала XX века практически недоступен не только широкому кругу читателей, но даже нам, профессионалам. «Преступность – явление социальное!» – все четыре года твердили мне в институте. Получается, что и сексуальная преступность тоже социальна? Вот и пришлось разбираться самому, что к чему, на… крови и трупах пропавших людей, прозревать на чужом горе.

Сексопатология – это формирование полового влечения по механизму условного рефлекса, когда субъект получает половое удовлетворение только в определенной, зачастую криминальной ситуации. Так, психически больной человек не отдает отчета своим действиям и не может руководить ими; психиатры признают его невменяемым. Человек же, страдающий сексуальными извращениями в форме педофилии (влечение к детям), геронтофилии (к престарелым), некрофилии (к трупам), зоофилии (к животным) и т. д., отдает отчет своим действиям, но возможность руководить ими у него в определенной ситуации снижена до предела. В этом-то и причина совершаемых им преступлений, объяснение их жестокости и отсутствие видимой мотивации.

Я вспоминаю преподавателя музыкальной школы некоего Махнорыло, попавшего в поле зрения следствия, как человек, страдающий педофилией. Он склонял свои жертвы (а это были только мальчики) к орогенитальным[19] половым актам. Он имел три судимости за подобные действия и трижды отбыл наказание за злостное хулиганство, совершенное с исключительным цинизмом. Именно такую правовую оценку получали его действия. Раз от раза он становился все более жестоким по отношению к потерпевшим, и я не сомневался: следующего убьет. Махнорыло буквально рыдал на допросах, отчаянно бил кулаками по столу и кричал: «Я все понимаю! Поймите и вы меня! Я – нормальный человек, слышите, нормальный! Но ничего не могу с собой поделать, когда мне хочется… Какое-то наваждение… Мне не нужны девушки, не нужны женщины! Мне плохо с ними. Я хочу мальчика, и только туда, только туда… Мне хорошо с ними, и больше ни с кем!»

Его осудили в четвертый раз. Через несколько лет мне совершенно случайно в руки попало письмо пресвитера ростовской общины христиан-баптистов. Тот просил своего

собрата по вере из запорожской общины навести справки о Махнорыло. Из письма явствовало, что отчаявшийся в своем «грехе» педофил желал найти защиту хотя бы у Бога.

Подобные люди ограниченно вменяемы, и это признано во всем цивилизованном мире. Но вот что нелепо: такого понятия, как «ограниченная вменяемость», в нашем уголовном законе просто не было и нет сегодня, точно так же как и наработанной практики проведения сексологических экспертиз. Только по этой причине мотивы преступлений зачастую остаются неясными. Судебно-психиатрическая экспертиза признала того же Михасевича вменяемым, но не было (и не могло быть!) в деле ответа, почему он четырнадцать лет подряд убивал женщин. Я говорил об этом с покойным Виктором Парицем – следователем, который вел дело Михасевича. Открыв книгу по сексуальной патологии одного из зарубежных авторов, я показал ему главу под названием «Некросадизм». Научное описание этого извращения идеально совпало с показаниями Михасевича о том, почему и как он совершал преступления. Михасевич получал полное половое удовлетворение только в том случае, когда удушаемая им жертва агонизировала в его руках.

В середине 70-х годов в Запорожье и близлежащих районах были изнасилованы и убиты несколько старушек. Мы с Ю. Катютиным пришли к выводу, что имеем дело с геронтофилом. Зная по опыту, что убийству, как правило, предшествуют неудачные нападения, стали искать оставшихся в живых, как тех, кто никуда не обращался, так и тех, заявления которых были укрыты. За сравнительно короткое время получили словесный портрет подозреваемого. Имея в виду, что геронтофилия – заболевание из раздела «Психопатии» в международной классификации болезней, мы искали человека с такими признаками. Учитывая наследственный фактор, наши усилия были направлены на выявление лиц, страдающих любыми сексуальными отклонениями, и их близких. Однажды нам рассказали о молодом, уже умершем парне, страдавшем зоофилией (половое влечение к животным). Из близких родственников обратили внимание на его родного брата – в прошлом старшину-пограничника, отличного производственника, хорошего семьянина по фамилии Литвиненко. Результаты проверки оказались обнадеживающими: по всем известным убийствам и изнасилованиям у него не было алиби. Позже появились данные и о наличии у подозреваемого признаков интересующего нас заболевания.

…В квартиру мы зашли уверенные в правильности отрабатываемой версии. Предложили Литвиненко одеться. Тот

выглядел подавленным, спросил, брать ли ему мыло и зубную щетку. Первый же допрос я начал не с разговора об убийствах, а о его заболевании, как оно началось и как привело к первому преступлению. Наши познания о причинах его недуга буквально потрясли парня. Он заплакал, а затем начал подробно рассказывать о том, что мы уже знали, а также о неизвестных следствию фактах. Он понес наказание. Жизни многих возможных жертв Литвиненко были спасены.

Вот тогда-то мы и пришли к убеждению, что отсутствие специального (со строжайшим соблюдением законности) учета лиц с сексуальными отклонениями ставит раскрытие аналогичных преступлений в зависимость от фактора случайности (вспомните случай с понятой!). На свой страх и риск мы такой учет завели, разработав специальную карту и определив источник сведений для ее заполнения.

И вовремя. Когда вскоре в городе пошла серия изнасилований девочек от пяти до девяти лет, наша картотека была достаточно полной и наряду с другими данными содержала описание словесного портрета и особых примет лиц, страдающих сексуальной патологией. Последнюю из потерпевших я допрашивал сам. Девочка запомнила, что на правой ноге насильника видела татуировку – «белочку, жующую орех». Человек с такой приметой был в картотеке. Десять лет назад он привлекался к уголовной ответственности за изнасилование малолетней. Почти год находился под стражей, но доказательства его вины сочли неубедительными. Преступник оказался на свободе. Цена этому – пять очередных жертв.

Через несколько лет меня перевели в Москву, Катютина – в Киев. А что же с созданной нами картотекой? Реализованная в пору нашей совместной работы идея оказалась невостребованной.

Убийство женщины со вспоротым животом мы так и не раскрыли, как и убийства нескольких мальчиков, последовавшие после этого.

Еще в 1984 году я убеждал коллег в том, что ростовский маньяк может быть причастен к убийствам на территории Украины, в том числе и к тем, которые остались нераскрытыми. Тщетно. Хотя, нужно отдать должное, дела затребовали, изучили. Правота моя подтвердилась только в ноябре – декабре 1990 года. Я убежден, при ином, более профессиональном, подходе к раскрытию преступлений такого рода Чикатило обязаны были разоблачить еще в 1985 году. Именно тогда он попал в поле зрения следствия и был задержан. Никто не удосужился сопоставить даты убийств с датами поездок преступника на Украину, которые, как оказалось впоследствии, совпадали. А

также не учитывали в должной мере того, что совпадали способы совершения убийств.

Изучение специальной литературы и накопленный практический опыт я постарался обобщить в своем выступлении на зональном совещании прокуроров-криминалистов в Кишиневе летом 1979 года. Но что толку! Предложения по методике и тактике раскрытия преступлений по сексуальным мотивам канули в Лету…

Уже тогда перед учеными и практиками, принимавшими участие в семинаре, я поставил вопрос о теоретической разработке принципа ограниченной вменяемости и внесения соответствующих изменений в Уголовный кодекс. Я говорил о том, что в ряде стран к лицам, признанным ограниченно вменяемыми, страдающими сексуальной патологией, применяется кастрация либо жесткая изоляция от общества в специальном лечебном учреждении. Меня не поняли, и потому сегодня на свободе знаменитый маньяк-людоед Джумагалиев. Сколько жертв на его счету после выхода из психбольницы, не знает никто.

В марте 1997 года «Известия» напечатали материал о сектах скопцов на территории России. Автор публикации разыскал молодого парня, который страдал педофилией, и побеседовал с ним. Чтобы избежать самого страшного, парень силой воли заставил себя пойти на оскопление.

– Неужели было бы лучше, если бы я, будучи не в состоянии преодолеть сексуальное влечение к ребенку, изнасиловал его, а возможно, и убил? – заявил он корреспонденту.

А сколько таких преступлений и на сегодня числятся нераскрытыми! Вот и пестрят сводки МВД очередными сообщениями о новых жертвах маньяков. Мы же все пытаемся свести к частностям, не замечая проблемы. Впрочем, это, видимо, вопрос профессиональной организации всей правоохранительной системы. А значит, необозримого будущего. Слава богу, хоть сейчас стали говорить и писать об этом более открыто.

Из прошлого. Конец 70-х

Шел проливной дождь. Женщина вышла из дому, когда уже стемнело. Она спешила на работу в ночную смену. На шагнувшего навстречу парня внимания не обратила. Только когда обожгла голову страшная боль, поняла, что ее убивают. Она закричала, захлебываясь кровью, и вбежала в ближайшую калитку, где жили друзья. Успела постучать в окно, упала на лавочку и умерла.

Лезвие ножа рассекло кожу лица, прошло между зубами и перерезало крупные артерии на шее.

На место происшествия выехал только член нашей оперативно-следственной группы Юра Катютин. Через несколько дней было получено сообщение, что преступление раскрыто и убийца – некто Уваров – арестован. Сокрытием фактов тяжких преступлений в застойные годы занимались повсеместно, и это дело не было исключением. Преступнику предъявили обвинение не в убийстве, а в причинении потерпевшей тяжких телесных повреждений, повлекших смерть.

Вскоре позвонил Юра:

– Слушай, приезжай. Ты прекрасно понимаешь, что здесь убийство и били ее ножом в голову. Да, он признался, но дважды отказывался от своих показаний. Так ни один суд его не осудит.

Я доложил мнение Катюнина прокурору области Светличному. Выслушал он внимательно, все понял.

– Выезжай, и делайте все возможное. Дело провалить нельзя.

Как всегда, Юра прав: дело сложное. Мало того что после дождя на улице не осталось никаких следов, но и изъятый нож не имел индивидуальных признаков. Более того, оказалось, что минут за тридцать до убийства наш обвиняемый зашел в кинотеатр на просмотр фильма. Именно так утверждали свидетели, которые видели обвиняемого в зале на этом сеансе. А если это вообще не он убийца?

Сначала я думал, что знакомые, которые видели его в кинотеатре, лгут, создавая обвиняемому алиби. Но чем больше мы устанавливали зрителей, побывавших на том сеансе, тем больше убеждались, что они правы. Правда, рассказали они и о том, что несколько человек выходили из зала во время сеанса. Но кто мог подтвердить, что вышел убийца? Вскоре выяснилось, что накануне на таком же сеансе он смотрел тот же фильм. И следовательно, в желании посмотреть его во второй раз можно предположить расчет на создание алиби.

Подозреваемый вновь признался в содеянном и пояснил, что

действительно, взяв билет в кино, рассчитывал таким путем отвести от себя возможные подозрения. Мы хорошо понимали, что это его признание не самое убедительное доказательство, но иного у нас не будет. Правда, знали мы и то, что это убийство далеко не все, в чем он повинен. Если он решится рассказать правду и это, в свою очередь, найдет объективное подтверждение, его признания будут расцениваться иначе.

Так оно и получилось. Только то, что легло на бумагу в его явках с повинной, имело место не у нас, а на территории города Чапаевска Куйбышевской области. Кому расследовать все это? У нас одно преступление, там – десятки. В установленный республиканским законом шестимесячный срок закончить такое дело невозможно. Выслушав по телефону Светличного, заместитель прокурора Украины Степан Федорович Скопенко сказал:

– В Союз за продлением срока содержания под стражей мы не пойдем. Как Калиниченко заварил эту кашу, так пусть и расхлебывает.

– Ну и что будем делать? – спросил меня Светличный.

Набравшись смелости, я предложил:

– Владимир Григорьевич, пошлите меня в Москву. Я добьюсь в Первопрестольной, чтобы чапаевские эпизоды рассматривали на месте и, более того, чтобы мы передали им по подследственности дело о нашем убийстве.

Светличный согласился, а я впервые в жизни оказался в столице. Помню, больше всего растерялся в метро и изрядно поплутал, пока добрался до здания Прокуратуры СССР на Пушкинской улице.

Принял меня прокурор следственного управления, ныне покойный, Володя Александров. Через несколько лет он «погорел». Выпил по поводу какого-то события вечером с друзьями. Утром опохмелился пивом по пути на работу – и надо же так случиться, что около десяти его вызвали на прием жалобщицы, направленной из приемной ЦК КПСС. Запах перегара она уловила сразу и тут же помчалась обратно в ЦК:

– Что за безобразие! По вашему поручению меня принимает пьяный прокурор.

Возмездие последовало незамедлительно. Володю вызвали к заместителю генерального прокурора СССР Найденову. Ничего не подозревая, он явился пред грозные очи руководства.

– Напишете заявление сами или везти на освидетельствование? – спросили его.

– Лучше напишу, – ответил Володя.

В тот же день был уволен немолодой, но очень порядочный

человек, бывший следователь по особо важным делам, отдавший всю свою жизнь раскрытию и расследованию сложных преступлений.

Тогда же, во время нашей первой встречи, он выслушал меня очень внимательно.

– Слушай, это очень серьезно: там, видимо, все эти преступления укрыты, а Чапаевск по этому вопросу месяц назад проверяла комиссия Президиума Верховного Совета СССР. За эти злоупотребления многие понесли суровое наказание. Пошли к заместителю начальника следственного управления Лодысеву.

С таким же вниманием выслушали мой доклад и на этом уровне.

– Нужно все подробно изложить Виктору Васильевичу, – сказал Лодысев.

На следующий день состоялась моя первая встреча с заместителем генерального прокурора СССР Найденовым.

Невысокого роста, худощавый, весь седой и очень симпатичный мужчина лет сорока слушал мой доклад, не спуская с меня проницательных с блеском взрывной энергии глаз.

– Вам нужно подъехать в Куйбышев и обо всем доложить прокурору области Баженову. Он человек порядочный и во всем разберется.

– Виктор Васильевич, мне нужно в ближайшие дни быть на семинаре в Киеве, – взмолился я.

– Ничего, из Куйбышева полетите в Киев. Скажете, я распорядился. Всего доброго.

Утром я снова у Лодысева.

– У нас изменения. В Куйбышеве тебе придется поработать несколько дней, так распорядился Найденов.

– В какой роли? – расстроился я. – Ведь у меня должность прокурора-криминалиста на Украине и свои планы на ближайшие дни.

– Ничего не знаю. Таково указание. – И уже тише добавил: – Передаю по секрету его слова: «Хочу посмотреть: умеет он так же работать, как красиво докладывать?»

Операция, которую мы начали в Куйбышеве с местными товарищами, прошла успешно. Я улетел в Киев, еще не зная, какую роль в моей дальнейшей жизни сыграет это задание заместителя генерального прокурора. Громкое дело по Чапаевску было успешно закончено расследованием прокуратурой Куйбышевской области. Преступников осудили, в том числе и за убийство на Украине.

Где-то через месяц, опять же в Киеве, решили провести совещание начальников следственных управлений прокуратур

областей и прокуроров-криминалистов. Курирующий службу криминалистов в республике Леонид Яковлевич Пинский посоветовал заместителю прокурора Украины Скопенко внести меня в список выступающих.

Как у нас было заведено в те годы, все читали свои доклады по бумажке. Это в конце концов вызвало раздражение прокурора республики Федора Кирилловича Глуха (ныне покойного).

– Слушай, – обратился он к одному из выступавших, – оставь в покое бумагу. Ты можешь просто и толково рассказать, что у тебя делается в области?

Докладчик растерялся, а Глух, выдержав паузу, махнул рукой: мол, продолжай. Я выступал в числе последних и минут сорок, как говорят, отчесал без запинки и… бумажки. Сел на место в зале, ребята одобрительно похлопывают по плечу.

– Ну, старик, будешь работать в Киеве, Глух только тебя и слушал.

Сам отшучиваюсь, но чувствую, что выступление было действительно удачным. Совещание закончилось, выходим из зала. Вдруг за спиной слышу голос Скопенко:

– Калиниченко, поднимись ко мне и подожди в приемной.

Думаю: вот и окажутся ребята правы и сбудется моя мечта – жить в Киеве. (Любил и люблю я этот город, как никакой другой.) Да и работа в республике открывала совершенно новые возможности в совершенствовании профессионального мастерства.

Скопенко приглашает сесть напротив, улыбается.

– Федор Кириллович спрашивает, на какую должность к нам пойдешь?

– Только не клерком.

– Что, согласишься важняком?[20]

– Конечно.

– Ну молодец. Я тебе самую лучшую квартиру в центре подберу. В общем, езжай домой и помалкивай о предложении, пока мы все не согласуем в ЦК.

Я вернулся в Запорожье с надеждой, что все закончится благополучно. Между тем произошли события, оказавшие влияние на мою дальнейшую судьбу.

Гейдар Алиев – Гамбой Мамедов. Схватка

…Внимательные путешественники в России подмечали с первого же взгляда то раболепство перед царем, какое пышно цвело при дворе среди людей знатных, очень высокопоставленных, колоссально богатых, которым, казалось бы, не было никакой нужды в этом раболепстве. Но дело было только в том, что множество людей при Николае именно раболепством и сделали себе карьеру. Если сам Николай любил нравиться тем, с кем говорил, то еще естественнее было тем, с кем он говорил, стараться понравиться чем-нибудь и как-нибудь ему – самодержцу, от которого зависело возвысить или унизить… Каждое слово его похвалы кому бы то ни было мгновенно подхватывалось решительно всеми и сразу, как магический ключ открывало счастливцу двери во все сердца, стоило только раскрыть для кого-нибудь свои объятия царю – и избранник фортуны терял уже счет объятиям, которые кругом для него открывались, и радостным восклицаниям, которыми его встречали всюду.

Наоборот, все сразу становились холодными к тем, кого постигла царская немилость, их не замечали, переставали их узнавать, может быть, боялись показать, что с ними знакомы, чтобы это не стало известно при дворе.

Все доносили и всё доносили: не опасаясь доносов, можно было

говорить разве только с самим Николаем.

С. Сергеев-Ценский. Севастопольская страда

После войны в родной Азербайджан вернулся один из героев Сталинградской битвы, организатор и командир роты так называемых кочующих минометов, офицер-орденоносец Гамбой Мамедов. Его тут же взяли на работу в КГБ, и вскоре он возглавил следственный отдел в этом ведомстве. В той же системе работал никому тогда не известный Гейдар Алиев. Так уж случилось, что в конце 50-х Мамедов расследовал две скандальные истории, в которых был замешан Алиев. Одна была связана с изнасилованием, другая с самоубийством.

Дела по этим фактам были прекращены, но Алиев долгие годы побаивался Мамедова и, говорят, даже заискивал перед ним. Человек исключительной честности и порядочности, Гамбой Мамедов снискал себе уважение не только в республике, но и пользовался огромным авторитетом в Прокуратуре СССР, и поэтому, когда в середине 60-х годов решался вопрос, кому возглавить прокуратуру республики, его кандидатура никаких сомнений не вызывала.

Успешно продвигался по службе и Алиев. Сумев найти ключик к сердцу близкого Брежневу человека, тогдашнего председателя КГБ Азербайджана Цвигуна, Алиев стал его преемником на этом посту. Однако полной неожиданностью для многих, в том числе и для Гамбоя Мамедова, было избрание Алиева 14 июля 1969 года первым секретарем ЦК республики. С таким головокружительным взлетом не уважаемого им человека он смириться не мог. Протест свой Мамедов выражал разговорами о никчемности первого, о чем тому исправно докладывали. Алиев долго терпел, пытаясь образумить прокурора республики через свое окружение, а затем задумал комбинацию по устранению опасного свидетеля.

Как бывший руководитель КГБ, он располагал обширной негласной информацией о работниках правоохранительных органов, которую до поры до времени не пускал в ход. Знал Алиев и о не очень благовидных делах начальника следственного отдела прокуратуры республики Саши Бабаева. Его взяли в активную оперативную разработку[21] как человека, который в паре с другим ответственным работником прокуратуры Изей Кулиевым вложил деньги в так называемые подпольные цеха и регулярно получал свою долю прибыли.

Когда оперативные материалы были реализованы и начались

первые аресты цеховиков, Алиев позвонил генеральному прокурору Роману Андреевичу Руденко и поставил его в известность о подозрениях, павших на Бабаева. Перед этим он вызвал к себе Мамедова и заставил дать санкцию на арест его ближайшего сподвижника.

Алиев просил Руденко поручить расследование дела одному из следователей по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР, заявив, что местным, республиканским ЦК не доверяет. Для убедительности генеральному прокурору СССР показали видеофильм, где Бабаев с друзьями из центрального аппарата – Прокуратуры СССР – в номере московской гостиницы развлекались с девочками сомнительного поведения. Запечатленных на пленке выгнали с работы, а в Азербайджан выехала следственная группа Прокуратуры СССР.

Дело Бабаева дало основание Алиеву организовать проверку работы республиканской прокуратуры в целом. Компромат искать было несложно, благо наушников везде более чем достаточно. Угодничая, подбирали любые факты, которые могли бросить тень на прокурора республики.

В Хочмасском районе в правоохранительные органы стали поступать заявления, что бригадир одного из колхозов Гейдаров содержит участки неучтенной земли. Выращенные там овощи сбывает и вырученные деньги делит с некоторыми ответственными должностными лицами района.

Была организована проверка. Комиссию возглавлял главный бухгалтер райсельхозуправления Сеидов. Изложенные в заявлениях факты полностью подтвердились, и тогда Гейдаров предложил проверяющему взятку в триста рублей. Сеидов от денег отказался и готовил к подписанию всеми членами комиссии акт проверки. Гейдаров рассказал обо всем своим покровителям в милиции. Они предложили написать заявление о том, что якобы председатель комиссии Сеидов вымогал у него триста рублей. Так и сделали. Нашли деньги, переписали номера купюр, создали группу захвата и сказали: «Неси!»

В воскресный день в здании правления колхоза Сеидов завершал подготовку документов по проверке. В приемной печатала машинистка. В кабинете напротив находился главный бухгалтер колхоза Пенджалиев. Взяткодатель вошел в здание правления и минут через десять вышел. Выглядел он несколько растерянным, но тем не менее подал знак: взятка передана. В кабинет к Сеидову ворвались работники милиции:

– Руки на стол, не двигаться! Вы только что получили взятку!

– Я ничего не получал, – растерянно ответил Сеидов.

– Давайте понятых, начинаем обыск, – скомандовал

руководитель группы.

– Это провокация, – попробовал защищаться Сеидов.

– Молчать! – рявкнули на него.

Тщательный обыск кабинета оказался безрезультатным. Растерялись все работники следственно-оперативной группы и ее руководитель. Бросив злой взгляд на Гейдарова, коротко бросил: «Пойдем!» – и вывел его из кабинета.

Все молчали. Минут через пять вошел улыбающийся руководитель группы захвата. За ним, робко переступая, двигался главный бухгалтер Пенджалиев, из-за спины которого выглядывал Гейдаров. Торжествующим голосом, обращаясь к Гейдарову, майор спросил:

– Так кому вы передали взятку?

– Ему! Ему! – залепетал Гейдаров, показывая на Сеидова.

– А вы что знаете об этом? – Теперь майор обратился к Пенджалиеву.

Опустив глаза, путаясь, Пенджалиев проговорил, кивая на Сеидова:

– Он передал мне деньги и попросил спрятать.

– Какие деньги? – только и смог выдохнуть Сеидов.

Его никто не слушал. Группа захвата ринулась в кабинет Пенджалиева. Из открытого сейфа торжественно извлекли пакет с деньгами.

Напрасно Сеидов требовал найти его отпечатки пальцев и взывал к разуму присутствующих. Убеждал, что он не мог передать деньги тому, кого проверял, а тем более фальсифицировать за взятку акт проверки, уже подписанный тремя членами комиссии. Группа захвата нуждалась именно в таком результате. Он был заранее заказан, и его получили.

В тот же день Сеидова арестовали. Для любого грамотного юриста эта ситуация была ясна – провокация. Но так не считали в Азербайджане в те годы, когда призыв об усилении борьбы со взяточничеством следовало подкреплять соответствующими цифрами статистической отчетности.

За любые размеры полученных взяток карали беспощадно. Многих высокопоставленных руководителей казнили, забыв о понятии милосердия. Отсутствие вины Сеидова было очевидно, но в группе захвата находился следователь прокуратуры, а прокурор района дал санкцию на арест. Машина заработала, и маховик ее крутился в одну сторону. Делали все возможное, чтобы доказать вину руководителя комиссии.

Между тем жалобы родни Сеидова летели во все инстанции. Дело неоднократно истребовалось прокуратурой республики, и в течение ряда месяцев его изучали несколько прокуроров. Все

приходили к выводу, что Сеидов арестован и привлекается к уголовной ответственности незаконно. Но принять решение об освобождении из-под стражи и прекращении дела представлялось затруднительным, ибо под лозунгом бескомпромиссной борьбы со взяточничеством в республике можно было в лучшем случае заработать ярлык «покровителя мафии». Поэтому пришлось Сеидову сидеть шесть месяцев. Дальше продлить срок содержания под стражей мог лишь генеральный прокурор.

По установленному порядку пришлось проводить оперативное совещание у Гамбоя Мамедова. Мнение было единодушным – дело в суд направлять нельзя. Сеидов вернулся домой, с чем никак не могли смириться лица, провернувшие «блестящую операцию задержания с поличным».

Азербайджан – республика не из самых крупных, руководящая номенклатура хорошо знает друг друга и прекрасно ориентируется в политической конъюнктуре. Стремление Алиева расправиться с прокурором республики уловили моментально. Знали отлично и желание партийных руководителей при решении кадровых вопросов и в борьбе с конкурентами использовать негласную деятельность КГБ и МВД: так называемые оперативные установки и неофициальную информацию. Писать в них можно все что угодно, но, так как идут они под грифом «совершенно секретно», отмыться от грязи, которую вылили там на человека, или, по крайней мере, попытаться оправдаться – невозможно. Так услужливо и подсунули Алиеву сведения о том, что якобы работники прокуратуры республики, причастные к делу Сеидова, за прекращение дела получили семьдесят тысяч рублей. Причем деньги для взятки собрали односельчане и родственники обвиняемого.

Забегая вперед, скажу, что, когда пришлось вести расследование по этому факту, я так и не смог найти ни одного сборщика дани. Но самое грустное было в том, что МВД и КГБ республики сообщили, что сведениями о сборе денег, а тем более о даче их в виде взятки они не располагают и не располагали никогда.

А тогда Алиев вызвал к себе Мамедова. Разговор был резкий и носил такой характер, что Мамедов, вернувшись к себе, тут же лично отменил постановление о прекращении дела и вновь арестовал Сеидова.

За неделю дело по его обвинению направили в Верховный суд республики, а еще через девять дней осудили к тринадцати годам лишения свободы. Тогда еще Мамедов не понимал, что таким маневром, его руками, опытный партноменклатурщик построил первую ступеньку для будущей расправы с ним самим и его

подчиненными.

Вступивший в законную силу приговор дал Алиеву повод к призыву о наказании тех, кто имел отношение к освобождению Сеидова из-под стражи. Все причастные к этому лица были уволены из органов прокуратуры, а некоторые исключены из партии. При этом формулировки были такими, что спустя много лет ни я, ни кто другой не могли понять, за что людей лишили партбилетов и вышвырнули на улицу. Я спрашивал об этом одного из пострадавших, а он, седой, рано постаревший, но несломленный человек, сказал:

– Знаете, тогда оправдываться было бесполезно. Все находились под страхом жестокой, под любым надуманным предлогом расправы. За исключение из партии наши товарищи проголосовали единогласно. Нам они сочувствовали, шептались между собой, а аргумент приводили один – ЦК виднее. Под ЦК понимался всесильный Гейдар Алиев. Позже он захотел подкрепить свое решение признанием нами вины. От нас хотели получить покаянные письма. Я заявил его посланникам, что в этой жизни на восстановление справедливости не рассчитываю и каяться, если не виноват, никогда не буду, а на колени перед ними не встану. Я также сказал им: «Все равно придет правда! Не ко мне, так к моим детям».

Встретились мы и с Сеидовым в колонии, где он отбывал наказание.

– Я тяжело болен и отсюда не выйду, – сказал он. – Отсидел здесь пять долгих лет. Поверьте хотя бы вы: я никогда не брал тех денег. Аллах им судья.

Спрашивается, кому был нужен этот скромный человек, главный бухгалтер районного сельхозуправления? Сначала он стал препятствием для небольшой мафиозной структуры и, не приняв правил игры, не приняв взятки, был устранен путем провокации. Затем заработала неумолимая машина существующей правоохранительной системы, для которой важны были статистические показатели, портить которые не разрешалось – ведь за них боролись снизу доверху, кроме того, за незаконный арест можно было сурово пострадать, и поэтому у нас знали: незаконных арестов быть не может, равно как и ошибок при оценке доказательств.

Ну а если все же встречались ошибки?

Такого не могло и не должно было быть. Факт прекращения дела против Сеидова и последующего его осуждения дополнило досье, давно собираемое на Мамедова. Стержнем же его стало дело Саши Бабаева. Можно было ставить вопрос о серьезной проверке прокуратуры республики партийной комиссией. Алиев

продирижировал, и партию разыграли. Решением бюро ЦК КП Азербайджана Гамбоя Мамедова освободили от занимаемой должности. Роману Андреевичу Руденко оставили пустяковую мелочь – подписать соответствующий приказ, что он и сделал. Гейдар Алиевич Алиев, как и другие его соратники по партии, любивший цитировать В. И. Ленина, напрочь игнорировал его наставления «о двойном подчинении и соцзаконности», по которому прокурор находится в подчинении по вертикали и не может быть зависим от местных органов власти.

Новым прокурором республики стал заместитель председателя КГБ Аббас Тагиевич Заманов, сосед Гамбоя Алескеровича по подъезду, человек бесконечно далекий от прокурорской деятельности.

Мамедова спровадили на пенсию, но депутатской неприкосновенности не лишили. Видимо, Алиев, побаиваясь строптивого прокурора, решил тем самым подсластить пилюлю.

Но каким неблагодарным оказался бывший прокурор! Когда его пытались трудоустроить, он отказывался от предлагаемых должностей среднего руководящего звена и все норовил занять номенклатурную, то есть равнозначную той, с которой его сняли. Но разве можно так провести Гейдара Алиевича? Сегодня я тебя сюда, а завтра ты заявление в Москву: мол, за что сняли на бюро, когда на номенклатурную, пусть и на другую, должность утвердили?

Такое противостояние длилось несколько лет. В конце 1978 года по заранее расписанному сценарию проходила очередная сессия Верховного Совета республики. Заседание заканчивалось, и председательствующий по традиции спросил: «У кого что есть?» И вдруг все замерли. Подняв руку и встав со своего места, к президиуму двинулся Гамбой Мамедов. Он шел, покраснев, играя желваками, в полной тишине. Это было такое отступление от ритуала, что растерялись не только депутаты, но и рабочий президиум во главе с Алиевым. Гамбой Мамедов шел посягать на основы, и об этом догадывались. Его пробовали остановить репликами, но тщетно.

Алиев лихорадочно перешептывался с составом президиума, а Мамедов между тем вышел на трибуну. Речь его была сбивчивой, но страстной. Он говорил о непорядочности первого секретаря ЦК, о том, что в республике процветают приписки, особенно в хлопковой промышленности, очковтирательство, обман государства и т. д. Многого он сказать не успел: его стащили с трибуны разгневанные депутаты (фактически работники спецслужб, обслуживающие сессию).

И тут-то началось! Подыгрывая лидеру партийной

организации республики, на трибуну поднимались «честные труженики», позором клеймившие отступника. Они вспоминали о якобы развалленной Мамедовым работе прокуратуры и многом другом. Все говорили о гремевших на весь Азербайджан судебных процессах, о бескомпромиссной борьбе с этим злом под руководством Гейдара Алиева, делая вид, что не знают о повсеместно процветавших мздоимстве и воровстве.

Никто не хотел вспоминать, что совсем недавно работник исправительно-трудовой колонии в Шуше, доведенный до отчаяния отказами в переводе к новому месту службы, из-за отсутствия денег для взятки дошел до крайности. С табельным оружием он приехал в Баку и вошел в здание МВД. Поднялся в приемную министра, оттолкнул адъютанта и ворвался в кабинет. Как в тире, стал расстреливать находившихся там людей: министра, двух его заместителей… Один из присутствующих успел спрятаться под стол. (Впоследствии его уволили за трусость. Хотя как он мог спасать в такой ситуации министра, так никто и не понял…)

Затем отчаявшийся работник колонии подошел к окну, в последний раз посмотрел на бурлившую за этими стенами жизнь и застрелился. Министр Гейдаров был другом Алиева, участником Великой Отечественной войны, Героем Советского Союза. Его уважали и неплохо о нем отзывались. Тем трагичнее была его гибель – расплата за обстановку, которая сложилась в республике. Глубоко же вникать в суть происходящего, а тем более говорить об этом, значило играть «не по правилам».

Мамедов уходил с сессии подавленным. В прошлом полковник КГБ, он шел домой под плотным наружным наблюдением. По пути ему встретился бывший коллега, который не знал о том, что произошло. Они поздоровались и минут пять поговорили. За этот разговор бывший сослуживец расплатился сполна.

Гневу Алиева не было предела. Новому прокурору дали команду немедленно возбудить против Гамбоя Мамедова уголовное дело. Основание? Как у нас любят говорить: был бы человек… Я не исключаю, что тогда могли пойти на его арест, причем с далеко идущей целью. Дело в том, что Мамедов болел тяжелой формой сахарного диабета, и достаточно было лишить его ненадолго инсулина, чтобы последовал летальный исход. После этого, подтасовав любые факты, уголовное дело можно прекращать в связи со смертью виновного. Ну а по части причины смерти все было бы шито-крыто. В данном случае Гамбой Мамедов оказался хитрее и умнее своих противников. Он знал о постоянной слежке и о том, что его возможному отъезду из Баку

воспрепятствуют любым способом. Мамедов сделал все, чтобы усыпить бдительность соглядатаев. Глубокой ночью, ближе к утру, он вышел из квартиры, сел в автомашину и уехал в Ереван, а оттуда самолетом вылетел в Москву.

В здании на Старой площади, в приемной Президиума Верховного Совета СССР, добивался приема на высшем уровне опальный прокурор республики. А в Баку бурлил гневом Гейдар Алиев.

Гамбоя Мамедова в ЦК КПСС приняли и выслушали.

– Вы предъявляете претензии к первому секретарю и ваше заявление подлежит проверке, но вы верите партийной организации республики? – дружески спросили его. – Разве у вас есть основания не доверять коллективному органу ЦК – бюро?

– Нет, не доверять бюро ЦК у меня оснований нет, – растерянно ответил Мамедов.

– Вот и хорошо. Мы дали соответствующие поручения. Езжайте в Баку и доложите на бюро все известные вам факты злоупотреблений. Товарищи во всем разберутся и нам доложат.

Я думаю, что уже тогда Гамбой Мамедов стал понимать, что загнал себя в угол. Но выхода у него не было, и он поехал в Баку. На бюро решил дать второй бой, к нему тщательно подготовился.

Председательствовал Алиев. Как только Мамедова пригласили в зал заседаний и он попытался заговорить, его грубо оборвал первый секретарь ЦК:

– Хватит демагогии, мы ее наслушались достаточно. Бюро рассмотрит вопрос о возможности твоего пребывания в партии за все, что ты натворил в республике.

Еще один срежиссированный спектакль прошел без сучка без задоринки.

– Кто за исключение Гамбоя Мамедова из членов КПСС? – спросил Алиев.

Обвел глазами членов бюро и добавил:

– Единогласно!

Только в 1986 году после ареста министра хлопкоочистительной промышленности республики Салманова, изъятия у него сотен тысяч рублей, расследования и изобличения в систематическом получении многомиллионных взяток по знаменитому шамхорскому и другим хлопковым делам стало ясно, насколько был прав в 1978 году Гамбой Алескерович Мамедов.

И еще: на бюро ЦК КП Азербайджана в очередной раз было продемонстрировано лицемерие центральных партийных органов – Мамедова просто-напросто обманули.

24 января 1979 года Гейдар Алиев выступил на 43-й

Бакинской городской партийной конференции. Заклеймив позором противников «очистительного» процесса в республике, он особое внимание уделил самому главному для себя – личности врага. Право, стоит остановиться на фрагментах его выступления, дабы понять, как было страшно попасть человеку под эту демагогию облеченного практически неограниченной властью руководителя.

«…Как вам известно, в июне 1976 года ЦК Компартии Азербайджана принял постановление «О серьезных недостатках в работе Прокуратуры Азербайджанской ССР». За серьезные недостатки в работе по организации прокурорско-следственной деятельности, осуществлению прокурорского надзора за законностью, неудовлетворительное состояние подбора и воспитания кадров в органах прокуратуры прокурор республики Г. А. Мамедов был снят с занимаемой должности…

Вместе с тем работа, проведенная по выполнению постановления ЦК… раскрыла всю глубину и масштабы насаждавшихся в течение многих лет в прокуратуре порочных методов руководства, извращений в подборе и расстановке кадров, серьезных недостатков и ошибок в борьбе с преступностью. Выявлены конкретные факты, изобличающие Мамедова в незаконном освобождении от наказания арестованных за взяточничество, хищение государственной собственности, а также другие злоупотребления с его стороны. Сейчас можно уверенно сказать, что за двенадцатилетний период пребывания на посту прокурора республики Мамедов нанес большой вред деятельности прокуратуры, особенно кадровой работе, воспитанию людей, борьбе с преступностью…

ЦК Компартии Азербайджана проявил высокую гуманность по отношению к Мамедову, учитывая состояние его здоровья. Однако же никаких выводов он, как коммунист, не сделал, продолжал вести себя недостойно, занимался распространением ложных, провокационных слухов, обывательских сплетен, полностью оторвался от жизни партийной организации… Таким образом, все наши меры, направленные на перевоспитание Мамедова (героя войны и высококвалифицированного специалиста. – *Авт.),* не дали никаких результатов, и он оказался самым ярым противником очистительного процесса, который осуществляется Центральным комитетом Компартии Азербайджана в республике начиная с 1969 года. И не случайно, что он 15 декабря 1978 года на сессии Верховного Совета Азербайджанской ССР допустил клеветнический провокационный выпад, вызвавший всеобщий гнев и осуждение депутатов…

18 апреля 1979 года бюро ЦК Компартии Азербайджана,

рассмотрев вопрос о партийной ответственности Г. Мамедова, исключило его из рядов КПСС за серьезные недостатки в работе, допущенные в бытность прокурором республики, недостойное поведение и клевету. *(Бурные аплодисменты.)* Избиратели отозвали его из состава депутатов Верховного Совета Азербайджанской ССР. *(Аплодисменты.)*

Выступившие на конференции делегаты приводили конкретные факты, изобличающие Мамедова в неблаговидных, недостойных коммуниста, советского гражданина действиях, выражали возмущение его поведением… Действительно, товарищи, таким, как Мамедов, не место в рядах нашей ленинской партии. *(Бурные аплодисменты.)* Мы и впредь будем с такой же решительностью и принципиальностью очищать наши ряды от подобных недостойных людей, независимо от занимаемого положения и прошлых заслуг. *(Аплодисменты.)»*

Ложь! Не было конкретных фактов злоупотреблений со стороны Мамедова. Но никого тогда не интересовала истина. Все бурно аплодировали выводам партийного руководителя, не ставя их под сомнение.

«…Октябрьский (1964 года) пленум ЦК КПСС означал начало нового этапа в жизни партии и страны. Его благотворное влияние в нашей республике особенно сказалось после 1969 года, когда в Азербайджане начался процесс устранения накопившихся в 50–60-е годы недостатков в деятельности партийных, советских, хозяйственных органов, процесс борьбы с многочисленными злоупотреблениями, с антиподами коммунистической морали… были у нас и сенсационные разоблачения, и суровые наказания людей, имена которых долгие годы казались неприкосновенными и недоступными для закона…

Мне хотелось бы подчеркнуть, произнося слово «законность», то, что мы имеем в виду не столько Уголовный кодекс, сколько моральный кодекс нашего общества. И с этой точки зрения собственно нарушение, его профилактика – не только юридический вопрос.

Корреспондент:

– Позвольте, Гейдар Алиевич, мы же говорим о законности. А это, мягко говоря…

– Не ищите мягких слов. Да, это – волевое решение. Как первый секретарь, я предложил, коллеги – приняли…»[22]

И в ЦК КПСС, и в Прокуратуре Союза трезвые умы великолепно понимали, что произошло в Азербайджане, и знали, какими будут результаты расследования. Прямо одернуть «любимца» тогдашнего генсека было невозможно, и генеральный прокурор решился только на одно: изъять дело в отношении

Гамбоя Мамедова из производства прокуратуры республики. Сам Алиев Мамедова приговорил, а в те годы было не принято опровергать политические решения.

Следственная часть Прокуратуры Союза под благовидным предлогом от расследования этого дела уклонилась. Стали искать следователя в одной из союзных республик. Выбор пал на Украину.

Где-то в конце апреля мне позвонил заместитель прокурора Украины Скопенко.

– Зайди к Светличному и передай, что мы вызываем тебя в Киев. Срочно бери билет и выезжай не позднее завтрашнего дня.

Об указании Скопенко я доложил Владимиру Григорьевичу. Мое сообщение вызвало у него недоумение и, мне показалось, какую-то настороженность и даже обиду. Так полагаю, за то, что Скопенко не позвонил ему непосредственно.

В Киеве меня принял прокурор республики Глух.

– Мы берем вас, – сказал он. – Письмо в Совет министров с разрешением на прописку я подписал, и квартиру вам подберем в течение месяца-двух. Но пока есть одно поручение. В Азербайджане на сессии Верховного Совета бывший прокурор республики выступил против Алиева. На него возбудили уголовное дело, обвиняя бог знает в чем. Это, конечно, чушь, и здесь нужно расставить все точки над «і». Найденов поручил нам подобрать следователя, который взял бы это дело. Мы остановились на вас. Сегодня же выезжайте в Москву, билет вам обеспечат. Там выпишут командировку и дадут задание более конкретное. За пару месяцев разберитесь и возвращайтесь. К тому времени все будет готово к переезду.

Тогда я еще не знал, что и Глух и Скопенко считали, что следователь, которому поручат дело Мамедова, мягко говоря, «не выживет». Когда же Глуху позвонил Найденов, они со Скопенко стали подбирать кандидатуру. Здесь-то Степан Федорович и назвал меня. Ход его мыслей, думаю, был таким. Посылать нужно «важняка». Но если он провалится, то могут предъявить претензии прокуратуре республики. Если же послать кандидата в «важняки», то задание Союза, по существу, будет выполнено, а в случае провала можно сослаться на допущенную ошибку, недооценку возможностей кандидата. Такое предложение, полагаю, понравилось Глуху.

– Если вывернется, это лучшая ему характеристика, – сказал Скопенко.

Позвонили Найденову и назвали мою кандидатуру.

– Этот подойдет, – сказал Виктор Васильевич. – Я его хорошо помню.

Солнечный и приветливый Баку. Очень доброжелательная встреча. Максимум внимания со стороны встречающих. Сразу представили прокурору Азербайджана Заманову. Невысокого роста, седой, приятной наружности человек. Бросилось в глаза белое полотенце, расстеленное на столе под руками. За период беседы два-три раза подали чай и угостили великолепными конфетами. Сразу обратил внимание, что отношение со стороны подчиненных к прокурору республики исключительно подобострастное. Договорились о полном взаимодействии, и я заверил Заманова, что никаких секретов от него иметь не буду. Это ему очень понравилось.

Изучив дело, состоявшее из семи томов, схватился за голову от того, что увидел. В редакциях газет, из архивов прокуратуры, ЦК и других организаций забрали все анонимки и заявления, когда-либо поступавшие на Мамедова. Проверочные материалы и заключения по ним уничтожили. «Голые заявления» составили основу расследования. Попытался их систематизировать по эпизодам. Таковых получилось несколько десятков. По большинству из них вообще не было никаких оснований вести следствие. Советоваться, как поступить в этой ситуации, было не с кем, и я принял решение выделить эти эпизоды в отдельное производство и возвратить для проверки прокурору Азербайджанской ССР.

Заманов с таким решением согласился. Себе я оставил шесть эпизодов, из которых только один с горем пополам тянул на злоупотребление со стороны Мамедова.

С первых дней мои азербайджанские коллеги дали мне понять, что дело Мамедова заказное. Позиция первого лица в республике известна, высказана им публично, требуется лишь подкрепить ее процессуальным решением. Мне постоянно рассказывали о том, что происходит с родственниками и близкими знакомыми опального прокурора республики. Кого можно – выгнали с должностей. Если были хоть какие-то основания – посадили. Вообще, гнев Алиева обрушился на всю мамедовскую родню.

Помню, как в августе ко мне пришла женщина лет пятидесяти. Это была, если мне не изменяет память, двоюродная сестра Гамбоя Алескеровича. Показывая огрубевшие от мозолей руки, она все время плакала и причитала: «За что? За что? За что?»

Из ее бессвязного рассказа я понял, что дочь поступала в пединститут и на первом же экзамене ее умышленно срезали, даже не выслушав ответы.

Она говорила о том, что Гамбой никогда не бывал в ее доме,

так же как и она в его квартире. Что она не понимает, почему так мстят ей, простой крестьянке, и ее ни в чем не повинной дочери. Что я мог ей ответить? Только посочувствовать. Все жалобы, которые эти люди направляли в Москву, возвращались в Азербайджан для проверки и ответов. Несчастные люди ходили по замкнутому кругу.

В те же годы меня познакомили с бывшим бакинцем, а тогда гражданином Великобритании. В 60-х годах его отец был директором завода по производству соков. После прихода Алиева к власти через этого человека пытались расправиться с политическим противником – председателем Президиума Верховного Совета. Он не поддался, и тогда против него возбудили уголовное дело. Через год отца моего английского знакомого расстреляли. Сын просил добиться хотя бы его посмертной реабилитации. В Баку по моей просьбе выехал опытный адвокат.

– Не знаю, – говорил он мне потом, – был ли этот человек вором. Но то, что в деле нет никаких доказательств его вины, – это точно.

Обжалование приговора оказалось совершенно безнадежным делом. Что-что, а сводить счеты друг с другом, не брезгуя средствами, в нашей благословенной стране умели всегда.

Эти события тех далеких лет как две капли воды похожи на то, что происходит в Азербайджане сегодня. 27 марта 1997 года «Известия» опубликовали статью Валерия Выжутовича «Из России – в наручниках». Как опальный Гамбой Мамедов, так и нынешние политические противники теперь уже президента Азербайджана Гейдара Алиева ищут убежища в Москве. Как и тогда, «успешно» расследуются заказные дела, как и в те годы, оглашаются смертные приговоры политическим оппонентам, претендующим на власть, как и тогда, вершится расправа над всеми их родственниками. Восток – дело тонкое.

В июле того же 1979 года в Молдавии проходило ранее упоминавшееся Всесоюзное зональное совещание прокуроров-криминалистов, участником которого был и я. Вылетел из Баку в Кишинев. После завершения первого рабочего дня Скопенко пригласил зайти к нему в гостиницу. Завязался оживленный разговор, и Степан Федорович, сам постоянно попадавший в сложнейшие ситуации, связанные с привлечением высокопоставленных руководителей, стал расспрашивать, как идет у меня дело. Пришлось рассказать, в какое сложное положение я попал, и поинтересовался, как решается мой вопрос с назначением и особенно с получением жилья.

– Ты давай заканчивай дело и приезжай. Тогда будем все

решать, – ответил Скопенко.

Я расстроился. Ведь квартиру мне обещали к концу июня. Вернулся в Баку в состоянии полной неопределенности в будущем.

К августу все основные следственные действия были выполнены. По делу о получении взятки Сеидовым выяснено, что злоупотреблений со стороны Мамедова допущено не было и никто никаких взяток за освобождение Сеидова из-под стражи не получал.

Всего один эпизод ставил Мамедова в не совсем удобное положение, а именно: 5 июля 1973 года при получении взятки в сумме 60 рублей от подчиненного был задержан, а затем арестован начальник одного из ремонтных управлений Гаджиев. Вину в содеянном он не признавал и утверждал, что ему вернули долг. Сами следователи рассказывали мне, что кампания борьбы со взяточничеством развернута так, что одного показания о даче взятки было достаточно для обвинительного приговора. Так что сидеть бы Гаджиеву, и не один год, но он оказался близким родственником известного азербайджанского композитора, а тот, в свою очередь, другом Мамедова.

В июле 1973 года уже упоминавшийся ранее начальник следственного отдела Саша Бабаев дал письменное указание об изменении Гаджиеву меры пресечения, а через некоторое время дело прекратили за недоказанностью предъявленного обвинения. Заинтересованность в исходе дела со стороны Гамбоя Алескеровича была налицо, но было одно но. Бабаев должен был подтвердить, что выполнял волю своего руководителя. Под стражей он содержался в следственном изоляторе КГБ, где мы и встретились. Бабаев был обаятельным и умным собеседником. Зная, как ждет от него Алиев любых показаний, разоблачающих Мамедова, он стоял за своего шефа горой. И в случае с Гаджиевым утверждал, что принял решение, основываясь на законе и считая, что доказательств его вины в получении взятки нет.

– Понимаешь, они тянут меня на расстрел вашими руками. Мне сказали, что сохранят жизнь, если я дам показания на Гамбоя. Но у меня с ним ничего не было, и на оговор я не пойду.

– Только ли на Гамбоя? – спросил я.

– Не понял?

– Неужели вы никогда и никому не давали взяток?

Бабаев усмехнулся, выдержал паузу и ответил:

– Представь себе, никому.

Некоторое время помолчал и добавил:

– Жизнь такая штука… Меня, скорее всего, шлепнут. Но

пройдут годы, и я хочу, чтобы друзья и враги, вспоминая меня, всегда говорили: он был мужчиной. А к тебе одна просьба. Я знаю, что ты маленький человек и от тебя ничего не зависит, но ты занимаешься вонючим делом и с большим начальством все равно встретишься. Передай мою просьбу, пусть мое дело направят в суд любой республики, кроме Азербайджана. Меня оправдают, можешь не сомневаться. Здесь меня осудят.

Бабаева приговорили к расстрелу, и в местной печати началась кампания всеобщего одобрения столь сурового наказания. При даче заключения по ходатайству о помиловании заместитель председателя Верховного суда СССР Смоленцев поставил вопрос о подготовке протеста, считая, что вина Бабаева по делу не доказана. Что тогда произошло и какие рычаги включил Алиев, я не знаю и только догадываюсь. Протест по делу не вносился. Говорили, что Бабаев умер так же мужественно, как вел себя в жизни.

Никто не стал вносить протест и по делу Сеидова, хотя очевидно было, что он невиновен и отбывает наказание как пешка, которой пожертвовали в большой игре.

Интересным был еще один эпизод, по которому пытались обвинить в злоупотреблении Мамедова. В материалы дела его заложили лихо, не вникая в суть, а на поверку вышло, что все решения по делу принимал заместитель Мамедова Велиев. В 70-х годах он возглавлял отдел административных органов ЦК КП Азербайджана, а после убийства министра внутренних дел республики был назначен на эту должность. Его нужно было допросить по этому эпизоду. К тому времени я немного разобрался в психологии южан, особенно сановных руководителей, и хорошо представлял, что значит вызвать на допрос генерал-майора милиции Велиева. И тут я решил схитрить. Составил письмо-вопросник на его имя и через нарочного передал адъютанту.

Эти мои маневры совпали с «большим праздником» жителей республики – вручением в Москве Гейдару Алиевичу Алиеву первой «Золотой Звезды» Героя Социалистического Труда. Вся страна смотрела по телевизору, как стареющий генсек прикрепил дрожащими руками к груди поджарого с обаятельной улыбкой Алиева «Золотую Звезду» и орден Ленина.

Если я не ошибаюсь, было это в четверг, а в пятницу мне позвонили из ЦК Азербайджана:

– Владимир Иванович, добрый день. Глущенко (зам заведующего отделом административных органов ЦК). Как работается, как настроение? Вы уже у нас несколько месяцев, а что-то к нам не заходите.

– Не приглашаете.

– Тогда посылаю за вами машину.

Разговор о результатах расследования шел в доброжелательном тоне.

– Вы представляете, какой будет реакция Гейдара Алиевича, если он узнает, что дело нужно прекращать?

– Представляю, но по тридцати двум эпизодам расследование проводили ваши следователи, и все пришли к выводу, что они подлежат прекращению за отсутствием события преступления.

– Так-то оно так, но… Вы знаете, вам нужно обязательно встретиться с Гейдаром Алиевичем и все ему доложить.

– Но я не имею на него выходов и не знаю, как это сделать.

– Я вам постараюсь помочь. И еще один вопрос. Вы должны допрашивать Велиева?

– Да, но я не стал этого делать и направил запрос-вопросник, это меня вполне устроит.

Глущенко замялся:

– Понимаете, Владимир Иванович, Велиев человек очень самолюбивый и не хотел бы, чтобы документы с его подписью фигурировали в деле.

– Возможно, но закон для всех один, и для Велиева тоже.

Глущенко улыбнулся:

– Да, закон для всех один, но его исполняют люди. У нас к вам одна просьба: встретиться с Велиевым у него. Он вам все расскажет, а вы по результатам беседы составите справку.

Раздумывал я одну-две минуты. Уголовно-процессуальным кодексом такое оформление допроса не предусмотрено, но стоило ли еще больше обострять ситуацию?

– Согласен.

– Вот и хорошо. Заранее вам благодарен. В субботу в десять утра он ждет у себя.

Расстались мы как старые знакомые, и на следующий день я так же тепло встретился с Велиевым. Его тоже интересовали подробности по делу. Но главное – я уловил другое: Велиев был доволен тем, что прокуратура республики не оправдала доверия Алиева и, по сути, провалила порученное задание.

– Вы знаете, вам обязательно нужно все рассказать Гейдару Алиевичу, и подробно.

– Это я понимаю, и Глущенко обещал мне помочь.

– Все будет в порядке. Он завтра возвращается в Баку, и мы сделаем так, что в понедельник вы будете у него, – сказал Велиев.

Мне впервые в жизни предлагали встречу с руководителем такого высокого уровня. Ведь одно дело – видеть его портреты в газетах, смотреть по телевидению, а тут встреча живьем.

В понедельник около одиннадцати позвонил Глущенко.

– Владимир Иванович, никуда не отлучайтесь, Гейдар Алиевич сегодня вас примет. Время обозначим позже.

Итак, аудиенция состоится, но при таком повороте я решил, что обходить прокурора республики Заманова нельзя, и поехал к нему.

– Аббас Тагиевич, меня приглашает для беседы Алиев, но вы прокурор республики, и без вас беседовать с первым секретарем я бы не хотел.

Заманов растерялся и залился краской.

– Как – приглашает! Я ничего об этом не знаю.

– Переговорите в ЦК, потому что времени не назвали. Вы мне и скажете, когда нам нужно ехать. Я буду у себя в кабинете, – ответил я.

Обедать не пошел – ждал телефонного звонка. Но его не было ни после обеда, ни до конца рабочего дня. Только после семи вечера позвонил Заманов, голос его дрожал от гнева:

– Так не Гейдар Алиевич вас приглашает, а вы напросились к нему сами?

– Аббас Тагиевич, но я должен или доложить первому лицу результаты расследования, или уехать, а потом преподносить ему сюрпризы.

– Я за вами заеду в 20:30, – резко бросил Заманов и положил трубку.

В ЦК ехали, не разговаривая друг с другом. Глаза Заманова горели бешенством, и, когда он поглядывал на меня, казалось, что, если бы у него в руках был пистолет, он всадил бы в меня всю обойму.

В приемной у Алиева находились три охранника. С Замановым поздоровались как со старым знакомым. Меня пристально осмотрели. Ждали недолго. Открыли дверь:

– Проходите.

Кабинет небольшой. Много книг с закладками, и лежат они так, что любой посетитель понимает – его хозяин много работает с первоисточниками. В глубине кабинета в ослепительно-белой рубашке и темно-синем костюме, на котором сверкают «Золотая Звезда» и орден Ленина, сам Гейдар Алиевич Алиев. Увидев нас, поднимается из-за стола и идет навстречу. Только позже я понял, что это правило встречи, подчеркивающее партийное товарищеское расположение.

Рукопожатиями обмениваемся в середине кабинета. И тут меня понесло в чисто восточном подхалимском стиле. Я стал говорить о потрясающих успехах республики, о ее замечательных тружениках и о мудром руководстве Гейдара Алиева. Речь я

держал минут двадцать и видел, как взгляд Алиева теплел с каждой моей фразой.

«Все! Разговор у нас получится», – подумал я и оказался прав. Проговорили мы больше часа. Итог подвел хозяин:

– Я за строгое соблюдение закона. Если дело подлежит прекращению, так и поступайте. Но полностью реабилитировать этого отщепенца нельзя.

Встреча закончилась. Алиев проводил нас до двери, на выходе взял со стола две брошюры:

– Это вам на память о нашей встрече.

Только потом, просмотрев их в гостинице, я понял, что такое дипломатия по-восточному. Это были тексты выступлений Алиева на партконференции и пленуме ЦК, где он давал оценку Гамбою Мамедову. Этим «подарком» он говорил мне: «Запомни мое мнение и сделай так, чтобы твои выводы не расходились с моими».

Через несколько дней я уезжал в Москву. По дороге в аэропорт в сквере увидел огромных размеров портрет Брежнева с поднятой в приветствии рукой и надписью внизу: «Широко шагает Азербайджан».

Через несколько лет вождь посетит в последний раз солнечную республику. Его повезут на осмотр континентальной установки «Шельф». Делая вид, что слушает пояснения о ее технических характеристиках, Леонид Ильич обведет глазами Каспийское море, посмотрит на Баку и произнесет вдохновенно:

– Да, товарищи! Хорошеет Одесса!

С этими словами он уйдет к машине, а окружающие увидят кулак Алиева, которым он даст понять, что никто не смеет засмеяться.

Чуть позже Алиев станет членом политбюро и переедет в Москву. Весь Азербайджан будет говорить о перстне стоимостью свыше двухсот тысяч рублей, который он на глазах у миллионов телезрителей во время прямой трансляции надел на руку генсека, о директоре ювелирного завода, которого заставили оплатить стоимость перстня, и о том, как он, не выдержав всего этого, умер от инфаркта. И еще расскажут анекдот о том, как один из руководителей государства, пригласив Алиева, поинтересуется этой историей. Услышав в ответ, что это «ложь, клевета и наветы завистников», заметит: мол, можно вернуться к видеозаписи.

– Нет, – ответит Алиев, – такой факт действительно был, но тот перстень фальшивый. Вот настоящий, – и протянет его товарищу по партии.

Где ложь и злословие, а где истина? Кто знает!

В Москве доклад по делу Мамедова выслушал Найденов в

присутствии нескольких признанных в стране корифеев следствия. Мнение было единодушным – дело подлежит прекращению за отсутствием в действиях Мамедова состава преступления. Соответствующее постановление я подготовил и по указанию Виктора Васильевича направил в Азербайджан на имя Заманова.

На следующий день меня пригласил к себе занимавший в то время должность начальника следственной части Прокуратуры СССР Алексей Владимирович Бутурлин.

– Есть указание Найденова включить вас в состав следственной группы, расследующей дело по Министерству рыбного хозяйства.

– Я это понимаю, но не решен вопрос о моем переводе в Киев. Я в подвешенном состоянии: уже не запорожец и еще не киевлянин.

Бутурлин улыбнулся, подошел к сейфу, взял оттуда какие-то бумаги и положил перед собой.

– Скажу вам откровенно: азербайджанская эпопея еще не закончилась и не тешьте себя надеждами. Нужно дождаться реакции Алиева на ваше постановление. И еще: когда вам обещали квартиру в Киеве?

– В июне – июле.

– А сейчас какой месяц?

– Октябрь.

– Ну и где же должность и жилье?

Я подавленно молчал.

– Так вот, Владимир Иванович. Я передаю вам предложение Найденова, и мы его разделяем: перейти на работу к нам. Как вы на это смотрите?

Я растерялся. Такой поворот событий был для меня несколько неожиданным.

– В общем-то не знаю. Ведь есть согласие и договоренность на Украине.

– Как я понимаю, там ведут с нами, а тем более с вами тактическую игру. Чтобы у вас не было колебаний, возьмите документы на квартиру, которую мы вам выделяем в Москве. Если решитесь, я жду ответ завтра.

Первое, что я сделал после ухода от Бутурлина, это стал звонить в Киев, хотя решение фактически принял, ибо в руках у меня были документы на отличную квартиру в столице. Встречный вопрос был, как и прежде, дипломатическим: как мое азербайджанское дело? Дать ответ на него я при всем желании не мог.

Прошел примерно месяц. Я все еще оставался прокурором-

криминалистом прокуратуры Запорожской области. В один из дней меня вызвал к себе Лодысев. Выглядел он несколько испуганным.

– Ты знаешь, Найденов в ЦК встречался с Алиевым. Он очень тобой недоволен.

– Вот как?

Мне в очередной раз демонстрировали уроки придворной дипломатии.

– Соберем совещание и еще раз обсудим, насколько правильна оценка действий Гамбоя по эпизоду с Гаджиевым, – сказал Лодысев.

Все те же лица, все тот же вопрос, но только оценку ему давали прямо противоположную. Мамедов, конечно, злоупотребил служебным положением, и его действиями причинен существенный ущерб государственным интересам, так как от уголовной ответственности незаконно освободили взяточника. Дело, конечно, нужно прекратить, но признав Мамедова виновным. Как ни грустно это признавать, но нам диктовали свою волю сильные мира сего.

Пройдут годы. Мамедов будет безуспешно обивать пороги КПК[23] при ЦК КПСС, добиваясь восстановления в партии. В стране переменится климат, и новый генеральный прокурор СССР Александр Михайлович Рекунков даст указание о возобновлении следствия по делу Гамбоя Мамедова. Доследовать там было нечего, и поэтому Рекунков скажет:

– Если мы прокуроров, пусть даже за ошибочные решения при оценке доказательств в отношении знакомых, будем признавать преступниками, у нас работать будет некому.

У меня попытаются выяснить, кто «надавил» на меня в 1979 году. Ответить я не смогу. Все играли тогда свои роли в очередном спектакле на заданную тему. Все были маленькими винтиками в политических играх и за место на солнечном Олимпе.

Дело Гамбоя Мамедова прекратят по реабилитирующим основаниям, но еще какое-то время в КПК будут сопротивляться, не желая отменять ранее принятое решение по его исключению из КПСС. Потом Гамбоя Алескеровича все же восстановят в партии, и он во весь голос заговорит о попранной в годы застоя чести, и поддержит его республиканская и союзная печать. Но еще позже Гейдар Алиевич Алиев будет избран народным депутатом Азербайджана и тон критики в его адрес на страницах той же печати несколько сместит акценты в другую сторону. Жизнь меняется, жизнь продолжается. Сегодня Гейдар Алиевич Алиев президент независимого Азербайджана.

Полугодовая командировка в солнечную республику была не последней. В 1987 году из Алма-Аты пришлось спецрейсом срочно добираться до Баку, а затем до Сумгаита. В городе горели дома, войсковые подразделения проводили зачистки, местный горотдел был забит задержанными участниками массовых беспорядков. Трупы убитых вывозили с улиц и из жилых домов.

Кровавый Сумгаит

Лето 1979 года. С присущим азербайджанцам гостеприимством мои местные коллеги устроили традиционное вечернее застолье в одном из многочисленных ресторанчиков на окраине Баку. Меня пригласил сосед по номеру в гостинице – следователь по особо важным делам Эльман Агаев. Сам он – уроженец Физулинского района, то есть фактически Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО). Я был у него в гостях. Большая дружная семья, родители прекрасные, добрые люди.

По пути в Физули привезли на берег реки Араке. На другой стороне – территория Ирана, где проживают тысячи их соплеменников, граждан другого государства. Заезжали мы и в старинный город Шушу, и в сам Степанакерт. Дивная природа, чудесный климат. В общем, благодатные места.

В нашей компании другой следователь по особо важным делам при прокуроре Азербайджанской ССР армянин Армен Исагулов. Все курят сигареты «Мальборо» совместного американско-азербайджанского производства. Мягкие дружеские подкалывания друг друга, анекдоты про армян и азербайджанцев. У Армена в руках очень красивая зажигалка иностранного производства. Его подначивают, предлагая подарить зажигалку мне. Исагулов отшучивается.

Утром на Сабучинском вокзале, где располагалась следственная часть прокуратуры республики, собрались попить чай в кабинете Эльмана. Зашел Исагулов и стал расспрашивать о том, кто вечером забрал его зажигалку. Ребята смеются:

– Армен! Не валяй дурака! Ты же вчера подарил ее Владимиру Ивановичу.

– Да ничего я не дарил, – злится Армен.

– Ну да, – отвечает Агаев и достает из стола злополучную зажигалку.

На ней выгравирована надпись: «Дорогому Владимиру Ивановичу Калиниченко на добрую память. *Армен Исагулов».*

Армен растерянно улыбается, затем хлопает меня по плечу:

– Пользуйся на счастье.

Осенью 1989 года мы встретились с Арменом Исагуловым в последний раз. Было это в гостинице «Эребуни» Еревана. Каждый вечер он звонил в Степанакерт, где у него осталась семья. Занимал он тогда должность министра внутренних дел Нагорно-Карабахской автономной области. О бывших коллегах говорил с едва скрываемой неприязнью, но не о каждом из них как о человеке, а только как об азербайджанцах. Понять это было

довольно трудно.

«…В многотрудовой истории своей не раз терпел кораблекрушения и армянский народ. Но всякий раз он побеждал грозу, как бы она ни называлась: ураган или тайфун, циклон или торнадо, вандализм или ятаган. Народ мой всегда побеждал уже тем, что выживал. Он выживал благодаря особому своему дару, особому таланту. Таланту жизнелюбия, таланту созидания. Таланту любить и дружить.

…Вспоминая наше прошлое, мы часто говорим о том, как нам не везло. И не везло прежде всего потому, что оказались мы на перекрестке дорог, по которым проносились варвары и вандалы, уничтожая на своем пути все прекрасное. Они топили в волнах огромный океанский корабль, имя которому Пятитысячелетняя Армения. Но корабль жил. Он разламывался на части, на маленькие шлюпки, и каждая часть, каждая шлюпка продолжала плавание в одиночку. Они упорно держались на воде. Приставали к чужим берегам и везде, где бросали якорь, поднимали свой флаг, на котором были изображены школа, церковь, книга. И ничто не могло уничтожить это великое множество флагов, символизирующих веру. Веру в справедливость. В объединение. Воссоединение. Возрождение…»[24]

Эта книга известного советского журналиста Зория Балаяна была воспринята неоднозначно. В самой Армении вызвала небывалый духовный подъем. В Азербайджане, мягко говоря, трудно скрываемое раздражение. Тот русскоязычный читатель, в руки которого попала эта книга, отнесется к ее содержанию равнодушно. О том, что она пробуждает спящего медведя, предполагать могли только аналитики-политологи, хорошо знакомые с историей вековой вражды между армянами и турками, а также частью последних – турками-азери, или, как привыкли их называть мы, азербайджанцами.

«…Сенатора Кузьминского ревизии гор. Баку и Бакинской губернии Всеподданнейший отчет, произведенный в 1905 году по высочайшему повелению:

Не полагаясь на защиту, население пребывало в крайне взволнованном состоянии, и всякое действие, которое при нормальном течении жизни вызвало бы обычное к нему отношение, приобретало особо преувеличенное значение. Немудрено поэтому, что скрытый до тех пор расовый антагонизм разгорелся при одном известии об убийстве в феврале в центре города мусульманина Бабаева и мгновенно открыл простор стихийной силе, противостоять которой правительственный устой оказался бессильным.

Заключение. Совокупность всех изложенных обстоятельств и

соображений дает мне основание прийти к тому, что февральские события были вызваны причинами национально-религиозного и экономического характера, революционное движение создало для них вполне благоприятную почву, бездействие же власти дало возможность разрастись до ужасающих размеров»[25].

В феврале 1989 года колесо истории вернулось на круги своя. Первая кровь пролилась в НКАО, затем в Армении и особо в крупных размерах в Сумгаите. Продолжилось затянувшейся на годы армяно-азербайджанской войной, которую чаще именуют более мягким словом – «конфликт». Счет жертвам пошел на тысячи.

Очажок будущего пожара начал разгораться весной 1975 года, когда пленум обкома НКАО дал довольно жесткую оценку стремлению определенной части населения воссоединиться с исторической родиной – Арменией. Это расценили как проявление буржуазной идеологии и дашнакской пропаганды.

В 1986–1987 годах по Нагорному Карабаху прокатилась очередная волна национализма. Начался сбор подписей в пользу воссоединения области с Армянской ССР. Подписывали соответствующие обращения видные ученые, деятели искусства.

18 ноября 1987 года французская газета «Юманите» опубликовала интервью с одним из советников М. С. Горбачева академиком А. Аганбегяном «Перестройка: двойной советский вызов».

Когда Аганбегяна спросили о Карабахе и Нахичевани – бывших армянских землях, академик изложил «свою личную точку зрения»: «Я хотел бы, чтобы Карабах стал армянским. Как экономист я считаю, что он более связан с Арменией, чем с Азербайджаном. Я надеюсь, что в условиях перестройки и демократии эта проблема найдет свое решение».

Хороша «личная точка зрения» официального помощника генерального секретаря ЦК КПСС, а учитывая, что в докладе на очередном пленуме 2 февраля 1987 года сам Горбачев отметил «досадное опоздание в решении национального вопроса», любому понятно, как воспринимали подобные ходы политиков в Советском Азербайджане, патриоты и ученые которого отыскивали и приводили убедительные, с их точки зрения, доводы об историческом праве на эти земли.

Сильвии Капутикян и Зорию Балаяну: «Друзья (мне хочется так называть вас), не нам, русским, давать совет армянам, чья история, письменность, культура вообще, да и сама нация древнее нашей… Знайте, что у вас есть неведомые вам друзья в Москве и Ленинграде, что все наши помыслы в эти дни с вами…

Мы не теряем надежды на справедливое решение судьбы Нагорного Карабаха, который знаем по этнографическим экспедициям…» (Старовойтова Галина Васильевна, этнопсихолог, кандидат исторических наук, специалист в области этнических вопросов).

Правильно, госпожа Старовойтова! Никто не обсуждает тему, какой была территория Армении много веков тому назад. Кстати, России, как таковой, тогда вообще не было, и уважать армянский народ есть за что.

Как-то мои армянские друзья повезли меня в местечко Цахкадзор. В монолитной скале, руками монахов, спасающихся от захватчиков и уповающих только на Бога, высечен храм. Какой же верой и стремлением выжить обладали эти люди! Народ, обреченный на выживание в условиях векового жесточайшего геноцида, заслуживает уважения.

Но на пороге XXI век. Провинции Карс и Эрзерум на территории Турции тоже когда-то были армянскими землями. Да и вообще, к 1988 году только в СССР было свыше девяноста территорий, вызывающих споры о своей принадлежности к тому или иному национальному образованию.

Если де-юре обоснованны претензии на земли Нагорного Карабаха и Нахичевани, то точно так же их можно считать обоснованными на территории, находящейся под юрисдикцией члена НАТО – Турции. Продолжать дальше?..

10 декабря 1987 года в посольстве СССР в Вашингтоне президент Всеармянского благотворительного союза Алекс Манукян вручил члену президиума Советского фонда культуры Раисе Максимовне Горбачевой рукописную книгу «Апокалипсис» с толкованием Андрея Кессарийского и Словом Палладия-мниха – дар советскому народу супругов Капуста и Эммы Сагоян.

Средства массовой информации довольно подробно осветили это событие. И снова – болезненная реакция в Азербайджане. В даре усматривают форму давления на первое лицо в государстве со стороны армянской диаспоры. На полном серьезе изучают и ведут подсчеты армян, занимающих высокое должностное положение в аппарате ЦК КПСС, Совете министров и т. п. Счет явно не в пользу азербайджанцев.

В декабре 1987 – январе 1988 года в Москву зачастили армянские делегации. Одну из них во главе с Зорием Балаяном принял кандидат в члены политбюро ЦК КПСС П. Н. Демичев. Требование одно – воссоединение ИКАО с Армянской ССР. Митинги и демонстрации, перерастающие в забастовки, приобретают в Нагорном Карабахе массовый характер.

Руководители Азербайджана выезжают в Степанакерт,

пытаются и уговорами, и силовым давлением предотвратить развитие событий. Но волна поддержки волеизъявлению жителей НКАО переносится в Армению. Сначала в Ереване, а затем и в других городах проходят многотысячные митинги. Именно тогда начинается изгнание из Армении компактно проживающих там азербайджанцев. Таковых около двухсот тысяч человек, и в основном они жители сельских районов – малограмотные люди, всю жизнь занимающиеся земледелием. Они бегут: кто железнодорожным транспортом, а кто прямиком через горы – женщины, старики, дети. Снег и холод многие из них преодолеть не смогли. Точное количество жертв неизвестно. Для тех, кто выжил, на территории исторической родины не нашлось ни крова, ни еды.

О жестокости гонителей-армян ходят среди азербайджанцев самые невероятные слухи и, хотя в подавляющем большинстве они вымышлены, воспринимаются крайне обостренно и болезненно.

Баку не мог принять всех гонимых. Так многие из них оказались в Сумгаите – городе черной и цветной металлургии, где воздух носил розово-коричневый оттенок.

Несколько месяцев спустя я и мои коллеги осматривали поселения, где проживали многие жители этого города – рабочие крупных промышленных предприятий. Трудно было поверить, что в наше время люди могут жить в землянках или сараях, собранных из досок и кусков жести. Но именно тогда я понял, почему погромщики с лозунгом национальной идеи занимались банальным грабежом, забирая при этом простыни, наволочки, ношеную одежду, детские игрушки.

28 февраля 1988 года по инициативе советских и партийных органов Сумгаита на площади возле горкома партии собрался митинг. После ряда выступлений о «зверствах всех армян» страсти накалились до предела, и, когда прозвучал клич: «Бей неверных!», толпы ринулись на улицы города. О том, что происходит, власти поняли слишком поздно или просто не захотели вовремя понять. Решение о вводе в Сумгаит войск запоздало. Начались погромы, грабежи, изнасилования, убийства.

Меня часто спрашивали – носили ли эти события организованный характер? Отчасти да! В дальнейшем в ходе следствия мы располагали многочисленными показаниями о людях, выглядевших внешне очень респектабельно, руководивших и направлявших погромщиков.

Я прилетел в Баку и прибыл в Сумгаит 1 марта 1988 года. Там уже были заместитель генерального прокурора СССР Александр Филиппович Катусев и заместитель начальника

Главного следственного управления Прокуратуры СССР Владимир Иванович Ненашев. По факту массовых беспорядков возбудили уголовное дело, которое принял к производству следователь по особо важным делам Владимир Семенович Галкин (ныне – начальник Главного следственного управления ФСБ РФ). Они и взвалили на себя основную ношу по организации расследования дела.

Ежедневно в Сумгаит прибывали следователи и оперативные работники всех силовых структур и ведомств. Неразбериха полная. Всех нужно было разместить, организовать питание, обеспечить рабочими местами. Огромную помощь в налаживании этой работы оказывал прокурор Сумгаита, мой старый знакомый Исмет Гаибов. У него окажется трагическая судьба. Через несколько лет Исмет получит назначение на должность прокурора Азербайджанской ССР и попадет в самую гущу разгорающегося межнационального конфликта.

20 ноября 1991 года при перелете из Степанакерта в Баку в районе села Каракенд Мартунинского района взорвется в воздухе вертолет, на борту которого находились видные политические и государственные деятели – руководители правоохранительных органов ИКАО и республики, наблюдатели от РСФСР и Казахстана. Среди погибших был Исмет Гаибов. Причины взрыва установить не удалось.

Тогда же, в 1988 году, Гаибов вел себя достаточно принципиально и санкции на аресты преступников-погромщиков давал сам лично. Это не означает, что он и другие работники правоохранительных органов республики однозначно относились к действиям следственно-оперативной группы и не сочувствовали преступникам-соплеменникам, но несомненно одно – препятствий в расследовании дела они не чинили и многие были искренне заинтересованы в раскрытии тяжких преступлений.

Руководством было принято решение, что дела об убийствах и изнасилованиях расследуют следователи прокуратуры, остальные преступления – следователи МВД. КГБ занимался выявлением и изобличением лиц, организовавших погромы. Конкретным следователям поручалось расследование конкретных эпизодов, что было в определенной степени ошибкой и привело к тому, что часть преступлений оказалась нераскрытой, а порой случались и курьезы, о чем я расскажу ниже.

Суть ошибки заключалась в том, что большинство преступников в одном месте грабили, в другом – жгли имущество, в третьем – насиловали, в четвертом – калечили и убивали несчастных. Следствию нужно было идти от конкретных подозреваемых до расследования многочисленных эпизодов, в

которых они участвовали.

28 февраля, взломав дверь, в квартиру одного из домов Сумгаита ворвалась разъяренная толпа в основном молодых людей. Почти все были подогреты спиртным и наркотиками. В квартире помимо родителей находились сестры М. Младшую вытащили на улицу и стали насиловать. Над старшей надругались в одной из комнат около шестидесяти человек. Если младшая вследствие потери сознания ничего не помнила, то старшая дала нам довольно последовательные подробные показания – описала приметы примерно двадцати насильников и согласилась их опознать.

Опознания подозреваемых и очные ставки мы проводили в здании МВД Азербайджанской ССР. Ход этих следственных действий фиксировался видеосъемкой, которую проводил инженер отдела криминалистики Володя Бондаренко. Накануне при допросе потерпевшая, назовем ее Алина, рассказала мне, что хорошо запомнила насильника, который был значительно старше всех остальных и особенно запомнился ей тем, что не смог совершить половой акт по физиологическим причинам. Опознала она его довольно уверенно, а он, не растерявшись, тут же стал уверять нас, что уже много лет является импотентом.

– Правильно, – сказал я. – Ты-то нам и нужен, – и предложил работникам милиции отвести его в соседний кабинет.

Дальше я начал допрос другого подозреваемого на очной ставке и вдруг увидел жесты Бондаренко, который показал мне на закрытую дверь кабинета. За ней раздавались приглушенные, но хорошо различимые душераздирающие крики. Я встал, открыл дверь к соседям. В центре навытяжку стоял «импотент». Волосы на его голове были закручены, образуя два рога, в рот вставлена металлическая трубка длиной около двух метров. Два азербайджанца – работники уголовного розыска – били его в область почек, требуя признаться в том, какие еще преступления он совершил. Увидев меня, растерялись, ожидая соответствующей реакции. Я молча вышел из кабинета.

Через пару часов с коллегами шел на обед через двор здания МВД. У черного хода, в окружении все тех же работников уголовного розыска, привалившись к ступенькам, полулежал, постанывая от боли, изобличенный в групповом изнасиловании «импотент».

Кстати, в тот день Алина чудом избежала гибели. Последний из насильников потребовал совершить с ним половой акт в извращенной форме. Девушка категорически отказалась, даже под угрозой смерти. Негодяй поднял топор, готовясь нанести ей удар по голове. Человек, руководивший погромщиками и не

принимавший непосредственного участия в совершении преступления, перехватил его руку и потребовал немедленно покинуть квартиру. Об этом эпизоде достаточно подробно потерпевшая рассказала на допросе.

Следует также отметить, что, несмотря на массовость погромов, в подавляющем большинстве случаев преступники не решались на убийство и большая часть погибших оказалась в определенных жилых кварталах. Именно там в толпе были те, кто не боялся обагрить свои руки кровью. Одним из таких мест был пятиэтажный дом в четвертом микрорайоне города.

Особенно трагичная судьба постигла проживающую в этом доме семью Трдатовых. Женщин и детей спрятала проживающая этажом ниже азербайджанка. Мужчины забаррикадировались в квартире. Двери пытались взломать. Бесполезно! Ломились через балкон. Осажденные грели кастрюлями воду и кипятком поливали нападавших. Погромщики, проникнув в квартиру соседнего подъезда, ломами стали долбить стену. В бетонной стене в течение нескольких часов им удалось выдолбить довольно большое отверстие, но возле него занял оборону один из Трдатовых и любого, кто пытался пролезть в квартиру, глушил ударами топора.

Осада длилась несколько часов. В комнаты квартиры через окна забрасывали горящую паклю. Огонь защитники квартиры гасили с трудом. Поздно вечером к дому подъехали пожарные автомашины, но пожар гасить они не стали. Пожарные лестницы подняли до уровня пятого этажа с обратной стороны дома. По ним часть погромщиков проникла в подъезд сверху и по команде с двух сторон ринулась на штурм. В течение нескольких минут все было кончено. Чудом остались два тяжело раненных человека, остальные – погибли.

Работая над раскрытием этого преступления, отдельных погромщиков мы установили, других – разыскивали. Однажды на совместном совещании мне на глаза попалось отдельное поручение следователя милиции, в котором он сообщал работникам уголовного розыска о том, что в его производстве находится дело о причинении менее тяжких телесных повреждений гражданину А. Потерпевший, по словам следователя, получил телесные повреждения в виде ожогов вследствие того, что был облит кипятком возле дома такого-то. Далее указывался дом и квартира Трдатовых. То есть мы, следователи прокуратуры, искали этого погромщика, а наш коллега из милиции искал Трдатовых, которые героически защищались в течение нескольких часов и трагически погибли, в том числе и по вине так называемого потерпевшего.

Это были не единичные курьезы и издержки расследования многоэпизодичного дела. Ошибки такого рода были неизбежны, ибо никто не представлял, что подобное может произойти в нашей многонациональной и интернациональной стране, и никто не имел опыта расследования уголовных дел такого рода.

Еще запомнилось раскрытие первого убийства жителя Сумгаита – Саркисяна Ш. Г. Убили его на одной из улиц города, вытащив из автомашины, которой он управлял. Избивали его многие, а убил один рабочий трубопрокатного завода – Тале Исмаилов. Совсем молодой, худощавый парень. Под стражей содержался в следственном изоляторе КГБ. Я и ранее упоминавшийся в главе «Ошская трагедия» Николай Васильевич Емельянов неоднократно допрашивали его, изобличая в содеянном. Тале признавался и отказывался от своих показаний. Когда ему было удобно, ссылался на плохое знание русского языка.

Дело Исмаилова одним из первых рассмотрел Верховный суд Азербайджанской ССР под председательством А. К. Клокова. Тале осудили к 15 годам лишения свободы. И здесь не обошлось без курьеза. Суд вынес частное определение о недостатках в политико-воспитательной работе в коллективе Азербайджанского трубопрокатного завода. Так «старались» понимать в то время причины межнациональных конфликтов.

Меня также часто спрашивают: «Сколько же людей погибло в Сумгаите?» Отвечаю: «26 армян и 6 азербайджанцев». Одна женщина пропала без вести, но мы располагали показаниями о том, как ее убивали. В цифры эти не верят, говорят, что они умышленно занижены.

В 1989 году на озере Севан, в компании двух высокопоставленных работников МВД Армении, мы затронули сумгаитскую тему. Они стали рассказывать о таком количестве погибших и таком характере чинимых тогда зверств, что меня взяла оторопь. Я рассказал им о женщине, подвергшейся групповому изнасилованию, у которой действительно отрезали груди, вырезали куски мышц на ногах. О другой женщине, которой во влагалище воткнули металлический прут. Было и такое. Но в том, что они рассказывали, был явный перебор, особенно в той части, когда они рассказывали, как из окон выбрасывали маленьких детей.

Ни одного убитого ребенка в Сумгаите не было. Для убедительности я привел им показания одного из убийц семьи Трдатова – Сафарова. Он рассказал нам о том, что сам лично видел, как из окон одного из домов выбрасывали детишек, назвал тех, кто это делал, показал сам дом. Тщательнейшая проверка

подтвердила, что это плоды домыслов Сафарова. В окна выбрасывали вещи и имущество разгромленных квартир.

Дальнейшие события шли по нарастающей. Многотысячные митинги в Ереване, такие же в Баку. Злых и обездоленных бывших жителей Армении стали называть «еразами», то есть ереванскими азербайджанцами. Я видел их на улицах Баку в сентябре – декабре 1989 года. Слышал, как с криками «Истерга» они штурмовали здание ЦК КП Азербайджана. Они вместе с жителями города изгнали из республики всех лиц армянской национальности и заняли их дома и квартиры.

Но было и другое.

В феврале 1989 года многие азербайджанцы спасали своих армянских соседей и друзей в Сумгаите. Никогда не забуду, как мы помогали забрать сохранившиеся после погрома вещи женщине-армянке, проживавшей в доме, где убили Трдатовых. В этом же доме жила азербайджанка по имени Саадат, спасшая несколько армянских семей. С баулами в руках, женщина, у которой убили мужа и сына, причитая и плача, громко кричала: «Саадат! Ты – святая! Мы всегда будем помнить тебя!» Не забуду и одного ответственного работника прокуратуры республики, который с риском для своей жизни в период бакинских погромов помог выехать в Россию нескольким армянским семьям. Он дружил с ними долгие годы. Разное бывало, и многое было по-разному…

Пишу все это, листая свои архивы, и нахожу бумажную развертку пачки из-под сигарет, выпущенной в 1989 году бакинским табачным комбинатом «Красный Октябрь». На красном фоне, в белого цвета мусульманском орнаменте название сигарет – «Карабах». Ниже приписка: «Сигареты с фильтром. Класс четвертый». Скажете – мелочи! Ничуть! Как такие мелочи складываются в реки крови, я видел лично!..

В 1989 году в Баку арестовали крупного дельца – директора комбината хлебопродуктов № 2 Надира Кулиева. Дело было заказным, инициированным прокурором республики Ильясом Исмаиловым – заклятым врагом Кулиева. Мне поручили принять его к производству и разобраться в обоснованности предъявленных обвинений. Как и в деле Гамбоя Мамедова, все оказалось липой. Исмаилова это никак не устраивало, и он, к тому времени переведенный на работу в Прокуратуру СССР, не нашел ничего лучше, как нашептать генеральному прокурору Сухареву, что я решил освободить Кулиева за крупную взятку.

Шум поднялся нешуточный. Просто так в Закавказских республиках, впрочем, как и в среднеазиатских, уголовные дела не прекращали, тем более на «денежных мешков». Вопрос о

Кулиеве стал предметом рассмотрения коллегии Прокуратуры СССР, но факты вещь упрямая. Кулиева освободили, дело против него прекратили за отсутствием состава преступления.

А в общем, мои коллеги и знакомые в солнечной республике не скрывали, что у них все покупается и продается. Например, должность следователя прокуратуры в те времена стоила не менее 200 тысяч рублей. Но это так – к слову.

Прекращение дела Кулиева совпало с моим отъездом из Баку накануне известного ввода туда войск и последовавшей массовой гибели жителей города под пулями и снарядами танков. До этого в течение нескольких месяцев я насмотрелся митингов на площадях и разъяренных толп молодых людей, большинство которых называли «еразами». Уже тогда было ясно: большой трагедии не избежать. Карабахская война – наглядное тому подтверждение. В глазах многих, тогда еще советских, людей я видел разгоравшуюся жуткую, уходящую глубоко в историю, взаимную ненависть друг к другу.

В 1997 году Россия подписала договор с Арменией, в том числе об оказании военной помощи при агрессии извне. Реакция Баку известна. Каковы будут ее последствия, покажет время.

Дело о 140 миллиардах (продолжение)

Западные и советские газеты, радио и телевидение продолжали уделять пристальное внимание разгоравшемуся скандалу. Дело о 140 миллиардах назвали «делом Фильшина». Наши осторожно, а западные в открытую связывали проводившееся расследование с именем Ельцина, противопоставившего себя центру, с реформой денежной системы, подготовленной и проведенной премьером правительства СССР Павловым.

29 декабря 1990 года Свиридов от имени Челябинского филиала ПЭФ ЭХО, а Гиббинс от имени фирмы «Дов трейдинг интернэшнл» подписали генеральное соглашение об обмене (продаже) рублей на доллары. Но хитрый Гиббинс требовал получения правительственных гарантий на проведение сделки. И он их получил. Фильшин сделал первый шаг, дав письменное указание министру торговли Хлыстову и председателю Московского межрегионального коммерческого банка (Мосмежрегионбанка) Шалашову провести сделку.

7 января 1991 года Гиббинс и Свиридов от имени «инициативной группы предприятий» подписали и направили в адрес Верховного Совета и Совета министров РСФСР обращение, в котором просили согласия на проведение «кредитного трансферта».

11 января Фильшин принял у себя проработчиков контракта. Подготовленные ими документы никто не читал, и, естественно, никто не обратил внимания на то, что одной из сторон в тексте контракта стал значиться не ПЭФ ЭХО, а ассоциация «Возрождение уральской деревни».

Результатом встречи было подписанное в тот же день Фильшиным от имени Совета министров письмо следующего содержания:

«…Совет министров РСФСР будет оказывать содействие и поддержку в реализации контракта между фирмой «Дов трейдинг интернэшнл» и ассоциацией «Возрождение уральской деревни» путем кредитного трансферта с последующим реинвестированием полученных инофирмами советских рублей в различные отрасли народного хозяйства РСФСР, имея в виду обеспечение населения товарами первой необходимости».

Текст письма был исполнен на русском и английском языках (правда, в корявом переводе), подписан Фильшиным и скреплен

гербовой печатью Совета министров. Гиббинс добился-таки получения правительственной гарантии. Ну а почему оказался корявым и плохо понимаемым английский текст? Очень просто: зампредсовмина поставил подпись и печать на чистом бланке. Текст позже в своем офисе и в выгодном для себя изложении впечатал сам Гиббинс.

13 января Свиридов и Гиббинс подписали окончательный вариант контракта. Тогда же втайне от Свиридова Гиббинс заключил дополнительное соглашение с фирмой «Русский торговый дом» в лице Василия Моисеева. По этому соглашению они наметили дележ, без участия Свиридова, «шкуры неубитого медведя», то есть будущих доходов от сделки.

По контракту российская сторона продавала 140 миллиардов рублей за 7756 миллиардов долларов США. Сам контракт был составлен с грубыми ошибками и юридически неточными формулировками, ставил российскую сторону в заведомо невыгодные условия, ибо предоставлял неизвестному для российской стороны западному партнеру абсолютное и бесконтрольное право закупки продуктов и товаров народного потребления непосредственно у производителей. То есть складывалась ситуация, когда конкретные поставщики закупаемых товаров оставались неизвестными и в случае поставки некачественной продукции предъявлять претензии было бы просто не к кому.

Одновременно иностранный партнер становился собственником 140 миллиардов рублей на условиях, когда вопросы реинвестирования рублей в отрасли народного хозяйства ни контрактом, ни иными документами вообще не оговаривались.

Из заключения экспертной группы Госбанка и Минфина СССР – январь 1991 года:

«1…Совершение сделок купли-продажи иностранной валюты за рубли организациями, не уполномоченными на такие операции, является грубым нарушением действующего валютного законодательства…

2…Данный контракт предусматривает обменный курс в десять раз ниже коммерческого курса, что является грубым нарушением положения соответствующих Указа Президента СССР и Постановления Совета министров СССР…

5…Сама сумма сделки, составляющая 140 миллиардов рублей, свидетельствует о том, что ни продавец – фирма ЭХО, ни Московский межрегиональный коммерческий банк не могут располагать ею, поскольку общая сумма свободных средств всех предприятий СССР не превышает в настоящее время 130 миллиардов рублей…

7…Беспрецедентная по своим размерам сделка заключалась без глубокой экономической проработки, без обсуждения на Верховном Совете РСФСР, согласования с другими союзными республиками и фактически доверялась с обеих сторон мелким, никому не известным, малоопытным и плохо профессионально подготовленным посредническим фирмам. Экономические последствия, которые могут иметь место в результате осуществления данной сделки, затрагивают не только интересы отдельных регионов России, но и всего населения Советского Союза.

8. Столь значительные суммы рублевых средств, сосредоточенных в руках иностранных инвесторов, дают им потенциальную возможность установить контроль над значительной частью российской промышленности».

Итак, фактически дело было сделано. Российские партнеры поинтересовались, кто же предоставит миллиарды долларов и в каких банках они будут аккумулированы? Гиббинс, ссылаясь на Фрая, назвал швейцарское отделение Барклайз-банка, а также крупнейший банк США «Американ экспресс». Фигурировали как партнеры в реализации сделки также компания «Банк Еврофин» и финансовая группа «Шерсон Лехман».

> «26 июля 1991 года
>
> Г-ну *Владимиру Калиниченко*
>
> …В продолжение нашей сегодняшней беседы пишу Вам относительно «Еврофин» и «Дов интернэшнл», многомиллионной долларовой покупки рублей и доставки их в Швейцарию. «Американ экспресс» не имеет ни юридических, ни коммерческих отношений ни с той ни с другой компанией. Один из наших членов «Шерсон Лехман» имел в пассиве 7 % акций во французской компании, именуемой «Банк Еврофин», но «Шерсон Лехман» продал эту долю в феврале 1990 года и не имеет больше никаких отношений с банком «Еврофин»… Мы искали в различных регистрах официального бизнеса и не нашли компании, зарегистрированной под названием «Еврофин». Мы ничего не знаем о «Дов трейдинг интернэшнл». «Американ экспресс» не был вовлечен ни прямо, ни косвенно в какие-либо переговоры этих фирм или их представителей… по поводу покупки рублей.
>
> С добрыми пожеланиями
>
> *Эндрю Б. Сомерс, «Американ экспресс».*

«В двадцатых числах января… до появления в прессе сообщений о скандале со 140 миллиардами мне показали в Госбанке СССР документ с упоминанием Барклайз-банка. Мне также сообщили, что есть сведения об участии нашего отделения в Цюрихе в сделке, противоречащей законодательству СССР. Мне показали три страницы документа, и я понял, что это мошенничество. Когда же я увидел эти огромные суммы – 140 миллиардов рублей и 8 миллиардов долларов США, – понял, что все это просто невозможно. Ведь о таких суммах даже в правительстве не говорят. Видно было, что документы готовили если не мошенники, то непрофессионалы…» (беседа с главой московского представительства Барклайз-банка Энтони Старком, Лондон, 23 августа 1991).

Таким образом, через восемь месяцев расследования мы смогли убедиться, что оговариваемые на переговорах и в контрактах крупные банки к предоставлению долларов для реализации сделки никакого отношения не имеют. Сама собой напрашивалась версия о том, что России предлагали грязные доллары. Это хорошо понимали в ЦК и правительстве, поэтому было принято решение об оказании полной поддержки проводившемуся расследованию.

> Выписка из протокола № 46 совместного заседания Совета Союза и Совета национальностей от 10 июня 1991 года:
>
> «1. Принять к сведению информацию генерального прокурора СССР о ходе расследования дела о 140 миллиардах рублей.
>
> 2. Министерству финансов СССР, Министерству иностранных дел СССР и другим министерствам и ведомствам СССР принять все меры к оказанию содействия в проведении следствия по данному вопросу.
>
> Председатель Верховного Совета СССР
>
> *А. Лукьянов».*

Ответом была крайне нервозная реакция на происходящее руководителей российского правительства. Видимо, им было от чего волноваться!

> «Генеральному прокурору СССР
> тов. *Трубину Н. С.*
> Уважаемый Николай Семенович!
>
> Сегодня Центральное телевидение намерено после программы «Время» передать в эфир репортаж из

Прокуратуры СССР о так называемом «деле о 140 миллиардах». Идет следствие, виновные не названы, тем не менее предпринимаются попытки дискредитировать российское правительство, вызвать к нему недоверие народа.

Считаю недопустимым подобную акцию, которая имеет явно выраженный политический характер.

Обращаюсь к Вам с просьбой не допустить накануне съезда народных депутатов России попытку компрометации российского правительства.

25 марта 1991 года

И. Силаев».

Действительно, зачем народу знать информацию о ходе расследования, если против этого возражает премьер. Возможно, когда-нибудь и кто-нибудь разберется в том, что произошло, но пусть это будет в обозримом будущем.

Насколько дискредитировали Ивана Степановича и его окружение деловые контакты с «бизнесменами» типа Джона Росса, Лео Ванто и Колина Гиббинса, Силаев предпочитал умалчивать.

«Нет ничего неожиданного в том, что за несколько дней до начала съезда российских депутатов телевидение дважды выделяло время в эфире для разговора по делу о 140 миллиардах. Это шумное дело пытаются использовать как обвинение российскому правительству. Загадкой для меня остается в этой ситуации человек, дающий интервью, – начальник следственной группы Владимир Калиниченко. Следователь, пользующийся у журналистов заслуженной известностью профессионала, не завязанного в политические игры и имевшего из-за этого, кстати, немало трудностей. Я поделилась своими сомнениями с доктором юридических наук, в прошлом следователем Александром Лариным. Он ответил коротко:

– Не дело следователей или судей вступать в политические игры. Как юрист Калиниченко допустил промах. Я понимаю, что следователь обязан разобраться в порученном ему деле. Но он не обязан рекламировать дело в зависимости от политической ситуации в стране. Принцип независимости, выстраданный Калиниченко и такими, как он, кстати, в нелегкие годы и сделавший ему имя, дороже любых сиюминутных обстоятельств»[26].

О том, чем было дело о 140 миллиардах, судить читателям. Понимая отсутствие судебной перспективы при оголтелой

кампании в прессе как со стороны «правых», так и со стороны «демократов», мы пытались рассказать о том, что стоит за этой скандальной сделкой, кто рвется к власти и какие страшные потрясения могут ждать нас в будущем. Тщетно. Сегодня незачем пенять на самих себя.

Рука дающего да не оскудеет (Дело «Океан»)

Говорил осетр севрюге:
непонятно мы живем.
Здесь мы выросли, подруга,
здесь наш главный водоем.
Здесь мы ходим нереститься, умножаем косяки.
Почему же не в станицы тянут сети рыбаки?!

Я слыхал, что в Минрыбпроме некто Боцман[27] заправлял.
Он в окрестных водоемах рыбу рыком разгонял.
Он трудился в Минрыбпроме, словно в вотчине своей,
И по боцманским приемам там обслуживал друзей.

Дождь над Боцманом не капал. Стыд – не дым, не застил свет.
Полюбил вдруг Боцман «лапу». Не сапожную, нет, нет!
Много ездил он по свету, видел много разных стран.
Тихо звонкую монету клал в бездоннейший карман!

По стране немало речек, водоемов и морей.
И везде он был привечен сонмом преданных друзей.
Кто-то жарил поросенка, мандарины паковал.
*Кто-то деньги на пеленки

боцманятам присылал.

То на будущего внука, то на бывшего отца.
Все сгребал тот Боцман в руку, то бишь в «лапу», без конца!
И везли ему поклажи и кацо и аксакал…
О подобном персонаже русский классик написал:

Персонаж, мол, брал щенками, и причем борзых пород…
А теперь?! Суют деньгами. Без фантазии народ!
Боцман, ставши «персонажем», игнорировал закон.
И за это с «экипажем» сел в отцепленный вагон!

Что касается уюта – Боцман в нем не обделен.
В комфортабельной каюте[28] он штудирует закон.
О морали басни скажем: ничего, что так остра.
Перец нужен персонажам этой басни осетра!

В. М. Королевский – следователь по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР. Москва, 1979

Итак, осенью 1979 года я был включен в состав следственной группы, расследовавшей дело о взяточничестве ответственных должностных лиц Министерства рыбного хозяйства СССР.

До войны и в первые послевоенные годы комитетом по рыбному хозяйству руководил Александр Акимович Ишков, возглавивший затем одноименное союзное министерство. Именно ему, Герою Социалистического Труда, мы обязаны разработанной на долгие годы программой обеспечения населения страны рыбопродуктами.

В начале 50-х был взят курс на создание мощного рыболовного флота – траулеров различного типа и рефрижераторов для доставки улова на прибрежные базы.

Заказы на постройку траулеров в основном разместили в ГДР, рефрижераторов – в капстранах, в основном во Франции.

Рыбы в Мировом океане стали добывать так много, что ее не успевали доставлять на берег и, не мудрствуя лукаво, иногда часть улова просто сбрасывали в море. Газеты, радио и телевидение прославляли на все лады рыбаков. Например, китобойную флотилию «Слава» и ее героического капитана, Героя Социалистического Труда Солянника. Рабский труд моряков флотилии, преступления, которые совершались в каждом рейсе, старались не замечать. Только спустя много лет, когда терпение пострадавших достигло критического предела и «Известия» сделали несколько публикаций о творившихся безобразиях, Солянника сняли с работы. От более суровой кары его спас старинный друг – Л. И. Брежнев.

Одна была незадача для славных рыбодобытчиков – улов сдавали госторговле, где продавцы и их руководители успешно обогащались, даже формально не допуская нарушений правил торговли. Дело в том, что на морской волне даже при самых хороших весах произвести точное взвешивание выловленной рыбы невозможно. Вот и перекладывали в каждый ящик 2–3 килограмма лишнего. В партии это сотни и тысячи килограммов неучтенной продукции, а значит, и «живые» левые деньги в ходе ее реализации. Упускать такой куш Ишков не хотел и исподволь стал убеждать руководителей государства в необходимости предоставить ему право торговли собственной продукцией. Слова словами, но хорошо, когда они подкрепляются конкретными делами. И Ишков дал указание создать систему магазинов «Океан». Первый был построен в Сочи, где располагались государственные дачи для руководителей страны и где любили отдыхать многие кандидаты и члены политбюро. Оборудование для магазинов за валюту закупили на Западе.

Чистота, малая механизация, эстетическое восприятие на фоне убожества магазинов госторговли не могли не понравиться, и в 1976 году Ишков получил добро. Благословил его премьер страны Алексей Николаевич Косыгин. В нарушение монополии

внешней и внутренней торговли право торговать собственной продукцией получило отраслевое производственное министерство. В его системе создали пять всесоюзных рыбопромышленных объединений: «Запрыба», «Азчеррыба», «Дальрыба» и т. д., а также Всесоюзное объединение «Союзрыбпромсбыт», которое, собственно, и стало заниматься распределением и торговлей дарами моря. Возглавил его Рогов, а куратором стал заместитель министра Рытов. Потекли «левые» денежки. Пышным цветом расцвело взяточничество.

Во второй половине 70-х в поле зрения работников КГБ СССР попали руководящие работники объединения «Мосрыба» Фишман и Фельдман. Разъезжая в турпоездках по соцстранам, они, готовясь к отъезду из Союза, вывозили туда сотни тысяч рублей, обменивали их на валюту, а затем переправляли на Запад. Проще – занимались контрабандой.

Фишмана и Фельдмана арестовали. Естественно, встал вопрос: откуда деньги? Они «заговорили», а заодно не стали скрывать, кого подкупали.

Так всплыла фамилия крупного взяточника Рогова, фигуры по тем временам более чем вероятной для роли кандидата на скамью подсудимых. Его пригласили в следственный отдел КГБ СССР и разъяснили ситуацию. Он во всем признался, и его отпустили, однако, наслушавшись «доброжелателей», Рогов через несколько дней написал жалобу, в которой сообщал, что его показания о получении взяток даны вследствие применения незаконных методов расследования. После этого Рогов лег в больницу. Тогда его арестовали.

Через некоторое время Фишмана, Фельдмана и Рогова предали суду за часть преступлений, которые они совершили, а дело по остальным эпизодам направили для дальнейшего расследования в Прокуратуру СССР. Принял его к производству знаменитый следователь по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР Андрей Хоренович Кежоян. Он-то и арестовал Рытова. Кежоян тяжело болел и в конце 1979 года умер. Дальнейшее расследование поручили Сергею Михайловичу Громову.

По мнению Найденова, никто из этих работников не мог обеспечить настоящий разворот по делу, и он принял довольно необычное решение – переключил на организацию расследования начальника управления по надзору за следствием и дознанием в органах внутренних дел Германа Петровича Каракозова. Он и Найденов были друзьями еще со студенческих лет.

Между тем следствие шло своим ходом, и очень активно. Рытов не стал молчать и чуть ли не каждый день писал явки с

повинной, называя все новых и новых лиц, дававших ему взятки. При проверке их показаний арестовывались руководители рангом пониже, и они тоже писали явки с повинной, раскрывая перед следствием свои преступные связи. Откровенность этих людей была поразительной, и досужие разговоры о том, что показаний от них добивались незаконными методами, – ложь.

Практически со всеми обвиняемыми начинал работу Каракозов. Тонкий психолог, высокой эрудиции человек, он умел располагать к себе людей. Голоса ни на кого не повышал, не кричал и не грубил, не унижал арестованного. Разъяснять необходимость признания мог часами и очень убедительно. Любил делать комментарии при совместном прочтении статей Уголовного кодекса и для наглядности рисовать схемы преступных связей. Они очень впечатляли не только высокое начальство, но и преступников. На первые допросы обязательно надевал генеральский мундир: считал, что это также производит впечатление.

Вот только несколько примеров. Следственная камера Бутырской тюрьмы. Обвиняемый – руководитель областного уровня, получивший заочное образование и прочитавший в своей жизни десяток книг, – ошарашен вопросом Каракозова:

– Читали ли вы Библию?

Во-первых, чтение Библии в то время, особенно членами партии, было довольно серьезным проступком. И потом, какова связь между Библией и получением взяток?

– Не читали, – констатирует Герман Петрович. – А между тем мудрейшая книга. В ней написано все, что с нами было, есть и будет. Где, вы думаете, впервые было описано следствие?

Каракозов, расхаживая по камере, эффектно выдерживал паузу и, повернувшись к застывшему от изумления следственно-заключенному, произносит:

– Представьте себе, в Библии. Конечно, вы этого не знаете?

– Нет! Нет!

– Тогда я вам расскажу. Описано оно в притче о Сусанне и старцах. Однажды обнаженная Сусанна купалась в реке. Из-за кустов за ней подсматривали двое старцев, и женщина заметила это. По законам того времени старцев могли сурово наказать. Опережая Сусанну, они поспешили в город и обвинили бедную женщину в том, что она занималась прелюбодеянием. По тем же законам Сусанну ожидал суд, после чего ее бы забила камнями толпа. Против Сусанны свидетельствовали два старца, и участь ее была предрешена. Но, на ее счастье, мимо проходил пророк Даниил. «Погодите! – остановил он судей. – Я попробую помочь вам разобраться». Он развел старцев в разные стороны и каждому

в отдельности задал одни и те же вопросы: в какой одежде была Сусанна? Как выглядел ее совратитель? На каком месте и под каким деревом прелюбодействовала Сусанна?.. И что же? – выдержав паузу, снова спрашивал Каракозов. – Старцы дали разные ответы. Они были изобличены во лжи и забиты камнями. Так что, батенька, еще авторы Библии советовали потомкам: говори правду правосудию, если хочешь смягчить себе наказание.

Притча рассказывалась так артистично и излагалась так убедительно, что в большинстве случаев производила ошеломляющее впечатление на обвиняемых. Это был один из каракозовских приемов называемой на профессиональном жаргоне колки, то есть получения признательных показаний.

Любил Герман Петрович на заданные обвиняемыми вопросы давать ответы настолько неожиданные своей откровенностью, что подследственные проникались искренним доверием к нему. Вот еще один характерный пример.

– Герман Петрович, всем нам денег не хватает: и зарплата небольшая, и кругом проблемы… Вы-то получаете не намного больше, чем я до тюрьмы. Взятки берете? – Обвиняемый хитро улыбается.

Каракозов, отвечая такой же улыбкой, протягивает ему пачку сигарет «Столичных». Дает прикурить и закуривает сам.

– Понимаете, у меня, как и у всех, куча проблем. Большая семья – большие проблемы. На многое не разгонишься… Иногда такой соблазн возникает, но… Я с 50-х годов на следствии. На таких, как вы, насмотрелся. Вспомню, как охотно вы об этом рассказываете после ареста, – всякое желание пропадает.

Обвиняемый в недоумении: с одной стороны, его уговаривают признаться, с другой – такой неожиданный поворот в допросе.

– Герман Петрович, вы не берете, другие берут и будут брать. Зачем же я здесь сижу?

Каракозов поднимается, обходит обвиняемого сзади, обнимает за плечи.

– Батенька, вы абсолютно правы. Но согласитесь, дорогуша… не бороться с этим нельзя.

Улыбаясь, лукаво смотрит в глаза допрашиваемого.

– Речь-то сегодня идет о вас конкретно, а не о глобальной проблеме. Вам не повезло, и вы здесь. Решается ваша судьба, и вам сидеть не один год, но чем меньше, тем лучше. А смягчение вины – чистосердечное раскаяние и явка с повинной – есть путь к свободе. Давайте, батенька, внимательно почитаем, что говорит об этом наш славный Уголовный кодекс.

Я не хочу быть понятым так, что после одного подобного диалога все начинали признаваться во взяточничестве. Приемов у

Каракозова были десятки, но суть их всех составляла лишь основанная на законе форма психологического воздействия на человека. В 98–99 % случаев она срабатывала безотказно.

Неплохо разбираясь в людях, Каракозов подбирал следователей, которые обеспечивали основные направления расследования. Сам он начинал рабочий день с поездки в следственный изолятор, где с 10 до 16 работал со следственно-арестованными. В 17 часов проводил оперативное совещание по итогам дня. Выкладывался полностью. В 18 часов и ни минутой позже уезжал домой. Ни в субботу, ни в воскресенье никогда не работал.

Каракозов был уникален и очень талантлив. Проработав с ним не один год, я могу с полным основанием утверждать, что не было бы дел по Министерству рыбного хозяйства, сочинско-краснодарского, хлопкового и многих других, если бы не Герман Петрович Каракозов.

Он любил говорить нам при зарождении очередного дела: «Коллеги, начиная крупную игру, помните: главное – не выйти на самих себя». К сожалению, его слова оказались пророческими. Он запутался в истории с Гдляном и, по сути, себя переиграл. Но об этом позже.

Любимцем Германа Петровича был ныне покойный Иван Акимович Гущин. Следователь прокуратуры Калужской области, он около 15 лет проработал в следственных бригадах Прокуратуры СССР. Каракозов называл его одним из лучших «колунов». Гущин начинал работу практически со всеми арестованными в 1978–1979 годах, сделал очень много для разворота рыбного дела, сочинско-краснодарского и других.

После ареста Рытова раскаяние последнего закончилось не только длинным списком названных им взяткодателей, но и добровольной выдачей денег и ценностей на сумму более 300 тысяч рублей.

С 1953 года лица такого ранга к уголовной ответственности не привлекались, тем более за корыстные преступления. То, что стало выясняться по делу Рытова, привело многих в ЦК в состояние шока. Но факты – вещь упрямая, и горькую пилюлю пришлось проглотить.

Одним из своих взяткодателей Рытов назвал директора сочинского магазина «Океан» Арсена Пруидзе. Появились еще три одиозные фигуры, ставшие в деле ключевыми. Это начальник объединения «Грузрыбсбыт» Кохреидзе, его заместитель Асатиани и директор Кутаисского рыбозавода Беришвили. Дело разрасталось как снежный ком, и стало ясно, что нужно определять в нем основные направления, принимать решение об

объемах доказывания какой-то части эпизодов, разделять его на так называемые «куски»[29] и направлять в суды отдельно от основного дела. Так появилось условно самостоятельное уголовное дело в отношении бывшего председателя Сочинского горисполкома Воронкова.

Расследование по этому направлению возглавил следователь по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР Георгий Александрович Эфенбах или, как его называли коллеги по работе, Бахуля. Впрочем, от сочинской эпопеи пока стоит отвлечься, потому что она требует своего обстоятельного изложения.

Мне Каракозов вручил две тоненькие папки, в которых было по нескольку показаний на бывшего начальника ВРИО «Азчеррыба» Ивана Федоровича Денисенко, сменившего Рогова на его должности после ареста, и преемника Денисенко – Вячеслава Ивановича Закурдаева. В те дни мы, как птички в клюве, должны были приносить из следизолятора все новые и новые показания на лиц, погрязших во взяточничестве. Было ли это правильным? Думаю, что да, хотя эта же «метода» впоследствии подвела Гдляна. Тогда я многого не понимал и только с годами, осмысливая прошедшее, понял, что Найденову нужны были не просто показания о взяточниках; ему необходимы были показания на лиц, занимавших высокое должностное положение. Каждый вечер Каракозов докладывал ему о результатах. И хотя шла большая игра и закладывался фундамент будущих наших потрясений, считаю, что мы делали нужное дело.

Иван Федорович Денисенко прошел Великую Отечественную войну с начала и до Победы. Командуя танковой ротой, был участником Сталинградской битвы. Партбилет ему вручили на Мамаевом кургане. О нем в 1942 и в 1943 годах писали газеты «Правда» и «Известия». Он был награжден всеми боевыми орденами и только что не был Героем Советского Союза. После войны приехал в Севастополь и до 1978 года возглавлял главк, обеспечивающий добычу рыбы на юге страны и в Мировом океане. В 1972 году на курорте познакомился с Валентиной Братченко и привязался к этой женщине. В 1976-м тяжело заболел. Валентина нашла ему одного из лучших врачей в стране, тот прооперировал Денисенко. В течение двух месяцев после операции она выхаживала его, как ребенка. Выздоровев, Иван Федорович оставил семью и женился во второй раз.

Это было не по правилам круга, в котором вращался Денисенко, но он все делал по-своему. Когда его арестовали, единственным преданным ему человеком осталась вторая жена. Зная, что тюремной пищи он не выдержит, Валентина Алексеевна

уговорила нас в порядке исключения подкармливать мужа. Каждое утро в девять часов она стояла у здания следственной части с пакетом, в котором были теплый куриный бульон, котлеты, свежие овощи. Следователи, допрашивавшие Денисенко, давали ему возможность поддерживать себя этой пищей.

Так длилось месяцами.

Факты поборов с подчиненных Денисенко признал, но упорно не хотел называть их взятками. Он настойчиво убеждал нас в том, что ему просто оказывали материальную помощь, то есть давали деньги на расходы, которые он нес в интересах службы как начальник главка. Именно так наивно Денисенко пытался объяснять свои взаимоотношения с такими же, как он, взяточниками.

Вспоминаю очную ставку между ним и начальником объединения «Ворошиловградрыба» Рейндамом. Оба признают, что один давал, а другой брал деньги в размере от 300 до 500 рублей, но уверяют, что это не взятки. Наконец я не выдерживаю. Записываю в протоколе вопросы и ответы:

– Значит, это была материальная помощь?

– Да!

– Денисенко, вы принимали «гостей» в Севастополе и имели расходы?

– Совершенно верно.

– Рейндам, разве вы не принимали «гостей» в Ворошиловграде?

– Принимал.

– И имели при этом расходы?

– Конечно.

– Рейндам, какой у вас оклад?

– У меня 220 рублей.

– Денисенко, у вас какой оклад?

– Вы же знаете, 540 рублей.

– Тогда вопрос к обоим: кто кому должен оказывать материальную помощь?

В ответ растерянное молчание.

Одним из аргументов Денисенко и других в свою защиту было то, что одни, давая деньги, ничего не просили делать за это, а другие, в свою очередь, получая мзду, никаких услуг подчиненным не оказывали.

Как раз в это время вышел комментированный Уголовный кодекс РСФСР. Разъяснения к содержанию статьи 173 (получение взятки) сделал ректор Всесоюзного заочного юридического института доктор юридических наук профессор Здравомыслов. По его просвещенному мнению, получение подарков и даже денег за

действия неконкретные, за обещанную поддержку и покровительство в работе, за общее благоприятное направление служебной деятельности состава преступления (получения взятки) не образует. Профессор считал, что лишь при определенной ситуации виновные лица могут привлекаться к ответственности за злоупотребление служебным положением.

Для наших обвиняемых и их адвокатов это был бальзам на душу. Для нас – проблема. Получалось так, что, занимая высокую должность, можно было, грубо говоря, хапать десятки и сотни тысяч рублей, будто бы ничего не делая за это. Если же попадешься, понесешь наказание за злоупотребление, где по УК РСФСР тебе грозит максимальная мера наказания – пять лет лишения свободы. Ну а учитывая, что это преступление не относится к категории тяжких, даже получив по максимуму, через несколько лет можно реально рассчитывать на возвращение домой. При такой степени уголовной ответственности за содеянное рисковать можно. Было над чем задуматься.

Например, Кохреидзе и Асатиани на очных ставках с Денисенко, придерживаясь все той же описанной выше позиции своей защиты, заявляли: «Мы любили Ивана Федоровича и дружили с ним. После операции никто не знал, будет он жить или нет. Мы приехали к нему в больницу в Донецк и положили под подушку на расходы две тысячи рублей. Разве это взятка? Через год приехали в Москву на день рождения его супруги. Привезли овощи, фрукты, вино, коньяк. Юбилей отмечали в ресторане. У Ивана Федоровича снова были большие расходы, и мы решили ему помочь. Когда зашли в туалет, вложили в карман его брюк пятьсот рублей».

Что же, логика в их доводах была. Но чего она стоила после завершения ревизии объединения «Союзрыбпромсбыт» и тщательной проверки финансово-хозяйственной деятельности «Грузрыбсбыта»?

Я хорошо запомнил итоговый допрос Денисенко.

– Вы настаиваете на том, что за взятки в интересах взяткодателей никаких действий не совершали?

– Да, настаиваю.

– Вам предъявляются материалы ревизии, согласно которым в 1978 году «Росрыбпромсбыт» из-за недопоставок всех видов сырья сорвал выполнение государственного плана. Это так?

– Верно. С планом было туго, поскольку на Западе ввели двухсотмильные зоны, упали планы добычи и нехватка сырья стала ощутимой.

– Вам предъявляются документы, согласно которым вы, ведая распределением деликатесной рыбопродукции, в том же 1978

году отпустили в Таджикистан 200 килограммов лососевой икры, в Латвию – 300, в Литву – 250 и т. д.

– Я не помню, но, раз на документах стоит моя подпись, это так.

– Тогда поясните, что заставило вас отпустить Кохреидзе лососевой икры в количестве 30 тонн?

Денисенко краснеет, теряется, выдавливает из себя:

– Там курортная зона…

– А разве в Прибалтике курортов нет?

Молчание… Обвиняемый подавлен.

– После юбилея жены, через пять дней, вы принимали участие в совещании, которое проводилось в Ростове-на-Дону?

– Я помню это совещание.

– Что же заставило вас там подписать отпуск «Грузрыбсбыту» нескольких тонн деликатесов в ассортименте?

– В Ростове я от них денег не брал.

– Верно, вы их взяли в ресторане, за пять дней до этого.

Молчание…

– Кохреидзе и Асатиани подчинялись вам как начальнику ВРПО «Азчеррыба»?

– Верно.

– Какой производственной целесообразностью продиктовано ваше решение после перехода на работу в Москву о их прямом переподчинении снова вам же?

– Я считал, что так будет лучше.

– Что – лучше? Продолжать получать взятки из налаженных источников?

Молчание…

Денисенко осудили за получение взяток к 11 годам лишения свободы. Но проблема оценки этого состава преступления осталась. В уголовном законодательстве царской России она решалась просто. Знали два преступления: «лихоимство» – это когда чиновник берет деньги или подарки и за это что-то делает, а также «мздоимство» – когда берет подношения только потому, что занимает соответствующую должность. Первое, естественно, признавалось более тяжким преступлением.

В ситуации же тех лет соображения профессора Здравомыслова признали несостоятельными. Судебная практика пошла по пути признания взятками любых подношений, в том числе с расплывчатой формулировкой «за покровительство и поддержку в работе».

Не менее интересным было и то, что законодатель вкладывал в понятие предмета взятки. В тексте статьи Уголовного кодекса это звучало как «получение взятки в каком бы то ни было виде».

Если понимать это дословно, то взяткой мог быть любой предмет, даже карандаш за 10 копеек. Такая трактовка развязывала руки правоохранительным органам. А после развернувшейся кампании по борьбе со взяточничеством и коррупцией легко позволяла манипулировать понятием взятки. Таковой признавали и два галстука по 4 рубля каждый, и бутылку водки. Суды лихо штамповали приговоры. В статистике мелькали все возраставшие цифры возбужденных уголовных дел этой категории, а также количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности. Они должны были убедить общественное мнение в сверхактивности милиции, прокуратуры, судов в реализации решений партии об искоренении негативных явлений, чуждых социалистическому строю.

Нашли выход и из того, как обосновать подношение без совершения за это конкретных действий. Появились понятия: взятка-подкуп и взятка-благодарность. В одной из статей, опубликованной газетой «Известия» в 1985–1986 годах, профессор Здравомыслов, сменив ориентиры, теоретически обосновал эти признаки состава преступления.

Тогда-то я и решил провести один эксперимент. Читая лекцию по расследованию дел о взяточничестве перед начальниками следственных управлений областных прокуратур, я спросил, не испытывают ли они сложности в определении предмета взятки?

– Нет! – дружно ответили прокуроры.

– Бутылка коньяка взятка?

– Конечно.

– А две за 20 рублей?

– Тем более.

– Значит, исходя из стоимости предмета взятки, определенные ориентиры у вас есть. Тогда ставлю вам такой вопрос. Я – работник центрального аппарата, приехал к вам в командировку. Вы, как это принято, повезли меня на природу или пришли в номер гостиницы, и мы распили пару бутылок коньяка. Это взятка?

Прокуроры зашептались. Теперь они не были столь категоричны, ибо я был уверен: не было среди них ни одного, кто бы этого не делал. Раздались реплики: мол, есть элементарное понятие гостеприимства.

– Есть, но я-то проверяющий, и от моей итоговой справки много зависит в вашей судьбе. Хорошо. Я немного изменю условие задачи. Сославшись на плохое самочувствие, я не стал пить вместе с вами. Вы, проявляя известную деликатность, не стали уносить коньяк с собой и занесли бутылки в номер

гостиницы. То есть я фактически получил от вас две бутылки коньяка.

Ответа нет, но в зале оживление. Многие переговариваются между собой. Трудно примерять на себя собственную рубашку. Я же продолжаю дальше:

– Не возникают ли у вас проблемы с практическим применением толкований взятки в виде подкупа и благодарности?

– Нет, не возникают.

– Прекрасно. – Достаю из кармана японскую шариковую ручку с электронными часами. – Эта ручка сколько стоит?

– В комиссионном рублей семьдесят.

– Правильно! В госторговле они не продаются. Но ведь это в три раза дороже, чем два коньяка. Эта ручка может быть предметом взятки? Если мне ее подарил знакомый, вернувшийся из загранкомандировки.

– Нет, конечно. Есть же дружеские отношения.

– Согласен. Прошло пять дней. Ко мне приходит тот же знакомый. «Иваныч! Вчера на Хорошевке гаишники забрали права. Помоги, ты человек авторитетный». Я помогаю. Ведь, как-никак, знакомый, да и презентом хоть и мелким, но повязаны. Если каждый из вас без колебаний признал существование взятки-подкупа, то, выполняя партийный, а может, и просто социальный заказ, легко упечете меня в тюрьму и напишете убедительное обвинительное заключение. Разве не так?

Все та же реакция аудитории. Не все так ясно и просто, как кажется. Впрочем, ясности в этой проблеме нет и сегодня.

Во время следствия Денисенко написал десятки явок с повинной, где назвал довольно широкий крут взяткодателей и среди них начальника Потийского управления океанического рыболовства Дэвиси Картозию. Каракозову обрисовали его как крупнейшего кавказского мафиози, и поэтому операция по аресту разрабатывалась в лучших традициях детективного жанра. Командировку оформили в Абхазию, потому что министром внутренних дел этой автономной республики был выходец из МВД СССР Климов. Из Сухуми на оперативной автомашине со сменными номерами двинули в Поти.

Картозию взяли на работе и только после этого поехали в прокуратуру города, где попросили выделить людей для проведения обысков. От нашей комбинации местные коллеги, мягко говоря, ошалели. Вокруг меня крутился следователь прокуратуры и все убеждал, какой Картозия хороший человек. Когда они между собой говорили по-грузински, наш так заискивал, что я подумал: он у Дэвиси на содержании. Обыск на

работе и на квартире занял весь день. Голодные, мы уезжали из Поти около 22 часов. На выезде из города решили все же поужинать. Картозию я попросил вести себя пристойно, не заставляя нас прибегать к наручникам. Вышли из автомобиля и сразу привлекли внимание местных авторитетов. Они, видимо, поняли, что происходит, и двинулись к нам. Я сказал:

– Слушай, Картозия, если они сейчас начнут, первое, что сделаю, – пристрелю тебя.

Рука демонстративно опустилась в карман… Нет! Нет! Там не было пистолета, я взялся рукой за расческу. Никто из нас вообще не имел при себе оружия. Картозия что-то по-своему прокричал соплеменникам, и они, хотя и неохотно, разошлись.

Подследственным Картозия оказался сговорчивым, заявил, что расскажет обо всех, кому давал взятки. Но поставил условие, что ни при каких обстоятельствах не будет давать показаний о тех, кто давал взятки ему, и о тех, кого он «подкармливал» непосредственно в Грузии.

– Сколько бы я ни отсидел, мне там жить, – сказал он. – А вот о других – пожалуйста; в частности, об Иване (Денисенко). Не давать ему деньги было нельзя, – рассказывал Картозия на допросах. – Едем на коллегию в Севастополь. В субботу он принимает начальников объединений, директоров заводов, то есть таких же, как я. Стоим в приемной. У одного раздутая папка, у другого пиджак. Уходят «похудевшие». Каждый думает об одном, как бы коллега-соперник не нарушил договорный баланс, то есть не сунул сумму побольше, чем дают другие, и не получил преимущества в решении хозяйственных вопросов. Вот Иван вас убеждает, что брал у меня только триста рублей. Да ведь не знал он, от кого сколько получает. Вхожу я. На стол кладу сверток. «Иван Федорович, это вам на расходы». – «Спасибо, Девиси», – отвечает. Правой рукой открывает ящик стола, сбрасывает сверток, ящик задвигает. Поговорили. Следующий. И так за день человек пятнадцать – двадцать. Откуда он знает, кто из нас сколько дал? А вот Закурдаеву я делал только подарки: часы, зажигалки. Этот денег не брал.

Большой сложности для расследования дело Денисенко и Картозии не представляло. Ближе к окончанию следствия ко мне пришел один из работавших в нашей группе работников прокуратуры Грузии.

– Очень хочет жена Картозии отблагодарить тебя. Ее друзья просили узнать, пять «кусков»[30] тебя устроят? Пока не даст, будет считать, что долг свой перед мужем не выполнила. Не обижай женщину.

Отказ воспринял с непониманием. Грустно покачал головой и

позже с сожалением намекал, что деньги достанутся тому, кто будет защищать Картозию.

И вот передо мной адвокат обвиняемого Елисаветский. Как я понимаю, деньги взял. Ему за семьдесят. Оживленно рассказывает о себе, о своем участии в Великой Отечественной войне и о книге воспоминаний, которую пишет.

Началось ознакомление с материалами дела.

– Как оно идет? – спрашиваю следователей.

– Шеф, это цирк. После прочтения каждого листа протокола обращается к Картозии с одними и теми же словами: «Ну и болтун вы, Дэвиси Кириллович! Ну и болтун».

Наконец дело дочитали. И вдруг ребята меня ошарашили: адвокат пишет ходатайство. Я, конечно, догадываюсь, что пять тысяч нужно отрабатывать, но как? Все в полном признании, доказательства вины более чем убедительные.

Документом, составленным адвокатом и именуемым ходатайством, я был потрясен настолько, что оставил себе его на память как уникальный в своем роде документ и хочу процитировать:

«Изучив материалы уголовного дела по обвинению Картозии и других, пришел к выводу о необоснованном привлечении его к уголовной ответственности как взяткодателя… Нельзя не отметить, что следствие в соответствии с требованиями ст. 20 УПК РСФСР сделало немало полезного для установления истины. Это дает основание ожидать последовательность в правильном использовании собранных доказательств. Все дело в том, это в данном случае мы столкнулись с исключительными обстоятельствами. Картозия действительно делал различного рода подношения Денисенко… Созданные Денисенко условия вынуждали работников, далеких от намерения давать взятки, прибегать к подношениям. В условиях Грузии со своеобразным пониманием «об уважении», «даче подарков», «не быть белой вороной» было лучше дать какую-то сумму денег начальству, лишь бы не прослыть скрягой, жмотом и просто непорядочным человеком. Это парадокс? Согласен. А это хоть и печальный, но факт».

По мнению адвоката, в силу существующих в Грузии «национальных традиций» дело о даче взяток подлежало прекращению.

Картозия получил минимальную меру наказания – семь лет лишения свободы. Ни с ним, ни с его адвокатом мы больше не встречались. К сожалению, в день освобождения из колонии Картозия скончался в номере гостиницы.

Заложил Денисенко и начальника промыслового района

«Азчеррыбы» Гиви Минадзе. Этот человек представлял интерес для следствия как близкий друг Закурдаева. Совсем молодым он приехал, решив стать рыбаком, в Мурманск. Спустя годы стал капитаном. Ходил на различных судах. Его непосредственным руководителем был начальник Мурманского управления тралового флота Закурдаев. Когда Вячеслава Ивановича послали первым заместителем к Денисенко, он перетащил за собой и Минадзе. Эти перемещения, по нашим предположениям, не могли быть бескорыстными. Но мы ошибались. Дело было в другом, в личном. Но понял я это слишком поздно.

Несколько лет Минадзе капитанствовал на траулерах типа «Атлантик». Но однажды у него произошла серьезная авария в иностранном порту. Закурдаев вынужден был согласиться с его переводом хотя бы на должность начальника промыслового района. Последнее означало, что он на несколько месяцев уходил в море для координации работы группы траулеров по добыче рыбы.

Правда, до этого (еще при Денисенко) была предпринята неудачная попытка сделать Минадзе большим начальником в Кутаиси.

– Хоть грузин ты и обрусевший, но все же грузин, – сказал ему Денисенко, – попробуй.

– Иван Федорович, – осторожничал Минадзе, – но ведь из-за такого перевода я же должен сдать квартиру в Севастополе.

– Ну и что, сдашь. Там тебе дадут шикарную полнометражную. А не справишься – вернешься назад, дадим новую.

Откочевал Гиви в родную Грузию. Осел в большом кабинете, начал руководить. Вдруг звонок. Вызывает третий секретарь горкома. Ответ однозначный: «Слушаюсь!» Только непонятно, зачем ехать в питейное заведение.

– Знакомьтесь, – радушно говорит третий в маленьком уютном зальчике за накрытым с чисто грузинским гостеприимством столом. – Это один из наших новых молодых, подающих надежды руководителей Гиви Минадзе. Садись, Гиви. За тебя!

– Да мне вообще-то нельзя, – мнется Минадзе. – У меня совещание, и люди ждут.

Легкое раздражение, разговор в другом тоне: что же, раз занят, значит, занят. Вы свободны.

Только позже узнает Минадзе, что нужно было уметь быть «бакланом», то есть приезжать на такие мероприятия и не только пить водку и коньяк, а главное – обеспечить оплату приема «гостей города». О нем же сделали вывод: неудачного подобрали

начальника, не знает местных «обычаев». А тут конец года. Гиви вызывают на ковер к первому. Получает жестокий разнос: управление не выполнило план. Минадзе пытается аргументированно оправдаться. Первый сухо завершает разговор:

– Я позвонил министру. Езжайте в Москву и добейтесь корректировки плана. Это последняя проверка вашей зрелости как руководителя.

Москва. Столица. Город министерств и ведомств, откуда руководят хозяйственной деятельностью страны. Минадзе впервые в кабинете министра и видит его так близко:

– Здравствуйте, я из Грузии. Вам позавчера звонили, я насчет плана.

– Помню. – Рука на кнопке селектора. – Сергей Сергеевич, к вам сейчас зайдет… Как ваша фамилия?.. К вам зайдет Минадзе, разберитесь с ним. До свидания.

Кивок: аудиенция окончена.

– Ну, батенька! Какая корректировка плана?! План – это закон. Вы разве этого не знаете? Это азы экономики социализма. Сожалею, но ничем помочь не могу.

Сергей Сергеевич был ласково предупредителен, а Минадзе никак не мог понять, что «за так» в министерских кабинетах благословенной столицы ничего не делается. Задание первого он провалил и через несколько месяцев вынужден был сбежать из Грузии. С женой и двумя детьми пришлось поселиться в комнате одного из общежитий Севастополя.

При любой возможности он бегал к Денисенко.

– Иван Федорович, вы обещали.

– Помню, Гиви. Помню. К концу года сдаем дом, получишь квартиру.

И вот наступил так долго ожидаемый день. Стоит такой желанный дом, только… Семьи Минадзе в списках на получение ордера нет.

– Ты уж извини, Гиви. Дадим в следующем.

– Иван Федорович, но ведь это еще год.

– Что поделаешь. Извини.

В отчаянии Минадзе бросается к Закурдаеву:

– Вячеслав Иванович, Денисенко мне отказал!

– Знаю, все знаю. Но эти вопросы решает только он.

– Что же делать?

– Думай, Гиви.

– Мать, мы горим! Нас нет в списках, – с убитым видом сообщает Гиви страшную новость супруге.

– Сделай что-нибудь, Гиви, – умоляюще смотрит на него жена.

– Говорят, он берет…

– Сколько нужно?

– Тысячу.

– У нас только девятьсот…

– Давай!

Наконец Минадзе входит в кабинет Денисенко:

– Иван Федорович, можно?

– Заходи, заходи. Слушаю тебя.

– Иван Федорович, вот это вам.

Дрожащая рука кладет на стол начальника сверток.

– Ты что мне, Гиви, взятку даешь? – Голос Денисенко посуровел.

– Да что вы, Иван Федорович! – Минадзе до смерти перепуган. – Какая же это взятка? Я просто хочу вам по-человечески помочь.

– Тогда это другое дело.

Рука привычно открывает ящик, в него проваливается сверток с деньгами, и ящик закрывается.

Через четыре дня радостный Минадзе вселяется в новую трехкомнатную квартиру.

Прошло несколько лет. Минадзе находился на промысле в Индийском океане. Там и застала его телеграмма из министерства об отзыве. На душе было тревожно: к чему такая срочность? Билет на самолет взял в одной из африканских стран. В полете пытался себя успокоить, но тщетно. В Шереметьеве предъявил пограничникам паспорт. На него внимательно посмотрели.

– Вам нужно пройти вон в ту комнату.

– Зачем?

– Проходите, там объяснят.

В комнате находятся трое в гражданской одежде. Рядом пограничники, но они в происходящее не вмешиваются. Предлагают открыть сумки, чемоданы. Составляют протокол.

– Что происходит? Объясните!

– Немного позже. Пойдемте с нами.

Его подвели к «Волге» и посадили в середине на заднем сиденье. В самое страшное верить не хотелось. Все до конца понял, когда поползли в сторону металлические ворота и он увидел вывеску «Прокуратура СССР».

Как тесно и причудливо переплетаются судьбы людей, ведущие их к трагическому финалу! Так получилось и в этой истории. Мы создавали мощный океанический рыболовный флот, мы беспощадно эксплуатировали Мировой океан, считая его бездонным, но так не считали другие. Во второй половине 70-х по

инициативе США почти все страны, имеющие выход в море, ввели так называемые двухсотмильные зоны, лов рыбы в которых иностранными судами категорически запрещался. В первую очередь это задело интересы нашей страны. Уловы резко упали, многим рыбозаводам не хватало сырья.

Кутаисский рыбозавод строил и пускал в эксплуатацию Анзор Асатиани, и, когда Кохреидзе забрал его в Тбилиси своим заместителем, встал вопрос о преемнике. Остановились на Гизо Беришвили. Не потому, что был одним из лучших – двадцать тысяч за должность не пожалел. Теперь надлежало компенсировать потери. Да вот незадача: сырье практически не поступает, навара нет, и в горкоме за невыполнение плана накачивают. Кохреидзе и Асатиани неумолимы:

– Крутись, брат, крутись.

А как крутиться, когда распределение улова с рефрижераторов контролирует лично неподкупный Закурдаев?

Проблема, сложившаяся из-за введения двухсотмильных зон, волновала маленького человека Гизо Беришвили. Над ней ломали головы руководители государства. В 1978 году Москву посетил глава Вьетнама. На встречах с Брежневым вел разговоры о поставках продуктов. Тогда и подсказали генсеку хорошую идею: пусть вьетнамцы пустят наши траулеры в двенадцатимильную прибрежную зону, наиболее богатую рыбными запасами. Туда же можно направить плавбазу-фабрику. Половина готовой продукции – вьетнамской стороне, половина – нам. Так и порешили. Подписать конкретное соглашение Брежнев поручил Ишкову. Он, в свою очередь, переложил практическую сторону решения задачи на Закурдаева.

– Не подпишут вьетнамцы такой документ. Мы ведем добычу донными тралами и за полгода, как бороной, перепашем им все дно. Они больше потеряют, чем приобретут, – убеждали Закурдаева помощники.

– Все так, но Ишков не посмеет доложить Леониду Ильичу, что его решение можно по какой-либо причине не выполнить.

– Тогда остается одно – нужно подкупить тех, кто будет конкретно вести с нами переговоры.

Так судили-рядили исполнители. Определились в предметах, которые котировались у будущих партнеров по переговорам. Но нужны были деньги, а таковых в Советском Союзе на дачу взяток не выделяли. Около полутора тысяч Вячеслав Иванович нашел за счет выписки премии особо доверенным работникам. Но этого было мало, и вопрос, где взять деньги, стоял крайне остро.

О проблемах Закурдаева Минадзе не знал. Полгода провел на промысле и отпуск решил провести с женой в Цхалтубо. Позвонил

по прежнему месту работы своему преемнику в Кутаиси Норакидзе. Тот пообещал помочь. В кабинете у Норакидзе в это время были Беришвили и его компаньон по бизнесу, знаменитый на всю Грузию, а после одной из статей в «Литературной газете» Юрия Щекочихина – и на весь Союз, директор магазина Сосо Пхакадзе. Их волновал один вопрос: где взять сырье? Норакидзе положил трубку.

– Слушай, кто звонил?

– Да Минадзе из Севастополя. Просит купить две путевки в Цхалтубо.

– И ты?

– Что – я? Обещал помочь.

– На хрена он тебе нужен? Такой человек не помощник в наших делах.

– Не скажите. Сам-то он ничего не решает, но с Закурдаевым они большие друзья.

– С Закурдаевым? Это точно? – Беришвили задрожал от предвкушения удачи. – Мы берем его на себя. Когда они прилетают?

– Через три дня.

Самолет приземлился по расписанию. Перед супружеской парой выросли две импозантные фигуры.

– Минадзе? Очень приятно. Разрешите представиться. Я – Гизо Беришвили, это – Сосо Пхакадзе. Нам поручили вас встретить и устроить. Едем!

Санаторные путевки оформили быстро через главного врача санатория. Прошли к кассе. Минадзе полез за деньгами.

– Э, э!.. Слушай, так не делают! Ты – грузин, мы – грузины. Забыл о нашем гостеприимстве? Будем в Севастополе – рассчитаешься.

Минадзе заколебался. «Может, и правда так положено? – подумал он. – Я им ничего не должен, они – тоже».

– Ну, ребята, будем друзьями!

И понеслось. В холодильнике в номере коньяк и шампанское, отборные фрукты, овощи.

– Слушай, Гиви, тут что-то не то, – Светлана Михайловна внимательно смотрела на мужа, – не такой уж ты большой начальник, чтобы тебя так принимали.

– Знаешь, есть же наше национальное гостеприимство, – неуверенно промямлил Гиви Климентьевич.

На том и порешили. В аэропорт супругов Минадзе провожал один Беришвили.

– Гиви, пусть Света идет, мне нужно с тобой поговорить.

– Ну, мать, кажется, мы с тобой влипли, – сказал Минадзе,

плюхнувшись на сиденье самолета минут через десять.

– Что случилось?

– Он просит познакомить и свести его с Закурдаевым.

– А что страшного? Молодой директор, хороший человек, план дать не может. Почему – сам знаешь. Нужно поддержать человека. Тем более ничего плохого он не предлагает. Ну и познакомь их.

Пока супруги обсуждали сделанное предложение, Беришвили ликовал. Все свое окружение он оповестил о том, что нашел концы к начальнику «Азчеррыбы». Дошла эта похвальба до Кохреидзе. Он и Асатиани срочно приехали в Кутаиси.

– Ты нашел концы к Закурдаеву? – Кохреидзе недоумевал. – Ну ты даешь! Он же не берет!

– Я думаю, возьмет. Только не знаю, что лучше для начала: вещи или деньги?

– Если ему сунешь, ты – голова. – Кохреидзе поднял большой палец вверх. – А о подарках с первого раза забудь. Возьми тысчонку и с этого начинай.

Через несколько дней Минадзе услышал по телефону голос новоиспеченного «друга»:

– Гиви, я в Севастополе.

Прекрасная хозяйка Светлана Михайловна накрыла шикарный стол, отдав предпочтение чисто грузинской кухне. Но такое гостеприимство меньше всего волновало Беришвили.

Развязка приближалась. Беришвили нужно было сырье, чтобы выполнить план, сделать «левак», реализовать его через магазин Пхакадзе, покрыть расходы на дачу взятки за должность директора, да и вообще быть при наваре. Минадзе приходилось расплачиваться за отдых в Цхалтубо, за коньяк, фрукты и бесплатные вояжи по злачным местам. Закурдаеву – в кратчайший срок выполнить задание министра и быть готовым к поездке во Вьетнам.

В объединение пошли ближе к вечеру. Беришвили впервые был в этом административном здании. Раньше со столь высоким начальством он встречался только на совещаниях, да и то имел возможность наблюдать его лишь в президиуме.

День был удушливый, жаркий, и держать сверток с деньгами в руках Гизо не решился. Из-за отсутствия пиджака вложил его в задний карман брюк. Кабинет Закурдаева был длинным, обставленным мебелью со строгим изяществом. Когда Беришвили увидел в дальнем конце кабинета подчеркнуто строгого, красивого и властного человека, ноги его противно задрожали, а путь к столу, за которым сидел генеральный директор, показался длинным, как сама жизнь. Он проклинал день, когда согласился

стать директором завода, проклинал Кохреидзе и Асатиани, ждавших положительных результатов от этой встречи. Он думал, что сейчас этот недоступный начальник позвонит по телефону и через несколько минут сюда нагрянет милиция и его арестуют. «О боже, зачем и за что?» – мысленно шептал Беришвили, но услышал дружелюбное:

– Присаживайтесь. Я слушаю вас!

Через несколько минут Беришвили был буквально поражен, с какой быстротой и как просто решалась тупиковая проблема.

Закурдаев снял трубку одного из телефонов.

– Волгин? Какой рефрижератор и где у нас сейчас под разгрузкой?

– «Онежский залив» в Керчи.

– Прекрасно! Дайте телеграмму отгрузить Кутаисскому рыбозаводу пять тонн рыбы в ассортименте. Исполнение доложите.

Закурдаев внимательно и испытующе посмотрел на Беришвили:

– Вот и все. Вы довольны?

– О да! – пролепетал ошалевший директор.

– Тогда всего доброго.

Начальник вышел из-за стола и пожал руку. Путь к выходу оказался еще мучительнее, чем вход.

«Господи, какой я трус! – говорил про себя Беришвили. – Отдал им двадцать тысяч, а сейчас тысячу не мог положить на край стола…»

Он повернулся к остановившемуся за спиной Минадзе, положил руку на его плечо. Другая скользнула в карман с деньгами.

– Гиви, пойди и отдай.

– Что здесь?

– Тысяча.

Минадзе отпрянул в сторону и залился краской.

– Нет, иди сам.

– Гиви, как друга прошу – отдай. Я сам не могу. Это так мало для меня. Сделай, пожалуйста.

Минадзе помолчал, затем взял сверток и переложил в карман брюк. Вновь открыл дверь кабинета. Беришвили с паническим страхом ждал финала.

Через несколько минут «должник» вышел и опустошенно прислонился к стене.

– Ну что? – полушепотом спросил Гизо.

– Отдал… – со вздохом ответил Минадзе.

Они прошли несколько шагов. Минадзе резко повернулся:

– Ты не подумай, что обманываю. Я их действительно отдал. Смотри!

Он вывернул все три кармана брюк.

– Ну что ты, Гиви! – радостно улыбнулся Беришвили. – Разве я сомневаюсь в твоей честности? Мы же с тобой порядочные люди.

О том, какой может быть расплата за подобные взаимные «любезности», никто из них тогда не думал.

Переговоры во Вьетнаме закончились для Закурдаева успешно. Кохреидзе и Асатиани поздравили Беришвили с первым серьезным успехом. Свою долю стал получать Пхакадзе. Минадзе в очередной раз ушел в море. Жизнь продолжалась, а Закурдаев сполна узнал, что такое сделать первый шаг в круг связей, которые следователи называют преступными.

Он прилетал после коллегии в Симферополь, обнимался со встречавшими его друзьями и возле автомашины слышал сладко-услужливый голос Беришвили:

– Здравствуйте, Вячеслав Иванович. Это я. Вот привез вам кое-что. Вы не волнуйтесь. Никто ничего не знает. Надеюсь, водителю вы доверяете – иначе зачем его держать? Все у вас в багажнике. Дома посмотрите. Думаю, вам понравится.

С трудом скрывая раздражение, Закурдаев кивал в знак согласия и, сглаживая происходившее перед друзьями, спрашивал:

– Где вы говорите заказали ужин? Ах да, хорошее место.

– Гизо, езжайте за нами.

В другой раз Закурдаев заходил в номер гостиницы в Тбилиси и видел заполненный деликатесами холодильник. Болезненно реагируя на стук в дверь, открывал ее все тому же услужливо-заискивающему директору Кутаисского рыбозавода.

– Вячеслав Иванович, мы приветствуем вас в солнечной, гостеприимной Грузии. Вот, достал по случаю кожаное пальто. Кажется, ваш размер. Примерьте.

Эта назойливость тяготила. Выхода Закурдаев не видел.

На очередную коллегию в Москву он ехал с тяжелым сердцем. По ее завершении должен был возглавить делегацию министерства на переговорах с представителями ближневосточного региона. Это вроде бы успокаивало. С другой стороны, ему сообщили о недавнем аресте Минадзе. Знал он и об арестах Денисенко, Беришвили, Кохреидзе, Асатиани. Поэтому, когда новый министр и многолетний друг Владимир Михайлович Каменцев сказал, что за серьезные недостатки в работе его освобождают от занимаемой должности, все понял.

Зло спросил Каменцева: «С чем это связано?» Услышав, что с

ним намерен говорить заместитель генерального прокурора Найденов, хлопнул дверью. На Пушкинскую, 15а поехал не один, а в сопровождении куратора министерства по линии КГБ. С Найденовым и Каракозовым разговаривал так же зло, как и с министром. На все вопросы и увещевания бросал краткое «нет».

Первое плохое впечатление, которое произвел на тех, от кого во многом зависела его дальнейшая судьба, так и не смог никогда изменить, что и сыграло свою роль в назначении судом довольно сурового наказания.

Тогда же, поняв, что будет арестован, растерялся, но никогда не думал, какими долгими и мучительными будут трудные месяцы пребывания в следственном изоляторе.

Письмо сокамерника следственно-арестованному И. Ф. Денисенко:

«И о Бутырках на добрую память, на память о сопереживаниях Ивану Федоровичу от Л. 2 января 1980 года.

Только ли муки, только ли безотчетный страх, сковывающий, парализующий мозг и душу? Нет… ведь и здесь есть жизнь! И именно здесь нужно суметь найти в себе силы для того хотя бы, чтобы сохранить право на индивидуальность. Ведь смеешься же порой над тем, что еще недавно казалось жутким (юмор рождался даже в ташкентское землетрясение). Право, за первые месяцы заключения плачешь и хохочешь порой больше, чем на воле! Но вот одна особенность: каждый раз после гомерического хохота рванет по хребтине ознобом, полоснет памятью, мелькнут ручонки сына на шее или вдруг отчетливо вспомнишь влюбленные глаза из тех невозможных и невозвратных дней, и душит горьковатый ком в горле, и останавливается, стекленеет взгляд, и не можешь сдержать слез. Кажется, что ржал-то над близким покойником, а этот живой труп – ты сам!

Каких-то радостей, каких-то застолий не переживешь, когда прошли невозвратно лучшие годы жизни?!.. Боль утраченного гнетет, разрывает душу. Безымянность… Беспомощность… Неволя… А главное – утрата лица, личности разрушает мозг и всего тебя быстрее болезни… И найдешь ли лекарство, которое потом, когда-то, в прекрасном далеке излечит невольничьи раны. И очистится ли душа перенесенными страданиями…»

Все, что описано в этом письме, сполна пережил и Вячеслав Иванович Закурдаев. Но в его сознании никогда не укладывалось, в чем избирательный смысл карательной политики государства. Почему именно он, человек из номенклатуры, входящий в элиту избранных, отдан на заклание.

– Все они такие же, как я. Все мы жили по негласным правилам, – говорил он мне. – Поймите, именно

взаимоотношения в этой системе сделали меня преступником… Звонит мне Макаренко (первый секретарь Крымского обкома КП Украины): «Завтра приезжает командующий Одесским военным округом. Прими как полагается». Вы знаете, что значит – принять как полагается? Значит, знаете. Но он-то приезжает не один, а со свитой, и немалой. Кто и когда отпускал мне на это деньги? Ну, это мелочи. Снова звонок: «У Леонида Ильича юбилей. Негоже рыбакам Черноморья быть не на высоте». Думаю, гадаю, а потом мои «народные умельцы» из кости кашалота делают великолепную модель парусника. Обошлась она в семнадцать тысяч, хотя подарок вроде коллективный.

Звонит Макаренко: «Молодец! Парусник понравился. Подумай, как иметь два-три таких в запас». Интересное предложение… А деньги где брать?

Очередной звонок: юбилей Щербицкого[31]. Опять думай. «Народные умельцы» из той же кости кашалота вытачивают шахматы и инкрустированный шахматный столик. Это еще 9 тысяч. А вы мне о морали, о разложении общества… О нашем долге перед Родиной, об ответственности за будущее наших детей… Оставьте! Вы наивны по молодости, вы не были в шкуре номенклатурного работника. И слушайте, не нужно мне говорить о морали руководителей новой волны. Ах да, они объявили войну коррупции, взяточничеству и злоупотреблениям. Ложь!

Вы симпатизируете Шеварднадзе? Да вы знаете, где я был незадолго до ареста? Напомню: я был участником Потийской городской партийной конференции. В президиуме сидел рядом с Эдуардом Амвросиевичем. А потом, после громких слов и призывов, был ужин в узком кругу. Даже если вас при вашей должности кто-то захочет так угостить в Грузии, у него ничего не выйдет. Это еда королей! О спиртном я не говорю: мы пили коллекционные коньяки пятидесятилетней выдержки… За это нужно головы отрывать! А вы о морали… О долге! Перед кем? Вы мечете бисер перед свиньями и не понимаете этого. Но почему я? Почему они отдали меня? Почему Суслов на секретариате дал согласие по вашей докладной записке на отсечение моей головы? Почему не отстоял меня Каменцев? Ведь Володя друг. Пусть он не получал от меня денег, но золотые безделушки жене, подарки брал. Это-то было! Вы обвиняете меня в том, что я получил от Беришвили в виде взятки три хрустальные вазы, но они стоят намного дешевле, чем то, что я дарил другим. Почему они отдали меня вам? Почему?

Вину в получении взяток Закурдаев признал полностью. Он верил в то, что мы объективно разобрались в его прегрешениях и в этом также сможет разобраться и суд. Он жестоко ошибался. Его

личная судьба никого не интересовала. Народу нужно было продемонстрировать, что взяточникам объявлена бескомпромиссная война. Народ жаждал крови коррумпированных руководителей. Пар из котла выпускали потихоньку.

– Владимир Иванович! Правда, что мне дадут лет пять-шесть? – спрашивал заместитель министра Рытов. – Деньги и ценности я отдал, раскаялся, все рассказал. Все говорят, что я могу рассчитывать на снисхождение.

Мне стыдно было обманывать этого грузного, рано облысевшего человека.

– Владимир Ильич, настройте себя на другое. По вашей статье предусмотрена смертная казнь. Не будет ее – радуйтесь. Каждому году ниже пятнадцати радуйтесь.

Я думал, он просто недалекий человек. Нет, он не был примитивным, как хотел казаться. Рытов рассказал очень много и рассчитывал, что его показания понадобятся на годы и годы расследования. Его приговорили к исключительной мере наказания. Казнили бывшего заместителя министра «моментально». Об этом весь мир оповестила орган ЦК КПСС газета «Правда», навсегда умолкают только мертвые.

Уже тогда, при расследовании взяточничества в Министерстве рыбного хозяйства СССР, мы столкнулись с фактически неразрешимой уголовно-правовой проблемой. Ни законодатели, ни руководители государства не могли представить себе, что в стране развитого социализма хищения и взятки могут приобрести такой размах. Нас учили: «Ни один виновный не должен избежать наказания, ни один невиновный не может быть привлечен к уголовной ответственности». Но минрыбхозовское дело показало, что раскрыть и расследовать все преступления, совершенные в этой отрасли народного хозяйства, практически невозможно и на это не хватит всего следственного аппарата страны.

Между тем Верховный суд СССР дал разъяснения судам, что при рассмотрении дел о взяточничестве следствие и суд должны в обязательном порядке установить источник денег, которые давались в виде взяток, то есть расследовать хищения социалистической собственности. Последнее нереально. Каракозовым было принято решение сделать предметом доказывания только факты получения и дачи взяток.

Такой подход к расследованию не находил понимания не только в отдельных структурных подразделениях Прокуратуры СССР, но и в самой следственной части. Особенно ярым противником нововведения был следователь по особо важным

делам Владимир Иванович Остапенко.

В 1979 году ему поручили расследование хищений в системе Ростоврыбпрома. С делами около двух лет возился следователь следственной группы Рахманинов. Приняв дело к производству, Остапенко решил на деле доказать порочность решения, принятого Каракозовым. Дело он расследовал около пяти лет, скрупулезно доказывал хищения, которые совершались в одном из магазинов, начиная от незаконного списания малоценного оборудования.

Сумма материального ущерба, причиненного государству, составила несколько десятков тысяч рублей, ущерб удалось возместить меньше чем наполовину. За эти годы заработная плата Владимира Ивановича и командировочные, выплаченные как ему самому, так и следователям его группы, превысили пятьсот тысяч рублей.

Никакие попытки Каракозова воздействовать на Остапенко успеха не имели, а я после выступления на партийном собрании с критикой в адрес Владимира Ивановича попал в разряд его «смертельных врагов». Сегодня Владимир Иванович руководит отделом дознания на российской таможне.

Поскольку вся эта история постоянно была предметом обсуждений в кабинетах следственной части, наш коллега – замечательный и очень добрый человек Виктор Матвеевич Королевский, со стихотворения которого начинается эта глава, сделал поэтическое посвящение и Владимиру Ивановичу Остапенко. В память о нем я привожу его.

ТЕЗИСЫ ОТЧЕТА В. И. О. НА ПАРТИЙНОМ СОБРАНИИ

Когда «рахманинским подарком»
Еще я не был «одарен»,
Мне счастье улыбалось ярко
И был лазурным небосклон.

Но вот я влез в мешок печальный
И там такое «раскопал»,
Что осознал мой ум «опальный»,
В какую пропасть я упал.

Сплошная плесень беззаконья
Покрыла хаос прежних дней,
И проросла трава гекконья
В грядущих днях судьбы моей.

С тех пор, как узник заточенья,
Верчусь в заботах и сомненье,
Копаюсь в мерзостном дерьме.
И всякий раз ищу я снова
Наивернейший ход конем,
Чтобы вернуться из Ростова
Лишь со щитом, а не на нем.

В кругу порочном, словно робот
В программе замкнутой кружу.
Как катастрофы мощной хобот
Я гнев начальства отвожу.

В постылый край с гусиным мясом
Тащусь я, столько в сумки взяв,
Что надорвался б Юрий Власов,
Частицу оного подняв.

Родной семьи очаг домашний
Меня не греет много лет.
Текучей липкой молох страшный
Приносит мне лишь горечь бед.

Болезней мрачных паутину
Уже не в силах разорвать.
Усталый в доску, словно в тину,
Валюсь в казенную кровать.

С таким подорванным здоровьем,
С кровавой пеной на горбу,
С упорством редкостным, воловьим
Тяну я следствия арбу.

Теперь добить меня решили
За мой сизифов верный труд.
Вдруг к руководству пригласили
И шкуру медленно дерут.

Но я не думаю сдаваться.
И так немало пострадал.
Я буду яростно сражаться
За справедливый идеал!

26.06.85

Закурдаева приговорили к десяти годам лишения свободы. Сам факт наказания за получение взяток он считал справедливым, но не мог осознать, почему он должен так долго находиться в местах лишения свободы. Писал мне об этом, спрашивал, почему выходят досрочно лица, совершившие более тяжкие преступления, а он, отсидевший к тому времени пять лет, не заслуживает возвращения домой. Этот гордый красивый человек сохранил свое достоинство и в местах заключения. Свой крест он нес до конца.

Минадзе в Севастополь не вернулся. Жена его уехала на Север. Самой большой неожиданностью для меня было то, что они развелись. Впрочем, проанализировав все, понял, почему так случилось. Никто из них не захотел рассказать мне правду, а она многое могла бы прояснить в сложном клубке человеческих взаимоотношений.

В завершение истории расследования уголовного дела о взяточничестве в системе Министерства рыбного хозяйства СССР расскажу следующее. Уже тогда, в конце 70-х, из-за скудости информации о ходе следствия в народе поползли слухи, будто бы эти дельцы под видом дешевых консервов гнали на Запад черную и красную икру. Фактов таких установлено не было, но дыма без огня не бывает. (К вопросу о банке кильки, купленной с лотка на рынке, в которой была черная икра.)

Да, тут были большие деньги, очень большие деньги…

Не утихали разговоры и о судьбе министра Ишкова. Не знаю доподлинно, хватало ли у Каракозова материалов, достаточных для ареста этого человека, но нам была известна позиция ЦК КПСС – так далеко следствию не заходить. Ишкова отправили на пенсию, как говорят, без шума и пыли. В 90-х годах он умер.

Только сегодня в печати появились публикации Андрея Юдина о том, что влиятельный депутат японского парламента от либерально-демократической партии Фумио Абэ, тесно связанный с мафиозной структурой «Якудза», имел на содержании члена ЦК КПСС министра рыбного хозяйства СССР Александра Ишкова. За солидную мзду министр регулярно делал японцам уступки на переговорах по выделению Японии квоты на добычу морепродуктов в территориальных водах Советского Союза. Дошло до того, что Абэ имел возможность незамедлительно узнавать решения политбюро ЦК КПСС, составлявшие строжайшую государственную тайну.

Уголовные дела по обвинению Денисенко, Закурдаева и других я завершил расследованием, работая с 8 января 1980 года

в должности следователя по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР. Бывшее киевское начальство меня не беспокоило, ожидая выполнения задания Москвы в солнечном Азербайджане и, естественно, не предполагая, что я уже никогда не вернусь на Украину.

«Каким будет следующее дело?» – думал я.

Тайна гибели Машерова

…Бронированный автомобиль Машерова, которого после смерти Кулакова стали прочить в брежневские наследники, врезался в поставленные на его пути на перекрестке две пустые милицейские машины. В Минске… никто не сомневался, что и на этот раз произошло политическое убийство.

В. Соловьев и Е. Клепикова. Борьба в Кремле от Андропова до Горбачева

Сколько раз за эти годы, встречаясь с самыми разными людьми, я слышал рассказы о таинственной гибели первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии Машерова. Всем очень хотелось верить, что это очередное преступление коррумпированных мафиозных структур, стоявших у власти. В конце 90-х на допросе по делу о 140 миллиардах доктор экономических наук профессор Юрий Козлов, долгие годы проработавший в Белоруссии, убежденно уверял меня в том, что Машерова убили, инсценировав автомобильную катастрофу.

Хорошо помню тот день, 4 октября 1980 года, когда в следственной части около 20 часов раздался звонок Найденова. Как говорят, под рукой оказался один я. Поинтересовавшись, есть ли кто-нибудь из работников поопытнее, и получив отрицательный ответ, предложил срочно зайти к нему.

– У нас ЧП. Несколько часов назад в Минске в автодорожной катастрофе погиб Петр Миронович Машеров. Берите мою машину и езжайте домой. В 22:30 вас ждут в комнате милиции на Белорусском вокзале. К этому времени туда подъедет начальник управления ГАИ МВД СССР генерал Лукьянов. Билетами обеспечат. Выезжайте в Минск. С местными товарищами организуйте осмотр места происшествия и вскрытие трупов. Справитесь?

– Думаю, справлюсь. Виктор Васильевич! Водитель тоже погиб?

– И водитель, и офицер охраны. В общем, сориентируетесь на месте и завтра к концу дня доложите ваше мнение о том, что произошло. Имейте в виду, несколько лет назад там же в

автокатастрофе погиб один из руководителей республики. Но это так, информация к размышлению…

В дежурной комнате милиции на вокзале меня приняли настороженно и более чем прохладно. Да, команда посадить меня на поезд есть, но нет билетов. Обстановка разрядилась, когда приехал высокого роста, дородный генерал. Перед ним подчиненные стояли навытяжку. Мы познакомились, и он заверил, что никаких проблем с отъездом не будет. В вагоне тут же пригласил в купе, из которого выселили проводников, и дал команду адъютанту: «Приступай!» Чемодан-дипломат был упакован на уровне: водка, разнообразная закуска. Видно, что все это отработанная механика выездов в командировки.

Утром в Минске нас встречало местное руководство. Сразу разъехались по своим ведомствам. Прокурор республики познакомил с Николаем Игнатовичем, следователем по особо важным делам при прокуроре Белорусской ССР (в последующем народным депутатом СССР, прокурором Белоруссии). Ему поручили расследование дела. Выехали в морг. Там уже были эксперты Главного бюро судебно-медицинской экспертизы МО СССР.

На секционном столе крайним справа лежал труп Героя Советского Союза, активного участника партизанского движения в Белоруссии, кандидата в члены политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КП Белоруссии Петра Мироновича Машерова. Рваная рана лба, вывернутая в виде галифе правая нога, сломанные руки… Бросилась в глаза скромная, по моим меркам, одежда столь высокопоставленного партийного работника. И еще запомнилось, что на теле водителя его служебной автомашины, под рубашкой, был надет широкий и плотный бандаж. Хотя бандаж и вызывал некоторое недоумение, значения этому я тогда не придал.

Настоящий, а не липовый Герой Советского Союза Машеров выгодно отличался от остальных членов политбюро того периода. Скромный и обаятельный человек, он пользовался огромным уважением в Белоруссии, да и в стране тоже. Была у него приверженность к старым автомобилям: ГАЗ-13 – «чайка». Поступившие им на смену ЗИЛы он не любил, хотя эти машины были на несколько тонн тяжелее, более бронированными и более мощными с точки зрения других технических характеристик. Машеров также не любил помпезных выездов по городу и республике. Поэтому его раздражали машины сопровождения, особенно снабженные мигающими проблесковыми маячками.

Между тем с 1 июля 1980 года были введены в действие новые «Правила дорожного движения». Они предусматривали

порядок движения на дорогах автотранспорта специального назначения, под которым подразумевались так называемые спецкортежи. Таковые должны были двигаться в сопровождении автомобилей ГАИ, имеющих специальную окраску и снабженных проблесковыми маячками, из которых не менее чем один – красный. В соответствии с правилами водители встречного транспорта при разъезде с автомобилями специального назначения должны были «остановиться у тротуара или на обочине, а при их отсутствии – у края проезжей части».

4 октября 1980 года в 14 часов 35 минут от здания ЦК КП Белоруссии в сторону города Жодино выехала автомашина ММП «чайка», госномер 10–09, под управлением водителя Е. Ф. Зайцева. Рядом с водителем сидел Машеров, на сиденье сзади – офицер охраны майор В. Ф. Чесноков. Вопреки правилам и существующим инструкциям впереди шла автомашина сопровождения ГАЗ-24 обычной окраски, не снабженная проблесковыми маячками. И только сзади, подавая звуковые и мигающие сигналы, двигалась спецавтомашина ГАИ.

На трассе Москва – Брест, шириной до 12 метров, пошли по осевой со скоростью 100–120 километров в час. Такая скорость рекомендуется службой безопасности, так как, по расчетам, она не позволяет вести по автомобилям прицельную стрельбу. Дистанцию держали 60–70 метров. За километр до пересечения трассы с дорогой на Смолевическую бройлерную птицефабрику «Волга», преодолев подъем, первой пошла на спуск. До катастрофы оставались секунды. Грузовик, вынырнувший из-за МАЗа, увидели сразу. Правильно сориентировавшись в ситуации, но забыв, что нужно жертвовать собой, старший эскорта резко увеличил скорость и буквально пролетел в нескольких метрах от двигавшегося навстречу и несколько под углом грузовика. Водитель Машерова пытался тормозить, но затем, ориентируясь на маневр «Волги», также резко увеличил скорость. Петр Миронович уперся правой ногой в стенку кузова «чайки» и, как бы отстраняясь от надвигавшегося препятствия, уперся правой рукой в лобовое стекло. Удар был ужасным, гибель – мгновенной.

В этот день отец троих малолетних детей Николай Пустовит после фактически бессонной ночи, выполняя обычный рейс, ехал в сторону Минска. Он работал водителем экспериментальной базы «Жодино» Белорусского научно-исследовательского института земледелия. За спиной были несколько часов монотонной езды по прекрасной дороге. Дистанция между автомобилями 50–70 метров. Впереди шел тяжелый грузовик МАЗ-503, принадлежавший автокомбинату № 4 Минского городского управления грузового транспорта.

Водитель МАЗа Тарайкович первым увидел спецкортеж. Следуя правилам, он взял вправо и стал тормозить двигателем. Скорость его автомобиля резко упала.

Из показаний на первом допросе Николая Пустовита: «Дорогу, по которой я ехал в день аварии, 4 октября 1980 года, знаю хорошо. Спокойная езда не вызывала напряжения. Когда я поднял голову, у меня перед глазами был лишь внезапно возникший задний борт МАЗа. Создавалось впечатление, что МАЗ внезапно остановился передо мной. Это заставило меня вывернуть руль машины влево. В моей памяти как бы отложился момент столкновения с препятствием, страшный удар, пламя…»

Пустовит утверждал, что он отвлекся от управления, чтобы посмотреть на приборы. Я же не исключаю другого – монотонный путь подействовал на него усыпляюще, и он на мгновение задремал, отключившись как раз в тот момент, когда МАЗ впереди стал сбрасывать скорость. При маневре влево и в момент столкновения от страшного удара грузовик, груженный пятью тоннами картофеля, взорвался. Пустовита, которого по инерции занесло вправо, выбросило вслед за отлетевшей дверцей. Он горел и остался жив только потому, что на помощь подоспели прохожие. Вторая «Волга» сопровождения чудом затормозила буквально в нескольких метрах от стоявшего на обочине МАЗа.

Из заключения судебно-автотехнической экспертизы ВНИИ судебных экспертиз Минюста СССР:

«В сложившейся обстановке при своевременном принятии мер к снижению скорости движения автомобиля ГАЗ-53Б водитель его имел возможность предотвратить дорожно-транспортное происшествие. В сложившейся обстановке водитель ГАЗ-13 «Чайка» не имел технической возможности применением торможения предотвратить столкновение с автомобилем ГАЗ-53Б.

Водитель автомобиля ГАЗ-24 01–30 МИК и старший группы эскорта не располагали возможностью, действуя в соответствии с Правилами дорожного движения и специальными инструкциями, воспрепятствовать выезду автомобиля на полосу встречного движения».

Где-то около двенадцати мы были на месте происшествия. На середине трассы – исковерканная, засыпанная картошкой «чайка». В стороне, на обочине, сгоревший ГАЗ-53Б. Осматривая автомобиль, в котором находился Машеров, обратили внимание на очки с диоптриями и фиолетовыми стеклами линз. Позже выяснилось, что они принадлежали водителю Зайцеву. Он возил Петра Мироновича много лет, и по достижении пенсионного возраста его решили проводить на заслуженный отдых.

Зайцев сумел уговорить первого секретаря оставить его на

работе. Так и получилось, что водителем у Машерова остался пенсионер, человек с подорванным здоровьем (поэтому и был обвязан бандажом) и к тому же страдающий заболеванием глаз. 4 октября был день пасмурный, и все это в совокупности усугубило предаварийную ситуацию. Зайцев не смог правильно среагировать на действия Пустовита, грубо нарушившего правила дорожного движения. Теперь возникал вопрос: была ли у него возможность спасти жизнь самому себе и тем, кто находился в автомобиле? Бывалые водители гаража ЦК утверждали, что она имелась. Автомобили столкнулись практически на пересечении со второстепенной дорогой, и при хорошей реакции не исключался маневр с выездом на нее или броском вправо на поле, где можно было погасить скорость.

За несколько лет до этого в такой же ситуации оказался председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин. Реакция его водителя была мгновенной, и он, вывернув руль вправо и погасив скорость на картофельном поле, выбрал единственно правильное решение. Правда, в этот момент премьер потерял сознание, а позже, когда пришел в себя, посчитал, что водитель чуть его не угробил. Требовал его ареста. Каракозову с трудом удалось убедить Алексея Николаевича Косыгина в том, что он, наоборот, обязан своему водителю тем, что остался жив.

Не могу не вспомнить и о том, как родился слух о том, что Машеров погиб в результате заговора и инсценированной автоаварии. Возглавлявший службу ГАИ страны милицейский генерал после перепоя ходил в районе происшествия и, разговаривая с людьми, глубокомысленно приговаривал: «Нет, здесь не все чисто. Похоже, кто-то это подстроил». Мне сказали об этой болтовне работники КГБ. Пришлось довольно круто поставить вопрос о его, мягко говоря, несерьезном поведении.

Через несколько дней в Минск прилетели Найденов и Каракозов. К этому времени выяснилось, что в разработанных МВД инструкциях по сопровождению автомобилей специального назначения много нелепостей и положений, прямо противоречащих друг другу. Обсуждали мы один вопрос: есть ли основания для привлечения к уголовной ответственности за халатность кого-либо из должностных лиц органов внутренних дел. Сошлись на том, что нет. Само дело сложности не представляло, и его успешно закончил Николай Игнатович. Пустовита осудили к 15 годам лишения свободы за нарушение правил безопасности дорожного движения, повлекшее гибель нескольких человек.

7 октября 1980 года республика прощалась со своим любимцем Петром Мироновичем Машеровым. К гробу покойного

шли десятки тысяч минчан. Не меньше, несмотря на дождь, стояли на пути к кладбищу. Скорбь свою они не скрывали.

От ЦК КПСС попрощаться с кандидатом в члены политбюро приехал только секретарь ЦК М. Зимянин. Брежнев прислал своему товарищу по партии венок.

Правда, спустя некоторое время на очередные торжества в Казахстан приехали не только Брежнев и другие члены политбюро, но и все первые секретари ЦК союзных республик. Один из работников КГБ, обеспечивавший в Алма-Ате встречу сановных руководителей, контролировал разгрузку багажа из персонального самолета Гейдара Алиева.

– Не знаю, что было в больших кожаных чемоданах, – рассказывал он мне, – заглянуть в их содержимое я возможности не имел, но на каждом из них имелась бирка с указанием фамилии того, кому чемодан был предназначен. Как вы понимаете, фрукты таким способом не возят. Фамилий лиц второстепенных на этих бирках не значилось. Только первые.

Они, лидеры партии, играли по своим правилам. Такие, как Машеров, выпадали из обоймы, и им мелко, а когда и по-крупному мстили. В Минске – венок. В Алма-Ате – подношения и подарки. Судя по тому, какие мы изымали по громким делам о взяточничестве, стоимости немалой.

Героя Советского Союза Петра Мироновича Машерова похоронили на обычном городском кладбище. Места у Кремлевской стены он, оказывается, не заслужил.

После гибели Петра Мироновича по стране поползли слухи о том, что автокатастрофа была не более чем инсценировкой его гибели вследствие несчастного случая и на самом деле решение о его ликвидации приняли наверху и чуть ли не сам Брежнев. Масла в огонь подлили откровения бывших руководителей КГБ о том, что в свое время Брежнев обсуждал с ними вопрос о возможном физическом устранении Хрущева. Если такие мысли приходили в голову бывшего генсека много лет тому назад, то почему не предположить, что свои намерения в отношении Машерова он реализовал? Разговоры об убийстве Машерова муссируются и сегодня.

Летом 1997 года корреспондент газеты «Совершенно секретно» Эрик Шур разыскал Николая Пустовита в деревне Яловка Смолевического района Белоруссии. Преуспевающий бизнесмен охотно поговорил с журналистом о трагических событиях осени 1980 года. Виновником автокатастрофы он считает себя условно, но вдруг заговорил о непонятных ему маневрах двигавшейся тогда впереди автомашины Тарайковича. Он якобы пытался, но не мог ее обогнать. Заявил, что «Волги»

сопровождения не видел.

Лукавит Николай Митрофанович. Никаких маневров не было. МАЗ был ничем не загружен, а в кузове у Пустовита находилось пять тонн картофеля. В той дорожной обстановке и при тех обстоятельствах он не мог обогнать Тарайковича, да и не пытался этого сделать. А вот «Волги» с сигнальными огнями действительно не видел, и мы установили это тогда же при проведении следственного эксперимента.

За километр до столкновения первая «Волга», не снабженная проблесковыми маячками, появилась из-за пригорка и начала спуск. Тарайкович, увидев ее и проблесковые маячки второй «Волги», стал тормозить двигателем. Пустовит видел перед собой только задний высокий борт его МАЗа. Когда он на резком торможении стал уходить влево, его увидел водитель Машерова и также пытался притормозить, но тут же принял иное решение и увеличил скорость, надеясь проскочить. Не получилось…

Отсидел Пустовит пять лет и вышел по амнистии, приуроченной к 60-летию советской власти. Умышленные действия со своей стороны категорически отрицает и сегодня.

Масла в огонь подлила и дочь Машерова Наталья. «Летом, во время Олимпиады, – рассказывала она Эрику Шуру, – Брежнев предложил папе занять место председателя Совета министров Косыгина. Сам Косыгин был не против. Против была «украинская мафия» в политбюро и Гришин. Еще одним кандидатом на этот пост был Алиев. После Олимпиады отец мыслями уже был в Москве.

По иронии судьбы кремлевская охрана, которая ехала из Москвы в Минск, так сказать, принимать Машерова у белорусской «девятки», встретилась по дороге с его «чайкой», уже разбитой».

Позволю себе не согласиться с дочерью уважаемого человека. Алиев никогда не претендовал на пост главы кабинета министров, да и не могло тогда такое назначение состояться по принципам проводимой национальной политики. Вершиной его политической карьеры стала должность первого заместителя председателя Совета министров и члена политбюро.

Никакая кремлевская охрана не выезжала и не могла выезжать за Машеровым, ибо это противоречило существовавшим правилам. Машеров оставался первым секретарем ЦК, и, если бы было принято решение о его новом назначении, все изменилось бы в одночасье и его опекали бы по инструкциям и правилам, установленным для охраны и сопровождения первых лиц государства: генерального секретаря, председателя Президиума Верховного Совета и председателя Совета министров СССР. Но,

как говорят, видимо, дыма без огня не бывает.

В 1980 году Брежнев был тяжело болен. В политбюро и аппарате ЦК это знали. Дряхлеющий генсек своим поведением дискредитировал государство, главой которого он был, и вопрос о его замене не мог не быть предметом обсуждения среди сложившихся политических группировок. Желание устранить Косыгина Брежнев не скрывал, и действительно против ухода на пенсию не был и сам Алексей Николаевич. Кто займет его место? Вот в чем вопрос. В определенной номенклатурной преемственности власти шансов у Машерова шагнуть с должности лидера белорусской партийной организации на первую роль в партии практически не было.

Уже после завершения работы над главой о гибели Машерова я нашел неожиданное подтверждение своим выводам о роли, предназначавшейся Алиеву в политической жизни страны, в книге Анатолия Громыко «Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля». В преддверии прихода к власти Горбачева сын министра иностранных дел СССР заговорил с отцом о возможной кандидатуре на пост генерального секретаря ЦК КПСС.

«Громыко-отец. Мне запал в душу твой анекдот о «пятилетке пышных похорон». Образно сказано. Диву даешься, откуда идут такие меткие оценки.

Громыко-сын. Только не по решению политбюро. Остаются Гришин, Романов, Горбачев… Я говорил о настроении среди тех, кого я знаю. Мы не конституционная монархия. У нас генсек – и Бог, и царь, и герой. Ты же сам мне говорил, что у нас процветает вождизм. По генсеку судят о руководстве в целом.

Громыко-отец. Конечно, отчасти ты прав. У нас в политбюро только три человека сравнительно молодые – Романов, Горбачев и Алиев. Последний мне нравится, при нем Азербайджан, особенно сельское хозяйство, развивался просто здорово. Алиев прекрасный организатор, порядочный человек, но, к сожалению, он отпадает. Первый заместитель Председателя Совета министров – это, вероятно, его потолок.

Громыко-сын. Из-за национальности?

Громыко-отец. В таком вопросе да, из-за национальности… Нам хватит одного Сталина. Алиев тут ни при чем, но первым человеком в нашем государстве должен быть…

Громыко-сын. И здесь отец осекся и замолчал… думал о чем-то своем, и больше к вопросам, с которых началась беседа, в этот день не возвращались».

Безусловно, были политические группировки, заинтересованные в выдвижении Машерова, но были и не менее

ярые противники. Все понимали: смерть Брежнева не за горами. Для воспрепятствования прихода на его место честного и порядочного человека все средства были хороши.

То, что правила и инструкции, определявшие порядок сопровождения кандидата в члены политбюро, были грубейшим образом нарушены, никто не оспаривал. То, что по пути движения, по правилам расстановки дислокации постов ГАИ, при выездах на трассу со второстепенной дороги этих самых постов не было, – факт. Главное – не было поста как раз на месте трагедии, а он должен был там быть обязательно.

Меня часто спрашивают, искренне ли я убежден в случайной гибели Машерова. Отвечаю: да. Но червячок сомнения остается. Бывают же сверхгениальные операции спецслужб.

В 1996–1997 годах в Белоруссии сняты два документальных фильма о жизни Петра Мироновича Машерова. Третий хотят снять о его гибели.

Когда режиссер и сценарист фильмов попытались поговорить о трагедии с бывшим президентом СССР Горбачевым, Михаил Сергеевич затрагивать эту тему категорически отказался.

О милиции

В начале 80-х годов по Москве ходили разговоры о разоблачении преступлений, совершавшихся в московском метро. Слухи обгоняли домыслы, правду же знали немногие. Да и считали тогда, что обнародовать ее преждевременно и что она может способствовать подрыву авторитета советской милиции.

В середине 80-х ситуация в стране стала меняться. Люди узнали о моральном разложении, коррупции и взяточничестве, процветавших в ряде регионов страны. Страницы газет, журналов запестрели заголовками об арестованных ответственных работниках партийных, советских и правоохранительных органов. Стали известны многочисленные злоупотребления бывшего руководства МВД СССР в лице Н. А. Щелокова и Ю. М. Чурбанова, других ответственных работников министерства.

А начиналось еще со стремления Л. И. Брежнева укрепиться во власти.

В марте – апреле 1966 года в Москве проходил XXIII съезд партии, на котором произошло событие, малозаметное для многих. Кандидатом в члены ЦК КПСС был избран второй секретарь ЦК КП Молдавии Николай Анисимович Щелоков. Осенью того же года он был вызван в Москву, и 17 сентября страна узнала о его назначении министром охраны общественного порядка СССР.

За дело он взялся рьяно. Произошло переименование министерства, существенно повысилась заработная плата, в том числе и с введением надбавок за звание и выслугу лет. По предоставленным льготам милиция фактически приравнивалась к армии. Создавались специальные высшие учебные заведения и даже Академия МВД СССР.

Нового министра можно было смело зачислить в меценаты. Он стал инициатором создания в Академии университета культуры. Его первым ректором назначили Арама Ильича Хачатуряна. Кафедрами руководили известные всему миру кинорежиссеры, художники, писатели. О коллекционировании в собственной квартире подлинников картин, место которым было только в музеях, узнали позже. В кабинете министра частыми гостями стали спортсмены, актеры, космонавты.

Уже через год после его назначения, впервые в истории страны, День милиции отмечался в Кремлевском дворце съездов. Торжественное собрание открыл первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин. Да и сам состав президиума говорил о многом. Пошли упорные слухи о близости министра к «самому». Эту версию не

опровергали и ненавязчиво доводили до всех. Так, из мемуаров генерал-полковника К. С. Грушевого «Тогда, в сорок первом» читатели узнали о том, что ранним утром 22 июня 1941 года на бюро Днепропетровского обкома партии неотложные вопросы оборонных мероприятий решали наряду с другими товарищами секретарь обкома Л. И. Брежнев, председатель горсовета Н. А. Щелоков, секретарь горкома Г. К Цинев[32]. Наиболее любознательные, вчитываясь в биографии этих людей, находили удивительные совпадения по местам их службы на протяжении многих лет.

В печати, по радио и телевидению продолжали греметь овации по поводу замечательных успехов министра. 26 ноября 1970 года в связи с шестидесятилетним юбилеем его наградили высшей государственной наградой – орденом Ленина. Через десять лет присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Приветственный адрес в присутствии членов коллегии торжественно огласил Чурбанов. «Золотую Звезду» вручил Щелокову лично Л. И. Брежнев.

Теперь можно было подумать и о большем. О создании не подвластной и не подконтрольной никому касты, подчинявшейся только ему – Щелокову или подобранному им же преемнику. Оперативная работа в области преступлений в сфере экономики, уголовных проявлений, охраны общественного порядка, вся система предварительных мест заключения, исправительно-трудовых учреждений, включая специальные внутренние войска, – все в его руках.

Мешает лишь то, что расследование особо сложных дел, в том числе убийств, изнасилований, должностных преступлений, сосредоточено в органах прокуратуры. И вот перед ЦК партии, правительством страны поставлен вопрос о передаче всего следствия в органы внутренних дел. Правда, против этого возражают генеральный прокурор и Верховный суд, но к их доводам не очень-то прислушиваются…

Министр внутренних дел поначалу добивается решения о передаче всех дел о преступлениях несовершеннолетних в следственные подразделения милиции. Это более половины всех дел, расследуемых следователями прокуратуры. Все идет как задумано, но общую благостную картину с состоянием правопорядка в стране портит рост количества уголовных дел, возбужденных против работников милиции, и Щелоков делает демарш. Министр внутренних дел внес представление (!) генеральному прокурору СССР, в котором поставил вопрос о необоснованном возбуждении прокурорами уголовных дел против работников милиции[33].

Дальше – больше. В ЦК КПСС, Совет министров СССР направили докладную записку, в которой предлагалось лишить прокуроров городов и районов права возбуждения уголовных дел против работников милиции, а рядовой и сержантский состав привлекать к уголовной ответственности только с согласия начальника УВД. Что же касается офицеров милиции, то подступиться к ним можно было только с согласия министра.

Возможно, мечты Щелокова и сбылись бы, но земля наша не обделена людьми незаурядными, мыслящими по-государственному.

Виктор Васильевич Найденов имел большой опыт работы в должности прокурора Ульяновской области, а затем – в аппарате ЦК КПСС. В то время он как заместитель генерального прокурора СССР возглавлял Главное следственное управление Прокуратуры СССР, а значит, и руководил теми прокурорами, которые надзирали за деятельностью органов внутренних дел.

Понимая, чем чревато предложение Щелокова, Виктор Васильевич решил дать бой всесильному министру. Было подготовлено соответствующее обобщение по уголовным преступлениям, совершенным работниками МВД. Через некоторое время его вынесли на обсуждение общего партийного собрания Прокуратуры СССР.

В результате в начале 1980 года в директивные органы пошел не просто ответ за подписью генерального прокурора, а решение коммунистов центрального аппарата Прокуратуры СССР.

(Это партийное собрание я запомнил хорошо, потому что оно было для меня первым после перевода в Москву.)

Из прошлого

В середине 70-х годов специальная следственно-оперативная группа по раскрытию особо тяжких преступлений выехала в один из южных городов Украины, где была убита и ограблена престарелая гражданка Х. Помимо меня в группу входили занявший должность начальника отдела управления уголовного розыска области Малышев и ранее упоминавшийся Юра Катютин.

Довольно быстро комплекс следственно-оперативных мероприятий позволил заподозрить в убийстве офицера местного отдела внутренних дел, но по негласно действующему указанию ни задержать, ни арестовать его до увольнения мы не могли. О происшедшем сообщили руководству УВД и прокуратуры области. Посланники из центра нагрянули незамедлительно. Оперативное совещание проходило бурно. Попытки убедить нас в ошибочности выдвигаемой версии успеха не имели. Особое раздражение руководства вызвало упрямство Малышева и Катютина. А один из очень уважаемых мною людей и непосредственный мой начальник отвел меня в соседний кабинет и сказал: «Парень ты молодой, все у тебя еще впереди. Не артачься. Дело в конечном счете не в преступнике. Одним больше, одним меньше. Пойми, Володя, это политика…» И он многозначительно показал пальцем вверх.

Все протестовало против сделанного предложения, и мы поступили по-своему. Увы, дело кончилось полным провалом. Подозреваемого предупредили и о доказательствах, которыми мы располагали, и о всем ходе подготовленной по его изобличению операции.

Он уехал в другой город, купил дом, автомашину и лет через десять передал мне через одного нашего работника пламенный привет. Малышева и Катютина тогда же за «увлечение ошибочной версией» от расследования отстранили. Банда, которой руководил этот работник милиции, совершившая еще ряд убийств, осталась неразоблаченной.

Малышев, Малышев! Умница, беззаветно преданный службе уголовного розыска и посвятивший ей всю жизнь, он был обойден после этого не только в продвижении по службе, но и в поощрениях. Пробовал жить и работать в другом городе – не получилось. Уехал в Афганистан. К счастью, вернулся оттуда живым, доработал до пенсии и перешел на службу в органы прокуратуры.

Ну а Катютин? В юности прекрасный музыкант-профессионал, он оставил это увлечение и пошел в уголовный

розыск. Смелость и решительность, тонкий аналитический ум снискали уважение всех, кто знал его и работал с ним. Его успехов старались не замечать, и он болезненно это переживал. Ему дали возможность доработать до пенсии.

В конце 60-х, в так и не вышедшем на экраны двухсерийном документальном фильме «Страницы жизни», посвященном Щелокову, один из лучших дикторов страны зачитывал страницы рабочего плана министра: 13 января – заседание политбюро, 17 января – заседание Совета министров, 18 января – заседание секретариата ЦК КПСС… И так по нескольку раз. Все мы должны были проникнуться особой ролью видного государственного деятеля, имя которого (как, впрочем, и имя Юрия Михайловича Чурбанова) упоминалось в Большой советской энциклопедии.

Итак, успех. Он был. Но еще более он нужен в профессиональной деятельности. Результаты в отдаленной перспективе не устраивали, и поэтому огромное значение имела реклама. Созданному при МВД СССР пресс-центру выделялись значительные суммы. На советских читателей и зрителей обрушился поток заказной литературы, кино-и телефильмов о подвигах работников милиции (и нужно сказать объективно, зачастую действительных, а не мнимых). Писателей, художников, актеров и кинорежиссеров награждали солидными ведомственными премиями.

Кто платит, тот и заказывает музыку…

Из письма Арама Хачатуряна Щелокову: «Дорогой Николай Анисимович! Этот марш я написал, вдохновленный Вами и по Вашей инициативе. Ваше внимание и любовь к искусству, музыке – явление необычайное, достойное восхищения. Мы, музыканты, очень Вам благодарны. Позвольте преподнести Вам в дар рукопись моего марша…»

Ну что же, бодрящий марш работников милиции был действительно нужен, но не сокращалось, а росло число умышленных убийств, изнасилований, грабежей, разбоев. Подлинным бичом для всей страны становились квартирные кражи, возрождалась профессиональная преступность. Это были жестокие реалии нашей жизни, которые никак не вписывались в надуманную, да к тому же подкрепленную партийными решениями, теорию о сокращении преступности при социализме, вплоть до полного ее искоренения. Тогда и заявил министр о том, что основная деятельность милиции будет заключаться в предупреждении преступных проявлений. Дело нужное и важное, возложенное на все наше общество и его государственные институты, решили подменить вновь созданными в системе МВД крупными подразделениями по профилактике правонарушений.

Продолжали греметь литавры в честь потрясающих успехов советской милиции, особенно службы профилактики. Складывалось впечатление, что это основное ее подразделение, а между тем продолжали хиреть уголовный розыск, служба БХСС. Оказывается, за одну и ту же зарплату можно было работать по-разному. Но какое это имело значение для успеха, который был так нужен? Да никакого!

В уже упомянутом документальном фильме есть кадры, наводящие на невеселые размышления. Одной холодной снежной зимой Николай Анисимович руководил войсковыми учениями вверенной ему дивизии имени Ф. Э. Дзержинского. На плацу стояли боевые машины пехоты, солдаты лихо шли в атаку, утопая в снегу и стреляя на ходу из автоматов. С кем они собирались воевать? – вот в чем вопрос. В сегодняшних условиях при создании мощнейших группировок внутренних войск те потуги министра выглядят детской игрой.

В очерке «Кома», опубликованном журналом «Огонек» в начале 1989 года, отдельные высокопоставленные сослуживцы Щелокова характеризуют его как умного, талантливого и способного руководителя органов внутренних дел. Что же, глупым его действительно не назовешь.

Из интервью министра корреспонденту Гостелерадио СССР в период работы XXVI съезда КПСС:

«Вопрос. Мне говорят, что в последние годы изменился облик советского милиционера. Он стал грамотней, культурней. А каким бы вы хотели видеть рядового милиционера, работника органов внутренних дел?

Щелоков. Прежде всего это должен быть культурный, идейно воспитанный человек, потому что милиция в любой капиталистической стране – она подготовлена технически, но, что бы они ни делали, как ни оснащались, как бы ни работали, никогда американская или нью-йоркская полиция не справится с преступностью. Это не их вина, это их беда. Для того чтобы решить эти проблемы, нужно решить одну задачу, а эта задача заключается в совершении пролетарской революции. Только в социалистической стране может быть обеспечен настоящий правопорядок для людей».

Вот так, ни много ни мало! Только сейчас начинаешь понимать, какой непоправимый ущерб авторитету и престижу страны наносили такие безответственные заявления новоиспеченного доктора экономических наук (и особенно тогда, когда они соседствовали с известными всему миру фактами присвоения в пользу свою и своей семьи автомобилей иностранных марок и других ценностей). Сегодняшние

потрясения закладывались тогда.

Между тем автотранспорта в милиции хронически не хватало. В Донецкой области, например, преследуя бандитов, ограбивших сберкассу, работники уголовного розыска отчаянно размахивали руками, когда у их старенького газика на ходу отвалился карданный вал. Лимит на бензин заставлял использовать не по назначению автомобили промышленных предприятий, а иногда – частных лиц. Примитивная криминалистическая техника не обеспечивала качественного ее применения. И при всем при этом министр иронизировал над технической оснащенностью американской полиции.

Правда, он посетил проводившуюся в Москве выставку ведущих фирм Запада, специализирующихся на изготовлении криминалистической техники, но и только. Восторг практиков их руководитель не очень-то разделял. Мы оказались одной из немногих стран мира, которая бюджетные ассигнования тратила в основном на увеличение численности состава органов правопорядка, естественно, в ущерб качеству. Выбитые у правительства вакансии нужно было срочно заполнять, и широким потоком полились в милицию «случайные» люди. Интересная параллель с днем сегодняшним.

Между тем реальная жизнь шла своим чередом. Проблемы в экономике и социальной сфере не могли не отразиться на росте преступных проявлений. Но никому не нужна была в те годы правда. За рост преступности наказывали сурово. В два счета можно было поплатиться и должностью, и карьерой, а потому и стали скрывать все, что можно было укрыть. В выборе средств не стеснялись, и поэтому ни одна страна в мире не знала такого высокого процента раскрываемости, который был в те годы в СССР.

Большое количество черепно-мозговых травм списывалось на «падение с высоты собственного роста» либо по «альтернативной формуле» – «данное повреждение образовалось от удара тупым твердым предметом или при ударе о такой предмет». Первое, естественно, игнорировалось, второе брали за основу.

Доходило до того, что при выезде для осмотра трупа, обнаруженного в пруду городского парка со связанными веревкой руками и ногами, с грузилом-камнем, заместитель начальника управления уголовного розыска области Бондаренко битый час убеждал меня, что потерпевшая, решившая сыграть с нами злую шутку, сама себя связала, привязала на шею камень и прыгнула в воду.

Укрывали все, что можно было укрыть, и для достижения этой цели никакими средствами не брезговали, вплоть до

шантажа потерпевших компрометирующими материалами.

Уже работая в Москве, я приехал как-то к себе на родину и в троллейбусе встретил одноклассницу. В разговоре поделилась она своей бедой: в плавательном бассейне украли у нее и дочери ценные вещи стоимостью около четырехсот рублей, а милиция кражей заниматься не желает. Договорились, что напишет она жалобу прокурору города, а он возьмет ее под свой контроль. Встретились через год. «Эх, тоже мне, друг детства! – услышал я возмущенный голос одноклассницы. – Лучше бы я тебя ни о чем не просила!» И далее последовал рассказ о том, как работники милиции занялись не кражей, а мужем заявительницы, оказавшимся, к несчастью, директором овощного магазина. Только после нового заявления, что никакой кражи якобы не было, эту семью оставили в покое. Не считая возможным жить в стране с таким правопорядком и по другим причинам, одноклассница эмигрировала в США.

Приказы генерального прокурора СССР требовали самых жестких мер по отношению к должностным лицам, укрывающим преступления от учета. Но после очередного выявления такого рода злоупотреблений (и как следствие – роста неблагополучных показателей по региону) стали практикой вызовы в обком, в отделы административных органов. Там чересчур ретивому прокурору напоминали, где он состоит на партийном учете, и отечески наставляли: он и начальник милиции «ходят» в одной упряжке и ссориться из-за такой мелочи, как сокрытие преступлений, право, глупо. С прокурора спрашивали за рост преступности, а отнюдь не за состояние надзора за деятельностью органов внутренних дел. Насколько принципиальным он оставался после этого, было делом совести каждого конкретного чиновника.

Укрытия, набирая темп, развращали личный состав работников милиции: ширились их злоупотребления, расцвело рукоприкладство, превышение власти… Наказание за это подрывало бы всю создаваемую систему лакировки действительности. Допустить этого Николай Анисимович Щелоков не мог.

Неофициально, с соблюдением строгой секретности, начался сбор компрометирующих материалов на работников органов прокуратуры, занимающихся расследованием дел о злоупотреблениях работников милиции.

«Ссориться с нами нельзя, – поучал меня, молодого прокурора следственного отдела прокуратуры области, начальник одного из райотделов милиции. – Вот был у нас один мальчишка, который только что назывался следователем. Прибежал к нему

один ханыга. Избили, кричит, в комнате милиции! Разве это представители власти? Он со мной не посоветовался и – двух моих в КПЗ[34]. Пришлось ему фотографии показать и кое-какие записи его общения с подругами в служебном кабинете. Сразу стал как шелковый. Так-то!»

Укрывались преступления, совершенные гражданами, росло количество жалоб и заявлений об этом. В ход шли шантаж, угрозы, рукоприкладство, злоупотребления по службе. Вседозволенность и безнаказанность закономерно привели к многочисленным фактам сокрытия преступлений, в том числе и тяжких, совершаемых работниками милиции.

Убийство на «Ждановской»

27 декабря 1980 года возле поселка Пехорка, недалеко от дороги, ведущей в аэропорт Быково, обнаружили окровавленного, практически раздетого и полузамерзшего человека. Одежда потерпевшего валялась рядом. Кроме записной книжки, в карманах ничего не обнаружили. Прибывшие на место происшествия работники милиции позвонили по одному из телефонов, указанных в записной книжке.

С этого момента в известном всем здании на площади Дзержинского (ныне Лубянка) зазвучал сигнал тревоги. Пострадавшим был заместитель начальника секретариата КГБ СССР майор Вячеслав Васильевич Афанасьев. Через несколько дней, не приходя в сознание, он скончался.

В последующие дни председатель Комитета государственной безопасности Юрий Владимирович Андропов заслушал на оперативном совещании результаты расследования обстоятельств гибели Афанасьева. Мнения сотрудников, занимавшихся этим делом, разделились. Одни выдвинули версию об автодорожном происшествии, другие настаивали на том, что Афанасьев был убит. Тогда и последовало предложение просить генерального прокурора поручить расследование дела следователям прокуратуры, специализировавшимся по делам об убийствах.

В этот роковой день Вячеславу Васильевичу исполнилось сорок лет. Более недели он бюллетенил (врачи обнаружили воспаление легких). Держалась температура, но все же Афанасьев решил сходить за праздничным заказом к Новому году и вечером с друзьями отметить юбилей. Жена перед уходом на работу поздравила его от себя и детей и дала деньги на подарок. Он купил на эти деньги хорошие импортные туфли…

Застолье было непродолжительным, потому что из всех приглашенных пришли только двое. Домой решил добираться на метро. На станции «Площадь Ногина» (ныне «Китай-город») Афанасьев сел в вагон поезда и тут же задремал. Болезненное состояние и алкоголь сделали свое дело. На конечной станции метро, «Ждановской», перед отправлением поезда в тупик контролеры Воротилина и Мотникова увидели в одном из вагонов спящего человека с коробкой обуви на коленях. Рядом стоял портфель. Спящего разбудили и попросили выйти на перрон.

– Портфель-то ваш? – спросила его Мотникова.

– Нет, – покачал головой Афанасьев, пытаясь определить, где он находится. – Ох, извините, портфель мой…

Афанасьев протянул к нему руку, но его оттолкнула в

сторону Воротилина, раскрыла портфель и, рассмотрев содержимое, спросила:

– Если действительно ваш, что там находится?

Афанасьев наморщил лоб:

– Водка, красная рыба, продукты… Что еще?..

– Вот и нет! – торжествовала Воротилина. – Здесь коньяк!

– Да, коньяк, – заговорил Афанасьев, – я совсем забыл, ведь ребята подарили мне коньяк…

Его заверения запоздали. Воротилина свистела, вызывая наряд милиции. Афанасьев пытался убедить ее не делать этого. Более того, предъявил служебное удостоверение, которое контролеры успели внимательно рассмотреть, но на платформу уже прибыли два постовых милиционера.

Удостоверение на постовых впечатления не произвело. Афанасьеву заломили руки за спину и потащили вниз. Здесь, под платформой, находилась комната милиции – унылое помещение со скудным освещением.

Вячеслав Васильевич пробовал слабо сопротивляться. Увы, он не догадывался, что два молодых парня в серой форме посчитали его «карасем». («Карась» на их жаргоне интеллигентный с виду человек, у которого наверняка есть деньги и ценности, а значит, есть чем поживиться во время обыска и затем обвинить самого же задержанного во всех смертных грехах.)

Так в этот день, в начале девятого вечера, судьба свела Вячеслава Васильевича Афанасьева с постовым нарядом милиции станции метро «Ждановская» 5-го отделения милиции отдела по охране Московского метрополитена в составе Лобанова, Попова, Телышева, Возули, Селиванова и возглавляющего наряд старшего инспектора службы Рассохина. В наряде находился еще один, не значившийся в списке, – Пиксаев. В свободное время он был внештатным сотрудником милиции, а в рабочее – электромехаником по обслуживанию автоматов метро.

Представитель КГБ СССР полковник Олег Дмитриевич Запорожченко начал разговор со мной о деле необычно:

– Мы совсем не знаем вас, да и времени познакомиться ближе у нас нет. Полагаю, что ситуация, в которую мы попали, исключительно сложная. Между нами должно быть полное доверие, поэтому прошу вас со мной во всем быть предельно откровенным.

Признаться, такое начало меня несколько обескуражило. Что имел в виду Олег Дмитриевич, я понял только через несколько дней.

– Нами проработаны все станции Ждановско-Краснопресненской линии, на любой из которых Афанасьев мог

выйти, – продолжал Запорожченко. – Удача ожидала нас на «Ждановской», именно там его задержал постовой наряд милиции. С этого момента наш коллега исчез. По нашей информации, в документах 5-го отделения этот факт не зарегистрирован. Протоколы допросов Воротилиной и Мотниковой, а также опознаний Афанасьева по фотографиям – в деле. Мы предполагаем, что к его гибели имеют самое непосредственное отношение работники милиции. Более того, у нас есть основания полагать, что происшедшее попытаются скрыть вышестоящие руководители органов внутренних дел. Мы обещаем вам полную поддержку и любую помощь с нашей стороны.

Эта версия действительно представлялась реальной, и реализацию намеченного плана мы начали в семь часов утра 14 января 1981 года. В кабинете начальника следственной части Прокуратуры СССР Каракозова собрали около тридцати следователей. Им вручали пакеты и называли номера автомашин, рассредоточенных в районе Пушкинской улицы. Краткий инструктаж – и команда: «По машинам!»

В служебных помещениях отдела милиции по охране метрополитена, территориальных отделениях и медвытрезвителях, расположенных недалеко от станции метро «Ждановская», шла выемка документов.

Со службы или места жительства в следственный отдел КГБ СССР в Лефортово доставлялись лица, которые в течение вечера 26 декабря 1980 года находились в комнате милиции или возле нее.

Да, свозили именно в Лефортово. Все остальные учреждения подобного рода находились в подчинении Щелокова, а значит, не могли обеспечить надлежащей изоляции предполагаемых преступников. Более того, дальнейшая работа с ними могла стать бесполезной.

В этот день ни Щелокова, ни Чурбанова в Москве не было. Происходящее так поразило столичную милицию, что кое-кто пытался не подчиниться требованиям работников прокуратуры. Возникавшие конфликты умело разрешал заместитель начальника следственной части Юрий Николаевич Шадрин.

Первые допросы придали уверенности в том, что мы на правильном пути. Постовые наряда на станции метро «Ждановская» начисто отрицали факт задержания Афанасьева. Опознания, очные ставки, изучение изъятых документов… Постепенно прояснялась картина…

На службу постовые заступили в 16 часов. Как это делали не раз, занялись грабежом задержанных. Пока еще на свои деньги

Пиксаев купил вина. Закуску отобрали у доставленного в комнату милиции пьяного пенсионера, получившего в этот день праздничный заказ. У троих любителей спиртного, которых привели в комнату милиции чуть позже, забрали деньги. Пиксаев только успевал бегать в магазин. Вскоре опьяневший Рассохин заснул в одном из подсобных помещений. Остальные продолжали «нести службу».

По свистку Воротилиной за очередным «карасем» побежали Лобанов и Телышев. Такого «улова» у постовых со «Ждановской» еще не было.

– Это комитетчик, – на ходу бросил Лобанов Пиксаеву и подмигнул, показывая на коробку с обувью.

Внештатный сотрудник вырвал ее у Афанасьева и забросил в подсобку.

В комнате милиции Афанасьева затолкали за барьер и приступили к личному обыску. Афанасьев слабо сопротивлялся и убеждал пьяных блюстителей порядка в том, что он – офицер и сам предъявит содержимое своих карманов. Особое их раздражение вызвал отказ отдать служебное удостоверение сотрудника КГБ. Афанасьева начали бить… После сильных ударов в живот Вячеслав Васильевич потерял сознание.

– А что вы сделали с ним потом? – спрашивали мы четверых подозреваемых, которые к исходу дня уже не отрицали, что избили задержанного.

Все твердили одно: «Потом мы его отпустили».

Лобанова, Телышева, Возулю и Рассохина задержали.

Да, трудным он выдался, этот первый день расследования обстоятельств гибели Афанасьева, но самый главный сюрприз ожидал меня вечером.

В кабинете заместителя начальника следственного изолятора КГБ СССР Лефортово, к которому зашел по делу, сидели несколько незнакомых мне мужчин, в том числе полковник внутренних войск. Заверив, что рады познакомиться со мной, присутствующие предложили выпить вместе с ними. Ничего, кроме удивления, это предложение не вызвало, и я, сославшись на то, что сейчас не время для застолья, ушел.

«Говорить или не говорить об этом Запорожченко?» – только об этом и думал я, собираясь уезжать домой. Вспомнив наш разговор о взаимном доверии, решился.

– Да, ситуация интересная. – Олег Дмитриевич задумался. – Знаешь, домой тебя проводят мои ребята. Так будет спокойнее.

Тут же договорились, что, если наше предположение о возможной провокации не подтвердится, лишнего шума поднимать не будем.

У подъезда меня ожидали двое. Перекрывая вход, они всем своим видом демонстрировали агрессивные намерения. Позже я не раз думал: на что они рассчитывали? Не знаю, но думаю, что между нами могла начаться, как минимум, перепалка, как максимум – драка… Подоспела бы милиция, и я в «нетрезвом состоянии» оказался бы там, где искали встречи со мной… Комментарии к остальному, как говорят, излишни. От расследования дела меня бы отстранили. А как бы повел себя другой следователь в эти первые и самые трудные для судьбы дела дни, неизвестно.

А тогда я остановился в растерянности. Из автомашины вышли сопровождавшие меня работники КГБ.

– Мы надеемся, товарищ может пройти? – спросил один из них.

Последовала пауза. Двое угрюмо посторонились.

– Идите спокойно и, главное, не волнуйтесь. Завтра мы за вами заедем, – пообещали спутники.

На этом мы расстались. Но насколько спокойной была для меня эта ночь, догадаться нетрудно.

О случившемся доложили Андропову. Заместителя начальника следственного изолятора, в кабинете которого меня пытались накачать спиртным, в тот же день вызвали на Лубянку. Там с него, как мне сообщили, в прямом смысле слова сорвали погоны. Еще через час он был уволен.

Наступивший день успокоения не принес. Изучение изъятых документов, анализ складывающейся обстановки позволили прийти к выводу о том, что мы столкнулись с процветавшими в московской подземке преступлениями. Но главным было то, что эти преступления систематически укрывались. Стало понятно, что разоблачение происходившего в столичной милиции может быть подобно взрыву, что заинтересованные лица предпримут все возможное, чтобы на первоначальном этапе расследования, когда доказательства еще расплывчаты и до истины далеко, нейтрализовать следователя и тех, кто работает по делу вместе с ним.

– Похоже, нам объявили войну, – с грустью сказал мне Запорожченко и добавил: – Мы получили указание заняться обеспечением твоей безопасности всерьез…

Да, в такие переделки я еще никогда не попадал. Все переезды по городу в рабочее и нерабочее время только на специальной автомашине. Дочь в школу и обратно – таким же способом. Однажды она даже расплакалась:

– Перестань меня возить, надо мной весь класс смеется! Все спрашивают: «Кто твой папа, что от порога дома и до порога

школы тебя возят?»

Пришлось объяснить, что такая у меня работа и ничего тут не поделаешь. Успокоил я ее тем, что маму тоже охраняют.

Не обошлось и без курьезов. В один из дней, возвращаясь домой, на лестничной площадке встретил соседа. Поздоровались, разговорились. Неожиданно распахнулись створки лифта, и перед нами появились трое плечистых вооруженных парней.

– Владимир Иванович, все в порядке?

Растерявшись, я только успел кивнуть. Они тут же исчезли.

– Это что такое? – спросил испуганный сосед.

– Так меня охраняют, – объяснил ему.

– Плевал бы я на такую работу! – последовал комментарий.

Я же с теплотой и благодарностью подумал о товарищах с площади Дзержинского, которые держали слово и обеспечивали мою безопасность.

Между тем мы упорно, шаг за шагом, продвигались вперед. Факт задержания Афанасьева и его избиения в комнате милиции можно было считать доказанным, но кто и как его убил, мы не знали. Только позже выяснилось, как тщательно инструктировали обвиняемых и сколько версий происшедшего с ними прорабатывали.

После избиения единственный трезвый среди постовых сержант Селиванов позвонил ответственному дежурному по 5-му отделению и сообщил о задержании Афанасьева. Последовала команда или отпустить его, или, действуя по инструкции, вызвать представителя КГБ. То же самое предложил сделать прибывший на станцию проверяющий, младший лейтенант Голунчиков. К сожалению, они не знали, что давали команды не подчиненным им постовым милиционерам, а преступникам.

– Товарищ майор, уходите отсюда по-хорошему, и побыстрее, – уговаривал Афанасьева Селиванов. – Вам лучше с ними не связываться. Они не люди, поверьте мне. Уходите!

Но негодованию потерпевшего не было предела.

– Мерзавцы! Подонки! Я вам этого так не оставлю! – повторял Афанасьев, покидая комнату милиции.

Со злобой в затуманенных спиртным глазах смотрели на него Лобанов и Попов.

– Идиоты! Разве можно его отпускать? – теребил Лобанов рукав шинели Попова. – Он всех нас заложит! Давай его грохнем! Молчат только мертвые!..

Молчал и Попов, а потом, решившись, кивнул. Они побежали вслед за Афанасьевым. Может быть, милиционеры его и не догнали, но Афанасьев перепутал платформы прибытия и убытия. Поэтому его настигли в подземном переходе.

– Товарищ майор, вы забыли свои туфли, – сказали Афанасьеву и предложили вернуться.

Тот отказался и предложил вынести похищенное. Его вновь скрутили и потащили в комнату милиции. Он отчаянно сопротивлялся, взывал к помощи прохожих, но те спешили пройти мимо. Кто мог подумать, что люди в форме, призванные защищать их от преступников, решились сами на совершение тяжкого преступления?

В комнате милиции майора впервые увидел Рассохин, который к этому времени проснулся и немного протрезвел. Задержанного затащили за перегородку и снова стали бить, но совершить убийство никто не решался. Тогда Попов побежал в ближайший ресторан за водкой. Спиртным он надеялся подбодрить собутыльников, и, когда вернулся, все произошло просто и потому страшнее.

Из показаний обвиняемого Попова: «Как только я вошел в комнату милиции, за мной кто-то захлопнул дверь. Увидел, что Лобанов и Телышев затащили Афанасьева за барьер. Я приблизился к ним. Кто из них свалил его, я точно сказать не могу. Я увидел, что Афанасьев как бы сполз по стене на пол. Он пытался вырваться, но Лобанов удерживал его и не давал встать. Я понял, что они не решаются ничего сделать, а Лобанову нужна помощь, и подошел к ним. Чтобы мне было удобнее, правую ногу прижал к лавочке, а потом протянул ее чуть вперед, так что моя голень полностью лежала на лавочке. Подумал, что нужно подстраховаться и не выронить бутылку, которая могла разбиться. Страхуя себя свободной рукой, чтобы не упасть, другой дотянулся до головы Афанасьева, зажал его волосы рукой и два раза, оттягивая голову к себе, ударил затылочной частью о стену…»

Чем дальше продвигалось следствие по выяснению обстоятельств убийства, тем ожесточеннее становилось сопротивление тех, кто был напуган таким ходом событий. В верхних эшелонах власти срочно формировали мнение о том, что прокуратура и КГБ фабрикуют дело с целью подрыва авторитета органов внутренних дел. От Найденова требовали объяснений, он от нас – бесспорных доказательств вины Лобанова, Попова и других. Мы же пока располагали только их показаниями.

Итак, к исходу двух недель расследования стало более-менее ясно, кто избивал Афанасьева. Но кто и как вывез его к поселку Пехорка? Подозрение пало на бригаду медвытрезвителя, которую в тот вечер трижды вызывали на «Ждановскую». Согласно журналу регистрации медвытрезвителя, второй вызов был в то время, когда в комнате находился Афанасьев. Напротив записи о

третьем вызове значилось: «Отказались сами…» То есть в 21 час 45 минут бригада прибыла в комнату милиции, но пьяного с собой не забрала, а если быть точнее – никого не доставила для вытрезвления. Почему?

Бригадир Гейко и два его напарника упорно твердили, что ничего не помнят.

Первым, кто рассказал о том, как якобы избавились от Афанасьева, был Рассохин.

– Я не принимал участия в убийстве, – заявил он, – но, когда ребята добавили ему при мне и он потерял сознание, я решил, что нужно от него избавиться, иначе придется отвечать, да и меня уволят. К десяти вечера приехал Гейко. Мы попросили его вывезти Афанасьева и где-нибудь выбросить, а там пусть разбираются. В случае чего скажем, что мы его отпустили, пусть докажут другое. Гейко колебался, и тогда я забрал из портфеля Афанасьева бутылку коньяка и налил ему стакан. Он выпил и сказал: «Добро». Мы помогли ему вынести майора, и бригада уехала. Что дальше было, пусть сами говорят…

Проверкой установили: Гейко был в комнате милиции, видел избитого Афанасьева и действительно распил с Рассохиным и Пиксаевым бутылку коньяка, отобранную у потерпевшего. Гейко все напрочь отрицал.

Когда у нас почти не оставалось сомнений в том, что Афанасьева вывезли на автомашине медвытрезвителя, на допрос неожиданно попросился Лобанов:

– Появились у меня какие-то смутные воспоминания… Вижу перед собой черную «Волгу», в нее затаскивают Афанасьева, а рядом Рассохин. Он залезает первым, потом тащит этого комитетчика…

Ничего, кроме раздражения, заявление Лобанова у меня не вызвало.

– Забери свою явку с повинной. Когда появятся не смутные воспоминания, а желание говорить правду, передашь, чтобы тебя вызвали.

Ох, как не просто преодолевать барьер предубежденности, уверенности в том, что ты на правильном пути!

Мы готовились к очной ставке между Гейко и Рассохиным, обдумывая различные варианты ее проведения. Однако меня не покидало чувство сомнения в виновности Гейко. Что-то было не так.

И вдруг вспомнил: запись в протоколе осмотра места происшествия! Сам протокол был составлен поверхностно и состоял примерно из двадцати предложений. Ни фотосъемки, ни изъятия следов на месте обнаружения тела потерпевшего не

производили, но была там одна настораживающая фраза – о следах автомашины, напоминающих протектор колес «Волги» – ГАЗ-24.

Работники милиции и следователь, первыми прибывшие к поселку Пехорка утром 27 декабря, на допросах вели себя скованно. Видно было, что они знают больше, чем говорят. Недостатки, допущенные при осмотре, объяснили слабым профессиональным уровнем. Но того, что возле тела Афанасьева видели след развернувшейся автомашины «Волга», не отрицали и довольно убедительно обосновали свои предположения о том, как эти следы образовались.

К тому времени появился еще один очень интересный свидетель. Это был постовой патрульного дивизиона ГАИ, который вечером 26 декабря дежурил на развилке Рязанского шоссе и поворота на аэропорт Быково. Сразу после Нового года он исчез. Работники КГБ разыскали его на специальных курсах в Краснодарском крае, куда постового срочно направили для «повышения квалификации».

– В тот вечер, – пояснил он, – около 23 часов мне по рации передали, что со стороны Москвы в моем направлении движется автомашина «Волга», которую нужно задержать. Вскоре я ее увидел. Салон автомашины был переполнен, но никого я рассмотреть не смог. Мое требование остановиться они не выполнили, преследовать их было не на чем. Автомашина скрылась в сторону Быкова. Чуть позже я увидел, как в сторону Рязани проследовали две автомашины городской ГАИ. Мне показалось, что они за кем-то гнались…

Ни тогда, ни после мы так и не смогли установить, кто же передал ему по рации требование о задержании «Волги», какие автомашины ГАИ преследовали нарушителей еще от городской черты. В журнале поста ГАИ значились десятки «Волг», зафиксированных при их проезде в сторону Быкова после 22 часов. Десятки, но только не та, которую мы искали.

Позже, когда обвиняемые начнут рассказывать правду, выяснится, что при выезде из города они едва не опрокинулись в кювет и два офицера ГАИ жезлом потребовали остановиться. Именно потому, что в машине был избитый до полусмерти Афанасьев, сидевший рядом с шофером скомандовал: «Жми!» В заднее стекло увидели, что их начали преследовать две спецмашины с мигалками. Не догнали.

Теперь многое становилось понятным. Утром 27 декабря нашли Афанасьева. Через несколько часов выяснили, кто он. После этого невидимая, но могущественная рука заставила десятки должностных лиц молчать и скрывать от нас правду.

А тогда, оценивая собранную информацию, мы думали: неужели Рассохин и другие лгут, оговаривая своего же товарища по службе? Многое могла прояснить очная ставка. До сих пор я жалею, что не записал ее на видеопленку.

Гейко испуганно поглядывал на Рассохина, ожидая, что тот расскажет, как он пил на службе. Но услышал другое. Потупив голову, Рассохин монотонно излагал, как Гейко вывозил избитого майора КГБ.

Реакция Гейко была неожиданной. Вскочив со стула, он упал на колени и закричал:

– Товарищ следователь, я же отказался!

Столько отчаяния и мольбы было в его голосе, что мне стало не по себе.

– Я видел его еще вечером!.. Один из них, которого зовут Николай, что служил десантником (Селиванов), показывал мне его удостоверение и хвастался: задержали комитетчика. Я выпил с ним полстакана водки и увез в вытрезвитель двух пьяных. А потом видел того мужика еще раз. Он лежал за барьером и хрипел. Я же сразу понял: у него с черепком не в порядке. Они и этот старший лейтенант просят: вывези его да выброси… Налили стакан коньяка. Нет, говорю, братцы, шалишь: я же знаю, что это комитетчик. Вы с ним разбирались, сами и расхлебывайте! Отказался я, поверьте мне!..

Рассохин на Гейко не смотрел. Было видно, что он подавлен происходящим, допустил оговор и психологически не выдерживает хода очной ставки. Лицо его побледнело, руки дрожали. Тупо уставившись в одну точку, он молчал.

И тут я интуитивно понял, что Рассохин сломался. Такую ситуацию называют моментом истины. Я срочно вызвал конвоира, и Гейко увели. Поставил свой стул напротив Рассохина:

– Николай, подними голову. Подними!

– Не могу.

– Николай, ты прежде всего человек. Как бы ты ни был виноват, оговаривать невиновного страшно. Согласен?

– Да! – выдавил из себя Рассохин и замолчал.

– Николай, это была «Волга»?

– Да.

– Какого цвета?

– Черная.

– Кто приехал на «Волге»?

Рассохин медленно поднимает голову. Ох, как он смотрит на меня! Смертельная тоска во взгляде… Дрожат губы… Голос ему не подчиняется…

– Коля, кто это был? Ты должен сказать правду, как это ни

тяжело.

– Не могу! – Он почти кричит.

Но я уже догадался, хотя и не верил до конца в такой поворот событий.

– Коля, это был Барышев?

Рассохин кивает и просит воды. Стакан ходуном ходит в его руке, зубы стучат о стекло, вода по подбородку стекает на одежду. Наступает расслабленность. С ней приходит откровенность. Постепенно он успокаивается.

В тот роковой день, когда Рассохин понял, что удары Попова сделали положение безысходным, позвонил дежурному по отделению:

– Ребята грохнули комитетчика.

– Идиоты! Ничего не делайте, я ищу начальство, – последовал ответ.

В тот день начальник 5-го отделения милиции отдела по охране метрополитена майор милиции Барышев находился на больничном. Дома не сиделось. Он съездил в больницу, сделал перевязку и заехал к коллеге по работе. Распили бутылку коньяка, потом вторую. О художествах подчиненных во время службы Барышев был осведомлен отлично – сам иногда грел руки на их нелегальных доходах.

Поэтому постоянное ожидание какого-нибудь ЧП не покидало Барышева ни на минуту. Собираясь домой, позвонил дежурному по отделению и услышал одну из самых неприятных за все годы службы новость. Дал команду ничего не предпринимать, вызвал служебную автомашину и помчался на «Ждановскую» (ныне – станция метро «Выхино»).

Осмотрев Афанасьева, сразу все понял. Посторонних и тех, кому не доверял, удалил. Оставил старослужащих: Рассохина, Лобанова и Попова.

– Что будем делать, красавцы?..

Рассохин предложил отвезти Афанасьева в больницу и объяснить, что в таком состоянии его доставили в комнату милиции.

– Дурак, – обругал его Барышев, – к утру здесь будет свора комитетчиков. А вы все пьяные. Они вас расколют как орехи.

– Может, вывезем за город и создадим видимость, что его ограбили и убили? – предложил Попов.

– Куда? – угрюмо спросил Барышев.

– Есть хорошее место, – оживился Рассохин. – По дороге на Быково находится комитетская дача – он вполне мог там быть по своим делам.

Все остальное сделали быстро и по-деловому. Автомашина

была под руками. Случайных свидетелей не боялись: кто заподозрит в плохом людей в милицейской форме? Первым в салон влез Рассохин, затем затащили Афанасьева, усадив его как пассажира. За ним втиснулись Лобанов и Попов. Барышев разместился рядом с водителем.

Неожиданные осложнения возникли на посту ГАИ, но удалось скрыться. За поселком Пехорка свернули направо и возле ворот одной из дач развернулись. Место удобное. Ни огонька, только чуть светит луна.

Вытащили Афанасьева. Верхняя одежда с него частично сползла, и ее разбросали в стороны. Барышев дал команду потоптаться, чтобы имитация нападения была поубедительней, и предложил Рассохину проверить, жив потерпевший или мертв, – благо Николай в прошлом был фельдшером.

– У него есть пульс, и он живой, – выдавил из себя Рассохин.

– Тогда добейте его, – скомандовал Барышев. – Каждый по очереди.

Из багажника автомашины достали монтировку. Первым взял ее Рассохин.

Из показаний обвиняемого Рассохина: «Меня всего трясло от страха, потому что я до этого никогда не убивал. Я наклонился и с небольшим полузамахом нанес ему удар по лицу. Целился в лоб, а удар пришелся ему в переносицу. Я ужаснулся, поняв свое положение, а также то, что я совершил непоправимое. Я понял, что убиваю человека, которого видел впервые и который мне ничего плохого не сделал. Ударив Афанасьева, я передал монтировку Попову. Тут же увидел, что Попов подошел к Афанасьеву и ударил его монтировкой один раз, затем еще раз. Меня всего бил озноб, и я отвернулся. Отворачиваясь, увидел, как Лобанов ударил Афанасьева ногой по голове…»

Возвращаясь обратно и обсуждая содеянное, сошлись на том, что если и не добили, то к утру потерпевший все равно замерзнет. Поклялись молчать о случившемся. Барышев потребовал, чтобы от похищенных у Афанасьева вещей и ценностей избавились. Как профессионал, он знал: самое опасное – это вещественные доказательства.

О начальнике 5-го отделения милиции мы знали еще с первого дня задержания его подчиненных. Правда, мы не представляли, какую роль он сыграл в этой трагической истории. Барышев настойчиво по телефону добивался встречи со мной. Такую возможность ему предоставили 5 февраля 1981 года. В тот день он впервые перешагнул порог СИЗО Лефортово. Вел себя нервно, но держался в общем-то неплохо. Подробно рассказывал о своей службе. Постепенно мы подошли к 26 декабря.

Весь допрос шел как в детской игре «холодно – горячо».

– Нет-нет, я не верю, что мои ребята могли сделать такое. Здесь какая-то ошибка. Я не ставлю под сомнение вашу профессиональную порядочность, но ведь, знаете, и следователи часто ошибаются. Так они дают показания?.. Ничего не понимаю! Может, из страха? – Следует намек, что расследованием занимаются такие могущественные организации, как КГБ и Прокуратура СССР. – Вас интересует, что я делал в тот день?! Пожалуйста.

Барышев подробно, час за часом, описывает, где был, с кем встречался. Из его пояснений вырисовывается стопроцентное алиби, ибо получается так, что с 21:00 до 24:00 Борис Владимирович был у любовницы – заместителя директора одного из магазинов Москвы.

Неприятный холодок пополз по спине, потому что стало понятно: Барышев был готов к этому разговору. Слишком подробно и в деталях он описывает события почти полуторамесячной давности. Ясно и другое: без договоренности с подругой Барышев таких показаний бы не дал.

В магазин срочно выехала группа следователей. Перед ними поставлена задача: одновременно и порознь допросить всех работников магазина об интересующем нас дне и возможном появлении там Барышева. Не прошло и часа, как позвонил следователь Юра Жданов.

26 декабря любовницы Барышева не было на работе. Ей дали выходной, и это подтверждается рядом документов.

– Ну а что она сама?

– Сначала говорила, что в тот вечер была с ним и именно в магазине, но сейчас сидит, плачет. Признается, что дала такие показания по просьбе Бориса. Директор и второй заместитель утверждают, что Барышева двадцать шестого в магазине не видели.

Я принял решение задержать Барышева, но именно тогда он, как говорят, обвел меня вокруг пальца, а именно: помчался в туалет, закрылся изнутри и стал рвать и спускать в унитаз какие-то бумаги. Мне оставалось лишь настойчиво стучать в дверь, понимая, какую непростительную оплошность я допустил.

К концу дня меня, Каракозова и Шадрина вызвал Найденов. Он заметно нервничал и не скрывал своего состояния. Выслушав подробный доклад о доказательствах, которыми располагало следствие, задумался, а затем засыпал нас вопросами по делу. Стало понятным – он колебался: хватит ли данных, чтобы дать санкцию на арест Барышева? Несколько раз раздраженно предлагал нам выйти из кабинета и «хорошо подумать».

– Виктор Васильевич, это единственное и правильное в такой ситуации решение, – многократно повторял Каракозов. – Все остальное приведет к провалу дела.

В очередной раз Найденов обратился к Шадрину:

– Юрий Николаевич, оба они горячие по характеру люди, но твоя сдержанность и осторожность известны всем. Ты уверен, что мы не ошибаемся?

Шадрин был тверд. И тогда Найденов в очередной раз предложил нам выйти. Направляясь к двери, я оглянулся. Рука Виктора Васильевича легла на «кремлевский» телефон.

Мы так никогда и не узнали, кому он звонил и кому докладывал. Но когда вновь пригласил нас к себе, я увидел, что лицо его покрылось багровым румянцем. Протянув постановление, которым санкционировался арест Барышева, Найденов сказал:

– Учтите, здесь моя голова.

– Наверное, сначала моя? – сказал я.

Найденов криво усмехнулся, пронзительным взглядом посмотрел мне в глаза и резко ответил:

– О вашей голове я вообще не говорю. Вы свободны.

От должности заместителя генерального прокурора СССР Виктора Васильевича Найденова освободили без всякого объяснения причин такого решения через несколько лет. Тогда он руководил расследованием так называемого сочинско-краснодарского дела и перенес первый инфаркт.

Арест Барышева обострил обстановку до предела. Водителя обслуживающей нас служебной автомашины КГБ под благовидным предлогом задержали после работы, когда он на своих «жигулях» добирался домой. Его пытались спровоцировать, избили, но он держался мужественно. Происходили и другие провокации, мелкие и более серьезные. Вспоминать обо всем этом просто неприятно.

Нужно было реагировать на происходящее, и немедленно.

Попытки контролировать ход следствия довели до того, что наружное наблюдение за членами следственно-оперативной группы и мной лично стала вести вся московская ГАИ. Установить и доказать это удалось только с помощью специально проведенной радиоразведкой КГБ операции.

По указанию Андропова с Щелоковым встретился заместитель председателя КГБ СССР Цинев. Предъявленные министру материалы о противозаконной деятельности его подчиненных были бесспорными. Он извинился и заверил, что необходимые меры примет. Правда, сказал приехавшему с Циневым заместителю начальника управления 2-го главка[35]

генералу В. Н. Удилову: «Как бы мои архаровцы не убили следователя. Пусть будет поосторожней!»

– Как, не страшно? – спросил меня на другой день Вадим Николаевич.

– Конечно, страшно, – признался я. – Только отступать поздно.

Действительно, обстановка после этого стала поспокойнее, но разговоры о том, что материалы дела фабрикуются, продолжались на различных уровнях. Психологический прессинг не прекращался.

Мы хорошо понимали, что показания показаниями, но точки в этом деле могли быть поставлены в случае обнаружения вещественных доказательств. Все наши усилия были направлены на то, чтобы их найти. При работе в этом направлении нас ожидал своеобразный сюрприз.

Во время очередного допроса Лобанова обратили внимание на то, что он очень обеспокоен тем, как ведет себя на следствии его жена. У нас крепла уверенность в том, что она располагает информацией о преступной деятельности мужа. Но какой? Поединка со следствием они не выдержали одновременно, в один день.

– Понимаете, я доподлинно ничего не знаю, – стала рассказывать жена Лобанова. – Но однажды, лет пять назад, я уезжала на несколько дней. Когда вернулась, увидела в комнате много следов крови. Виктор сказал, что подрался с приятелем. Я помогала ему эти следы замывать… А потом, года через два, он пришел домой сильно пьяным и сказал, что у нас в квартире убил человека…

Да, это было еще одно убийство…

В декабре 1975 года, работая в 4-м отделении милиции, Лобанов во время дежурства на станции метро «Таганская» задержал жителя города Армавира Анцупова, находившегося в Москве проездом в командировку. За мзду пообещал отпустить его. Распив с задержанным бутылку водки, предложил продолжить пьянку у себя на квартире. По пути они заехали в гостиницу «Россия». За спиртное расплачивался Анцупов, при этом за деньгами полез в плавки. Это и натолкнуло Лобанова на предположение о том, что так можно прятать только большую сумму денег.

Парня он убил, но денег оказалось мало, всего восемьдесят рублей. Нужно было избавляться от трупа, и, накупив на деньги потерпевшего дешевого вина, Лобанов занялся расчленением трупа. На это у него ушло несколько дней.

Первую ходку он сделал к станции метро «Октябрьская»

и там выбросил отдельные части тела. Остальные стал отвозить на электричке и разбрасывать в лесопосадках на промежуточных станциях по пути к подмосковному городу Орехово-Зуево. В нем Лобанов родился и вырос, здесь жили его родители. Самые большие трудности возникли при транспортировке нижней части туловища, к тому времени начавшей разлагаться. От сумки шел трупный запах, и пассажиры отсели от Лобанова подальше. То ли они сказали об этом милиционеру, сопровождавшему электричку, то ли он сам что-то заподозрил, но, подсев к Лобанову, завел с ним разговор. Оба они хорошо знали друг друга, были земляками и почти в одно время пошли на работу в милицию. Коллега постоянно поглядывал на сумку. Лобанов нервничал и пытался отвлечь его внимание. В конце концов приятель от него отвязался.

Ему пришлось доехать до конечной станции. От туловища нужно было избавиться в пределах городской черты, и потому Лобанов решил утопить его в проруби. Боясь сойти на лед, бросок сделал с моста и в прорубь не попал. Пришлось убегать, оставив туловище на льду и понимая, что утром его найдут. Несколько дней со страхом ожидал разоблачения. Обошлось…

Факт обнаружения части трупа в городском отделении внутренних дел зарегистрирован не был, хотя мы нашли свидетелей, помнивших о таком случае. Милиционер, о котором рассказал Лобанов, ничего не помнил или делал вид, что не помнит. Как бы то ни было, но Лобанов остался безнаказанным и продолжал совершать новые преступления.

Раскрытие этого убийства повергло в состояние шока многих ответственных работников МВД. Найденов каждый день торопил нас с проверкой показаний обвиняемого. Мы отбивались как могли, по крупицам собирая доказательства, и наконец настал день, когда Виктору Васильевичу доложили: на диване, находившемся в квартире убийцы, обнаружены обильные и большей частью замытые следы крови и кожный эпителий тела потерпевшего. Изъятые там же туфли, перчатки, другие предметы одежды опознали родственники убитого. В МВД СССР официально сообщили о результатах расследования, и, как говорят, раздался гром.

На сцену вышел Ю. М. Чурбанов, до этого занимавший выжидательную позицию. Была, видимо, у него какая-то выгода в этой истории. Чурбанов очень хотел, свалив Щелокова, занять его место. На коллегии ГУВД Мосгорисполкома Юрий Михайлович снимал и правых и виноватых. Началась чистка среди рядового и сержантского состава. С работой в милиции расстались сотни лиц.

Но возникал вопрос: неужели для подобных оргвыводов нужно было такое серьезное ЧП? Разве раньше ничего не знали и не видели?

Из показаний обвиняемого Рассохина: «У нас в отделении работал милиционер Печников. Это был законченный алкоголик, тем не менее на работе его держали и прощали ему абсолютно все. В декабре Печников задержал какого-то мужчину, отобрал шесть рублей и выгнал. На собрании милиционер Левштанов написал в президиум записку, в которой задал вопрос: «Как может работать в милиции преступник-грабитель?» На эту записку ответил Барышев. Он стал говорить, что мы должны правильно понимать кадровую политику и сейчас, перед Олимпиадой, наша главная задача полностью укомплектоваться личным составом…»

Да, именно тогда для поддержания правопорядка в период проведения в Москве Олимпийских игр было принято решение об увеличении штатной численности столичной милиции и приложении максимальных усилий для сохранения количественного ее состава. Исполнители на местах, подобные Барышеву, обеспечивали комплектование личного состава за счет лиц, скомпрометировавших себя и даже совершавших преступления.

Мне могут возразить: зачем все излишне драматизировать? Мол, были единичные случаи… К сожалению, нет. Через наши руки прошли десятки и сотни материалов служебных проверок, подтверждающих иное.

Приведу лишь один пример. В тот же период времени, в центре Москвы, на станции метро «Пушкинская», офицеры милиции в очередной раз ограбили задержанных. После обращения в дежурную часть находящейся рядом Петровки, 38 преступников быстро задержали с поличным. Думаете, передали материалы в прокуратуру? Ничего подобного. Грабителей заслушали на суде офицерской чести и объявили им… общественное порицание. Тем самым личному составу отдела милиции по охране метрополитена продемонстрировали, как защищается честь мундира. Немудрено поэтому, что один из убийц Афанасьева старший сержант Лобанов за шесть лет работы в милиции «заработал» деньги на двухкомнатную кооперативную квартиру в столице.

Кому же нужна была эта порочная система подбора и удержания кадров? Да еще во время подготовки и проведения Олимпиады?.. Ответ прост: только тем, кому эта система позволяла докладывать руководителям страны о потрясающих успехах милиции, а взамен, используя личные связи и личные

отношения, получать награды и почести. Разве мало примера Юрия Михайловича Чурбанова, который стал лауреатом Государственной премии после завершения Олимпийских игр? К сожалению, это были далеко не все пороки кадровой политики, проводившейся в те годы, как, впрочем, и сейчас.

Да, Щелоков много сделал для органов внутренних дел. Прежде всего добился значительного увеличения штатной численности милиции.

Но появившиеся вакансии нужно было заполнять, и заполнять немедленно. Где в таких условиях взять людей?

На улицах, вокзалах отлавливали демобилизованных солдат и предлагали им пойти на работу в столичную милицию. Не правда ли, заманчивая перспектива для молодого, часто не имеющего гражданской специальности парня, направляющегося домой в Курск, Рязань, Полтаву? А что после этого? Жизнь в общежитии, неустроенный быт, служба, интерес к которой зачастую продиктован только перспективами на постоянное место жительства в Москве… Дальше – больше. Ведь возраст большинства новобранцев такой, что нужно обзаводиться семьей, а жить-то негде, да и зарплата для жизни в столице маловата. Но зато хватает другого – фактически неограниченной власти во время несения службы.

Из показаний потерпевшего Рукинова: «Сержант милиции с возгласом: «Люблю клиентов с дипломатами!» – пригласил меня зайти в комнату милиции. Пройти туда я отказывался, но, несмотря на это, был втащен за рукав пиджака. Я заявил протест и потребовал вызвать дежурного офицера или врача, так как я находился в трезвом состоянии. На мое требование сержант не отреагировал и вызвал машину из вытрезвителя. Прибывший из вытрезвителя меня взять отказался, сказав, что нет оснований. Обругав сопровождающего нецензурной бранью, сержант пообещал устроить мне «хорошую жизнь». Заявил, что он передавил бы всех интеллигентов, «а с тобой что захочу, то и сделаю». Кроме того, он говорил: «Передо мной здесь не то что ты – замминистра валялся…»

Итак, вчерашние защитники Родины становились на путь совершения преступлений. При этом высвечивалась еще одна проблема, связанная с подбором и комплектованием кадров, которую в упор не хотели видеть.

Было и есть у нас социальное расслоение. Никуда от этого не денешься. Кто-то живет лучше, кто-то хуже, и не всегда потому, что одни коррумпированные чиновники, а другие – честные рабочие и служащие. Уровень жизни в столице достаточно высокий; министерств, ведомств, различных научных и учебных

заведений было предостаточно. Живут и одеваются «совслужащие», а сегодня «новые русские» неплохо. Каково же видеть их, преуспевающих… возвращающихся домой (пусть даже и в подпитии), молодому парню, который в прошлой-то своей, нестоличной жизни мало хорошего видел, а в нынешней перспективы скрываются в тумане? Нет, совсем не случайным был приведенный выше диалог потерпевшего Рукинова с задержавшим его на станции метро «Площадь Ногина» (ныне – «Китай-город») милиционером…

Принимавший участие в избиении Афанасьева милиционер Возуля родился и вырос в небольшом селе на Днепропетровщине. Окончил среднюю школу, но большими способностями не блистал. Не лишенный честолюбия, мечтал о поступлении на учебу в юридический институт. Немного поработал в колхозе и пошел на действительную военную службу. После демобилизации домой возвращался через Москву. На Курском вокзале с ним заговорили «вербовщики» столичной милиции. Так он оказался в 5-м отделении.

Позже на допросах Возуля рассказывал: «Во время работы с Лобановым я понял, что у них сложилась система по ограблению задержанных, которых условно называли «карасями», а отобранные деньги – «фанерой». Среди милиционеров бытовала фраза: «Поймать в сети карася и отобрать фанеру». Лобанов стал обучать меня приемам обирания задержанных. Позже предложил попробовать самому…»

Возуля попробовал, как и многие другие. Не подчинялись ему – бил. Служба нравилась… И не так даже служба, как форменная одежда – она у него всегда была с иголочки. Особенно любил носить до блеска начищенные сапоги и заправленные в них плотно облегающие ноги брюки. Задержанных бил только отработанными ударами: один – в живот, другой – ребром ладони по шее. Когда потерпевший падал, гордо отходил в сторону и за остальным наблюдал со снисходительной ухмылкой. Кого же копировал этот несостоявшийся юрист? Неужели мы верим в то, что палачи тридцать седьмого года исчезли бесследно? Они были среди нас тогда, есть кандидаты в них и сегодня.

Все проходило безнаказанно, и даже тогда, когда исход избиения был трагическим. Одного из задержанных на станции метро «Пролетарская» отделали так, что испугались сами. На место выехал заместитель Барышева – майор Ащеулов. Избитого доставили в 68-ю горбольницу и оставили без оказания медицинской помощи до утра. За это время у него развился перитонит. Запоздалая операция не помогла… Материалы о смерти задержанного сфальсифицировали. Виновных

разоблачили только при расследовании дела об убийстве Афанасьева.

Да, это именно та печально известная москвичам 68-я городская больница, так называемая «спецтравма». Свозили в нее круглосуточно травмированных лиц в нетрезвом состоянии. Где и как человек получил травму, значения не имело. Сортировала пострадавших постоянно находившаяся в больнице милицейская дежурная часть.

Известного советского ученого, доктора юридических наук, профессора В. избили и ограбили недалеко от станции метро «Ждановская». Шел он домой после официального приема, где выпил бокал шампанского. Обмыв дома окровавленное лицо, со следами повреждений он пришел в отделение милиции, обеспечивающее охрану общественного порядка в районе станции.

Ограбленного тут же посадили в патрульную машину и стали возить по району с целью поиска преступников. Безрезультатно! Вернулись обратно, но теперь уже в опорный пункт милиции, и началась обработка.

– Очень быстро, – пояснил впоследствии В., – я понял, что от меня добиваются одного – отказаться от заявления об ограблении. Я все-таки юрист, и такое предложение возмутило меня… Своего возмущения я не скрывал. Часа через два мне доброжелательно разъяснили, что нужно произвести судебно-медицинское освидетельствование. Последнее было естественным, и я согласился. Если бы я знал, какой кошмар впереди!..

В. привезли в 68-ю больницу. Он ждал, когда его осмотрит специалист, но ему заломили руки и стали вытряхивать содержимое карманов. Партбилет швырнули на стол, как ненужную бумажку. В. пытался хоть этим усовестить обыскивающих. В ответ услышал такое, что пересказывать стыдно.

– Но это были цветочки, – продолжал свои показания В. – Меня раздели, приподняли со стула и забросили в какое-то отверстие. По желобу я скатился в помещение без окон с искусственным освещением. Двое в белых халатах усадили меня на стул и перетянули руку жгутом. Ко мне стал приближаться человек со шприцем в руках. Животный страх охватил меня, но тут к нам подошел четвертый (как я понял, врач) и, успокаивая, сказал, что только возьмут кровь для определения степени алкогольного опьянения. Я не мог не подчиниться. Когда со мной остался один врач, я обратился к нему и назвал себя. Видимо, врач был порядочным человеком. Он объяснил, что помочь ничем не может, но здесь недалеко есть телефон, и он даст мне пять

минут на звонок домой или знакомым. Только это и спасло меня. Через полчаса в больнице была жена с друзьями…

На следующий день В. был принят Найденовым. По личному указанию заместителя генерального прокурора СССР началась проверка, но она ничего не дала. С одной стороны был ученый с безупречной репутацией, с другой – все причастные к этой истории должностные лица и исполнители. Вывод сделали однозначный: может быть, потерпевший и говорит правду, но где доказательства? Нет доказательств. Да и быть не должно. Наша милиция безупречна.

Так ли? На почве безнаказанности процветало пьянство. Пример подавали многие офицеры. Сам Барышев пил в рабочее время, пил и после работы. По рассказам подчиненных (в том числе технических работников), с утра к нему в кабинет боялись заходить. Следили, когда дежурный сбегает в магазин и вернется обратно. Выждав некоторое время, говорили друг другу, что шеф уже опохмелился и можно идти подписывать бумаги.

Однажды вечером Барышев позвонил дежурному:

– Саша, мне нужно пять штук, – и бросил трубку.

Что он имел в виду? Указание начальника расшифровывала вся дежурная часть отделения милиции. Учитывая, что Барышев празднует 8 Марта у знакомой, и зная его наклонности, единодушно решили, что нужны пять бутылок водки. Купили их на деньги, полученные от реализации штрафных талонов, выписанных за нарушение общественного порядка. Гнев и возмущение Барышева были беспредельны. Он, оказывается, имел в виду цветы – пять букетов. Отругав на чем свет стоит водителя дежурной автомашины, водку все же забрал.

Из показаний обвиняемого Лобанова: «Несколько лет назад меня аттестовывали. Аттестация проходила в кабинете Барышева. В состав комиссии входили сам начальник и другие офицеры. На аттестацию я пришел пьяным. Стоял перед комиссией, покачиваясь, но по уставу – «смирно». Мне разрешили идти, зачитав мою положительную характеристику. Я отдал честь, развернулся, но потерял ориентиры, подошел к встроенному шкафу и открыл его. Только тут сообразил, что это не дверь, и пошел вправо. Все сделали вид, что ничего не заметили…»

Какой кошмар! Так, пожалуй, скажет любой, кто прочитает историю позора 5-го отделения милиции. К чему нагнетать страсти и ворошить прошлое, скажут другие.

Но ведь все это было! Было. И назвать происходившее частным случаем, право, смешно.

Потерпевшие – вчерашние задержанные – шли с жалобами на Петровку, в районные и городскую прокуратуры, в советские и

партийные органы. Их внимательно выслушивали и обещали разобраться… Но дальше была глухая стена.

Когда работники нашей следственной группы изымали документы в одном из райкомов партии, инструктор со злобой сказал:

– Передайте вашему руководителю, этому новоявленному москвичу, что рога мы ему быстро обломаем – и не таких здесь видели…

В безнаказанности были уверены и исполнители, и их покровители самого разного ранга. Ведь что могли предъявить потерпевшие? Разве только свои доводы, а иногда следы избиений на лице и теле. Против них выступал в полном составе постовой наряд, и представлялись липовые документы, истинность которых никто не ставил под сомнение. Даже в прокуратуре разводили руками: «Понимаете, мы вам верим, но тут ничего не докажешь…» А хотели ли доказывать?

Доходили даже до такого, что директора одного из московских заводов задержали абсолютно трезвым, а когда он стал возмущаться, обвинили в злоупотреблении спиртным. Сфабрикованные об этом документы направили в партийные органы. На бюро райкома директор клялся и божился, что все написанное на бумаге – ложь. Тогда первый секретарь сказал:

– Товарищи, мы знаем его много лет и в употреблении спиртного не замечали. Но ведь органы не врут. Я вношу такое предложение: давайте оставим этот вопрос без рассмотрения.

Грязное пятно с человека было смыто только при расследовании уголовного дела об убийстве Афанасьева. Другим везло меньше. Иногда спиртное насильно вливали в рот задержанного, и тогда все было в полном ажуре.

В фальсификации документов доходило до абсурда, до смешного. Так, слегка подвыпившего рабочего Л. задержали на станции метро «Щукинская» и предложили пройти в комнату милиции. Дом его был рядом, и он просил дать ему возможность покинуть метро. Не подчиняешься? Здесь же, на перроне, резкий удар кулаком – и зуба как не бывало. Вот незадача! Жалующийся гражданин с выбитыми зубами – это серьезно. Да и заключение судебно-медицинского эксперта будет однозначным. Где выход? Его нашли.

Первое: обвинили Л. в том, что он на перроне отправлял естественные надобности (это на «Щукинской», ярко освещенной, многолюдной и хорошо просматривающейся со всех сторон платформе!). Второе: командир взвода офицер Петрук написал рапорт следующего содержания: «Пьяному гражданину Куликов (то есть постовой милиционер) предложил пройти с ним в

комнату милиции, но он почему-то стал от него увертываться и махать руками. В это время к ним подошел я и спросил, в чем дело, почему он не выполняет требования милиционера. Неизвестный сказал, что «счас дорву зуб и пойду», и полез руками в рот. Я ему сказал, что этого не нужно делать. Неизвестный гражданин никаких жалоб не предъявлял, а все ковырял во рту, в результате чего измазал губы в крови».

Смешно и грустно. Должностные лица принимали за истину подобную чушь.

За год до убийства Афанасьева ранним утром недалеко от станции метро «Ждановская» обнаружили труп ограбленного и избитого мужчины. Оказывая сопротивление убийцам, он оторвал у одного из них пуговицу. Она осталась в его руке. Это была пуговица от милицейского мундира. Такие преступления быстро раскрываются по горячим следам, тем более что присутствовавший при осмотре офицер 5-го отделения вспомнил, как вечером отстранил от дежурства двух пьяных постовых.

Преступников подняли прямо с постели и в течение двух дней возили по инстанциям, примеряя пуговицу к остаткам ниток на мундире. Экспертиза, как говорят, была излишней. Да и сами убийцы не отрицали, что совершили это преступление. Они ждали возмездия.

Им объявили: «Вы уволены!» И все! В возбуждении уголовного дела по этому очевидному факту совершения особо тяжкого преступления отказали, материалы проверки уничтожили. И сделали это не подчиненные Барышева, а работники территориального отдела милиции. Мало того, производившие осмотр места происшествия представители районной прокуратуры, отлично знавшие, что к чему, стыдливо промолчали. Какой же властью нужно было обладать, чтобы заставить десятки должностных лиц бояться за себя и поступать таким образом? А ведь речь всего лишь о разоблачении двух негодяев. Ни связями, ни высокими покровителями они не обладали. Самой весомой защитой для них оказался милицейский мундир, который и проносили-то они около года после демобилизации из армии.

Безнаказанность развращала личный состав. В круг преступлений втягивались все новые и новые лица. Те, кто стремился жить и работать честно, твердо усвоили тактику нейтралитета: ни во что не вмешиваться и о том, что знают, помалкивать. Именно так можно было гарантировать себе более или менее спокойную жизнь.

Они жили спокойно, пока не прорвало. Как тогда, так и сегодня многое остается по-прежнему. Прошлое ничему не учит.

Летом 1982 года судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда рассмотрела уголовное дело об убийстве Афанасьева и других преступлениях, совершенных, по сути дела, обыкновенными бандитами в милицейских мундирах.

Барышева, Лобанова, Попова и Рассохина приговорили к исключительной мере наказания – смертной казни, остальных к длительным срокам лишения свободы. Несколько позже различными судами Москвы были осуждены за тяжкие преступления и их укрытие свыше восьмидесяти работников милиции, более четырехсот уволили.

В суде присутствовали ответственные работники МВД СССР и ГУВД Мосгорисполкома. Многие из них до последнего момента высказывали сомнения в достаточности доказательств по делу. После выступления государственного обвинителя один из них сказал в сердцах: «Ну пусть это правда, но зачем так выпячивать эти безобразия? Что останется от нашего авторитета?» Затем из зала суда демонстративно удалился.

Приговор испугал Щелокова. Он позвонил генеральному прокурору Александру Михайловичу Рекункову, попросил, чтобы о результатах расследования и судебного рассмотрения дела его проинформировали подробнее. К Щелокову поехал государственный обвинитель Ю. Н. Беллевич.

Как рассказывал потом Юрий Николаевич, министр слушал его невнимательно, очень нервничал, а затем более двух часов рассказывал о том, как он принципиально борется с преступлениями, совершаемыми работниками МВД. На прощание заверил, что порядок в своем доме наведет, и высказал пожелание не слишком афишировать то, что выяснилось при расследовании дела.

«Огласке не предавать!» Ох, как знаком этот прием! Особенно эффективен он вкупе с обещаниями о наведении порядка и наступательной борьбе с преступностью.

Да, непросто быть представителем власти. Кто хоть однажды понаблюдает за тем, что происходит в дежурных частях милиции, куда в вечернее и ночное время доставляют задержанных, тот наверняка скажет сам себе: трудно сдерживать себя, наблюдая безобразное поведение пьяных, разного рода негодяев и подонков, которые и слов человеческих понимать не желают. Но почему трудностями и спецификой работы милиции пытаются объяснить отступления от требований закона?

Так, бывший начальник отдела милиции по охране Московского метрополитена (со ссылкой на утвержденные Моссоветом правила проезда в метро, запрещающие пользоваться подземкой лицам, находящимся в состоянии опьянения) издал

собственную инструкцию для постовых нарядов. Инструкция требовала задерживать в метро всех лиц, от которых исходит запах алкоголя. Так что Вячеслава Васильевича Афанасьева задерживали на вполне «законных» основаниях. Чем это закончилось для него, вы теперь знаете. Кстати, сегодня в нашем «демократическом» государстве постовые милиционеры получают плановые задания по количеству лиц, подлежащих задержанию. Уроки прошлого впрок не идут.

Кого же обманывали Щелоков и иже с ним? Кому рисовали мнимое благополучие? И главное, ради чего? Ради почестей и наград, сыпавшихся как из рога изобилия на головы «борцов с преступностью»? Неужели только ради этого? И что мы получили взамен?

Мы довели нашу милицию до такого состояния, когда сотни и тысячи старших офицеров, руководителей крупнейших подразделений органов внутренних дел лгали сами себе, лгали другим, опасаясь потерять должность, а может быть, и все, чего они достигли в жизни. Не нужно сегодня с легкостью осуждать их. Многие вели себя не лучшим образом.

Мы довели нашу милицию до того, что сменивший Щелокова новый министр Федорчук, зная о том, что творится в этом ведомстве, стал наводить порядок, разгоняя кадры по компроматериалам, которые ему представляли. Он пытался выкорчевывать гниль с корнем и при этакой поспешности в наведении порядка не мог, как говорится, не перегнуть палку, из-за чего пострадали многие добросовестные и квалифицированные работники. Они тоже жертвы политики, долгие годы насаждавшейся Щелоковым.

И еще одно. Когда у нас случается какое-либо серьезное ЧП, сразу делают оргвыводы. Снимают и понижают в должности не только тех, чьи упущения находятся в прямой связи с наступившими последствиями, но и тех, кто в силу занимаемого положения может (подчеркиваю), лишь может быть наказанным. Опасаясь таких «оргвыводов», руководители делают все возможное, чтобы скрывать правду, не выносить сор из избы. Эти люди должны наконец понять, что им нужно поменьше думать о чести мундира, потому что сама честь зависит от них самих. Так было в 80-х, то же самое происходит и сегодня.

Я знаю, какое раздражение и гнев вызовет у определенной части работников милиции (и особенно у отдельных руководителей) рассказанная мной история убийства Афанасьева. Тему-то затронули запретную. Ведь опять подрывают авторитет… Но я хочу напомнить, каким беспредельным было прославление милиции при Щелокове и что творилось за лакированным

фасадом. Не нужно бояться правды, тем более в наше время. Уроки прошлого нужны нам и сегодня.

Летом 1982 года после рассмотрения в суде дела об убийстве Афанасьева Рекунков направил в ЦК КПСС информацию о результатах расследования.

«Основной причиной, способствовавшей совершению преступления, – докладывал генеральный прокурор, – была сложившаяся обстановка пьянства, нарушений служебной дисциплины, бесконтрольности и попустительства грубым нарушениям социалистической законности. Дезорганизация работы, фактическое разложение личного состава толкали работников милиции на злоупотребление предоставленной им властью. Многие сотрудники рассматривали работу как источник личного обогащения… Особое озлобление у них вызывали попытки отдельных граждан защитить себя от чинимого произвола. За это они подвергались избиениям, запугиванию, шантажу, фабриковались акты опьянения, протоколы о мелком хулиганстве… Милиционер Лобанов за большое число задержанных был занесен на Доску почета, награжден медалью «За 10 лет безупречной службы», имел более пятнадцати поощрений. В ходе следствия выяснилось, что он хронический алкоголик, болен сифилисом, в течение пяти лет грабил и избивал задержанных, совершил несколько убийств… Обстановка безнаказанности, нетерпимости к критике, круговая порука, укрывательство беззаконий привели к разложению многих работников…»

Нам известно, что заведующий сектором отдела административных органов ЦК КПСС Альберт Иванов должен был дать ход этой информации на самом высоком уровне (подготовить материал для рассмотрения на политбюро). Мы очень надеялись на это. Через несколько дней Иванова обнаружили мертвым в коридоре собственной квартиры. Рядом лежал пистолет. Был сделан вывод о самоубийстве, естественно, безмотивном.

Кстати, Иванов, имея звание генерал-лейтенанта, был к тому же одним из претендентов на должность министра внутренних дел СССР.

По оперативным данным, его ликвидировали по указанию Щелокова. Была в распоряжении министра группа оперативников, занимающихся «мокрыми» делами. Разговоры о ней я впервые услышал после смерти заместителя Щелокова Папутина. Накануне ввода войск в Афганистан генерал вернулся в Москву из Кабула и был обнаружен с огнестрельным ранением головы в своей квартире. Вывод: покончил жизнь самоубийством.

Непонятно только, почему Папутин стрелял правой рукой в левый висок.

В общем, в начале 80-х неприятностей у Щелокова хватало. Комитету госбезопасности удалось разоблачить ответственного работника Московского уголовного розыска Иванова. Через свою агентуру он подыскивал квартиры коллекционеров и организовывал в них кражи. Накачанный наркотиками исполнитель брал в квартире мелочовку, люди Иванова – антиквариат. Особенно охотились за редкими картинами. Кража, естественно, раскрывалась, изымались вещдоки, но о части наиболее ценных вещей вор ничего рассказать не мог. Они присваивались Ивановым. Наиболее ценные уходили министру.

Это дело параллельно с убийством Афанасьева расследовал следователь по особо важным делам при прокуроре РСФСР Евгений Ильченко. Досталось ему не меньше, чем мне. Тут Щелоков в выборе средств не стеснялся. Но не получилось. Иванова осудили к длительному сроку лишения свободы. Коллекции картин Щелоков сдал, уже будучи пенсионером. Скрыть факты совершенных им преступлений было невозможно, и пришлось возбудить уголовное дело. Вел его следователь Главной военной прокуратуры (ныне покойный) Вячеслав Миртов. Кстати, он же вел дело Юрия Чурбанова.

Вскоре при загадочных обстоятельствах погибла жена Щелокова. Вывод следствия о самоубийстве основывался только на показаниях мужа. Арестовать министра, провести расследование и предать суду боялись. Была организована его травля, направленная к тому, чтобы подтолкнуть Николая Анисимовича к самоубийству. И он застрелился из карабина в знаменитом доме на Кутузовском проспекте. Концы ушли в воду.

Расскажу еще об одном мало кому известном эпизоде, связанном с убийством Афанасьева. Летом 1980 года в дежурных частях милиции Москвы и области появились фотографии, по которым в розыск объявлялись некто Виктор и Ольга Шеймовы, а также их пятилетняя дочь Леночка. Шепотком говорили, что глава семьи крупная шишка в КГБ, связанная с шифровальным делом. По факту исчезновения Шеймовых следственный отдел КГБ возбудил уголовное дело. Курировал его соратник Брежнева, близкий друг Щелокова и первый заместитель Андропова Георгий Карпович Цинев (ранее я писал, что этот человек был другом и соратником Брежнева и Щелокова еще по Днепропетровску). Как мне рассказывали, после обнаружения трупа Афанасьева он дал конфиденциальное указание подчиненным добиться получения заключения судебно-медицинской экспертизы, свидетельствующего о том, что Афанасьев погиб вследствие

автодорожного происшествия. Безусловно, делалось это с подачи Щелокова, и такая попытка была предпринята. Циневу подложил свинью начальник 2-го главка (контрразведки) Григорий Федорович Григоренко. Именно его подчиненные «откопали» машиниста поезда и двух дежурных по станции, которые были свидетелями задержания майора работниками милиции. Этот сюрприз Григоренко преподнес Циневу на совещании у Андропова, и последний принял решение передать дело в Прокуратуру СССР с оперативным обеспечением его расследования сотрудниками контрразведки. Цинев отыгрался на деле начальника шифровального отдела Шеймова, но об этом впереди.

В 1990 году по делу о 140 миллиардах проходил ответственный работник правительства России, в прошлом полковник КГБ, Х. Нелегал-разведчик, в далеком прошлом он работал в Англии с Гордоном Лонсдейлом (Кононом Молодым), был напрямую причастен к организации побега из лондонской тюрьмы известного советского разведчика Джорджа Блейка. Он-то и рассказал мне довольно любопытную историю о Циневе.

Откомандированный на постоянную работу в Москву, однажды полковник был ответственным дежурным по КГБ. Раздался звонок правительственной связи:

«– Это Цинев!

– Слушаю, товарищ генерал армии.

– Вы знаете, что сегодня на юг улетает Леонид Ильич (Брежнев)?

– Так точно, знаю, товарищ генерал!

– Запросите штаб ПВО[36] о чистоте неба и доложите.

Позвонил я пэвэошникам и услышал ответ, что только в районе Саратова в воздухе на высоте двух тысяч метров летит спортивный самолет, который заходит на посадку.

Об этом и доложил Циневу. Выслушав, он буквально ошарашил меня: «Сбить! Вы поняли меня, полковник? Сбить!» Растерявшись, я побежал докладывать о приказе находившемуся на хозяйстве в здании на Лубянке командующему пограничными войсками Матросову. Матросов отругал меня и решил не исполнять указания Цинева. А мне приказал доложить Циневу, что все в порядке. Я так и поступил. Мог ли я подумать, что даже в нашей альма-матер все прослушивается? Утром меня разжаловали в майоры и из заместителя начальника управления я превратился в рядового опера».

Это, кстати, штрихи к портрету генерала армии, ближайшего друга дряхлеющего генсека.

Следы Шеймовых пытались отыскать все подразделения КГБ,

но официальное расследование было под полным контролем Цинева. Контрразведчикам совсем не хотелось, чтобы Шеймовы оказались за границей. Так у них появилась версия о том, что Шеймовы были убиты компанией Барышева – Лобанова – Рассохина. Началась работа в этом направлении, и четверка заговорила о ликвидации семьи из трех человек. В следственном отделе КГБ к этой версии относились скептически, ибо располагали оперативным материалом о том, что Шеймов изменил Родине, несколько лет назад был завербован американцами и перед угрозой разоблачения бежал в США. А почему не предположить, что семью просто ликвидировали здесь? – спрашивали контрразведчики.

Каждая версия требует проверки, но было ясно, что все вопросы исчезнут только в случае обнаружения трупов. Прочесывание подмосковных лесов было беспрецедентным. В отдельные дни в мое распоряжение выделяли до полка солдат. Ничего не понимающая милиция пыталась контролировать наши действия с помощью вертолетов. Забрасывала в лесные массивы службы наружного наблюдения.

Результатов не было. Мы бурили землю по всему лесу. Были даже предложения запустить на места предполагаемого захоронения свиней. (Говорят, они реагируют на трупный запах.)

В июне 1981 года в районе вертолетной площадки на Рязанском шоссе обнаружили подозрительный бугор, где могли быть зарыты тела. Раскопками занимался я лично по правилам криминалистики, послойно снимая почву по горизонтали. Показались чьи-то останки. Засуетился начальник спецотделения следотдела КГБ СССР Николай Беляев:

– Владимир Иванович! Вы полиэтиленовые пакеты для упаковки трупов захватили?

– Нет, – отвечаю я.

– Сейчас привезу.

Беляев умчался. Мы с судебным медиком майором Зосимовым продолжали раскопки. Вдруг я заметил, как Зосимов побледнел.

– Что? – спрашиваю его.

– Лось, – тихо выдавил из себя майор.

Конфуз был полный, но оказался он усугубленным позже, когда узнали, что Беляев по команде доложил об обнаружении трупов и столь радостную весть донесли лично до председателя КГБ.

Версия об убийстве Шеймовых в ходе следствия не подтвердилась.

Кстати, при проверке обстоятельств, связанных с

исчезновением семьи Шеймовых, было принято решение проверить морги Главного управления судебно-медицинской экспертизы Мосгорисполкома на предмет работы, проведенной по неопознанным трупам. Результаты повергли всех руководителей правоохранительных органов в состояние шока.

В 1979 и первой половине 1980 года в бюро скопилось около сотни подлинных актов вскрытия трупов с явными признаками умышленного убийства, свыше сотни – с тяжкими телесными повреждениями, где можно было предположить любой механизм их образования, и около 150 актов по случаям автодорожных происшествий. Все это означало, что ни по одному из этих фактов не возбуждались уголовные дела, не велось расследование и лица, совершившие эти преступления, остались безнаказанными. Все эти преступления были укрыты и не нашли отражения в статистической отчетности. Скандал разразился огромный.

Бывший первый заместитель председателя КГБ СССР Филипп Денисович Бобков в своей книге «КГБ и власть» много места уделил измене Шеймова. Не сказал только одного: Шеймова заподозрили в предательстве примерно за полгода до бегства, и, когда неожиданно отменили все загранкомандировки, он понял: нужно уходить. Был в то время у контрразведчиков один секрет, позволявший выявлять лиц, завербованных ЦРУ, и уже в 1980 году не было никаких сомнений в предательстве Виктора.

Удивительно другое. И Шеймова, и Гордиевского, кстати, как и небезызвестного работника ООН Шевченко, разоблачили задолго до их бегства. Дальше произошло непонятное. Я предполагаю, что им просто дали возможность сбежать. Если американцы долгие годы пытались вычислить, но так и не смогли, самого главного «крота»[37] в своих рядах, то почему не предположить, что такого же «крота» мы не смогли разоблачить в своих? В конце концов они арестовали Эймса, который сдал кучу шпионов в наших городах и весях. А вот самого тайного, который сдал его лично, Эймс вычислить не смог…

Шеймова и его семью вывезли на самолете американского посла, загримировав Виктора под второго пилота. Ольгу и Леночку – в специальных контейнерах. В течение десяти лет американцы считали, что водят советскую сторону за нос, и поэтому первое интервью Шеймов дал только в 1990 году.

Нет! Еще в 1980 году его действия квалифицировали как измену Родине и вынесли соответствующее постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Последнее позволило Циневу подставить подножку руководителю союзной контрразведки Григоренко и в конечном счете добиться его освобождения от занимаемой должности.

Но дело об убийствах и других преступлениях, совершенных работниками милиции, было далеко не последним в моей следственной биографии.

Дело подполковника Зотова

…Он (Николай I) похолодел тогда от испуга за то, что у него оказались также чиновники в генеральских чинах. Он был близок тогда, при всей своей впечатлительности, к обмороку от ужаса за судьбу свою, своей семьи и всей России… Он представил тогда, что все русские финансы разворовываются не исподволь, а вдруг как по взмаху какой-то волшебной палочки русскими чиновниками с одной стороны и русскими военными чинами – с другой. По полтора миллиона присваивают действительные статские, генерал-майоры, контр-адмиралы, высшие чины соответственно – большие куши, низшие – меньшие. И вот казна пуста. И где же тогда искать похищенное и кто именно будет искать, если у них круговая порука, и государству придет конец.

С. Сергеев-Ценский.
Севастопольская страда

Престарелый сторож Благинин проснулся от треска взламываемой двери. Свет включить не успел. Перед ним стояли пятеро незнакомцев.

– Спокойно, дед. Спокойно.

Двое заломили руки за спину. Плечо пронзила острая боль от вошедшей в дряблое тело иглы. Благинин потерял сознание. Утром, очнувшись, увидел, что иконы и другая церковная утварь молельного дома исчезли.

В 1979–1980-х серия дерзких разбоев, грабежей и краж охватила территорию Свердловской, Курганской и Челябинской областей. Объектами хорошо продуманных нападений являлись молельные дома и церкви. Это не оставляло сомнений в том, что действует хорошо организованная и опасная группа

преступников, которая использовала для подавления сопротивления потерпевших специальные медицинские препараты. К розыску подключились опытные работники уголовного розыска МВД СССР. Преступления раскрыли после выхода на скупщиков краденого. Бандитов арестовали. Для расследования дела создали следственно-оперативную группу под руководством старшего следователя по особо важным делам Главного следственного управления МВД СССР подполковника Зотова.

Виктор Зотов работал в центральном аппарате не первый год, но на должность следователя его назначили лишь в конце 1980-го, и это было первое дело, расследование которого ему поручили. Его грудь украшала медаль «За 20 лет безупречной службы в органах МВД».

Зотов выехал в Челябинск и принял не только многотомное следственное производство, но и ценности, стоимость которых исчислялась десятками тысяч рублей: иконы XVII–XIX веков, серебряные дарохранительницы, сувениры из редких минералов, золотые и серебряные сплавы, статуэтки, радиоаппаратура.

Человек незаурядный, но алчный, Зотов сразу понял, где можно поживиться. Уже тогда в его поле зрения попали перекупщики и коллекционеры, скупавшие краденое. Если удастся доказать их осведомленность о скупке заведомо похищенных ценностей, место им в тюрьме, но ведь можно и не доказывать… При расследовании практически любого дела подобных возможностей, то есть принятия того или иного решения, у следователя предостаточно. Это хорошо понимал Зотов и знал, как можно использовать таковые решения в своих интересах…

Москвич Никитин промышлял скупкой и перепродажей ценностей давно. В круг его интересов входила не только церковная утварь, но и дефицитная художественная литература. Не подозревая, что за ним следит милиция, Никитин, посредничая в очередной сделке, привез на квартиру к знакомому Гимпельсону двух деловых людей из солнечного Дагестана. Не успели предприимчивые комбинаторы сесть в такси с книгами, упакованными в ящики, как были задержаны оперативными работниками.

Не считая нужным брать санкцию у прокурора, Зотов произвел у Гимпельсона обыск и в тот же день вызвал подозреваемого к себе.

У следователей есть термин «проходить по уголовному делу». Тогда Гимпельсон в полной мере познал, что это значит. Позже он рассказывал на допросах: «Зотов занимал высокое положение. Он

постоянно это подчеркивал и не давал мне забывать, что я нахожусь в его власти. Я понимал, что независимо от моей невиновности он мог причинить мне большие неприятности».

По сути, никаких претензий к Гимпельсону Зотов предъявить не мог, но в воображении задержанный проиграл все свои грехи, предполагая, что они уже известны всемогущему подполковнику. Гимпельсон заискивал перед следователем и готов был услужить любым способом. Зотову это желание пришлось по душе. Тем более что он собирал «Библиотеку всемирной литературы» и многих томов этой серии у него недоставало. Зато они были у Гимпельсона, и после того, как недостающие тома перекочевали в служебный кабинет Зотова, коммерсант наконец успокоился.

Аналогичному шантажу подверг Зотов Никитина. В последующем Никитин пояснял: «Зотов стал говорить, что я спекулянт, спекулирую лекарствами, иконами, книгами и что меня давно пора арестовать за это. Он вел себя агрессивно, и я испугался, что он действительно меня арестует… От Зотова я ушел опустошенный, усталый душевно… он измотал меня морально. В разговоре Зотов упоминал, что у меня дома имеются иконы и он хотел бы посмотреть на них… На следующий день мы приехали ко мне домой… Зотов сразу стал интересоваться книгами, которые стояли на книжных полках… затем стал отбирать те, которые его интересовали».

Своими посещениями Зотов удостоил Никитина несколько раз. Улов оказался в общем-то небогатым: семьдесят томов дефицитной литературы, двадцать импортных компакт-кассет и палехская шкатулка.

«Понимаешь, у моей жены день рождения, – заявил Зотов, – а хороший подарок сейчас не купишь, так что – не обессудь». Естественно, Никитин был рад услужить следователю, который ему, как и Гимпельсону, мог доставить большие неприятности.

Наиболее уязвимым из скупщиков краденого оказался доктор Разуев. Масштабы связей с бандой у него были более солидными, как и количество сделок, которые он проворачивал. Но самое главное, перепродавая иконы и церковную утварь, Разуев имел наживу, а значит, был реальным кандидатом на скамью подсудимых. Зотов им занялся основательно.

«Тон его разговора с самого начала принял характер грубого давления, – рассказывал Разуев, – Зотов все время подчеркивал свои полномочия, давал понять, что ему придется решать судьбу каждого подозреваемого… Уже тогда у меня зародилось подозрение, что Зотов поступает так умышленно и за этим что-то последует. Так, он грозил к окончанию расследования по делу пригласить корреспондентов, расписать в статье так, что после

этого я никуда не смогу устроиться на работу».

Расстроенный Разуев рассказал о своей беде Никитину.

– Дурак! У меня с ним отношения отличные. Не нужно быть скупердяем, не жмись.

– Неужели это возможно? – спросил ошеломленный Разуев.

– Конечно!

– Думаешь, он возьмет?

– Кто в этом мире не берет? А Зотов – свой человек, не сомневайся.

– Но у меня совсем нет художественной литературы.

– Тогда дай деньгами, – последовал совет.

Вызовы на допросы продолжались. Зотов и Разуев, как говорят, стали играть в детскую игру «холодно – горячо». Подполковник намекал на взятку. Доктор делал вид, что догадывается, но ловко уходил от наводящих вопросов, ожидая более конкретного предложения.

При очередной встрече Зотов сменил гнев на милость.

– Положение твое серьезное, но не безнадежное. Тебе можно было бы помочь, но…

– Так помогите.

– А во сколько ты оцениваешь свою свободу?

– Сколько нужно? – растерянно спросил Разуев.

Зотов взял ручку, придвинул к себе лист бумаги и написал: «60 т.». (Несколько автомобилей «Волга» по ценам того времени.) Затем двинул лист бумаги Разуеву. Тот ахнул:

– Но у меня нет сейчас таких денег!

– Ничего, найдешь. Ты парень смышленый.

– Хорошо, я подумаю и взвешу свои возможности.

– Думай. Ну а пока вот тебе пробное задание. Достань хорошие американские джинсы и пару тысяч для начала найди. Давай договоримся так: ровно через неделю, в три часа, я жду тебя в сквере возле метро «Лермонтовская» (ныне «Красные ворота»).

Разуев не считал себя бедным, но шестьдесят тысяч найти так просто он не мог. Задевало и то, что взятку у него вымогал человек, занимающий такую солидную должность. Разуев решил пойти в КГБ.

Выслушали его внимательно. Предложили написать заявление, а затем разъяснили, что хотели бы взять Зотова с поличным. До деталей проработали операцию, проинструктировали Разуева и стали ждать «дня икс». На «Лермонтовскую» Разуев приехал минут за пятнадцать до обусловленного времени. Он нервничал, но старался держать себя в руках. Постоянно оглядывался, но определить, где находятся

оперативные работники, которые будут брать Зотова, не мог.

Окрик «Виктор!» застал Разуева врасплох. Он оглянулся. Метрах в двух от него стояли «жигули». Из них выглядывал Зотов.

– Давай!

Зотов протянул руку и буквально вырвал сверток у Разуева.

– Ну, будь! Созвонимся.

«Жигули» на большой скорости рванули по Садовому кольцу. Им вслед смотрел опешивший Разуев. Взволнованно переговаривались по рации члены группы захвата:

– Мы идем за ним! Мы его видим! Брать или нет? Ждем команды!..

Наконец последовало решение руководителя группы:

– Брать не будем. Он придумает десяток версий или успеет избавиться от вещдоков.

В тот же день заместителю генерального прокурора СССР Найденову доложили о провале операции по задержанию Зотова с поличным. Подполковник, словно предчувствуя неладное, проявил завидную осторожность. Решили ждать.

Непросто взять профессионала с поличным. В середине 80-х мне доведется прочитать много лекций по расследованию взяточничества в Институте усовершенствования следственных работников в Ленинграде и в Институте повышения квалификации руководящих кадров Прокуратуры СССР в Москве. Считая возможным задержание с поличным при получении взятки, я всегда подчеркивал, что привлечение виновного становится возможным только при одном непременном условии: нужны бесспорные доказательства того, что взяткополучатель воспользовался предметом взятки.

В 1985 году в Чимкенте ко мне зашли посоветоваться местные работники БХСС. Они рассказали, что к ним пришел заявитель, у которого помощник прокурора Дзержинского района вымогает три тысячи рублей. Неделю они пытались реализовать операцию, подкрепив ее доказательствами, но ничего не вышло. Когда взяткодатель пришел в кабинет к нашему коллеге с портативным магнитофоном в кармане, тот ушел в дальний угол и разговаривал оттуда. При прослушивании микрокассеты из состоявшегося разговора ничего нельзя было понять.

Они договорились о передаче взятки на улице. Снова сорвалось: помощник прокурора изменил решение и назначил встречу у себя в кабинете. И вот, кажется, удача. Правда, было одно но – при передаче взятки «клиент» не стал, по словам взяткодателя, разговаривать с ним, а лишь жестом руки показал, что сверток с деньгами нужно положить в ящик приставного столика. Это и было сделано. Диктофон в кармане взяткодателя

зафиксировал одно шипение.

– Вам остается ждать конца рабочего дня и брать подозреваемого при выходе из здания прокуратуры, – посоветовал я работникам БХСС. – Если деньги при нем или в его сейфе – вы на коне. Если же в ящике стола, придется извиниться. Тогда вы провалились, а он просто умнее всех нас.

Помощника прокурора взяли по этому сценарию. Денег при нем не было, как, впрочем, не было их и в сейфе. Они лежали там, куда положил их взяткодатель, – в столе. Было много шума, разных мнений и активного обсуждения ситуации. Помощника прокурора уволили, хотя уголовное дело пришлось прекратить. Вскоре он добился восстановления в должности, и это решение формально было правильным. По старой как мир пословице: «Не пойман – не вор».

При активизации борьбы со взяточничеством в 70-х и 80-х годах у нас появилось немало горячих голов, любивших брать преступников с поличным. Зачастую они проводили операции бездарно, а иногда и с грубыми нарушениями закона.

Вспоминаю, как «сели в лужу» краснодарцы, задерживая при получении взятки прокурора-криминалиста Баранова. Один из следователей краевой прокуратуры расследовал уголовное дело о групповом хищении в особо крупных размерах. Однажды к нему зашел следователь прокуратуры города и предложил сделку.

– Ты выделил и отдал в район часть своего дела, – сказал он. – Потребуй его обратно, изыми из дела один документ и отдай Баранову. Он тебе тут же отвалит две штуки (две тысячи рублей).

Выслушав предложение, следователь помчался к прокурору края Борису Ивановичу Рыбникову. Решили, не подключая к этому делу милицию, сами взять Баранова с поличным. По разработанному сценарию «заявитель» встретился с Барановым, взял у него две тысячи рублей и спрятал в сейфе.

Зная, что на этом этапе профессионал может придумать любую версию в свое оправдание, его решили брать после совершения конкретных действий в интересах взяткодателя. Для этого из районной прокуратуры истребовали дело. Пока оно шло по почте, прошла неделя.

Наконец настал день, которого ждали. Баранов пришел за желанным документом. Его вырвали из дела и вручили ему. На выходе Баранова задержали. Все было прекрасно, но… По нашему закону освобождению от уголовной ответственности подлежит лишь лицо, добровольно заявившее о даче взятки, но никак не тот, кто взятку получил. Специфичен этот состав преступления и тем, что его не может быть в природе без лица дающего и лица

берущего взятку; а если быть точнее, без надлежащей правовой оценки действий этих лиц. Следователь взятку получил, хранил деньги в сейфе и выполнил за взятку определенные действия. По закону он совершил тяжкое преступление, хотя ранее заявил об этом добровольно. Но нет в законе положения, освобождающего взяткополучателя от уголовной ответственности. Нет!

По ситуации необходимо было признать, что в действиях следователя нет состава преступления по отсутствию умысла, то есть субъективной стороны. Но тогда, если снова строго следовать букве закона, нет состава преступления и в действиях взяткодателя. Казус? Не совсем.

Если бы Баранова взяли с поличным, когда он принес деньги, все было бы строго по закону. Ему пришлось бы отвечать за покушение на дачу взятки. Но уж очень хотелось моим краснодарским коллегам искусственным путем получить доказательства по делу. А если снова говорить строго языком закона, занимались они элементарным провоцированием взятки. До 1961 года в Уголовном кодексе, который готовили юристы, получившие настоящее, а не формальное образование в учебных заведениях, созданных при царе-батюшке, предусматривалась уголовная ответственность и за провокацию взятки.

Необходимость в этой норме отпала, когда партия, по указанию Никиты Сергеевича Хрущева, объявила «бескомпромиссную борьбу» с этим чуждым социализму явлением.

Кстати, загорелись тогда и идеей расширения круга взяточников. Потому из текста статьи, предусматривающей ответственность за получение взятки, убрали слова о том, что взяткополучателем признается лицо, выполнившее или намеревавшееся выполнить в пользу взяткодателя действия «исключительно» с использованием своего служебного положения. Теперь взяточником можно было признавать любое должностное лицо. Кстати, в редакции УК РФ 1997 года все осталось по-старому.

Но вернемся к Зотову. Он хотел получить взятку и знал за что. Разуева пригласил к себе через несколько дней после встречи на «Лермонтовской». Поблагодарил за джинсы и спросил, как решается вопрос с деньгами. Разуев ответил, что по крайней мере половину или чуть меньше он в ближайшее время найдет.

– Я уезжаю в Челябинск и там тебя жду. Думаю, такая поездка тебя не затруднит. Что достанешь, привезешь туда. Жить я буду в гостинице. По брони МВД, там закажу номер и тебе. В общем, через десяток дней жду.

До отъезда Разуева в Челябинск туда вылетела оперативная

группа. Тщательно проработали операцию, но ошибку допустили в мелочи. Разуев позвонил Зотову и спросил, где и когда они могут встретиться.

– Езжай в гостиницу, место я тебе закажу.

– Нет, спасибо, я уже устроился.

Последовала длинная пауза. Голос Зотова изменился:

– Хорошо, завтра в десять жду тебя в УВД.

Разуев не располагал кругом связей в Челябинске и поселиться в престижной гостинице, как обычный советский гражданин, не мог. Это сразу понял Зотов. Для Разуева пришлось придумывать правдоподобную версию поселения в гостиницу.

Зотов встретил Разуева холодно и сугубо официально. Как бы невзначай спросил, кто помог с гостиницей. Разуев изложил подсказанную ему чекистами версию.

– Деньги я привез. Правда, достал только три тысячи, – виновато закончил вступление Разуев.

Зотов разыграл удивление:

– Нет, так, друг мой, нельзя. Ущерб государству нужно возмещать полностью. Только это может тебе помочь. Давай.

Разуев протянул сверток с деньгами. Зотов аккуратно развернул его, но к деньгам не притронулся и сел за пишущую машинку.

– Так, говоришь, здесь три тысячи? Прекрасно.

Слушая стук клавиш машинки, Разуев лихорадочно размышлял: что еще придумал изворотливый следователь?

– Вот так, – проговорил Зотов, вынул лист и протянул Разуеву. – Расписывайся!

Растерявшийся Разуев читал: «Протокол добровольной выдачи». Согласно этому документу, он добровольно, в порядке возмещения ущерба, причиненного государству, вносил три тысячи рублей. Зотов предложил ему подписать документ.

Разуев подошел к двери, обернулся:

– Виктор Алексеевич, вы как-то говорили, что вам нужна дубленка. Я ее привез, но сюда нести не стал. Подозрительно заходить в это здание с большим свертком.

Голос Зотова потеплел:

– Занесешь завтра.

Расставшись с Зотовым, Разуев поехал на конспиративную встречу. Там сообщил о новом маневре взяточника. Мнения о дальнейших действиях по задержанию Зотова разделились. Одни настаивали на немедленном проведении обыска в его кабинете, другие против этого возражали.

– Он не приглашал понятых, – говорили сторонники первого варианта.

– Верно, – соглашались работники прокуратуры, – но он легко уйдет от этого, объяснив, что избегал формальностей. Придется извиниться, на том и расстанемся. Да и при таком раскладе ни один уважающий себя прокурор не даст санкцию на арест.

Решили «игру» продолжать. Разу ев понес Зотову дубленку. Оперативник из КГБ на подкладке внутреннего кармана фломастером написал всего одно слово: «Взятка».

Зотов назначил следующую встречу через двадцать дней.

– Торопись. Сроки следствия небезграничны, и в отношении тебя нужно принимать решение, – заявил он Разуеву. – Дубленка мне понравилась, но остальные денежки ты все же довези.

Зотов явно терял бдительность и начинал верить Разуеву. Удивительно, что, ранее проявляя столь завидную осторожность, сейчас он осматривать дубленку не стал. Тогда же решили, что брать его как с поличным с одной этой вещью – неразумно. Он мог заявить, что просто купил дубленку у Разуева.

Через три недели Разуев вновь приехал в Челябинск. Днем звонить Зотову не стал и разыскал его вечером по телефону в номере гостиницы.

– Все привез? – спросил Зотов.

– Конечно.

Зотову не терпелось завершить задуманное, и бдительность его притупилась. Он бросил Разуеву слово, которое с нетерпением ожидала следственно-оперативная группа.

– Приезжай.

В номере Зотова была женщина. На столе находилась закуска, коньяк, шампанское. Поздоровались как старые друзья. Сверток с деньгами Разуев положил на диван.

– Выпьем за встречу? – спросил подполковник.

Разуев согласно кивнул. Зотов поднял бокал с шампанским:

– За хорошее начало и за благополучный финал!

Разуев, с трудом скрывая волнение, осушил бокал до дна. Выпили по второму.

Неожиданно резко распахнулись двери. В номер ворвались несколько человек.

– Всем оставаться на месте! – крикнул один из них. – Комитет государственной безопасности.

Зотов побледнел и вскочил. К нему подбежали двое и заломили руки за спину.

– Вы сейчас получили от этого человека взятку. – Старший группы захвата показал на Разуева.

– Это провокация. – Зотов был вне себя. – Я подполковник милиции из МВД СССР. Вы не имеете права…

Его резко перебили:

– Мы из КГБ центра. С нами следователи прокуратуры. Пригласите понятых.

Старший обратился к Разуеву:

– Где деньги, которые Зотов вымогал у вас в виде взятки?

Разуев показал на диван.

– Он мне их подложил, – зло бросил Зотов.

– Подполковник, лучше помолчите! – одернули его. – Ситуацию вы явно недооцениваете.

Один из оперативных работников взял из платяного шкафа пиджак Зотова и поинтересовался:

– Ваш? Что в карманах?

– Мои деньги, удостоверение.

На стол следователя, составлявшего протокол обыска, рядом с развернутым газетным свертком легли еще несколько сот рублей. Следователь достал исписанные листы бумаги. Сверил номера на купюрах с записями и радостно улыбнулся.

– Что? – спросил старший.

– Это деньги из второй партии.

Подполковник тупо уставился в пол.

– Вы признаете, что получали от Разуева взятки и сегодня очередную?

– Нет. Я ни у кого взяток не брал. Еще раз повторяю: это провокация.

– Тогда будем разбираться, – сказал следователь. – Я принимаю решение о вашем задержании. Распишитесь в протоколе.

– Нигде я расписываться не буду, – последовал ответ.

– Глупо, Зотов. Вы профессионал, а ведете себя как обычный и далеко не умный уголовник. Впрочем, надеюсь, что обыск вашего служебного сейфа будет не менее урожайным.

Слова эти оказались пророческими. В сейфе нашли пачку денег – часть той суммы, которую вручил Зотову ранее Разуев. Не хватало нескольких сот, но они, за исключением трехсот рублей, уже потраченных Зотовым, были изъяты накануне в его гостиничном номере.

Сверху лежал протокол о якобы добровольной выдаче их Разуевым. Самое удивительное, он был подписан понятыми. Позже криминалисты выяснят, что эти подписи были поддельными. При обыске присутствовали следователи из группы Зотова.

– О боже! А это откуда? – воскликнула одна из сотрудниц, когда из сейфа извлекли Тетроевангелие в темно-синем бархатном переплете, отделанном драгоценными камнями и серебряной чеканкой на библейские сюжеты.

– Вы что-нибудь знаете об этой книге? – спросили ее.

– Конечно. Но ведь он вернул ее потерпевшим. Я сама видела, как в этом кабинете старик из Кургана писал расписку в ее получении.

Сюрпризы этого необычного дела продолжались.

Позже эксперты оценят Тетроевангелие в четыре тысячи рублей. Но один из свидетелей, коллекционер, приобретавший иконы через перекупщиков, скажет мне, что это дилетантское суждение. Обнаруженная церковная книга бесценна.

Я написал в Ленинскую библиотеку письмо и сообщил об изъятом нами Тетроевангелии. Мне предложили показать его специалистам библиотеки. Мы встретились. На книгу посмотрели скептически и сказали, что сегодня в среде коллекционеров гуляет много подделок.

Через несколько дней мне позвонили, сообщив, что экспертное исследование закончено, и попросили о срочной встрече. Я пришел в Ленинку. Здесь ждали меня несколько человек, но… без Тетроевангелия. Они были крайне взволнованы, заискивали и вручили заключение экспертизы, из которого я узнал, что издана эта книга в начале XVII века при патриархе Филарете (в миру – Романове, отце Михаила Федоровича, первого царя из династии Романовых). Граверные работы на ее обложке делали известные московские ювелиры того времени Кондратий Иванов и другие. В течение сорока одного года после выхода первой книги было изготовлено всего четырнадцать ее экземпляров. А самое главное – наш оказался первым.

– Мы очень просим передать этот раритет нам на хранение, – говорили мои собеседники.

Тетроевангелие по нашему решению стало достоянием главной библиотеки страны.

Выяснилось, что Зотов подделывал составленные до него протоколы обысков и получал обманным путем расписки у потерпевших. Он таким образом похитил проходившие по делам большое количество икон, церковной утвари и другие ценности. Все они были изъяты у него на квартире и в служебном кабинете здания МВД СССР.

…Снова пошли разговоры, что КГБ и прокуратура ведут войну против милиции. Но доказательства преступлений, которые за сравнительно короткий промежуток времени совершил старший следователь по особо важным делам Главного следственного управления МВД СССР подполковник милиции Зотов, были неоспоримы. К его делу приобщили несколько фотографий, где преступник был снят в мундире, на погонах которого сверкали три больших звезды.

Он очень мечтал стать полковником милиции и даже о большем, а получил пятнадцать лет заключения.

Кстати, сегодня в мемуарной литературе делаются ссылки на эту историю. Причем утверждается, что похищенные иконы и ценности предназначались Щелокову. Лживые и не основанные на материалах дела предположения! Зотов был обыкновенным стяжателем, воровавшим для себя.

С. Ф. Медунов и Сочинско-Краснодарское дело

…Понятие «взятка» было при Николае (самодержец российский Николай I) так неразлучно с понятием «чиновник», что даже министр юстиции граф Панин однажды дал взятку в сто рублей своему департаментскому чиновнику, выправившему ему какую-то вполне законную бумагу для его, Панина, дочери, а также понятие «казна», т. е. казенные деньги, было бок о бок с понятием «красть», и казнокрадство доходило до таких размеров, что, например, от полуторамиллионного «инвалидного» капитала за один год буквально ничего не осталось, причем инвалиды из этого капитала не получили ни копейки…

С. Сергеев-Ценский. Севастопольская страда

В течение нескольких лет продолжалось расследование уголовного дела по Министерству рыбного хозяйства. Оно дробилось на более мелкие дела, которые выделялись в отдельное производство и направлялись в суды. Арест в Сочи бывшего мэра города Воронкова и статья Аркадия Ваксберга об этом человеке в «Литературной газете» вызвали широкий резонанс в стране и за рубежом.

Первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС Сергей Федорович Медунов был вне себя. Ситуация, похоже, выходила из-под контроля, и он принял необходимые меры. В ЦК надавили на Найденова и приказали дел по Сочи не разворачивать. В городе оставили для расследования небольшую группу следователей под руководством начальника следственной части прокуратуры Московской области Михаила Розенталя (ныне члена Гильдии российских адвокатов). Еще с ареста по рыбному делу директора магазина «Океан» Арсена Пруидзе представители

Прокуратуры СССР тесно взаимодействовали с сочинской милицией. Контакты с коллегами продолжал Розенталь, и это впоследствии сыграло роковую роль в судьбе многих сочинцев.

Ключевой фигурой в сочинском деле постепенно вырисовывался секретарь горкома КПСС Мерзлый.

Совсем юного Сашу, ученика одной из сочинских школ, одноклассники называли сексотом. Учился он слабо, на тройки, но был крайне самолюбив и требования системы усвоил с юных лет. Как показал на допросе один из его товарищей по комсомольской работе, карьеру свою Саша начал барабанщиком, продолжил пионервожатым, смело принял роль секретаря комитета комсомола школы и более расставаться с такой жизнью не захотел. Он стал инструктором райкома, затем горкома комсомола.

Даже армия не прервала активной общественной деятельности Саши. Он и на флоте оказался комсомольским вожаком. Правда, через год комиссовался и продолжил бурное восхождение во всесоюзном городе-курорте. Принимать влиятельных гостей и угождать им он научился сразу, так же как и выполнять указания руководителей высокого ранга по организации таких приемов. Государственные деньги для этой цели, естественно, не отпускались, и поэтому особенно ценилось умение решать такие проблемы бесплатно. Тогда-то и положил глаз на подающего надежды молодого растущего комсомольского вожака первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС Медунов.

Вскоре Александр Мерзлый стал вторым, а затем и первым секретарем горкома комсомола. В проведении пленума по избранию «первого» принял личное участие Медунов.

Цену Мерзлому комсомольский актив уже знал, и поэтому его решили «прокатить». Нет, совсем не случайным было присутствие Медунова на пленуме. Весь свой опыт старого аппаратчика, привыкшего неуклонно проводить в жизнь кадровую политику партии, а значит, и его, Медунова, линию, направил он на достижение намеченной цели. Результаты тайного голосования грубо фальсифицировали, продемонстрировав всем непокорным, кто есть кто. Закоперщиков «заговора» вскоре разогнали.

К тому времени Мерзлый обзавелся семьей, женившись не по расчету, а по любви на поварихе из ресторана «Голубой», красавице кубанской казачке Валентине. Кто знал, что через годы за глаза ее будут называть «Шахиней», «Екатериной II» и будет она занимать должность начальника управления общественного питания Главкурортторга города Сочи?

Сегодня мы часто говорим о существовавшей долгие годы и

четко отработанной системе подбора кадров. Да, тем, кто попадал в номенклатуру, расписывали рост по службе на многие годы вперед, определяя все ступеньки перемещений с партийной работы на хозяйственную и обратно. Именно поэтому в кругу друзей Валентина Алексеевна с уверенностью говорила, что впереди ее ожидает должность начальника Главкурортторга, а мужа – работа в аппарате ЦК КПСС. До 1982 года все у них шло гладко, ибо при такой системе многое зависело от того, на кого сделаешь ставку. Карьера всегда была связана с борьбой за власть, и внутри партаппарата формировались группировки, которые постоянно соперничали между собой. Если нужно, предавали кланы, их лидеров, перебегали в лагерь противника. Мерзлые сделали ставку на Медунова, а значит, на Брежнева и его клику. Их благополучие зависело от того, как долго будут жить и властвовать эти люди.

Из горкома комсомола Мерзлый переместился в кресло второго секретаря Центрального райкома КПСС города Сочи. Оттуда на место заведующего орготделом горкома, а затем секретаря по идеологии и одновременно куратора административных органов. Для успешной карьеры нужно было высшее образование, и Александр поступил на заочное отделение Ростовского инженерно-строительного института. С горем пополам за восемь лет обучения заработал диплом. Получение высшего образования обеспечивал личным участием инструктор, а в последующем – заведующий орготделом горкома партии Владимир Лифшиц, которого Мерзлый тащил в кильватере своей карьеры, назначая на второстепенные, хотя и ответственные должности. С Высшей партийной школой было полегче.

Как-то на допросе я спросил Лифшица, не жалко ли ему потерянной молодости. Володя горько улыбнулся и промолчал.

– Хорошо, – сказал я, – ты служил ему верой и правдой, и все же какая роль тебе отводилась?

– Что, разве не понимаете? – ответил он. – Еврея при губернаторе!

Красиво жил в 60-х и 70-х Александр Трофимович Мерзлый! Ох и времечко было: торжественные собрания, возложения венков, песни о тревожной молодости, а затем не менее торжественные ужины, например, в Гагре. На спор, под хмельком, щелчком пальцев подбрасывали вверх хрустальные бокалы. Весь шик состоял в том, чтобы бокал, совершив кульбит, упал на ножку и не разбился. Много хрусталя перебили? Кто считал! Развлекались…

А друзьями Саши стали местные торговцы по кличке Атос, Портос и Арамис. Какие мушкетеры! Как славно вместе «гудели»!

На следствии вспоминали, как на очередной гулянке пили только шампанское. Пьянка шла всю ночь, а до туалета далеко. Мочиться стали в пустые бутылки. Утром все перепутали, и бедный Атос опохмелился спросонок не из той.

И девочки в молодости были классные. Как-то в «Ахуне»[38] засекли красивых немок. Решили упоить товарищей по социалистическому лагерю. Покажем, мужики, как русские гуляют! Наливай водку в бокалы! Тащи икру и деревянные ложки! Кто-то предложил завершить веселье на берегу моря – встретить рассвет. Но напоролись на наряд пограничников. Пригласили и их. Утром очнувшиеся пограничники обнаружили исчезновение автоматов. Скандал замяли после разборки. Автоматы солдатам вернули.

Красивая жизнь требовала больших расходов. Зарплаты не хватало. И стал Александр Трофимович по принципу личной преданности подбирать себе «спонсоров» в торговле и общественном питании.

Такая система своеобразных взаимоотношений во всесоюзной здравнице поощрялась сверху. Город развивался, но далеко не все можно было пробить законным путем. Тогда и придумали отлаженный механизм обработки влиятельных гостей черноморских здравниц. Главные врачи санаториев, директора пансионатов обязаны были исправно докладывать в горком, кто из нужных людей появился в городе. В зависимости от положения, которое занимало это лицо, его «куратором» становился секретарь горкома, заведующий отделом, инструктор и т. д.

Входит отдыхающий в номер, а на столе цветы. Открывает холодильник, о боже!.. Фрукты, колбаса, икра, коньяк, шампанское. Это откуда? А тут телефонный звонок:

– Иван Иванович, это такой-то. Приветствуем в нашем солнечном городе-курорте. Ну, ну… Это мелочи. Заботиться о вас – наш долг. Наверное, вы хотели бы куда-нибудь съездить? Называйте время, машина в вашем распоряжении. Кстати, в «Кавказском ауле»[39] великолепное варьете из Ленинграда, девочки одна лучше другой…

Предложения в большинстве случаев действовали безотказно. После обработки гостя через неделю-другую переходили к делу: договаривались о помощи городу по самым разным вопросам. Бесперебойным потоком шли стройматериалы, металл, деликатесы. Сочи процветал, и каждый участвовавший в этом оправдывал свои действия тем, что совершает их не корысти ради, а только в интересах дела.

На следствии все участники комбинаций оправдывались тем,

что, мол, работники торговли и общественного питания в курортный сезон имеют бешеные левые деньги, а у них самих зарплата маленькая, и для выполнения задания по обработке гостя зарплаты не хватит. Если они и делили с нами левые доходы, убеждали нас чиновники, то тратили мы свою долю только в интересах города. От этого никто не обеднел. Именно такую предприимчивость поощряло высокое начальство.

Оправдывая свои действия, забывали, что от бесплатного ужина, отоваривания продуктами и спиртным до одаривания подарками, а потом и деньгами – один шаг.

И пошло все как в известном сочинском анекдоте. Первый принимает гостей города. Попили, поели. Посмотрев на официанта, первый щелкнул пальцами. Официант уставился на директора, выглядывающего из-за шторы: мол, не понимаю, он хочет расплатиться? Директор подбежал к первому: «Сергей Сергеевич, зачем вы так? Не обижайте. Все заплачено». – «Болван, – зло парировал первый. – Я не об этом. Где сдача?»

Из жалобы следственно-арестованного А. Т. Мерзлого генеральному секретарю ЦК КПСС Ю. В. Андропову: «Я представляю свое положение насколько могу отчаянным, да оно и есть отчаянное… Как всегда, так и теперь, находясь под следствием, а за 24 года освобожденной партийной и комсомольской работы из 25 лет общего стажа я помню и имею право сказать, что принадлежу к числу партийных работников. Поэтому каждый мой поступок будет засчитываться не только мне, но и партийному сословию, и если сделает нарушение простой человек, то это его дело и дело того коллектива, где он работает, но то, что сделает партийный работник, приписывается всей партийной организации, а этого допустить нельзя».

Итак, профессиональному партийному функционеру разрешено все, что запрещено остальным советским людям. Есть просто народ, и есть «партийное сословие», которое живет по своим неписаным законам. И когда для второго секретаря Центрального райкома партии Сочи Мерзлого не нашлось свободной служебной автомашины, он в 1974 году просто-напросто забрал для себя на сочинской торгово-закупочной базе автомобиль ГАЗ-21 («Волга»). В том же году на Сочинском автокомбинате забрал себе второй автомобиль ГАЗ-24 («Волга»), сменил на нем номер с обычного на специальный и катался в свое удовольствие в свободное от работы время.

В 1977 году, угробив старую автомашину, заменил ее на новую. Эти художества партийного руководителя обошлись государству в кругленькую сумму – 19 983 рубля (по ценам тех лет – стоимость трех автомобилей «Волга»).

«Я никогда не был беспартийным, – писал Мерзлый в очередной жалобе Андропову. – Я всю свою жизнь исповедовал Манифест Коммунистической партии, с самых ранних юных лет, и даже тогда, когда не знал о его существовании».

Столь высокая идейная убежденность не мешала Александру Трофимовичу долгие годы жить по принципам двойной морали.

Так, не изменил себе Мерзлый при строительстве дачи, которую он любил скромно называть садовым домиком. Индивидуальный ее проект по заданию Мерзлого разработали, естественно бесплатно, в одном из проектных институтов. Мебель заказали на мебельной фабрике и в РСУ бытового обслуживания. Бесплатно строили дачу лучшие специалисты городских организаций, в том числе и военнослужащие частей, расквартированных в крае.

Параллельно с мужем успешную карьеру делала его супруга. В начале 70-х она заняла должность управляющей Адлерским трестом столовых и ресторанов. Адлер – ворота Черноморского побережья Кавказа. Здесь встречают и провожают гостей. После утомительного полета либо перед вылетом из Сочи по традиции для почетных и особо почетных гостей в районе аэропорта организовывались шикарные завтраки, обеды или ужины. Естественно, также бесплатно. Так что должность, которую занимала Валентина Алексеевна, имела исключительное значение.

Через несколько лет она, вводя в курс дела сменившего ее Петра Бондарца, скажет, что он вполне созрел и пора ему «подниматься на самый высокий уровень» с допуском к встречам и проводам советской и партийной элиты. Однажды трепещущий от счастья Бондарец удостоился быть в первых рядах встречающих первое лицо в крае Медунова и даже смог пожать ему руку. Правда, на следующий день ему сказали, что, если он хотя бы еще один раз посмеет «высунуться» и протянуть руку столь могущественному человеку, его просто смешают с грязью.

– И как вы среагировали на это? – спросил я Бондарца на следствии.

– Сначала испугался. Потом мне стало стыдно за то, что меня унижают. Знаете, это ведь публика своеобразная. Однажды мне сказали, что Медунов и его окружение предпочитают пить только коньяк «Большой приз» – фирменный кубанский. А его не всегда достанешь. Обратился за советом к одному такому же краевому руководителю, а он смеется: «Да ты что, Петро! Главное – иметь пустую бутылку. Заливай в нее любой коньяк, только не из дешевых. Я так и делаю. Пьют за милую душу и хвалятся друг перед другом!»

– Ладно, – говорю Бондарцу, – со спиртным можно выкрутиться. А вообще такие приемы устраивать трудно?

– Это как сказать, – отвечает. – С продуктами проблемы нет. Я могу брать самое лучшее и людей для приготовления пищи подбирать по своему усмотрению. Но все должен контролировать лично. Да еще как! Упаси бог, если у кого-нибудь из сановных чиновников случится понос. Не сносить головы! – Он сделал паузу и продолжал: – Знаете, потом я стал их ненавидеть. Особенно после одного случая. В Адлер прилетел Медунов, и я лично готовил для них королевское блюдо.

– Какое? – с иронией спросил я.

– Не нужно улыбаться, Владимир Иванович. Вы такого никогда не попробуете.

– И что же это такое?

– Форель, которую по специальной технологии готовят в серебряных судках. Сидят они за столом, пьют, лопают холодные закуски, а я у плиты торчу. Повара мои и официанты крутятся рядом. Только о поносе и думаю. Подходит помощник: «Ты скоро?» А блюдо не готово… Минут через пять уже кроет матом, орет: «Тебе нельзя давать ответственные поручения!» Умоляю подождать еще немного. Через пару минут подходит в третий раз. Весь трясется: «Ты вообще ничего не можешь! Сергей Федорович ругается. Вот даже мухи здесь летают!» Я отвечаю с обидой: «Где мухи? Летает только одна!» Кричит: «Немедленно прибей». И я, управляющий трестом, на глазах подчиненных, как последний идиот, с газетой в руках гоняюсь за этой единственной мухой! За что мне их любить? Уважать и то не стали…

Валентине Алексеевне было легче, чем Бондарцу. Все-таки она была женщиной и благодаря мужу пользовалась особым расположением первого секретаря крайкома.

Но не все так просто в борьбе политических сил за власть.

Явные и тайные группировки не щадят друг друга во имя достижения поставленной цели. Специфика действительности тех лет, как мне кажется, заключалась в том, что при диктате партии во всех сферах жизни ее руководители снизу доверху для расправы с противниками использовали правоохранительные органы, начиная с использования источников оперативной информации, которой располагали КГБ и милиция, и кончая ее реализацией в случае необходимости через следствие и суд. В результате вся правоохранительная система осознанно становилась орудием партаппарата. Группы и группировки внедряли по мере возможности в эти структуры своих людей, и они верно служили своим покровителям.

Применительно к нашей истории у Мерзлого были довольно

прочные позиции в местном КГБ, где работали многие друзья его юности – комсомольцы-активисты. Приручил он и заместителя начальника УВД по оперативной работе Удалова[40]. Но с прокуратурой не ладилось. Прокурор города Костюк держался независимо и не давал себя подмять.

Параллельно с Мерзлым рос по партийной линии и его постоянный соперник Владимир Петрович Тронов. У него тоже были кругом свои люди. Оба они почти одновременно стали заведующими отделами горкома. Оба были претендентами на должности секретарей. Вместе сидели на совещаниях, принимали делегации, стояли на трибунах во время парадов, улыбались и ненавидели друг друга. Оба были готовы подставить ножку сопернику при любом удобном случае.

Когда начальник управления общественного питания Баликоев, занимавший эту должность до Валентины Мерзлой, почувствовал, что ему в спину дышит жена заведующего орготделом горкома, то при очередной ревизии Адлерского треста дал указание копать поглубже. И накопали, вплоть до возбуждения уголовного дела за приписки. Правда, толку от этого оказалось мало. После активного вмешательства Александра Трофимовича и самого Медунова дело успешно угробили. А для нивелировки общественного мнения организовали в «Комсомольской правде» публикацию большой хвалебной статьи об управляющей Адлерским трестом. Баликоев же, пытавшийся перейти в контрнаступление, потерпел поражение. Вскоре он расстался с должностью, уступив ее Мерзлой.

Тогда Валентину Алексеевну тайком попытался остановить Тронов. Перевербовав на свою сторону Удалова, он дал ему задание сделать на Мерзлую так называемую оперативную установку, то есть негласно собрать сведения о ее связях, круге знакомств, образе жизни. Кто, как и когда выкрал документы, собранные сотрудниками УВД, так и осталось неизвестно. Они оказались у Мерзлого, и с ними ознакомили Медунова. Над теми, кто плел интриги, нависла смертельная опасность.

В городе в то время продолжали работу представители следственной группы прокуратуры. Не использовать эту ситуацию в своих интересах было бы глупо – именно к такому выводу пришла антимерзловская группировка.

Другая была серьезно обеспокоена тем, что, начав вообще-то с малого – ареста директора магазина «Океан» Пруидзе, москвичи добрались до бывшего мэра Воронкова. Поэтому ожидать от них можно было все что угодно. Кроме того, Медунов не терпел своеволия в своей вотчине, а арест Воронкова с ним никто не согласовывал. Следствие необходимо было остановить, в худшем

случае – притормозить. Как раз в это время Георгий Александрович Эфенбах вызвал в Сочи на допрос председателя Хостинского райисполкома Логунцова. Никакими материалами о взяточничестве Логунцова следствие не располагало. Ему лишь задали вопросы о взаимоотношениях с Воронковым и по ряду эпизодов, которые вменялись последнему в вину. Что вообразил Логунцов в итоге допроса, осталось тайной, но, вернувшись домой, он написал прощальное письмо сыну, обмотал себя проводами и пустил ток.

Самоубийство Логунцова дало Медунову повод для развязывания кампании по дискредитации следственной группы Прокуратуры СССР. Он сел на старого, но очень популярного в партийных кругах конька: якобы имевшие место нарушения социалистической законности. Перепуганный Эфенбах ретировался в Москву.

Между тем эмиссары Медунова стали активно собирать компромат на работников правоохранительных органов. В первую очередь они стали искать «предателей» в своих рядах. Нужно было выяснить, кто и по чьему заданию собрал досье на Мерзлую. Тогда и решили местные оперативники обезопасить себя с помощью Михаила Розенталя – руководителя следственной группы Прокуратуры СССР по Сочи. Наговорив ему о коррупции, действительно процветавшей в городе, они подтолкнули его к написанию письма на имя начальника УВД с просьбой сделать оперативные установки[41] на большую группу руководителей города, в том числе и на Мерзлую. Розенталь поддался и такое письмо подготовил. Впоследствии местные пинкертоны прикрывались этим письмом как щитом, ссылаясь в своих объяснениях на то, что действовали по поручению Прокуратуры СССР, то есть исключительно в рамках закона.

Особый гнев Медунова в тот период вызывали и так называемые «сочинские детективы» Адуев, Чурганов, Доценко и другие. Это были честные, но в общем беспокойные люди. У многих за плечами были дороги Великой Отечественной войны, честно прожитая жизнь. Своими жалобами и заявлениями они забрасывали ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР. Как велось в те годы, все жалобы пересылались для проверки на место, и наступил такой момент, когда терпение Медунова иссякло. Он сказал: «Хватит!» За «сочинских детективов» взялись всерьез. Отчаявшись, Адуев и Чурганов приехали в Москву и, встретившись через Роя Медведева[42] с корреспондентами американских газет, рассказали о том, что происходит в крае и солнечном Сочи. Расплата последовала незамедлительно. Их арестовали и через некоторое время осудили за антисоветскую

агитацию и пропаганду. Упекли в тюрьму и Доценко, правда только за клевету.

В тот период к группе «сочинских детективов» примкнула заведующая производством одного из кафе в Адлере Надежда Богачева, представлявшая наибольшую опасность для Мерзлых. Опасна она была тем, что давала Валентине Алексеевне взятки и добровольно заявила об этом в Прокуратуру СССР. Ее постигла участь «соратников» по неравной борьбе с системой.

Двух работников кафе, где Богачева была завпроизводством, поймали на обмане покупателей. Они дали показания, что занимались этим по ее указанию. Не нужно быть юристом, чтобы понять, что если это правда, то они все вместе подлежали привлечению к уголовной ответственности за совершение преступления по предварительному сговору. Так по закону. А в жизни уголовное дело в их отношении прекратили за отсутствием состава преступления. Лишь одну Богачеву осудили за обман покупателей. Столь абсурдного приговора нельзя было даже представить, но десятки профессионалов-юристов в Сочи, Краснодаре и Москве отвечали на жалобы Богачевой: «Вы осуждены правильно».

При такой ситуации Найденов и стоявшие за ним люди поняли: Медуновым объявлена война. Пасовать в такой ситуации – значит потерпеть поражение. На Краснодарский край бросили мощные силы следователей, которых возглавил заместитель Каракозова – Алексей Васильевич Чижук. Позже к расследованию подключили меня, а также следователей по особо важным делам Громова, Парица, Майданюка.

За сравнительно небольшое время во взяточничестве были изобличены и арестованы многие руководители торговли и общественного питания, а также ответственные работники партийных органов города Асеев, Перепадя, Тарановский и другие.

Медунов был вне себя. Последовало его официальное обращение к руководству страны. Тогда и состоялось то знаменитое и неоднократно упоминавшееся в нашей печати заседание секретариата ЦК, на котором секретарь ЦК КПСС Кириленко оскорбил Найденова, грубо обвинив его в сборе компромата на членов политбюро. Тогда Медунов добился главного: было принято решение о создании партийной комиссии для проверки работы следственных групп в Краснодарском крае.

На этом этапе еще раз подлил масло в огонь Мерзлый. Как куратор административных органов, он решил добиться отстранения от должности прокурора города Костюка, пользовавшегося большим авторитетом и поддержкой в

Прокуратуре СССР. Чувствуя, как над ним сгущаются тучи, Костюк написал письмо своему товарищу, занимавшему ответственную должность в Москве. В письме он сообщил, что погрязшие во взятках Медунов и Мерзлый, видимо, «добьют» его. Это письмо попало к Мерзлому. Каким путем? Догадаться в общем-то несложно: через тех, кто имел право на тайную перлюстрацию почтовых отправлений.

В Сочи срочно командировали члена комиссии партийного контроля крайкома Осокина. Под фамилией Алексеев он поселился в одном из санаториев и возглавил работу по сбору компромата. Осокин с подручными не брезговали ничем.

Мерзлый отыскал бывшего работника комсомольских органов Чернокондратенко, осужденного за совершение преступления и отбывающего наказание на стройках народного хозяйства. Мерзлый предложил ему написать заявление о том, что его якобы допрашивали следователи Прокуратуры СССР и домогались показаний на ответственных работников. За это Чернокондратенко обещали руководящую должность в системе торговли и восстановление в партии. Он согласился.

Медунов и его команда спешили, ибо страсти накалялись. Найденов направил на рассмотрение Сочинского Совета народных депутатов представление о даче согласия на привлечение к уголовной ответственности депутата Мерзлого.

Между тем комиссия ЦК, продолжая свою работу, опрашивала людей, указанных в докладной записке Медунова, непосредственно в здании горкома. Здесь же этажом ниже Мерзлый пропускал через себя опрашиваемых. Спектакль разыгрывался по отработанной в партийных органах схеме, и финал его был заранее предопределен.

Результаты работы комиссии были рассмотрены в ЦК КПСС. Но задуманное Медуновым привлечение к уголовной ответственности наиболее ретивых следователей не удалось. Отметив якобы имевшие место отступления от требований закона, в ЦК постановили: виновных наказать, но… Прокуратуре СССР продолжить расследование.

Тем не менее положение Медунова позволяло ему, ориентируясь на позицию ЦК, рассчитаться со своими. Из партии были исключены Костюк, Удалов, другие работники. Естественно, их тут же сняли с работы.

Я хорошо помню, как вошел в кабинет к Эфенбаху, когда он говорил по телефону. На моих глазах Георгий Александрович побледнел, потом положил трубку. Долго молчал, глядя в одну точку. Наконец заговорил:

– Звонил Удалов. Его и товарищей исключили из партии и

потребовали, чтобы они вместе с семьями в три дня покинули территорию края. Да что же это такое? Как же так?

Георгий Александрович был немолодым, много повидавшим на своем веку человеком, принципиальным и честным, но вместе с тем крайне болезненно воспринимающим происходящее.

– Хотят они и большего, чтобы я, Чижук и еще кое-кто были арестованы и осуждены. Что они творят?

Как мог, я успокоил Георгия Александровича и ушел к себе. Буквально через пять – десять минут ко мне влетел следователь из его группы: «Владимир Иванович, несчастье! Георгию Александровичу плохо».

Я вбежал в кабинет Эфенбаха. Он лежал на столе с подогнутыми ногами и безвольно свисавшими руками. Скулы заострились, лицо было мертвенно-бледным. Мы помогали ему как могли. Прибывшая бригада скорой помощи откачала нашего товарища.

Через некоторое время у него возникла очередная критическая ситуация. Она была связана с проведением коллегии Прокуратуры СССР, на которой должны были заслушать результаты проверки работы следственной части. Накануне коллегии Эфенбах уехал в Краснодар, но его срочно отозвали. Георгий Александрович решил, что последует расправа, хотя это было не так. Пошатнувшееся здоровье его снова подвело. Сказались постоянные стрессы, борьба не на равных с сильными мира сего.

Он скончался от инсульта, когда едва ему перевалило за пятьдесят.

Найденов стойко переносил происходящее и сдаваться не собирался. Своей уверенностью он заражал подчиненных.

Самым жестоким ударом для Медунова и его клики в тот период был арест бывшего секретаря крайкома Тарады. Высокого роста, импозантный мужчина, он был красив и обаятелен. С помощью Медунова его выдвинули на должность заместителя министра мясо-молочной промышленности СССР. Вся его жизнь была связана с Кубанью: сначала на хозяйственной, а потом партийной работе. Взятки Тарада брал и на той и на другой. «Нажитое имущество» перевозил после перевода в Москву в рефрижераторах. Они были задержаны милицией, и разразился скандал. Замять его удалось не без особого труда.

Сразу же после ареста Тарада, как говорят, чистосердечно раскаялся в содеянном, а поскольку он долгие годы курировал в крае легкую и пищевую промышленность, то «завалил» практически всех руководителей этих отраслей.

На допросы он приходил с таким видом, будто все еще

занимал прежние должности. В руках его неизменно была толстая папка с записями воспоминаний о прошлой жизни.

Не на шутку испугавшись, Медунов развернул кампанию в его защиту, используя оправдавший себя прием: Тарада дает показания из-за применения недозволенных методов ведения следствия.

Его возмущение находило искренний отклик в ЦК КПСС. Но вдруг последовал нокаут. В Краснодар прилетел Каракозов и втихую провернул очередную операцию.

Следователи и оперативные работники прибыли в дом бывшего водителя Тарады. На кухне, в стене, покрытой кафелем, сняли четыре плитки на магнитах и обнаружили тайник – небольшой металлический сейф, заполненный золотыми монетами, перстнями, серьгами и кольцами с бриллиантами. Второй тайник обнаружили в сарае. За кирпичной кладкой скрывалось отверстие, а в нем находилась чугунная болванка с золотом и драгоценностями. Третий тайник был в сарае частного дома. В курином помете, перемешанном с хозяйственным инвентарем, вырыли яму и извлекли из нее цинковый чан. В нем лежала полиэтиленовая канистра с тщательно упакованными десятками тысяч рублей.

Партийный руководитель высокого ранга, заместитель союзного министра оказался обладателем огромных сокровищ! Источник – взятки.

Медунов пришел в ярость. Он вызвал на ковер прокурора края Рыбникова и потребовал объяснить, почему в крае без его ведома московские следователи делают обыски, изымают ценности? «Кто здесь хозяин?!» – вопрошал Медунов. Никакие попытки Бориса Ивановича убедить первого секретаря, что все действия следственной группы соответствуют закону, успеха не имели. На прощание он услышал зловещую для многих в то время фразу: «Мы с вами не сработаемся».

Становилось заметно, что работники Прокуратуры СССР перестали беспрекословно выполнять партийную волю. В крайисполком поступило представление о согласии на привлечение к уголовной ответственности одного из руководителей мясо-молочной промышленности края депутата Шилина. Реакция Медунова была однозначной – отказать! Еще бы: пытаются взять одного из тех, кто через спеццеха обеспечивает Москву и руководство края спецколбасой, спецбалыками и другими спецделикатесами!..

Шилин срочно лег в больницу. Но оттуда его вскоре забрали и препроводили самолетом в Москву, в Бутырскую тюрьму.

Последовал очередной всплеск истерии: Прокуратура Союза

плюет на депутатскую неприкосновенность, сажает тяжелобольных людей! И снова выстрел впустую. По заключению экспертов, Шилин оказался здоровым. Он симулировал заболевание, а на привлечение его к уголовной ответственности дал согласие Президиум Верховного Совета РСФСР.

Вообще-то это можно было бы проглотить с известной долей горечи, но пришлось тяжело вздохнуть еще раз, когда через несколько дней Медунову прислали партбилет старого друга с сопроводительным письмом из Прокуратуры СССР: «Направляется партийный билет Шилина, арестованного и привлеченного к уголовной ответственности за взяточничество. Вину в предъявленном ему обвинении Шилин признал полностью».

Вот это понять сложно. Закаленный мужик, танкист в годы войны и вдруг: «вину признал полностью». Больше всего мучает другое: заговорил или нет, а если да, то о чем рассказывает?

Так близко было достижение заветной цели – избрание секретарем ЦК КПСС, членом политбюро. Портреты на стенах, на парадах, реальная власть не в крае, а в стране. Опережают, сволочи, опережают!.. С прокуратурой все ясно. КГБ внешне держит нейтралитет, но Андропов враг реальный, и он стоит за всем этим. Своим человеком остается Щелоков, но ведь именно с его подчиненных начались неприятности. Большой упор делал на подбор нужных кадров, а они, оказывается, могут подводить.

«Эх, Николай Анисимович! – думал Медунов. – Помнишь, как на одном из всесоюзных совещаний, проводить которые ты так любил, спросил, обращаясь к аудитории: «Почему в милиции плохо обстоят дела с подбором кадров на должности первых руководителей?» И сам же ответил: «Потому что начальники отделов и управлений живут по принципу: чем темнее ночь, тем ярче звезды». (Кстати, через много лет эту же фразу в разговоре со вторым секретарем Ставропольского крайкома партии Казначеевым скажет «великий перестройщик» Михаил Сергеевич Горбачев.)

Правильно сказал Николай Анисимович, это принципы нашей кадровой политики. Но забыл опытный интриган и царедворец Щелоков, что наибольшая опасность исходит от тех, кого ты воспринимал как «темную ночь», ибо они всегда рвутся к звездам. Вот и появилось за твоей спиной тяжелое дыхание Юрия Михайловича Чурбанова, и сейчас ты не можешь с этим не считаться. Впрочем, мы в одной лодке и над нами дряхлеющий, но пока управляемый генсек. Путь, который мы еще выбрали в борьбе с «законниками», правильный».

Здесь мне хотелось бы сделать небольшое отступление. Совсем недавно я прочитал воспоминания, написанные в колонии

бывшим зятем генсека, бывшим первым заместителем министра внутренних дел СССР о том, как он вследствие «противозаконного» психологического воздействия следователей стал оговаривать себя в получении взяток.

Я хорошо помню его первые вызовы на допросы. С ним работал Каракозов. В конце одного из рабочих дней Герман Петрович пригласил меня к себе. Он был взволнован, возбужден.

– Мы, наверное, пойдем на арест Чурбанова. Как считаешь, не прогорим?

– Герман Петрович, риск большой. Все-таки он профессионал и вряд ли когда-нибудь признается, что брал, а взятки, сами знаете, – одни слова. Сегодня признался, завтра отказался.

На этом мы расстались до вечера следующего дня.

Снова вхожу в знакомый кабинет и вижу Каракозова в радостно-приподнятом настроении. Он протягивает несколько исписанных листов бумаги:

– Читай!

Я не верю своим глазам: это заявление Чурбанова о получении им взяток.

Поэтому и сейчас могу напомнить самому Юрию Михайловичу и читателям его воспоминаний, что признаваться он начал до своего ареста, на довольно милых беседах с Каракозовым. Сегодня, пытаясь делать хорошую мину при плохой игре, Чурбанов садится все на того же заезженного конька – нарушения законности.

Ну а тогда он был на самом взлете и не знал, что его ждет в недалеком будущем. По инициативе Медунова Чурбанов решил провести в Сочи совещание начальников органов внутренних дел курортных городов. На совещание пригласили Найденова. Позже ко мне попала фотография, запечатлевшая то памятное событие. В здании Сочинского горкома партии стоят: на первом плане Медунов в черном костюме со сверкающей «Звездой» Героя Социалистического Труда, рядом набриолиненный, с короткой стрижкой, в идеально отутюженном мундире генерал-полковник Чурбанов, чуть сзади будущий сочинский таксист, а тогда второй секретарь горкома Владимир Петрович Тронов; на втором плане расположились ответственные товарищи – и среди них улыбающийся Найденов и Разумовский, который через несколько лет станет секретарем ЦК КПСС.

Совещание прошло с традиционной читкой докладов и заключительным, под бурные аплодисменты, словом Юрия Михайловича. Теперь можно было ехать на «мероприятия», которые зять генерального секретаря, прямо можно сказать, любил.

Ожидавшие расправы руководители сочинской милиции не исключали, что совещание было организовано для примирения Медунова с Найденовым при посредничестве Чурбанова. Допустить такого поворота событий, естественно, они не могли. «Сочинские милиционеры» сумели встретиться с Найденовым и убедить его в том, что на «мероприятии» ему быть не следует, ибо после такового намечено на дороге остановить автомашину, в которой он едет, и организовать провокацию с задержанием в нетрезвом состоянии заместителя генерального прокурора СССР.

Найденов этому поверил. Рядом, на счастье, оказался заместитель начальника управления 2-го главка КГБ СССР генерал Удилов, игравший ключевую роль в раскрытии и расследовании преступлений работников милиции Московского метрополитена в 1980–1981 годах. Он был лично знаком с Найденовым с тех памятных лет и предложил ему покинуть «гостеприимный» город-курорт. Вереница комитетских черных «Волг» на большой скорости ушла в сторону Абхазии.

Между тем Медунов, желая поставить Найденова на место, на «мероприятие» его не пригласил. Только после пятого или шестого тоста он отдал приказ: «Доставить пред наши светлые очи этого упрямца!» Но Сергею Федоровичу доложили: заместитель генерального прокурора исчез в неизвестном направлении.

Примирение так и не состоялось. Вскоре пришло в Сочинский горисполком повторное представление о даче согласия на привлечение к уголовной ответственности депутата Мерзлого. Его снова подписал Найденов.

Отдать на заклание друга Сашу «первый» не мог, тем более что заключение комиссии ЦК развязало ему руки. Медунов понял – Щелоков со своими расправился беспощадно, а вот Рекунков гнул свою линию. Генеральный прокурор на коллегии объявил выговор только одному Розенталю, да и то только за злополучное письмо в УВД с просьбой провести оперативную разработку отдельных руководителей города.

Медунов ринулся в бой. По результатам работы комиссии в Сочи провели пленум горкома. В президиуме восседал лично Сергей Федорович. Обеспокоенный таким поворотом событий, в Сочи позвонил Рекунков. Трубку взял первый секретарь горкома Гавриленко, попросил подождать и быстро прошел в президиум.

– Сергей Федорович, вас просит к телефону Александр Михайлович Рекунков.

Медунов повернул голову и громким голосом, чтобы слышали присутствующие рядом, коротко бросил:

– Пошел он на х…!

После этого произнес длинную и очень злую речь. Вспомнил свою работу в Крыму и особенно отношение к работникам торговли.

– Мы столько понасоздавали контролеров, – вещал Сергей Федорович, – что у нас получается «Один с сошкой, семеро с ложкой». Так, товарищи, не пойдет!

Обращаясь к партийному активу, грозно спросил:

– Как вы могли, имея в руках газету формата «Правды» (имеется в виду сочинская газета «Черноморская здравница»), не дать отпора зарвавшимся работникам сочинской милиции и союзной прокуратуры? За вас это сделала газета «Советская Кубань»!

(Действительно, когда Медунов потребовал развенчать антисоветчиков Чурганова, Адуева и других, редактор «Черноморской здравницы», зная правду, не решился на такого рода публикацию. Услужливые журналисты развенчали «отщепенцев» на страницах краевой газеты, а Доценко по звонку Мерзлого друзьям в Москве охаяли в «Учительской газете».)

Да, силу печатного слова Сергей Федорович знал как никто другой.

– Наше обращение в ЦК КПСС было своевременным, – продолжал Медунов, – компетентная комиссия проверила факты. Взяточничества со стороны Мерзлого не установлено.

(Вот так-то! Зачем им следствие и суд, соблюдение конституции, если есть воля партии? Сказали, не установлено, и – баста!)

– Он, конечно, допускал неразборчивость в связях, некоторые нарушения при строительстве садового домика (как скромно звучали оценки злоупотреблений, за которые в конце концов Мерзлый будет осужден). За это мы объявили ему строгий выговор и перевели на хозяйственную работу (снова скромно умалчивает, что оклад бедняге положили в два раза превышающий зарплату секретаря горкома).

– Решение наше правильное и окончательное, – подытоживает Медунов, а затем наливается краской и голосом, прерывающимся от гнева, почти выкрикивает сидящему в зале начальнику сочинской милиции: – А вам, товарищ Ефрюшкин[43], кто позволил возрождать в этом замечательном городе обстановку тридцать седьмого года?

Бедный Ефрюшкин, всегда державший нейтралитет и служивший «ни нашим ни вашим», попытался робко огрызнуться и тут же услышал:

– Товарищ Щелоков правильно разобрался в этой ситуации и снял с работы ваших заместителей Удалова и Сысолетина. Мы

наказали их в партийном порядке… Запомните! Розентали приходят и уходят, а мы с вами остаемся в одной партийной организации.

Из выступлений С. Ф. Медунова на IV пленуме Сочинского горкома КПСС от 6 августа 1981 года:

«…Активизировались разного рода «обиженные», которые за неблаговидные поступки исключены из партии, сняты с работы, осуждены общественностью.

К ним, например, относятся бывший прокурор Лазаревского района Пальчех и бывший прокурор г. Сочи Костюк, совершивший уголовные преступления (ложь, не нашедшая подтверждения ни в партийных проверках, ни в ходе расследования уголовных дел. – *Авт.)*… Эти Чургановы и Костюк умудрились формировать общественное мнение о руководстве города, тлетворно влиять на общественную атмосферу в г. Сочи…

А где же были вы, товарищи? 22 тысячи коммунистов городской партийной организации, 33 тысячи комсомольцев, тысячи депутатов местных Советов, агитаторов, политинформаторов, пропагандистов. Имея в руках газету формата «Правды», располагая возможностями радио и телевидения – оказались на позиции пассивной стороны и не дали этим злобствующим антисоветчикам своевременного отпора…

Надо *владеть оружием, которое вручила партия, уметь вовремя ставить на место зарвавшихся*… На ваших глазах шельмовали партийных и советских работников. На ваших глазах отдельные работники органов прокуратуры и МВД, опираясь на сомнительные источники… проводили линию на компрометацию партийных и советских органов города… заводили досье и фабриковали постыдные дела на наши кадры, *а вы только оборонялись.*

…Взять, к примеру, теперь уже можно сказать, нашумевшее дело Мерзлого. В каких тяжких грехах его только не обвиняли, чего только не писали и не говорили о нем. Отдельные ретивые работники союзной Прокуратуры и Сочинского УВД, допуская нарушения социалистической законности, вели дело к преследованию Мерзлого в уголовном порядке.

…Позвольте выразить уверенность, что принципиальное и деловое обсуждение на пленуме… вопроса работы с кадрами, несомненно, будет способствовать дальнейшему совершенствованию стиля работы и методов деятельности партийных, советских, хозяйственных, профсоюзных и комсомольских органов города, выполнению всех стоящих перед вами задач, успешному претворению в жизнь исторических

предначертаний XXVI съезда нашей ленинской партии».

Блеск политической демагогии облеченного огромной властью партийного руководителя. До вынесения суровых приговоров председателю Сочинского горисполкома Воронкову, секретарям горкома Тарановскому и Мерзлому, первому секретарю Хостинского райкома партии Красильникову, председателю комитета партийного контроля Краснодарского крайкома КПСС Карнаухову и многим другим партийным, советским и хозяйственным работникам оставалось относительно недолго. Никто из них не был оправдан. Никто не избежал заслуженного наказания, кроме «верного ленинца» Сергея Федоровича Медунова.

Руководители и партийный актив города с испугом слушали речь «первого». С трибуны вещал непотопляемый и неуязвимый борец с негативными явлениями нашей жизни. Только шушукались между собой, не понимая, почему пострадал ни во что не вмешивающийся куратор ГАИ Сысолетин. Кто мог знать, какие интриги и как плелись накануне приезда партийной комиссии и во время ее работы?

А дело было вот в чем.

Перейдя на сторону Тронова, Удалов тщательно это скрывал. Тронов, в свою очередь, оберегал нового союзника и не хотел ставить его под удар. С Сысолетиным они были старые друзья, и последний регулярно его информировал о том, что происходит в УВД. Как раз в тот период приятель Сысолетина рассказал ему, что к его знакомой обратилась Мерзлая и просила взять на хранение полиэтиленовый пакет, наполненный золотыми ювелирными изделиями с бриллиантами. Ее волновало одно: быть ей хранительницей сокровищ или нет?

Сысолетин, как птичка в клюве, принес этот компромат Тронову. Тут-то и решил Владимир Петрович сдать информатора.

Тронов обо всем рассказал Мерзлому. Разразился очередной скандал. Песенка Сысолетина была спета.

– Знаете, Владимир Иванович, – с обидой рассказывал он мне позже, на допросе, – я ничего не могу понять. Сколько он (Тронов), пьяный, залетал! Попадет в вытрезвитель – я приезжаю и выручаю его, уничтожаю порочащие документы… За что и зачем он сдал меня?

Невдомек было опытному офицеру милиции, что в партийной иерархии напрочь отсутствовало понятие элементарной порядочности. Продавали и предавали друг друга с легкостью необыкновенной, если такая необходимость возникала.

Примеров более чем достаточно.

Но Сысолетин, Удалов, Костюк были для Медунова мелкими

сошками. На их примере следовало проучить и других, за этим дело не станет. Куда крепче орешек Найденов. К заместителю генерального прокурора СССР Медунов испытывал буквально патологическую ненависть. С ним он возжелал расправиться немедленно. Взяв с собой первого секретаря Сочинского горкома КПСС Гавриленко, он отправился в Ялту, где отдыхал генсек. По заранее продуманному сценарию Медунов делал краткий доклад об успехах тружеников края, рассчитывая, что под конец Гавриленко должен обратиться к Леониду Ильичу с жалобой на то, что от Прокуратуры СССР житья нет.

Доклад генсек выслушал благосклонно, но, как рассказывал мне впоследствии сам Гавриленко, он ябедничать на прокуратуру не решился и делал вид, что не замечает знаков, которые ему подавал «хозяин». Тогда заговорил Медунов:

– Знаете, Леонид Ильич, все у нас хорошо. Но прокуратура замучила. Людей терроризируют, не дают спокойно работать. А Найденов вообще не считается с партийными органами. Даже игнорирует решение комиссии ЦК. Все ему нипочем.

– Ладно, вернусь в Москву из отпуска – и во всем разберемся. Ты подъезжай, подумаем, – ответил Брежнев.

По дороге домой Гавриленко выслушал много нелестных слов в свой адрес, но выкрутился и потому был удостоен чести поехать с Медуновым в Москву. Правда, дальше приемной секретаря ЦК Черненко его не пустили, и он только увидел, как Сергей Федорович и Константин Устинович расцеловались. Минут через пятнадцать они вышли вдвоем и пошли к Брежневу.

Оттуда Медунов вернулся, сверкая, как новая медная копейка. Самыми нелестными и циничными выражениями он крыл Найденова, пообещав отправить его туда, куда Макар телят не гонял. Безапелляционно сообщил, что судьба заместителя генерального прокурора решена.

Через день-два аппарат Прокуратуры СССР загудел как растревоженный улей: Найденова снимают, даже не подыскивая благовидного объяснения! Для меня лично ситуация была понятна, потому что решение генсека совпадало с желанием генерального прокурора избавиться от строптивого заместителя. Рекунков и Найденов, будучи замами, почти открыто конфликтовали между собой, и это не было тайной для аппарата Прокуратуры СССР. Помню, как сразу после назначения Рекункова генеральным прокурором я был у Найденова в кабинете. Зашла секретарь и сказала:

– Александр Михайлович приглашает вас на обсуждение своего доклада на коллегии.

– Скажите, меня нет – уехал в ЦК, – зло ответил Найденов.

Я опешил. Во-первых, я знал Виктора Васильевича как очень скрытного и сдержанного человека. Подобного он в присутствии подчиненных никогда не допускал. Во-вторых, распоряжения генерального всегда и для всех были законом, в том числе и для замов. Слышать, что они были проигнорированы, мне было в диковинку. Еще тогда я понял: такая несдержанность никогда не прощается.

Но надо отдать должное этому выдающемуся человеку. До подписания приказа Найденов держался великолепно. За два дня до ухода он выступил на партийном собрании главка. Никто ничего не мог понять, так уверенно и с таким достоинством держался наш руководитель. Мы даже сошлись на том, что слухи о его отставке – выдумка. Оказалось, нет. Тогда же, пережив все это в себе, Найденов заработал свой первый инфаркт, не заметив этого.

Поддержал Найденова в эти трудные минуты, как ни странно, Чурбанов. Он протолкнул его на работу в МВД и пробил должность заместителя начальника академии по работе с иностранцами. Найденову вместо классного чина государственный советник юстиции 1-го класса, приравненного к званию генерал-полковника и присваиваемого указом Президиума Верховного Совета СССР, Щелоков дал звание полковника внутренней службы. Как любил тогда говорить Медунов: «Мордой его, мордой!»

Осмелели и сочинские руководители. К нам, на направленное ранее представление, поступил ответ Сочинского горисполкома примерно такого содержания: «Исполком Сочинского городского Совета народных депутатов рассмотрел представление бывшего заместителя генерального прокурора СССР Найденова в отношении Мерзлого и не находит основания для дачи согласия на привлечение его к уголовной ответственности. Если Прокуратура СССР будет располагать новыми материалами в отношении Мерзлого, просим представить их на рассмотрение исполкома».

Ответ этот показали Рекункову. Читая перлы обнаглевших сочинцев, Рекунков то краснел, то бледнел. Через несколько дней он лично подписал повторное представление в отношении Мерзлого. Наступала осень 1981 года.

Медунов не сдавался. Рекункову пришлось еще дважды делать письменные напоминания о рассмотрении своего представления.

Между тем Мерзлый, попав на хозяйственную работу, растерялся. Он никогда не умел по-настоящему трудиться и тем более не был специалистом вообще. Александр Трофимович

срочно подготовил документы на поступление в аспирантуру и подобрал тех, кто мог бы написать ему кандидатскую диссертацию.

Стать ученым и перейти на преподавательскую работу Мерзлый не успел. В мае 1982 года его наконец арестовали.

Расчеты Медунова на то, что со снятием Найденова следствие будет парализовано, не оправдались.

Большую активность в разоблачении взяточничества, процветавшего в Краснодарском крае, стали проявлять местные КГБ и прокуратура. Они развернули большое дело по Геленджику, где арестовали начальника управления общественного питания Бородкину по кличке Железная Белла. Молчать она не стала, и фамилии лиц, преступно связанных с ней, посыпались как из рога изобилия.

«Бриллиантом в короне» засверкала фамилия одного из самых доверенных лиц Медунова – первого секретаря горкома Погодина. Его предстоящий арест становился неизбежным. Медунов откровенно занервничал… Провел в Краснодаре очередное совещание, после которого довольно долго говорил с Погодиным наедине. О чем? Этого никто не знал и не знает. После состоявшегося разговора Погодин вернулся домой, зашел на работу, вышел, сел в «Волгу» черного цвета и… исчез навсегда. Ни всесоюзный, ни международный розыск результатов не дали до настоящего времени, и потому с самой большой долей уверенности следует полагать, что Погодин был убит. Медунов теперь мог спать более-менее спокойно.

В последние годы в печати публиковались материалы о том, что Медунова не стали привлекать к уголовной ответственности из-за конъюнктурных соображений. Это не так. При той войне, которую развязал этот горе-руководитель против Прокуратуры СССР, любые материалы о получении им взяток имели огромное значение. Ведь, несмотря на многочисленные аресты и разоблачения, он продолжал оставаться на своей должности.

Только один Тарада дал показания об оказании Медунову различного рода услуг, которые тянули на злоупотребление служебным положением. В такой ситуации ставить перед Верховным Советом СССР, депутатом которого был Медунов, вопрос о даче согласия на привлечение его к уголовной ответственности не решились.

Но расследование продолжалось. Медунов перенес еще один чувствительный удар, когда арестовали председателя комиссии партийного контроля крайкома Карнаухова. Один из ближайших подручных «первого» Карнаухов с азартом взялся за фабрикацию компромата на следственную группу. Теперь же, признав вину в

получении взяток, он стал рассказывать обо всем, что знал. Карнаухов был фигурой довольно интересной. Любил выпить, любил женщин и потому окружил себя узким крутом лиц, с которыми и развлекался в свободное от работы время.

Однажды Тронову доложили, что в Сочи строится сверхшикарный особняк, который, как госдачи для членов политбюро, отделывают мраморной крошкой. Выехав на место, Тронов поразился масштабами строительства и стал выяснять, кто стоит за этим. Через Карнаухова ему прозрачно намекнули, что не стоит совать нос куда не следует. Что есть государственные секреты, которые знает очень узкий круг лиц в стране, а ему, Тронову, лучше оставаться в неведении. Что дом строит бывший советский резидент-нелегал, многие годы проработавший за рубежом, а это вопросы тонкие и деликатные. «Резидент так резидент», – решил Владимир Петрович и оставил в покое строителей, которым, в отличие от работы на других стройках города-курорта с его огромной незавершенкой, платили каждый день наличными от 25 рублей и выше.

В 1984 году «резидента советской разведки» арестовали. Им оказался ближайший друг Карнаухова лесозаготовитель Безручко. Сам председатель комиссии партийного контроля любил бывать на «секретной даче». Под звон бокалов и порнуху на видеокассетах они отвлекались от земных забот.

Работавший в 80-х годах заместителем начальника УВД Лихонин принимал активное участие в разоблачении сочинских взяточников. Однажды он отвез меня посмотреть этот знаменитый особняк. Стоял он на склоне ущелья. Садовый участок представлял собой террасы с высаженными на них редкими породами деревьев, в том числе и фруктовых. Непосредственно перед домом была площадка размером до 40 квадратных метров, окаймленная ограждением из чугуна ручной работы и цветными фонарями. У края площадки, на склоне, в огромной клетке прогуливались фазаны, павлины, летали попугайчики. Имелись большой, отделанный черным и голубым кафелем бассейн и сауна. Жилой комплекс состоял из двух этажей. На второй вела витая, ручной работы деревянная лестница. Там находились большой холл с качающимися диванами и несколько спален, обставленных шикарными мебельными гарнитурами.

– Как же умудряются отапливать эту громадину? – спросил я Лихонина.

Леонид Семенович улыбнулся:

– Довольно просто. Под домом сделан огромный резервуар для нескольких тонн солярки.

Вот уж воистину: красиво жить не запретишь, как, кстати, и сегодня новым русским.

Любил председатель комиссии партийного контроля такую жизнь. А в рабочее время он умел травить и затравливать неугодных. Как-то к нему на прием попала женщина. Она отчаялась жаловаться по инстанциям, потому что все ее заявления пересылались в Краснодар и заканчивались отписками местных князьков. Выслушав еще один отказ от самого Карнаухова, она обреченно спросила:

– Господи, да где же найти правду?

Карнаухов с иронией посмотрел на посетительницу:

– Вам очень нужна правда? Пойдите и купите ее за углом в киоске «Союзпечать» за пять копеек[44].

Такие, как он, были «истинными коммунистами» и одновременно большими циниками удивительной страны, хозяевами которой они себя считали.

А расследование между тем набирало темпы. Руководители торговли и общественного питания Сочи давали взятки работникам Главкурортторга и заместителю министра торговли РСФСР Лукьянову. Аресты этих лиц привели следователей на Северный Кавказ, в Ставропольский край.

Здесь и был арестован знаменитый Лобжанидзе, обессмертивший свое имя строительством самых шикарных ресторанов и кафе в Ессентуках и Кисловодске.

Отсюда потянулись ниточки в Министерство легкой промышленности РСФСР. Один из финалов этого огромного дела – скамья подсудимых для министра Кодратенко и группы его приспешников.

В те годы, да и сейчас, мы любим разглагольствовать о мафии, не особенно задумываясь, как понимать это явление. Но все-таки мафия по западному образцу предполагает стройную организационную структуру. Мы же в те годы получили нечто худшее.

Фишман и Фельдман, с которых начались минрыбхозовское, сочинско-краснодарское и другие дела, были связаны с Роговым и Рытовым. Эти в Грузии с Кохреидзе и Асатиани. Они, в свою очередь, с Денисенко, а все вместе – с десятками руководителей в различных регионах страны. Они же с Пруидзе в Сочи и так далее. Сотни, тысячи людей, загнанных в жесткие социалистические рамки нормированной заработной платы, изыскивали возможности улучшения материального положения за счет хищений и взяток.

Почти вся страна воровала, кто как мог и где мог. Даже Леонид Ильич как-то в своих воспоминаниях поделился с

народом своими мыслями: мол, не понимаю, почему все любят говорить, как им нелегко живется. Каждый должен о себе заботиться сам. «Вот я по молодости, – писал он, – работал грузчиком и каждый раз пятый мешок забирал себе. И для державы польза, и сам внакладе не оставался». Будущий генсек, впрочем как и миллионы его соотечественников, не видел в подобном ничего зазорного, не слишком-то боясь наказания за содеянное, а безнаказанность, как известно, развращает. Не потому ли высшее руководство страны уже тогда оказалось скомпрометированным подозрением в поголовной коррупции и взяточничестве?

В июле 1991 года в Нью-Йорке рядом с нашим консульством я увидел мужчину лет пятидесяти с плакатом на груди. С ним поздоровался наш вице-консул Виктор Евсеев.

– Кто это? – спросил я.

– Наш эмигрант, который просится домой, – ответил Евсеев и рассказал его историю.

Он приехал в Америку и устроился работать водителем грузовика в одной из компаний. Получил задание отвезти груз в другой город. Едет и ничего не поймет: никаких накладных на груз нет, рефрижератор не опечатан. Украл ящик. Возвращается, никто ничего не говорит. Едет во второй раз. Украл еще один ящик. И услышал: «Вы уволены». Никаких объяснений, никаких проверок. Ни тебе народных контролеров, ни БХСС. Выгнали и – баста! Только устроиться теперь никуда невозможно и пособие по безработице не платят. Попала твоя фамилия в компьютер, и ты – ноль. Жестокое, но по-своему справедливое наказание человека, которого жизнь в Союзе научила одному – воровать.

Вспоминая те годы, я часто думаю о том, каким же глубоким было социальное расслоение народа за все годы существования советской власти. Взять, например, рабочего мясокомбината и рабочего-металлурга. Что украдет второй на своем заводе? А первый? Помню, как на Запорожском мясокомбинате задержали несуна, который, отрезав ножки у свиной туши, надел ее на себя под плащ. Или своего друга-соседа, который, работая на оборонном предприятии, тащил домой шпиндель от токарного станка. На мой вопрос: «Зачем?» – прозаично ответил: «Хочу собрать дома токарный станок и буду подрабатывать».

Естественно, что среди высокорангированных воров и взяточников формировалась элита. Разумеется, из тех, кто обладал властью. Нарекли ее партократией.

Но не бороться с такими «чуждыми социализму явлениями» было нельзя. Вот и организовывались кампании по сохранности собираемого урожая, по борьбе с мелкими хищениями, по-

крупному – рыбное, сочинско-краснодарское и другие дела.

В целом расследование крупных дел в отношении заевшихся партократов вызывало в народе одобрение. В справедливости сурового наказания, которое несли взяточники, никто не сомневался.

Одного за другим судили взяткодателей Тарады. И вдруг как гром среди ясного неба – смерть заместителя министра в Лефортовской тюрьме.

Поползли слухи: всесильная мафия и туда добралась. Между тем все обстояло не так.

Тарада буквально изнурял себя писанием сотен заявлений с подробнейшим изложением своей преступной деятельности. Кстати, ни ранее, ни в последующем я не встречал обвиняемых, которые решались на такое. К тому же он страдал гипертонией, и у него постоянно было высокое давление. Как-то при встрече я сказал, чтобы он выбрал себе более щадящий режим. Тарада засмеялся:

– Да я только и живу этим – воспоминаниями о своем прошлом. И с большой пользой для вас!

Непосредственно Тарадой и его окружением занимался следователь по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР Константин Карлович Майданюк. У него-то и появилось сомнение в полной искренности Тарады. Он решил проверить в Москве, Краснодарском и Ставропольском краях вклады на предъявителя, изучив по сходности почерка приходные ордера. Таким путем были выявлены крупные сбережения Тарады, которые он от следствия скрыл. Подлило масла в огонь и еще одно обстоятельство. В частном разговоре один мой знакомый рассказал, как в бытность Тарады секретарем крайкома его хотели с ним познакомить, и не где-нибудь, а в бане. Он пришел туда с черного хода и увидел сцену, которая вызвала у него отвращение. Знакомство не состоялось.

Этим я поделился с Майданюком, и через день он пошел допрашивать Тараду. Что произошло в следственном кабинете, никто не знает. Костя утверждал, что сказал ему только о скрытых вкладах. Я думаю, это и то, что узнал от меня. Во всяком случае, Тарада вернулся в камеру в ужасном состоянии. Таким сокамерники его никогда не видели. Часа два он молчал, не желая разговаривать ни с кем, затем упал. Вызвали бригаду скорой помощи, и Тараду увезли в одну из московских больниц. Через два дня он скончался от инсульта.

Каракозов поручил мне проверить обстоятельства его смерти и организовать похороны. Первое никакой сложности не представляло. Труп вскрывала и давала медицинское заключение

комиссия экспертов. Предварительный диагноз подтвердился. Родственники увезли хоронить Тараду на родину. Говорят, что в те дни в Краснодарском крае было много застолий, где радостно поднимали тосты за упокой души бывшего партийного руководителя. А пить было за что, ибо после этой смерти десятки взяткодателей вздохнули свободно. Теперь им ничто не угрожало.

Карнаухова осудили к пятнадцати годам лишения свободы, так же как и Тарановского, Перепадю, Лукьянова. Остальные получили сроки поменьше.

Мерзлый начал давать показания сразу после ареста, а затем замкнулся и все напрочь отрицал. Позабыв, какими методами сам пользовался для расправы со своими противниками, он стал рассуждать по-иному.

«На примере с Шепселевым (бывшим заместителем начальника управления торговли Сочи), – писал Мерзлый Андропову, – я сделал вывод: надо быть осторожным с людьми. Верить нужно, чему нас учит всегда партия и чему я следовал в своей практической работе. Всюду и во всем нужны доказательства, и не расплывчатые. Так уж устроена жизнь. В данном случае я беспокоюсь не о себе, а о правде, потому что речь идет не обо мне, а о городской партийной организации. У нас принято, что среда формирует человека. Так что же получается, что меня сформировала как преступника партийная и комсомольская среда, ибо почти 25 лет я работал на освобожденной партийной и комсомольской работе? Если товарищи прокуроры хотят это так представить, то я с этим согласиться не могу».

Как большинство профессиональных партийных функционеров, Мерзлый привык понимать доказательства по-своему, так же как по-своему понимал и элементарную порядочность.

22 января 1975 года, опаздывая с женой на концерт и находясь за рулем той нелегальной «Волги», он в центре города на не регулируемом светофором пешеходном переходе сбил женщину. Водителем Мерзлый был никудышным, ибо водительское удостоверение ему вручили за семь месяцев до случившегося, естественно, без прохождения курса обучения. Потерпевшую доставили в больницу с закрытым переломом ноги, и она долго лечилась. И при таких, в общем-то бесспорных, доказательствах вины Мерзлого в нарушении правил дорожного движения, то есть в совершении преступления, он умудрился во всем обвинить несчастную женщину, а наказание за содеянное понес спустя много лет. Таким его «сформировала комсомольская и партийная среда».

Видимо, по этой причине, стремясь избежать наказания, попытался он и «косить» на следствии, симулируя психическое заболевание. При беседе с психиатрами Александр Трофимович заявил: «Меня постоянно беспокоит музыка. Навязчивые мелодии начал слышать в июне, находясь в следственном изоляторе. Впервые услышал похоронную музыку, а месяца через полтора появилась другая мелодия: «На сопках Маньчжурии». Она приходила и уходила, исчезала и возвращалась, как испорченная пластинка, а затем сменилась мелодией «Марша энтузиастов».

Не помогло. Мерзлого признали психически здоровым человеком.

Между тем следствием было установлено, что, используя свое служебное положение, он создавал благоприятные условия для получения взяток супругой. Следствие занялось Валентиной Алексеевной вплотную.

Мерзлая села на того же излюбленного конька – обвинения в нарушениях законности. Как бы между прочим она стала активно обрабатывать свидетелей, давших показания о преступлениях, которые она совершила. Закончилось это для нее арестом.

После смерти Андропова на Рекункова с подачи Медунова пытался надавить Черненко. Александр Михайлович заколебался.

– Не допустили ли мы ошибки в деле Мерзлых? – Именно так поставил он вопрос перед нами.

Убедившись, что нет, сказал:

– Пусть все будет по закону.

Супруги получили по пятнадцать лет лишения свободы с конфискацией имущества, в том числе и дачи. Приговор в последней части в Сочи на протяжении многих лет не хотели исполнять. И только после нескольких публикаций в печати преемник Сергея Федоровича Медунова Иван Кузьмич Полозков воспылал гневом, и дача была конфискована. Владимир Петрович Тронов еще задолго до развала партии бросил в горкоме на стол партбилет и занялся на личной автомашине частным извозом.

Медунова перевели на работу в Москву заместителем министра плодоовощного хозяйства СССР. Квартиру дали в престижном районе. Общественно-политическую оценку своей деятельности он получил сразу после смерти Брежнева, но и только.

Фактически Сергей Федорович отделался легким испугом. Но показания по делу ему все же дать пришлось. Он сидел перед мной и Каракозовым в строгом черном костюме с «Золотой Звездой» на лацкане пиджака. Заметно нервничал. Посылая в свое время по матушке генерального прокурора СССР, он, конечно, никогда не думал, что будет объясняться перед его

подчиненными. При выходе из кабинета немного задержался и, полуобернувшись, спросил:

– Что же теперь со мной будет?

Пожалуй, это был самый главный и давно мучивший его вопрос.

Суды надзорных инстанций полностью реабилитировали Адуева, Чурганова и Доценко. Получили они и некоторое моральное удовлетворение после публикации в центральной прессе материалов о них.

Хуже было с Надеждой Богачевой. По делу Мерзлой был доказан факт фабрикации против Богачевой уголовного дела в обворовывании покупателей. Эти обстоятельства нашли полное подтверждение в суде. Но в течение нескольких лет никто не хотел опротестовывать приговор по делу. Богачева писала в своих жалобах: «Посмотрите, закон на моей стороне. Все так просто». Десятки должностных лиц делали вид, что ничего не слышат.

Только после нашего настойчивого вмешательства она была полностью оправдана.

Дальше Богачева стала добиваться восстановления в партии, потому что для нее это стало делом принципа. Но ни ей, ни бывшему прокурору Сочи Костюку Комитет партийного контроля (КПК) при ЦК КПСС упорно не хотел возвращать партбилеты.

Помню, как меня вызвали в КПК по поводу Богачевой. Весь разговор свелся к тому, что хотя суд ее и оправдал, но ведь две взятки Мерзлой она дала и, следовательно, совершила преступление. Такая в партии состоять не может.

Я объяснил, что по закону лицо, добровольно заявившее о даче взятки, подлежит освобождению от уголовной ответственности. Дело в этой части нами прекращено. Мне говорят: «Но!..» Отвечаю: «Это я понимаю. Но как быть с теми, кто давал взятки и на следствии упорно не хотел рассказывать правду? Сохранив свое реноме, они остались и при должностях и с партбилетами. Следовательно, Богачева по своей воле (другие скажут: по беспросветной глупости) оказалась в гораздо худшем положении. Как же тогда быть с элементарной человеческой верой в справедливость?»

Партийные функционеры отделались туманным обещанием подумать…

Такая вот получилась история «маленького человечка» Нади Богачевой. На нее обрушил свой гнев партаппарат, добивая ее не мытьем, так катаньем. И пока она на свои кровные ездила в Москву за правдой, рядом спокойно жил организатор ее травли персональный пенсионер, коммунист Медунов.

В 70-х годах он шагал в историю в одной шеренге с другими

любимцами вождя. Рашидов выслуживался на хлопке, Кунаев – на пшенице, Алиев – на виноградарстве и нефтедобыче. Медунов – на рисе. Веками Кубань славилась твердыми сортами пшениц и животноводством. По инициативе Сергея Федоровича земли Кубани забрали под рисовые чеки, обещая баснословную урожайность с гектара. Не вышло. С горем пополам, путем приписок, собрали первый миллион кубанского риса, и Медунов получил желанную «Звезду» Героя Социалистического Труда. А что дальше? Риса стали выращивать не больше, чем раньше пшеницы. Выгоды для страны никакой. Страшно другое: чтобы восстановить эту землю в прежнем ее виде, потребуется не одно столетие.

Загубленные земли Кубани… Сотни и тысячи осужденных за взятки и хищения в Краснодарском крае… Всего этого оказалось мало для того, чтобы верный ленинец Сергей Федорович Медунов понес вполне заслуженное наказание.

Ну а что же Мерзлые? Друзья по достоинству оценили молчание Александра Трофимовича и добились отмены ему меры наказания. В 1989 году он появился в Сочи, прибыв в отпуск из колонии-поселения. В 1990 году вернулся насовсем. Говорили, что в ресторанах, где он часто бывал в то время, за него поднимали здравицы. Оказавшись на свободе, Мерзлый поехал в колонию к жене и попросил назвать тайники со спрятанными ценностями, чтобы использовать их для подкупа с целью облегчения участи Валентины Алексеевны. Она согласилась. После освобождения услышала, теперь уже от бывшего мужа, что эти ценности у него «украли» в поезде. Для убедительности он показал бывшей жене заметку об этом в одной из газет. Говорят, Мерзлая с болью в голосе сказала: «Саша, мы с тобой отлично знаем, как это делается!»

Сегодня все участники событий тех лет вышли из мест заключения. Кто-то из них занял прочные позиции в крупном бизнесе в Сочи и в Москве. Кто-то ушел из жизни. Кому-то не повезло, и они влачат жалкое существование. А кое-кто припеваючи живет на деньги, которые следствию изъять не удалось.

Дело о 140 миллиардах (продолжение)

Вернемся вновь к сторонам, подписавшим «контракт века». С российской стороны все ясно. Свиридов якобы загорелся идеей возрождения уральской деревни и этим мотивировал свой интерес к сделке. А что же западные партнеры? Как говорят, полный туман. Фирма «Дов трейдинг Интернэшнл» в Соединенном Королевстве никогда зарегистрирована не была, и указанный в контракте ее юридический адрес являлся квартирой супругов Кэрол и Майкла Растин по адресу: Лондон, Примрос-Хилл. Чалкот-Вэй 13, флэт 2.

Командировка в Англию. Пригород столицы Великобритании. Небольшой – в две-три комнаты – особнячок. Нас встречают испуганные мужчина и женщина. Справку о них навели сотрудники Скотленд-Ярда. По их словам, самый большой бизнес, которым они занимались, – «перепродажа чемодана не слишком престижных мужских рубашек». Более чем скромная обстановка. Майкл Растин – англичанин в третьем поколении. Его дед эмигрировал во время Первой мировой войны из Латвии. С 1982 по 1989 год они жили в ЮАР, работали в фирме, занимающейся продажей мебели. Там же познакомились с Дэвидом Фраем, а через него с Гиббинсом. Именно от них последовало предложение подыскать лиц, заинтересованных в покупке миллиардов рублей.

Запись беседы, состоявшейся 17 августа 1991 года в Лондоне с подданными Великобритании супругами Растин:

«Согласно договоренности с английской стороной 27 августа с. г. с участием Калиниченко В. И., Боярова В. И. и Котова А. П. (члены следственной группы), а также детектива-констебля департамента по борьбе с мошенничеством Фредерика Парра, а также переводчицы Марины Бейт, свободно владеющей английским и русским языками, по адресу: London, Primrose Hill, Chalcot Way 13, flat 2 – состоялась беседа с согласившимися на это супругами Кэрол и Майклом Растин.

Кэрол и Майкл Растин по существу дела пояснили следующее:

В России мы никогда не были. В 1982–1989 годах жили в ЮАР, где работали в фирме «Тони Фактор», которая занималась продажей мебели. Незадолго до возвращения в Англию, примерно в октябре 1989 года, на одной из частных встреч познакомились с Дэвидом Фраем, который представился как владелец фирмы ICCB.

Фирма эта занималась продажей различных товаров. Фрай примерно в декабре 1989 года там же в ЮАР познакомил нас с Гиббинсом, которого представил как коллегу и партнера. В состоявшемся тогда разговоре Гиббинс говорил, что занимается каким-то бизнесом в СССР.

Примерно в ноябре прошлого года нам позвонил Фрай и предложил участвовать в одной сделке. Он пояснил, что Гиббинс находится в СССР и что есть возможность провести легальную сделку по продаже рублей за доллары США. Фрая интересовали дилеры, которые бы купили рубли, и он предложил нам найти таких лиц.

Получив предложение, мы стали искать таких бизнесменов. Один из них примерно через неделю позвонил и назвал фирму, которая могла нам помочь, – «Ван Линден траст». Мы встретились с представителями этой фирмы – Джоном Борком и Арнольдом Ридом. Встреча состоялась в офисе фирмы в Лондоне по очень престижному адресу. Там у нас поинтересовались условиями сделки, и примерно через неделю состоялась новая встреча, где наши партнеры спросили, не сможем ли мы собрать сумму наличных советских рублей в банках Европы. Мы связались с Фраем и передали предложение «Ван Линден траст». Из Москвы ответил Гиббинс, что он не может и не будет иметь дела с рублями, которые находятся за границей.

Инициатива продажи 140 миллиардов исходила из СССР, от фирмы ЭХО. Фирму эту назвал нам Гиббинс. Тогда и стали искать партнера на Западе. Этим занималась фирма «Ван Линден траст». Гиббинс и Фрай говорили, что существует возможность найти валютного партнера на Западе для советских рублей, так как американские и европейские бизнесмены хотят купить рубли. Они же назвали нам и цену, которую можно называть при покупке рублей.

Затем фирма «Ван Линден траст» нашла агента, который имел связь с валютным клиентом. Это была фирма «Балатон», с которой их свел посредник из Венгрии – Янис Караганис. С Янисом Караганисом нам впервые пришлось встретиться в Лондоне, а затем в Швейцарии, куда он приехал. О нем нам известно лишь то, что он посредник и коллега Борка. Из фирмы «Балатон» сообщили, что у них есть покупатель рублей.

Еще через некоторое время после появления фирмы «Балатон» (из служащих фирмы «Балатон» нам известна лишь одна фамилия – некто Джойвис) Фрай прислал нам факс о том, что советская сторона хочет знать, кто является покупателем рублей. Мы получили сообщение, что агентом покупателя рублей является доктор Анвар Хан, представляющий фирму «Голден игл

траст», а покупателем является фирма «Шерсон Лехман», которая представляет «Американ экспресс». Сам Хан никогда нам лично этого не говорил, так как мы не настолько важные персоны в этой сделке. На основных встречах, где обговаривались вопросы сделки, мы не присутствовали. Узнав об участии в сделке «Шерсон Лехман», все были очень обрадованы, так как это очень большая, известная фирма, и поверили, что такая сделка действительно возможна.

О фирме «Голден игл траст» нам известно, что якобы эта фирма действует от имени американского правительства и представляет интересы лиц, которые проживали на Маршалловых островах и которым США выплачивали компенсацию за проводимые ранее на островах испытания ядерного оружия. Фирма занималась вложением денег, которые получали жители островов в качестве компенсации.

Вопрос. Известна ли вам фирма «Еврофин лимитед»?

Ответ. Мы считаем, что это другое название фирмы «Голден игл траст». Покупателя рублей должны были назвать Дэвиду Фраю в банке в день подписания контракта.

Вопрос. В каком банке?

Ответ. В каком именно банке – конкретно не было решено. Им должен был быть или филиал Барклайз-банка, или «Хипошвис» в Швейцарии. Нам было сказано, что к 26.01.91 г. все 140 миллиардов советских рублей будут готовы, то есть сосредоточены в СССР на одном банковском счете, а после этого восемь советских представителей приедут в Швейцарию, где состоится церемония подписания договора. В связи с этим Фрай предложил нам приехать на эту замечательную, как он сказал, церемонию. «Ван Линден» согласилась оплатить авиабилеты до Цюриха, и мы приехали в Швейцарию, где должны были получить свои комиссионные. Фрай сказал, что комиссионные составляют примерно 10–12 миллионов долларов США. Эта сумма будет поделена примерно на 20 человек: «Ван Линден», «Балатон», мы, Хан и другие. Какую сумму в качестве комиссионных должны были получить Фрай и Гиббинс и российские партнеры, нам неизвестно.

Вопрос. Как вам была представлена фирма ЭХО?

Ответ. Фрай и Гиббинс рекомендовали нам эту фирму как представляющую какую-то организацию, созданную в память о погибших солдатах. Нам сказали, что эта организация работает с российским правительством и призвана в память о погибших солдатах возродить уральскую деревню.

Вопрос. Известно ли вам что-либо о том, кто дает деньги (8 миллиардов долларов США) на эту сделку с Запада?

Упоминались ли другие фирмы?

Ответ. Единственный, кто точно это мог знать, так это доктор Хан. Во время же нахождения в Швейцарии было много разговоров на эту тему. Говорили о «Форде», «Дженерал моторе», деньгах ОПЕК и других фирмах. Уже тогда в результате многочисленных разговоров, слухов об участниках сделки у нас появились сомнения о серьезности намерений западных партнеров.

В Цюрих мы приехали 25.01.91 г. Договорились, что Дэвид Фрай после получения документов из Москвы встретится там с Анваром Ханом. Документы должен был привезти Пирсон. Но оказалось, что документы у Пирсона в Москве изъяли.

Находясь в Цюрихе, встречались с приехавшими туда в связи со сделкой: В. А. Козловым – заместителем министра торговли России, переводчиком Чернявским; представителем фирмы ЭХО Владимиром Розенбергом. Встречались также с другими лицами, представляющими фирму ЭХО, – с израильскими адвокатами Джорджем Розенбергом и Шимоном Рабином. Там же был и адвокат Фрая Дик де Грут, который считается очень опытным и знающим адвокатом.

Козлова не интересовали документы, его интересовало, что можно купить за доллары по этой сделке, и только. По договоренности с Фраем Козлов должен был открыть долларовый счет, а перед Фраем ставилась задача покупать продукты и одежду по сходной цене.

В конечном счете визит в Цюрих окончился ничем, более того, мы оказались козлами отпущения, и нам пришлось оплачивать гостиницу за прибывших на встречу (Фрая, Дика де Грута и других).

Нам известно, что, по версии Гиббинса, сделка, планируемая с советскими рублями, была легальной, но Горбачев хотел «оттолкнуть» Ельцина и поэтому «запорол» ее. После того как Павлов объявил об обмене 100 – и 50-рублевых купюр, Гиббинс звонил Фраю и говорил ему, что это деньги, которые должны были купить американцы…

Гиббинс, в свою очередь, звонил нам в Цюрих, убеждал, что, мол, верьте мне, но ничего по сделке не говорил, мотивируя это тем, что телефон прослушивается.

Вопрос. Что вам еще известно о докторе Анваре Хане?

Ответ. С Анваром Ханом у нас была всего одна встреча, когда нас представил ему в холле гостиницы Дэвид Фрай. А потом они ушли, и больше мы его не видели. Говорили, что якобы он живет в Лозанне, но постоянно ездит по всему миру. Насколько он солиден и состоятелен как бизнесмен, нам неизвестно.

Вопрос. Знали ли вы о том, что сделка планировалась к проведению в два этапа: 23 января с. г. 10 миллиардов и к 28 января еще 130 миллиардов? Когда планировалось завершение всей сделки?

Ответ. Да, об этих двух этапах нам было известно. Планировалось завершить сделку к 14 февраля с. г.».

Примечание. Возвращаюсь к письму представителя «Американ экспресс». «…Прошу принять к сведению, – пояснял Эндрю Сомерс, – что партнерские отношения банка с фирмой «Шерсон Лехман» были прерваны летом 1990 года и, следовательно, мы никак не могли быть причастны к реализации контракта с участием нашего банка», то есть участие в сделке всемирно известных банка и фирмы было чистой воды блефом.

Как говорят, комментарии излишни. Ни один из западных банков не изъявил желания участвовать в подобной сделке. Но 8 миллиардов долларов у таинственного Анвара Хана были, и отсюда снова следует один-единственный вывод – это грязные деньги.

А как же советские рубли? По заключению Госбанка СССР, найти такую сумму денег для продажи или обмена было просто невозможно, и не случайно, что Свиридов и компания разбивали в контракте сделку на два этапа. Первый – продажа 10 миллиардов рублей, через неделю следующие 130 миллиардов. Но не было у Свиридова даже стартового капитала, и потому перед отъездом в Швейцарию он долго уламывал председателя Мосмежрегионбанка Шалашова подписать ему гарантийное письмо о наличии такой суммы. В просьбе было отказано. Пойти на такую авантюру Шалашов не решился, так же как и отказался от поездки в Швейцарию для участия в подписании контракта.

Но не были же безумцами и просто недалекими людьми Ельцин, Силаев и их команда. И Джону Россу, и Лео Ванто, и Гиббинсу они предлагали для обмена именно 140 миллиардов рублей.

Свиридов до подписания контракта и даже после задержания Пирсона продолжал лихорадочно искать эти рубли – и нашел их. 21 января 1991 года он провел переговоры с представителем фирмы «Ла Мэр интернэшнл» (США) гражданином Индии Салилом Гуптой, который заверил, что его фирма может предоставить советской стороне сумму 140 миллиардов рублей и выше и что эти деньги находятся в одном из банков СССР.

Гупта появился у председателя правления Мосмежрегионбанка Шалашова незадолго до завершения сделки и заявил, что является представителем президента фирмы «Ла Мэр интернэшнл» (США) Даниэля Лукача, который мог бы

гарантировать поступление на расчетный счет банка Шалашова 140 миллиардов рублей.

23 апреля 1991 года, то есть уже после задержания Пола Пирсона, Гупта и Свиридов подписали соответствующий договор. Когда мы изучали документы по этой сделке и я показал их оперативникам из КГБ, они были несколько озадачены и сняли у меня копии. Затем их поведение стало еще более непонятным. Никакого интереса к изучению предложения Лукача они не проявляли. Более того, в разговоре о направлении расследования стали делать упор на выяснение источника денег, которые должны были поступить на депозитный счет «Уральской деревни» в банке Шалашова от различных организаций уральского региона, то есть того, что практически никакого значения по делу не имело.

Гупту мы нашли сами. Он работал в фирме «Феникс» с офисом в Международном центре торговли. Выяснилось, что Гупта никогда не встречался с Лукачем, а только говорил с ним по телефону. Вышел на него некто Макаренко – представитель Лукача, имеющий на руках печать фирмы «Ла Мэр». Он и предложил Гупте быть представителем Лукача при подписании контракта. Возникал вопрос: а почему таковыми не могли выступить Макаренко или сам Лукач?

По словам Гупты, он несколько раз по телефону разговаривал с Лукачем и предложил ему приехать в Союз, обосновывая свое предложение тем, что размер сделки настолько огромен, что требует участия в ее проработке первых лиц. Приехать в СССР Лукач категорически отказался. У Гупты сложилось впечатление, что он боится приезжать в Москву.

Так были 140 миллиардов у нас в стране или это блеф?

Учитывая теневую сторону нашего бюджета в прошлом и наличие так называемых закрытых счетов, я не исключаю, что могли быть в наличии или на счетах любые деньги, официально неконтролируемые.

На очередном оперативном совещании один из следователей вспомнил, что при изъятии денег в Узбекистане нам попадались подлинные 50-рублевые купюры-дубликаты, имеющие одну и ту же серию и номера. Было высказано предположение, что в Госбанке изымаемые из оборота денежные знаки не уничтожались, а вновь пускались в оборот. Запросили председателя Госбанка СССР Геращенко и, естественно, получили ответ, что Госбанк в своей работе строго руководствуется действующими инструкциями и правилами. Уже после развала Союза до меня доходили разговоры, что в соответствующих хранилищах обнаруживали огромные количества денежной

массы, значившейся по документам уничтоженной. Подтверждение этому есть и в прозвучавшем недавно в одной из информационных программ НТВ сообщении о том, что Госбанк России испытывает большие трудности в уничтожении вышедших из обращения купюр.

И все же еще одним подтверждением реального наличия 140 миллиардов рублей служил подписанный 23 января контракт между фирмой «Ла Мэр» и ассоциацией «Возрождение уральской деревни», согласно которому при предоставлении советской стороной гарантий первоклассного западного банка фирма «Ла Мэр» в течение трех банковских дней гарантировала аккумулирование на конкретном счете в Банке профсоюзов СССР 141 120 000 000 рублей. По телефону Свиридов связался с Даниэлем Лукачем и заручился его полной поддержкой в исполнении условий контракта. Возникал вопрос: почему в сделке стала фигурировать именно такая сумма, а не ровно 140 миллиардов? Как выяснилось, разница должна была стать вознаграждением Свиридову и компании за его хлопоты по реализации сделки.

Из постановления от 9 декабря 1991 года о прекращении уголовного дела № 18/5922-91:

«Изложенное позволяет прийти к выводу о том, что такая сумма денег имелась и имеется в СССР – вероятнее всего, на закрытых секретных счетах, известных узкому кругу лиц.

В ходе следствия… установить действительное наличие или отсутствие рублевой массы для проведения сделки не представилось возможным».

Из справки-информации оперативного характера:

«…Лукач Даниэль. Возраст 50–52 года. В прошлом гражданин СССР Даниил Яковлевич или Даниил Иосифович. Вероятнее всего, из Одессы, может быть – из Кишинева. По образованию инженер-металлург. Выехал из СССР один. Жену с сыном оставил в стране, развелся. Первоначально уехал в Австрию или Италию, потом в США. Жил в Нью-Йорке, затем в Рочестере, где вскоре женился. Работал клерком, затем создал консультационную фирму, с которой в конечном счете прогорел. Вскоре создал фирму по производству компьютеров «Ньюсис». После нее – фирму «Ла Мэр интернэшнл».

Во время моей командировки в США никакие попытки разыскать Даниэля Лукача и побеседовать с ним результатов не дали. Пытались мы и разобраться с западными партнерами, обещавшими России доллары. Поскольку на факсимильных письмах Даниэля Лукача и бланках фирмы «Ла Мэр» были указаны реквизиты двух крупнейших бельгийских банков АСЛК и

«Дженерал ди банкью», мы встретились с их руководителями. Если во втором нам сообщили, что реквизиты и коды их банка сомнительны, то в первом информация была поинтересней.

В документах Лукача офицером банка был указан некто Фарух Хан. (Помните, мы обещали к его личности вернуться!) Как нам сообщили, этот человек действительно до осени 1991 года служил в банке, но был уволен. Основанием послужили данные о том, что в ноябре – декабре 1990 года он принимал личное участие в отмывании грязных денег через АСЛК-банк, занимался экспортно-импортными мошенническими операциями по продаже нефти через Нигерию, активно интересовался продажей советских денег за доллары США.

И наконец, мы разыскали в Брюсселе таинственного участника сделки с западной стороны, постоянно упоминавшегося на допросах Свиридова и компании – Шимона Рабина.

Беседа с ним состоялась 3 октября 1991 года в кабинете комиссара брюссельской бригады королевской полиции Бельгии Питера де Мея.

По данным удостоверения личности, Шимон Рабин, 3 августа 1959 года рождения, уроженец Канады, еврей, по специальности эксперт-бухгалтер, проживает в Брюсселе по адресу: Уккле (1180 Брюссель), авеню Жан Бюржер, 1. Он показал:

«Я получил образование в Израиле. По специальности эксперт-бухгалтер (зарегистрирован по такой специальности в Тель-Авиве). Работаю исполнительным работником в фирме «Йорк кэпитэл консультант» (Бенилюкс). Фирма выполняет административные и финансовые услуги и действует в интересах других компаний. Уставный фонд (капитал) 1 миллион 50 тысяч бельгийских франков. Фирма является дочерней по отношению к расположенной в Англии фирме под тем же названием. Адрес фирмы соответствует моему домашнему адресу, и офис фирмы находится в моей квартире в Брюсселе. Других должностей не занимаю, хотя в настоящее время наклевывается вариант с созданием другой компании, где я должен буду занимать делегированный пост.

Мой компаньон-напарник Джордж Розенберг занимается адвокатской практикой в Хайфе. Имеет обширные деловые связи, которые проходят через «Йорк консультанте (Юнайтед Кингдом) лтд.» Великобритании.

Вопрос. Когда впервые и от кого вы и Джордж Розенберг получили предложение участвовать в сделке о так называемом кредитном трансферте?

Ответ. Где-то в середине 1990 года Джордж в Хайфе

встретился со своим знакомым – Владимиром Розенбергом. Знакомство это было случайное (что-то на почве общих интересов – игры в волейбол). Владимир рассказал, что занимается бизнесом в России. Лично я с Владимиром впервые встретился в январе с. г. в Цюрихе. Потом он позвонил мне из Москвы и попросил помочь: представить его в большой сделке, в которую он ввязался. Мы тогда даже толком и не поняли, о какой сделке идет речь.

Как затем выяснилось, речь шла об обмене рублей на доллары США. Сторонами в сделке выступали Российская республика и какая-то иностранная группа.

Мы, бизнесмены, мелочью не занимаемся и поэтому потребовали гарантий. В середине января с. г. нам сообщили, что есть поддержка сделки на высшем уровне, и в подтверждение этого прислали факсом копию письма Фильшина.

Должен сказать, что ранее ко мне неоднократно звонили и обращались с предложениями об обмене рублей. В частности, такие предложения поступали из Венгрии, Германии и других стран. К этим предложениям я относился скептически. Так же первоначально я отнесся и к предложению Владимира Розенберга (не верилось, что такая сделка может быть совершена). Однако когда мы узнали о правительственной поддержке, то поверили в реальность ее совершения. В это время Владимир постоянно нам звонил и настаивал на нашем участии в сделке, убеждая, что это нечто стоящее и легальное.

Сейчас можно сказать, что это была сумасшедшая сделка. Зная истину, я никогда бы в жизни не поехал в Цюрих терять время зря…

Где-то в 20-х числах января с. г. все собрались в Цюрихе. Там был Владимир Розенберг. Советские представители должны были прибыть с оригиналами документов по сделке. Ожидали переводчика Игоря Чернявского и менеджера Промстройбанка СССР Шалашова.

(Примечание. Ряд документов по сделке о 140 миллиардах Шалашов подписал от имени уже не существующего Московского областного управления Промстройбанка СССР, преобразованного в 1991 году в коммерческий Мосмежрегионбанк.)

Советскую сторону представлял Владимир Розенберг. Между нами (то есть Розенбергом и нашей фирмой) был подписан контракт, в соответствии с которым мы должны были получить комиссионные в размере 0,4 % от общей суммы сделки в долларах США. Такие же комиссионные в долларах должны были получить и представители советской стороны. Их доля должна была составлять 5 % от общей суммы сделки в долларах. Однако

мы так ничего и не получили из-за того, что сделка не состоялась.

Вопрос. Как вы считаете, могли ли быть такие деньги с западной стороны (около 8 миллиардов долларов США), тем более что, как стало известно следствию, «Американ экспресс» категорически отрицает какое-либо свое участие в сделке?

Ответ. Я никогда не считал, что долларовая часть в этой сделке реально существовала. По натуре я – скептик, тем более что мне было известно об имевшем место конфликте России с центром. И когда мы стали подозревать, что тут что-то неладно, – сразу же отказались от участия в сделке.

Вопрос. Ав отношении 140 миллиардов рублей с советской стороны – вы верили в реальность такой суммы?

Ответ. Согласно полученным факсам, мы верили, что советские рубли в такой сумме существуют. Тем более что было подтверждение официальных представителей России, в частности заместителя министра Козлова».

(Справка. 18 августа 1952 года в семье Виктора Александровича Розенберга, 1921 года рождения, геодезиста одного из проектных институтов, и врача Кишиневского противотуберкулезного диспансера Аллы Ильиничны Розенберг родился сын Владимир.

В 1971 году он окончил Кишиневский физкультурный техникум и был призван в ряды Советской армии. Служил в Рязани, в десантных войсках. В 1974–1975 годах работал инструктором по спорту Министерства связи Молдавии, затем переехал в Бельцы.

В 1978 году эмигрировал в Израиль. Первая жена, Рейгис Елизавета Яковлевна, 1952 года рождения, работала преподавателем музыкального училища. От первого брака в 1975 году родилась дочь Аня.

В Израиле женился на эмигрантке из СССР Ольге Фридман. От этого брака у Розенберга родилось трое детей. В настоящее время является президентом компании «Дабл контракт лтд.» в Хайфе. Проживает в Израиле по адресу: Киршет-Тивон, ул. Мордехай, 48.

В конце 1989 года совместно с государственными организациями Казахской ССР основал фирму «Интернэшнл Казахстан девелопмент корпорейшн икд.», в которой занял пост вице-президента.)

Как показал на допросах Владимир Розенберг, сделка со 140 миллиардами родилась иначе, чем об этом рассказывал Гиббинс. Занимаясь бизнесом в Союзе, он узнал о намерениях российской стороны продать 140 миллиардов рублей и сообщил об этом Дэвиду Фраю, предложив найти на Западе клиента с долларами.

Такое задание Фрай дал Майклу и Кэрол Растин. Последние вышли на фирму «Ван Линден траст» и на ее владельца Джона Борка. Борк связал брокеров с главой фирмы «Голден игл траст» доктором Анваром Ханом. Хан нашел долларового клиента. По словам Розенберга, сначала это были «Американ экспресс» и «Еврофин лимитед». Затем на арену вышла, оставаясь в тени, ОПЕК.

Этот международный консорциум заработал миллиарды на кризисе в Персидском заливе и готов был предоставить 8 миллиардов долларов, получив взамен 140 миллиардов рублей. На эти деньги ОПЕК намеревалась построить в Союзе нефтепроводы и нефтеперерабатывающие заводы, оставляя в союзной собственности разработку месторождений. Таким образом, СССР потерял бы монополию по добыче нефти и устранялся как конкурент на мировом рынке. Идея великолепная, особенно если бы она осуществлялась за деревянные рубли.

Такой вариант устраивал ОПЕК, но никак не США, и в частности Буша, который, приманивая Горбачева долларовыми вливаниями в советскую экономику, практически заставлял его все время идти на политические уступки. ЦРУ дали задание любым путем не допустить вливания в экономику России 8 миллиардов.

Так что в сделке переплелось все: и интересы мировых сверхдержав, и политическая борьба за власть в СССР, и спецслужбы, работающие на свои правительства по исполнению поставленных перед ними задач.

(Примечание. Шимон Рабин, Джордж и Владимир Розенберг, Дэвид Фрай и его адвокат Дик де Грут, супруги Растин приехали в Швейцарию в январе 1991 года для завершения сделки. Их ждал и встречал Анвар Хан. С советской стороны прибыли только переводчик Игорь Чернявский и заместитель министра торговли России Козлов. Банкир Шалашов от поездки в Цюрих категорически отказался. «Свиридову и компании» помешало выехать задержание Пола Пирсона.)

Во время беседы с Шимоном Рабином меня не покидало ощущение, что манера его поведения, высокая эрудиция и ум никак не соответствуют занимаемой скромной должности эксперта-бухгалтера. Передо мной сидел профессионал высочайшего класса, очень напоминающий наших работников невидимого фронта.

Ну а что же фирма «Ван Линден траст» и стоящий за ней Анвар Хан? По данным НЦБ Интерпола, в Великобритании по указанному в документах адресу фирмы с таким названием нет и по регистрам 1987–1991 годов таковая не значится.

Но мы все-таки выехали по известному нам адресу. В доме, в который мы попали, были расположены офисы многих солидных фирм. В начале 1990 года владелец сдал в аренду помещения трем фирмам, имеющим общее дело, а именно: «Скот Кинг лтд.», «Лог групп лтд.» и «Десот Лондон лтд.». Ими владели соответственно Арнольд Рид, Джон Эдвард Борк и Колин Сазерленд. Они объединились в одну фирму «Ван Линден траст» и перестали заниматься торговлей. Вскоре из фирмы ушел К. Сазерленд, заявив, что его партнеры – мошенники. В феврале 1991 года, то есть сразу после скандала со 140 миллиардами, Рид и Борк тайно покинули Туманный Альбион и скрылись в Швейцарии, задолжав за аренду 35 тысяч фунтов стерлингов.

Анвар Хан, по нашим данным, занимался в Швейцарии странными операциями – переправлял деньги американского правительства жителям островов, пострадавших от испытания ядерного оружия. Более точно его личность установить не удалось, поскольку в выдаче въездных виз в Швейцарию нам отказали.

Уволенный из бельгийского банка за мошеннические операции, в том числе с советскими рублями, ранее упоминавшийся Фарух Хан был братом Анвара Хана.

Белое золото. Немного о Гдляне и других

Весной 1984 года в центральной печати промелькнули сообщения о том, что работниками КГБ на территории Московской, Рязанской и Воронежской областей задержаны с поличным при даче взяток представители ряда хлопкозаводов Узбекистана. Сенсации они не вызвали, ибо борьба со взяточничеством была в самом разгаре, писали об этом много, и мало кто предполагал, что именно тогда зарождалось получившее скандальную известность хлопковое дело. Между тем эти события не относились к категории случайных и имели свою предысторию.

К концу 70-х в стране, и особенно в Средней Азии, Закавказье и ряде других регионов, при вопиющем попустительстве центральной власти пышным цветом расцвело взяточничество. Подпиткой его были хищения государственного и общественного имущества, исчисляемые сотнями миллионов рублей. Воровали кто сколько мог и где только мог. На этом фоне особенно остро проходила борьба за власть, потому что именно ведущие позиции в государственных структурах могли обеспечить не только собственное благополучие, но и благополучие близкого окружения. А оно в условиях сплошной коррумпированности и было опорой самой власти.

В начале 80-х приписки, хищения и взятки в Узбекистане приобрели такой размах, что нарыв этот должен был вот-вот лопнуть. Были люди, пытавшиеся противостоять происходящему, но их в буквальном смысле слова травили. Защиту они пытались найти в Москве. Заявления от пострадавших шли потоком, но разбивались о глухую стену молчания. Они просто отсылались для рассмотрения на места, а положение жалобщиков еще более усугублялось.

Наиболее сложные конфликты глава республики Шараф Рашидов[45] разрешал напрямую с Брежневым. Поэтому, когда в середине 70-х против него решилась выступить оппозиция в лице председателя Совета министров, председателя Верховного суда и других ответственных работников, он с благословения генсека расправился с ними с помощью Прокуратуры СССР. Против оппозиционеров возбудили уголовное дело, расследование по которому организовал и возглавил занимавший в то время должность начальника управления по надзору за следствием и дознанием в органах МВД Каракозов и старейший следователь по

особо важным делам ныне покойный Юрий Александрович Зверев. Обеспечение оперативной работы возложили лично на министра внутренних дел Узбекистана Яхъяева – наиболее верного и преданного слугу Рашидова.

К чему это привело, выяснилось спустя много лет после ареста Яхъяева группой Гдляна. Именно тогда будут наконец расследованы грубейшие нарушения законности по этому делу как со стороны всесильного министра, так и его ближайшего окружения. Материалы об этом составят двенадцатитомное следственное производство, но сотрясут воздух, поскольку не войдут в предъявленное Яхъяеву обвинение. Это, в свою очередь, приведет к очередному скандалу, ибо, слушая дело Яхъяева и других, Верховный суд СССР истребует эти документы и вернет дело на дополнительное расследование из-за неполноты следствия. В конечном счете оно закончится крахом – будет прекращено, а бывший министр избежит вполне заслуженного наказания.

В те же годы руки у него были развязаны. Арестованных содержали в подвалах, над ними издевались, подпуская в камеры фекальные воды, крыс. Практиковались тайные ночные обыски кабинетов, сейфов следователей и судей, их домов, квартир и т. д. В общем, царил произвол.

Тем не менее были получены и весомые доказательства преступной деятельности обвиняемых, за что их впоследствии осудили.

Кстати, тогда же впервые в поле зрения следствия попала Председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР небезызвестная Насретдинова. Расследование в отношении нее поощрял в ЦК заведующий отделом административных органов Николай Иванович Савинкин. Как рассказывал Каракозов, он обещал ему и членам следственной группы правительственные награды при условии привлечения Насретдиновой к уголовной ответственности. Стоял вопрос об ее аресте. Какие рычаги включила эта женщина, неизвестно, но последовало вмешательство Подгорного, затем Брежнева, и Роман Андреевич Руденко (в то время генеральный прокурор СССР) дал Каракозову команду расследование приостановить, а дело спрятать в сейф.

На протяжении ряда лет в нарушение закона оно пролежало без движения, и никакое решение по нему принято не было. Вернулись к делу в середине 80-х, но поезд, как говорят, ушел. Вину Насретдиновой в получении взяток теперь доказать было крайне сложно, и она, как и Яхъяев, избежала наказания. Это позволило ей, в том числе и на страницах центральной печати, рядиться в тогу добропорядочности и невинной жертвы

рашидовских репрессий.

Во время длительной командировки по расследованию того, первого, узбекского дела Каракозов и Яхъяев подружились. Последний предложил Герману Петровичу должность заместителя министра внутренних дел. Каракозов дал согласие, но по команде из ЦК назначение не состоялось. В последующие годы отношения между Каракозовым и Яхъяевым продолжали оставаться дружескими, и какую роль они сыграли в судьбе Яхъяева и в том, что он избежал наказания, можно только догадываться. Во всяком случае, многие из нас понимали, что после ареста этого человека интересы Каракозова и руководителя следственной группы Гдляна, приложившего огромные усилия для изобличения Яхъяева, вряд ли совпадали. К сожалению, Тельман Хоренович пошел на поводу у руководства, выделив двенадцать томов по злоупотреблениям бывшего министра в отдельное производство, и поплатился за это «оплеухой» не только от Верховного суда, но и от тех, кто был заинтересован в таком исходе дела.

На рубеже 70–80-х годов Смоленск потрясла серия убийств, сопряженных с изнасилованиями. В городе началась паника, и решением секретариата ЦК КПСС была создана специальная следственно-оперативная группа Прокуратуры СССР, которую возглавил ранее упоминавшийся Георгий Александрович Эфенбах. Общее руководство расследованием возложили на Каракозова, контроль – лично на Найденова. В состав группы наряду с другими следователями вошел бывший подчиненный Виктора Васильевича старший следователь Ульяновской областной прокуратуры Тельман Гдлян.

Настоящий убийца был тайным осведомителем местной милиции и, пользуясь этим, довольно успешно избегал разоблачения. В поле же зрения следователей первоначально попал как подозреваемый прокурор одного из районов Смоленской области. Изучение его поведения, отношения к женщинам и, наконец, сравнительные экспертные исследования позволили выявить около пятидесяти косвенных признаков, указывающих на то, что подозрения небезосновательны. С согласия Найденова прокурора арестовали.

Первым понял, что тянут пустышку, Эфенбах. С ним приключился сердечный приступ, и он срочно лег в больницу. Расследование возглавил один из самых талантливых специалистов в стране по раскрытию убийств следователь по особо важным делам при прокуроре РСФСР Исса Магомедович Костоев (будущий разоблачитель ростовского Чикатило). Довольно в короткие сроки группе под его руководством удалось

найти настоящего убийцу – Стороженко. На руках маньяка была кровь одиннадцати жертв.

Гдлян зарекомендовал себя в этом деле с положительной стороны, и Каракозов предложил ему перейти на работу в Прокуратуру СССР. С ходу ему поручили расследование по делу лауреата Ленинской премии изобретателя лекарства от рака небезызвестного Хинта. Инициатором следствия, как это часто бывало в те годы, выступали партийные органы Эстонии.

О деле мы знали по разговорам в следственной части и в виновности Хинта и сотоварищей не сомневались.

Прокурорский надзор за делом непосредственно осуществлял один из самых опытных и авторитетных работников Прокуратуры Союза, очень осторожный в работе и, я бы даже сказал, боязливый Георгий Александрович Быстров (ныне покойный). В начале службы в Москве мы с ним нередко конфликтовали по моим делам, но очень скоро я понял, как высока квалификация Быстрова и как важно прислушиваться к его мнению и делать то, что он подсказывает.

Дело Хинта близилось к завершению. Его изучение поручили Быстрову. Как-то он зазвал меня к себе. У него сидел Тельман.

– Владимир Иванович, посмотри это обвинение и скажи, что здесь есть.

Он протянул мне проект постановления о привлечении Хинта в качестве обвиняемого в хищении государственного имущества в особо крупном размере.

Прочитав этот документ, я ответил, что действия Хинта подпадают, скорее всего, под злоупотребление служебным положением.

– Ну, что я говорил? – торжествуя, спросил Быстров.

И тут взорвался Гдлян. Стал говорить, что мы не разбираемся в материальном праве, не можем отличить злоупотребления от хищения и т. д.

– Это твои проблемы, – ответил я ему. – У тебя дело, тебе за него отвечать. Спросили мое мнение – я ответил.

Свою точку зрения перед Каракозовым Гдлян отстоял. Не удалось ему только предъявить Хинту обвинение в антисоветской агитации и пропаганде. Кстати, Гдлян копался в его биографии еще со времен Великой Отечественной войны и настаивал на том, что уже тогда Хинт был завербован немецкой разведкой. Эти действия следователя расценили как откровенную натяжку.

В Верховном суде Эстонии дело прошло на ура, и Хинта осудили к длительному сроку лишения свободы. Долгие годы его жалобы отклонялись, как необоснованные. Позже те, кто готовил ответы на жалобы, говорили, что дело так запутано, что

разобраться в нем было крайне сложно. Поэтому они свои выводы строили на обвинительном заключении и приговоре. К сожалению, подобная практика себя не изжила.

Отбывая наказание в колонии, Хинт умер, но жалобы по делу продолжали поступать от других осужденных и родственников Хинта. Наконец управлением по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел Прокуратуры СССР был подготовлен протест по этому делу. Причем произошло это, когда Гдлян был на вершине славы, и никто не собирался обвинять его в нарушениях законности. По протесту полной реабилитации Хинт не подлежал. По основной части вмененных ему в вину эпизодов предлагалось переквалифицировать его действия с хищения на злоупотребление служебным положением и снизить меру наказания.

Пленум Верховного суда СССР полностью оправдал Хинта. Я юрист и прекрасно понимаю, что значит решение высшей судебной инстанции страны: оно не оспаривается. Протест же готовил помощник генерального прокурора СССР Василий Кобзарь, которого я глубоко уважаю за высокий профессионализм, честность и порядочность. По его мнению, большая часть обвинения Хинту была натянута, но полному оправданию он таки не подлежал.

Ларчик открывался просто. К этому времени, пусть и без достаточных оснований, Гдлян публично обвинил в получении взяток председателя Верховного суда СССР Владимира Ивановича Теребилова. Начиналась подковерная война.

Все это было потом, а в конце 70-х в КГБ СССР поступала обширнейшая информация о колоссальном размахе хищений и взяточничества в Узбекистане. Всесильный Рашидов пользовался особым покровительством Брежнева, считал себя полновластным хозяином республики, но, как и многие высокопоставленные партийные функционеры, недооценил Андропова. Между тем по указанию последнего началась реализация оперативных материалов по фактам коррупции. В Ташкенте возбудили уголовное дело о хищении нефтепродуктов. Его расследование велось при поддержке председателя республиканского КГБ Мелкумова и второго секретаря ЦК, посланника Москвы, Грекова. За свою активность они тут же поплатились занимаемыми должностями и были высланы из Узбекистана.

Подобные ответные ходы не решали проблему, стоявшую перед Рашидовым, и не могли помешать планам Андропова. КГБ реализовал материалы о хищении в объединении «Гузал», где функционировали так называемые подпольные цеха. Избегая прошлых ошибок, Андропов договорился с Найденовым, и это

дело принял к производству старший следователь по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР Юлий Дмитриевич Любимов. Забегая вперед, скажу, что расследовалось оно более семи лет, неоправданно затянулось, было возвращено судом к доследованию и в конечном счете производством прекращено.

В начале 80-х в Узбекистан направили для обширной комплексной проверки бригаду ЦК. Работников прокуратуры в этой бригаде возглавил Бутурлин, занимавший тогда должность заместителя начальника Главного следственного управления. Не знаю доподлинно, что накопали при проверке, но Бутурлин привез материалы, требовавшие немедленного вмешательства союзных структур, особенно в отношении Яхъяева.

Реакция ЦК вызывала умиление. Как пишет в своих воспоминаниях Егор Кузьмич Лигачев, было принято «мудрое и необычайное» решение – передать эти материалы на рассмотрение республиканской партийной организации. Не знаю, что могло быть циничнее: на кого жалуются, тому и разбираться.

Все эти аппаратные игры понимал Андропов и, не ставя в известность своих товарищей по политбюро, гнул свою линию. Работниками КГБ были реализованы материалы на начальника БХСС Бухарского УВД Музафарова и других. У взяточников изъяли ценностей на миллионы рублей. После этого расследование дела поручили Гдляну.

Видимо, уже тогда Рашидов начал понимать, насколько серьезна складывающаяся ситуация и особенно чем она грозит в случае установления массовых, в огромных размерах, приписок хлопка. В конце 1983 года он решил объехать основные хлопкосеющие области. В пути его сопровождала бригада врачей, но и они не смогли спасти первого секретаря ЦК после очередного сердечного приступа. Он только и успел сказать: «Я умираю!» Похороны, как принято, были пышными. Место захоронения в центре Ташкента, откуда несколько позже Шарафа Рашидовича перезахоронили. На смену партийному руководителю, писателю и поэту пришел его верный ученик и последователь Усманходжаев. В конечном счете его партийная карьера закончилась арестом и приговором суда.

К тому времени КГБ располагал обширной информацией о том, что в Узбекистане, Азербайджане и других хлопкосеющих республиках имеют место массовые приписки хлопка. Для сокрытия приписок на заводы и фабрики страны, перерабатывающие хлопок, поставляли его отходы – линт и улюк. За прием вагона с отходами существовала такса взятки – 10 тысяч рублей. За подписанные документы по вообще пустому вагону –

20 тысяч рублей.

В начале 1984 года Управлением КГБ по Москве и Московской области была реализована часть этих материалов. В Московской, Рязанской, Воронежской областях и других регионах взяли с поличным при даче взяток директоров хлопкозаводов Джизакской и Хорезмской областей. По их месту жительства произвели обыск. К такому повороту событий махинаторы готовы не были, и поэтому результаты были ошеломляющими. У арестованных изъяли огромные ценности и деньги.

В течение десяти – пятнадцати дней были арестованы несколько директоров хлопкозаводов Джизакской области и начальник объединения «Джизакзаготхлопкопром» родственник и земляк Рашидова Каюм Шадиев. Арестовали директоров фабрик в Воронеже, Серпухове, Рязани, Чебоксарах. После этого дело передали по подследственности в Прокуратуру СССР, и его принял к производству заместитель Каракозова Алексей Васильевич Чижук.

Между тем в Узбекистане началась кадровая чистка. Прокурором республики назначили Бутурлина. Формируя будущую команду, он пригласил меня к себе:

– Владимир Иванович, как ты смотришь на то, чтобы пойти ко мне заместителем?

Я, признаться, немного растерялся и ответил, что подумаю. Рассказал о предложении Каракозову.

– Ты знаешь, я никого при выдвижении тормозить не буду. Но зачем тебе это? Ты что, собираешься туда за взятками?

– Герман Петрович, вы сами знаете, сколько возможностей для злоупотреблений допускает мое должностное положение, и для этого не нужно ехать в Узбекистан.

– Я лично тебе не советую, – отрезал он. – Сейчас там нашими руками расправятся с неугодными и теми, кто пострадает под горячую руку. Потом наступит отрезвление, и местные начнут расправляться с пришельцами. Где ты тогда будешь искать работу? Ты об этом подумал?

Каракозов, как всегда, оказался прав, и я глубоко благодарен ему за то, что не согласился тогда с предложением Алексея Васильевича.

Между тем так называемое хлопковое дело разрасталось как снежный ком. Собственно, оно расследовалось в двух направлениях. Перед следственной группой Прокуратуры СССР стояла задача выявить организаторов приписок и взяточничества в отрасли и связанных с ними работников партийных и советских органов. В распоряжение Бутурлина выделили большую группу следователей и оперативных работников из различных регионов

страны, которые разбирались с приписками хлопка на местах, то есть в районах и областях республики.

Показания о даче взяток министру хлопкоочистительной промышленности Узбекистана Усманову и его заместителям предопределили их дальнейшую судьбу уже в первой половине 1984 года. Они были арестованы. Непосредственно работу на этом участке возглавил Константин Майданюк, а летом 1984 года хлопковое дело предложили принять к производству мне. В нашу группу вошли также коллеги по следственной части Анатолий Кондратов и Виктор Королевский.

Размах хищений и взяточничества поражал воображение. Взятки давали десятками и сотнями тысяч рублей. При таких объемах пересчетом денег себя не утруждали. Купюры паковали в коробки определенного вида, например из-под пива, водки, обуви и т. д. Произвольно определялись единицы условного измерения, то есть доверху наполненная коробка пачками купюр номиналом 10 рублей составляла, например, 200 тысяч рублей.

Естественно, не обходилось и без обмана. Помню, как возмущался на допросе заместитель директора Пахтакорского хлопкозавода Бабаев, получивший от директора завода Худайкулова одну из коробок. Недовложение составило три тысячи.

Взятки давались открыто, и преступные связи между собой практически не скрывали. Однажды министру Усманову понадобились для передачи наверх сто тысяч. Располагая огромными личными сбережениями, он тем не менее дал задание найти нужную сумму начальнику объединения «Хорезмзаготхлопкопром» Джуманиязову. У последнего после ареста изъяли миллионы, но он не счел нужным использовать их во исполнение поручения и осчастливил ответственным заданием директора Янгибазарского хлопкозавода Абдуллаева.

Этот настолько обрадовался, что тут же сообщил своей подчиненной – любовнице по совместительству:

– Шоира, нас осчастливил сам министр! Будем давать ему сто тысяч.

– Это большое доверие, – заверила любимая начальника, – но своих тратить не надо, дай задание классификаторам[46].

Сказано – сделано. Собрав нужную сумму, Абдуллаев повез деньги в Ташкент. Джуманиязова не нашел и решил деньги припрятать. Сделать это поручил своему сыну-студенту.

– Сынок, это очень важное поручение. Нам доверяет сам министр! – сказал он.

Обрадованный столь деликатным поручением молодой человек посвятил в задание хозяина дома, где квартировал,

похвастившись при этом, кому предназначены деньги. Итак, взятка еще не дошла до адресата, а о ней уже знали семь человек. Никто из них не задумывался об уголовной ответственности за соучастие в даче взятки, посредничестве, недонесении о преступлении, наконец.

И вот приблизился «день икс».

– Где деньги? – раздался по телефону грозный рык Джуманиязова.

– Они в Ташкенте у моего сына. Он их вам принесет, – подобострастно ответил Абдуллаев.

– Твоего сына я не знаю, – обрезал начальник. – Пусть их доставит тот, кто знаком мне лично.

Под рукой оказался только муж сожительницы. Ему и доверили «страшную тайну». Взятку он понес вместо сына Абдуллаева, но вместе с ним, как говорят – доверяй, но проверяй. Ну наконец-то деньги дошли до взяткополучателя, подумает читатель – и ошибется.

В гостинице посредников ждал не Джуманиязов, а его брат – преподаватель одного из ташкентских вузов. Сто тысяч стали перебрасывать в портфель, уже набитый под завязку денежными знаками. И опять же портфель принял не министр, а его родной брат Анвар, ожидавший компанию на улице в автомобиле «жигули». Не правда ли, прекрасная свидетельская база для следствия? Этот эпизод прошел в суде, как говорят, на ура.

Да, суммы взяток были огромными, и уже в начале расследования перед нами встал вопрос: а вообще, они реальны или нет? Неужели приписки позволяли изымать деньги в таких размерах? Между тем в Узбекистане нарастало озлобление против работников следственных групп.

Первые ростки возмущения действиями центра стали появляться в показаниях руководителей среднего звена.

– Вот вы во всем обвиняете нас, но наберитесь смелости и порядочности, поднимите видеозаписи последнего посещения Узбекистана Брежневым, – говорили нам. – На партийном активе, обращаясь к Рашидову, генсек спросил: «Ну что, Шараф Рашидович, дадим стране шесть миллионов тонн хлопка?» – «Трудно, Леонид Ильич, но постараемся», – бодро отрапортовал Рашидов. Мы не могли потянуть такой план. Наш потенциал – не более пяти миллионов в год. Нас вынудили приписывать, нас сделали преступниками, а теперь вы же с нами расправляетесь.

Не внимать этому крику души было нельзя.

Первоначально у Каракозова и Чижука возникла идея показать на примере одного совхоза Джизакской области, как начинались приписки и как они воплощались в живые деньги,

каким путем распределялись по горизонтали и вертикали.

Все было довольно просто: представитель совхоза приходил на заготпункт хлопкозавода, где ему выписывали липовую квитанцию на прием, например, 1000 тонн хлопка. Квитанция предъявлялась в банк и, в зависимости от цены хлопка за килограмм, совхозу из госбюджета перечислялись деньги, например 300 тысяч рублей.

В совхозе составляли фиктивные ведомости на заработную плату и по ним получали эту сумму. Часть ее оседала в совхозе и делилась между теми, кого посвятили в эти комбинации. Остальные деньги отдавались в распоряжение директора хлопкозавода, на котором лежала обязанность скрывать приписки.

Часть «сданного хлопка» удавалось спрятать за счет махинаций при переработке сырья. Остальное списывали за счет поставок его на хлопкоперерабатывающие фабрики под видом хлопка шестого сорта или его отходов – линта и улюка. Сам линт и улюк списывали тем же совхозам на корм скоту. Естественно, привесы и удои при такой форме хозяйствования никого не интересовали. Директор хлопкозавода с согласия лиц, стоящих у власти, делил деньги на доли райкома, обкома, ЦК, прокуратуры, МВД, КГБ, суда, райисполкома, народного контроля и т. д.

Идея моих руководителей о «ручейке» на примере одного совхоза не выдерживала никакой критики. По нашему уголовному законодательству в случае дачи-получения взятки из похищенных государственных или общественных средств виновные лица привлекались к уголовной ответственности и за взяточничество, и за хищение. Это считалось аксиомой.

Но, поскольку по нашему же закону бремя доказательства возлагается на следственные органы, размер похищенного нужно устанавливать до копейки. На деле это – объемные ревизии, изучение сотен и тысяч документов, их экспертное исследование на предмет подделок и подлогов, наконец, судебно-бухгалтерские экспертизы. Требовались месяцы и годы кропотливейшей работы.

«Зацепили» один совхоз, но размеры взяток на хлопкозаводе состоят не из одного такого «ручейка», а из многих. Вливания в объединения, министерства – это сотни тысяч таких «ручейков». В общем, цепная реакция, а в итоге – тупик, ибо расследовать все это физически невозможно. Нет стольких ревизоров, следователей, тюрем для размещения виновных.

В дурном сне не могло присниться законодателям, с чем столкнет нас жизнь. Но мы обязаны были дать ответ на вопрос: реальными ли были размеры взяток, которые нам называют? И тогда родилась идея.

Размеры посевных площадей известны, урожайность по годам, потери по нормативам тоже. Пригласили ученых.

– Можно ли подсчитать количество собранного хлопка, например, за пять лет? – спросили мы.

– Конечно, – ответили нам.

– А приписанного?

– Можем назвать условно минимальный и максимальный сбор урожая, объемы приписок, так же как и подсчитать, сколько денег из госбюджета выплатили за этот «воздух».

Так родилась идея проведения уникальной планово-экономической экспертизы. Выводы ее были ошеломляющими. Минимальный размер приписок хлопка в Узбекистане за пять лет составил пять миллионов тонн. За несуществующий хлопок из госбюджета перекачали в республику 3 миллиарда рублей. Фонд заработной платы из них составил 40 процентов. То есть минимальный размер похищенных и розданных в виде денежных взяток составил 1,4 миллиарда рублей.

Грустно было осознавать, что материалы для такого исследования не требовали возбуждения и расследования уголовного дела. Они, как говорят, лежали на поверхности, ибо были заложены в государственную отчетность.

Почему же руководители государства, Госплан, Госстат и т. д. в упор годами не хотели видеть очевидное? Да потому, что узурпация власти одним лицом при практически полном попустительстве совершению государственных преступлений устраивала многих. Жилось интересно и, главное, весело. Рассказывают, что в один из последних приездов Брежнева в Узбекистан лично опекавшему его управляющему делами ЦК Умарову генсек подарил золотые швейцарские часы. Тот долго отказывался, но вождь настоял. Перепуганный служака доложил о случившемся Рашидову и спросил, что делать.

– Болван! – ответил поэт и гуманист. – Умей крутиться. Мы должны дать в десять раз больше.

Итак, размеры взяток были вполне реальными и предполагаемый источник денег установлен. Мера наказания как за хищения, так и за взятки одинакова. Поэтому тогда решили, как и по минрыбхозовскому делу, предавать виновных суду только за взяточничество. Такое решение могло сократить сроки расследования, которое грозило затянуться на долгие годы.

Не могло быть речи и об одном «хлопковом судебном процессе», ибо следственное производство составило бы тысячи томов. Ни один дворец правосудия, которых в стране не было и нет, и заменяющие таковые в необходимых случаях дома культуры не позволили бы разместить в них подсудимых и

охрану. Да и в суде такое дело слушалось бы не один год. Поэтому решили разделить дело на ряд самостоятельных производств и в Верховный суд СССР направить дела по обвинению министра Усманова и его заместителей. В Верховном суде нас полностью поддержали.

Это был интересный вариант. Сложности состояли в том, что министр и компания между собой взятками повязаны не были, а мы изобличили только Шадиева и директора Бухарского хлопкозавода Бурханова, которые давали взятки каждому из них. Выбрать нужно было одного. Вину в содеянном оба признавали полностью, изобличили тех, с кем были преступно связаны, но…

Если Бурханов вернул государству 2,5 миллиона ворованных рублей, то Шадиев ни копейки, хотя последний по занимаемому должностному положению был более предпочтителен как фигурант основного дела. После вполне откровенного разговора Шадиев заверил нас, что готов уговорить жену и сыновей внести в порядке возмещения причиненного ущерба не менее полумиллиона рублей. Однако они отказались. Выбор пал на Бурханова. Как говорится, основное дело слепили.

Вообще, на личности Шадиева стоит остановиться особо. В первый же приезд в Джизак следователи группы были поражены размерами и роскошью городской бани, построенной Шадиевым на свои собственные (читай – ворованные) миллионы. Он соорудил ее не для себя лично, а для своих земляков и очень хотел, чтобы над главным входом на арабском языке красовалось надпись «Каюм Шадиев». Это было уже слишком, и партийное руководство области согласия на подобное излишество не дало, хотя постройку бани одобрило. Так и стоит до сей поры на родине Шарафа Рашидова и его родственника Каюма Шадиева шикарная восточная баня.

До войны юный Каюм закончил школу с посредственными оценками и поступил в техникум. В первых числах июля 1941 года стал курсантом Алма-Атинского пехотного училища. Когда к осени стало ясно, что удар группы армий «Центр» фашистской Германии нацелен на Москву, училище переформировали в бригаду и бросили в бой на подступах к столице. Почти никого из бойцов этой бригады в живых не осталось. Шадиев же среди погибших не значился, потому что дезертировал – не явился в эшелон, отправлявшийся на фронт.

Через много лет, будучи арестованным, он заявил, что тогда «вышло секретное постановление ГКО о сохранении кадров для хлопковой промышленности» и на этом основании он был демобилизован. Ложь! Не было таких решений Государственного комитета обороны. На полях сражений защищали Родину и

умирали не только рабочие и крестьяне, но и призванные в армию писатели, художники, крупные ученые. Среди них Шадиева не было.

В послевоенные годы он объявился студентом Ташкентского текстильного института, к началу 50-х годов умудрился получить офицерское звание. А говорят, тогда взяток не давали! Не правда ли, интересная биография у крупнейшего хозяйственного руководителя республики?

По нашим данным, он был баснословно богатым человеком. Хорошо знавшие Шадиева земляки скептически относились к нашим надеждам закрепить доказательства его вины добровольной выдачей преступно нажитого имущества.

– Видите ли, – говорили они, – первый раз он погорел на денежной реформе 1947 года, затем на второй – в 1961-м. После этого Шадиев решил не рисковать и все наличные вкладывал в золото.

Желтый металл он хранил в тайниках, и перед его семьей вставала проблема обратного превращения золота в деньги. При попытке произвести одну такую операцию из тайника (впрочем, оставшегося нам неизвестным) извлекли 80 золотых монет. Продававшего их человека, особо доверенного в семье Шадиевых, взяли с поличным. На следствии он проявил завидную стойкость и никого не выдал. Его осудили к длительному сроку лишения свободы за нарушение правил о валютных операциях.

Позже мне рассказали, что эта история отнюдь не была связана с желанием Шадиевых сдать деньги Прокуратуре СССР. Они нужны были для взяток по делу в отношении одного из сыновей Каюма – директора совхоза, арестованного за хищения.

Правда ли это? Не знаю. Но сына Шадиева в конечном счете оправдали. Видимо, на примере этой истории семья была убеждена, что рано или поздно появится возможность выкупить отца и мужа. Такая уверенность сыграла роковую роль в его судьбе. Шадиева предали суду вместе с подчиненными ему работниками по объединению «Джизакзаготхлопкопром».

Естественно, что в такой группе он играл роль организатора взяточничества – на преступном жаргоне «паровоза» – и, значит, был главной фигурой. Он получил больше всех – 15 лет лишения свободы. Окажись Шадиев судимым в деле министра и его заместителей, срок наказания был бы наверняка значительно меньшим. Тот же Бурханов был осужден всего на девять лет ИТК усиленного режима. Таковы жестокие реалии нашей работы в те годы. Венец работы следователя – обвинительный приговор. Оправдательный – провал, за которым следовало весьма суровое наказание, поэтому каждый следователь делал все возможное для

того, чтобы все привлеченные к уголовной ответственности были осуждены.

Рождение дела и его завершение во многом зависели не только от тактики следствия, но и от правильно выбранной стратегии расследования. Ты постоянно должен помнить, что обладаешь только иллюзией независимости и самостоятельности. Одни с твоей помощью просто-напросто сводят счеты друг с другом, другие – наживают политический капитал, третьи – гадают, до какой степени дойдут разоблачения и чем это может грозить им лично. Стоящие у власти, не желая разрушения создаваемой годами системы, через правоохранительные структуры создавали видимость борьбы с ее пороками, практически ограждая себя от разоблачения и возможного наказания.

Думается, что камикадзе у истоков борьбы с этой системой сразу были обречены на бесславную гибель. Ни Найденов, ни Каракозов никогда ими не являлись, наоборот, они были расчетливыми и тонкими тактиками. Был ли таковым Гдлян? Пожалуй, нет. Он решил рискнуть, пошел ва-банк и в общем-то не проиграл, а насколько выиграл – показало время.

Разоблачение коррупции в Узбекистане связывают с его именем, равно как и зарождение несостоявшегося кремлевского дела. Думаю, что в тот период Гдлян умело использовал расстановку сил в борьбе за власть в республике и ловко лавировал между противоборствующими сторонами, выбирал, на кого делать ставку в той или иной ситуации. Но нельзя не отдать должное смелости и необычной по тем временам дерзости, с которыми он действовал.

Здесь необходимо небольшое отступление, связанное с разработанной Каракозовым тактикой следствия по делам о взятках. Герман Петрович обожал следователей-«колунов» и сам относился к категории таковых. С утра он уезжал в следственный изолятор и начинал работать с арестованными. Зная о большой утечке информации в обычных тюрьмах, нашу клиентуру держали в основном в Лефортовском СИЗО КГБ СССР. Это, безусловно, сказывалось на психологическом климате, в который попадали обвиняемые. Уверовавшие в безнаказанность, всесилие подкупленной номенклатуры, частью которой были многие из них, они, как правило потрясенные арестом, рассказывали если не все до конца, то достаточно много. Как охотно они это делали, свидетели тому не только многие из нас, но и Господь Бог, если Он, конечно, есть.

Сегодня и демократы и консерваторы на страницах печати, по радио и телевидению любят муссировать тему о психологическом

воздействии на подследственных. Странно слушать и читать об этом. Я не представляю ни одного допроса без психологического воздействия на допрашиваемого. Любое расследование без этого бессмысленно. В следственной камере два человека: следователь и подследственный. Первый стремился получить показания о преступлении, о лицах, к нему причастных, второй – скрыть это.

В какой форме происходит психологическое воздействие на обвиняемого, зависит от профессиональной подготовки и интеллектуальных способностей следователя. Например, можно в повышенном тоне заявить ему, что он будет обязательно расстрелян, и в красках описать, как намажут его лоб зеленкой и раздастся роковой выстрел. Но можно и по-другому: тихо, спокойно, келейным голосом рассказывать, как судья огласит смертный приговор, как придется переодеться в полосатую робу, жить в одиночной камере и ждать той роковой минуты, когда земная твоя жизнь закончится.

Трудно сказать, что страшнее – срывы на крик или скрытое иезуитство? Тем не менее для уважающего себя следователя оба эти приема – удары ниже пояса, равно как и угрозы ареста членов семьи и родственников обвиняемого. К тому же те из следователей, кто исповедует принцип: победителей не судят, рано или поздно за это расплачиваются.

И все же «колка» есть «колка». Хочешь не хочешь, но, получив явку с повинной или заявление о получении взяток, нужно определяться, что делать дальше и достаточно ли в этих документах данных для ареста конкретного фигуранта. В этой ситуации на оперативных совещаниях вычисляется какая-то ключевая фигура, наиболее важная на данном этапе следствия. Проводить следственную проверку – значит расшифровать свои намерения раньше времени и нарваться на контрмеры. Считали: если на человека есть два показания – это маловато. Если будет четыре-пять – достаточно. Что происходило дальше, понятно всем: нужно получить эти показания. При такой нацеленности на заранее желаемый результат переступить грань дозволенного довольно легко. Иногда сознательно или из ложной убежденности в своей правоте следователь навязывал обвиняемому факт, которого в реальной жизни не было вообще. Бывало и наоборот: обвиняемый тонко улавливал, что от него нужно следователю. В любом случае эта ошибка чревата самыми серьезными последствиями. Вот пример.

Бывший секретарь ЦК КП Узбекистана, небезызвестная Абдулаева, после ареста, как и многие другие, «зафонтанировала». Решив обмануть Гдляна по одному из эпизодов, она рассказала о получении взятки в виде украшений

из бриллиантов от одного ответственного работника. Более того, выдала следователям эти украшения. Подтвердил ее показания и взяткодатель.

Это был идеальный при расследовании дел о взяточничестве эпизод. Уточнением и более детальной его проверкой никто себя утруждать не стал. В судебном заседании Абдулаева от своих показаний отказалась и заявила, что ее принуждали к признанию. В обоснование своих доводов она подробно рассказала, где, когда и с чьей помощью купила эти украшения. Все это оказалось правдой. Отказался от своих показаний и взяткодатель. По его словам, при опознании предмета взятки следователи ненавязчиво и мимоходом сказали ему: «Укажите на то, что под номером таким-то». Это он и сделал. Такое «упрощенчество» всплыло в суде и в конечном счете привело к оправдательному приговору и скандальным публикациям в центральной прессе о «разрушении узбекского дела». И как ни шумели Гдлян и Иванов, они просто обязаны были признать, что Абдулаева обвела их вокруг пальца.

Да, не все было так просто и однозначно в «гдляновской эпопее». Многих из нас он упрекал в нерешительности, в боязни сплотить наши ряды и действовать единым кулаком. В чем-то он был прав, в чем-то – нет. Но были в его деле грубые ошибки, подобные вышеописанной, было и другое…

Первый скандал разразился в 1983 или 1984 году. В здании республиканского КГБ Гдлян и его следователи допрашивали одного из свидетелей по делу. После допроса домой он не вернулся, а утром его труп обнаружили под окнами здания КГБ.

По тем временам это были крупные неприятности, чреватые серьезными оргвыводами. Да и объяснения следователей выглядели неубедительно. Они утверждали, что свидетель якобы отказался идти домой и попросил разрешения переночевать в служебном кабинете. Начал писать явку с повинной о месте, где прятал ценности. Затем передумал и под утро выбросился из окна.

Возбудили уголовное дело, поручив его расследование одному из прокуроров следственной части Мазуркевичу. Но, как оказалось, в скандале никто заинтересован не был, и неприятную историю замяли. Тельман Хоренович отделался строгим выговором.

Вскоре в Ташкенте, в Верховном суде Узбекистана, началось слушание уголовного дела Музафарова, Кудратова и других. Государственное обвинение по делу поддерживала прокурор одного из управлений Прокуратуры СССР. Ее-то Гдлян и решил подчинить своей воле. Он стал требовать и просить для подсудимых тех мер наказания, которые его устраивали.

Разгорелись споры, переросшие в откровенные ссоры. Гдлян не нашел ничего лучшего, как обвинить председательствующего и гособвинителя в получении взяток.

Добиться своего Гдлян не смог. Вопреки его требованиям Музафарова и Кудратова приговорили к расстрелу, а в адрес Прокуратуры СССР и конкретно Гдляна было вынесено частное определение. Рекунков был вне себя. Он расценил действия Тельмана Хореновича как явное превышение служебных полномочий. Последовал еще один приказ о наказании.

Третий громкий скандал был связан с арестом бывшего первого секретаря Кашкадарьинского обкома партии Гаипова. Взять под стражу его пытались непрофессионально, на дому, да еще при непосредственном участии следователей Прокуратуры СССР и лично Гдляна. При имеющейся санкции на арест Гаипову не ограничили свободу передвижения, и он начал кромсать себя ножом. Ему пытался помешать лично Тельман Хоренович. Счастье Гдляна, что Гаипов не решился наносить удары ножом следователю.

Примеров таких можно привести достаточно, как, впрочем, и аргументированных возражений сторонников Тельмана Хореновича.

Подобные и другие многочисленные ошибки и просчеты лично Гдляна и отдельных следователей дали возможность через несколько лет развязать грандиозную кампанию по дискредитации работы его группы.

Для меня ясно одно: этого неординарного и одаренного следователя использовали в своих целях определенные политические круги. Как, впрочем, на разных этапах в своих интересах использовал их и сам Гдлян.

Тельману был очень нужен внешний эффект, и он сделал большую ставку на изъятие денег и ценностей мафиозных структур. Таких результатов, которых добился он, не было ни у кого из нас, и Гдляну была оказана самая широкая поддержка со стороны руководства Прокуратуры СССР.

В его распоряжение предоставляли вертолеты, бронетранспортеры, охрану войсковых подразделений и даже авиалайнеры гражданской авиации, доставлявшие мешки изъятых денег и драгоценностей спецрейсами в Москву.

В лучах его славы пытались купаться ответственные работники нашей «фирмы». Они выезжали в Узбекистан на изъятия, красовались и позировали перед объективами фотоаппаратов, видео – и кинокамер.

Все всем нравилось, пока Гдлян не переступил некую запретную черту. Он заявил о взяточничестве в святая святых –

политбюро. Доказательства были слабенькими. Но Гдлян был прав. По делам о коррупции и взятках в Минрыбхозе, по сочинско-краснодарскому делу и многим другим постоянно фигурировали фамилии Брежнева, Черненко, Соломенцева, Романова, Рашидова, Кунаева. Не могли быть такие совпадения случайными, а тем более в отношении других работников ЦК КПСС, начиная от инструкторов и кончая заведующими отделами. Одни и те же фамилии, одни и те же люди, кочующие из протокола в протокол по разным, но так похожим друг на друга уголовным делам.

Гдлян без оглядки ринулся в политические игры, и система моментально попыталась расправиться с ним. Но на Руси любят мучеников, и Тельман стал национальным героем.

Пронизанная же взяточничеством по горизонтали и вертикали одна из среднеазиатских республик в буквальном смысле тряслась от страха. Но какое бы праведное дело ни вершили посланцы Москвы, это не могло не привести к обратной реакции, к нарастанию неприязни к центру. Никакие заверения Гдляна об отсутствии узбекского дела и его настойчивого стремления к разоблачению «кремлевской мафии» понимания в Узбекистане не находили. Тельману Хореновичу могли верить только в том, что «перед ним закрыли Спасские ворота». Это воспринимали на ура.

Рашидов и его окружение годами подкупали кремлевскую верхушку, и отнюдь не только из личной корысти. В республику широким потоком шли стройматериалы, развивалась промышленность, осваивалась Голодная степь, отстраивались и хорошели города. А потому не стоит сегодня удивляться реабилитации бывшего национального лидера Узбекистана. Он много доброго сделал для своего народа. Совсем не случайно почитают в Казахстане Кунаева, а Гейдар Алиев стал президентом Азербайджана. Слишком просто и, я бы сказал, примитивно оценивали мы то, что происходило долгие годы на завоеванных когда-то окраинах Российской империи. За все это мы расплачиваемся сегодня, за все это будут расплачиваться будущие поколения.

Расстреляли министра Усманова. К длительным срокам лишения свободы приговорили тысячи людей. Заработав политический капитал, Тельман Хоренович Гдлян и его верный соратник Николай Вениаминович Иванов стали народными депутатами. Они вошли в Межрегиональную депутатскую группу и вольно или невольно во многом содействовали развалу СССР. Закончилось провалом расследовавшееся многие годы дело знаменитого Адылова. На скамье подсудимых оказался зять

Брежнева Юрий Чурбанов, на которого, кстати, вышли по узбекскому делу.

Публично обвиненные во взяточничестве Лигачев, Рекунков, Теребилов, Сорока и другие не смогли оправдаться в глазах общественности, так же как Гдлян и Иванов не смогли представить громогласно обещанных доказательств их вины. Из-под стражи будут освобождены ответственные партийные работники Осетров и Смирнов, арестованные группой Гдляна. Против самих знаменитых следователей возбудят уголовное дело и прекратят его в последующем по реабилитирующим основаниям, при этом умудрятся в промежутке предъявить обвинение в халатности Каракозову. Написано об этом немало. После развала СССР в Узбекистане начнется массовое оправдание осужденных по хлопковому и другим делам. А осужденные по этим же делам россияне, скрывавшие за взятки приписки хлопка, так и не будут реабилитированы. До них никому не было дела тогда и нет сегодня, в эпоху демократических преобразований.

Из прошлого

…Он придет в таком образе, чтобы прельстить всех: придет смиренный, кроткий ненавистник неправды, отвращающий идолов, предпочитающий благочестие, добрый, нищелюбивый, в высокой степени благообразный, постоянный ко всем, ласковый… Примет хитрые меры всем угодить, чтобы в скором времени полюбил его народ, не будет брать даров, говорить гневно, показывать хмурого вида, но благочинною наружностью обольщать мир, пока не воцарится…

Св. Ефим Северин

…И увидел я другого зверя, выходящего из земли… он действует со всею властию первого зверя (антихриста) и заставляет всю землю и живущих на ней поклониться первому зверю… и дано было ему вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя.

Иоанн Богослов

В 1993 году я впервые попал на родину жены в Ставрополь. Как-то на прогулке разговорились с ее братом, в прошлом работником краевой прокуратуры. Речь вели о роли партийных руководителей в жизни нашей страны.

– Советую присмотреться к первому ставропольскому, – сказал Георгий, – запомни его фамилию: Горбачев. Зовут Михаил Сергеевич.

– Да ну! – отшутился я. – Нам, запорожцам, своего хватает. Кстати, по фамилии Всеволожский и, не в пример вашему, уже сегодня Герой Соцтруда.

– Не пренебрегай такой информацией, – продолжал Георгий, – тебе нужно держать нос по ветру и жить стратегической перспективой. И обрати внимание на его жену Раису Максимовну. Эта женщина «делает» мужа и уже сегодня решает все кадровые вопросы в крае.

В том же году я побывал в ессентукском ресторане «Встреча». Пораженный роскошью и интерьером необычного по тем временам помещения общественного питания, я спросил, кто сумел сделать такую красоту. Мне назвали имя управляющего Кисловодским трестом ресторанов и столовых Николая Павловича Лобжанидзе. Характеризовали его как подпольного миллионера, преуспевающего, с большими связями человека и личного друга Горбачева. Знал ли я тогда, что через десяток лет обе эти фамилии станут фигурировать при расследовании уголовных дел, к которым я имел отношение, хотя и косвенное?

А вообще, мудрое предвидение родственника я понял только тогда, когда прочитал в газетах комментарии о визите новоиспеченного секретаря ЦК КПСС Горбачева в Великобританию и оценке, которую дала ему как политическому деятелю грядущих лет премьер-министр Англии Маргарет Тэтчер.

Как и все, я был искренне рад приходу к власти энергичного лидера, сменившего плеяду тяжелобольных, дряхлеющих старцев, как и все, ждал революционных преобразований и перемен. Как и все, понятия не имел, что в действительности представляет собой Михаил Сергеевич.

Несколько лет назад мне привезли изданную на Ставрополье книгу Бориса Кучмаева «Отверженный с божьей отметиной» (первоначальный вариант «Коммунист с божьей отметиной»), посвященную сановному земляку. Книга прошла мимо внимания крупных московских издательств и потому широкому кругу читателей малоизвестна. Между тем она интересна уже тем, что написана человеком, работавшим помощником будущего президента СССР на заре его восхождения к власти, а затем в течение многих лет – главным редактором газеты «Ставропольская правда». Что же он пишет о последнем генеральном секретаре ЦК КПСС?

«Лучший немец» середины 80-х родился в селе Привольном Ставропольского края в семье крестьян. Как писал впоследствии в автобиографиях – семье бедняков, в чем многие из знавших его семью сомневаются. Пережил полугодовую оккупацию села немецко-фашистскими захватчиками и, видимо, тогда проникся искренней симпатией к Германии. Солдаты рейха периодически навещали дом деда маленького Миши.

«Во дворе они были частыми гостями, – пишет Кучмаев. –

Приходили не с пустыми руками: стаскивали сюда наловленных по селу гусей. «Щип-щип», – приказывали они нахохлившемуся мальчонке и грозили пальцем. А дело все было в печке, шикарной русской печке, красовавшейся посередине двора. Воды на ней нагреть в одно мгновенье – и давай обрабатывать гусей в свое удовольствие. Мать возилась у печки, а Михаил ощипывал уворованную немцами птицу. Душа ныла, руки болели, но угождал все-таки, угождал гадам»[47].

В пятом классе на конкурсе лучшего рисунка первый приз получил Миша Горбачев. Таковым был признан портрет В. И. Ленина. В том же году его приняли в ряды Ленинского комсомола. Вскоре он стал секретарем школьного комитета ВЛКСМ. В десятом классе райком посчитал возможным рекомендовать Михаила в члены ВКП(б), но на бюро решение этого вопроса отложили на неопределенное время «до выяснения социального происхождения». Может, именно тогда Горбачев затаил первую обиду на партию большевиков.

Несколько позже Горбачева выдвинули на должность второго секретаря райкома комсомола, но он захотел делать серьезную карьеру с приобретения высшего образования.

В школьные годы Горбачев активно посещал драмкружок, в основном играя роли главных персонажей. Тогда и приобрел навыки актерского мастерства, которое так пригодилось ему в будущем. Первая любовь – партнер по сценическим постановкам Юлия Карагодина – как-то смотрела по телевизору выступление генерального секретаря ЦК КПСС. С грустью наблюдала она оратора и в присутствии бывших одноклассников сказала: «Эх, Михаил, как был ты артистом, так и остался им!»

Совсем юный Миша Горбачев с помощью близких тонко уловил, что приносит успех в стране развитого социализма. По стахановскому методу и, конечно, при поддержке местного руководства он за рулем комбайна принял участие в сборе рекордного урожая. Поговаривают, что о своих устремлениях и помыслах написал Сталину и, как ни удивительно, письмо попало к вождю. Так это или не так, утверждать не берусь, но по существовавшим тогда правилам без визы главы государства высшие награды не раздавались. Вот и был юный ставропольский комбайнер награжден орденом Трудового Красного Знамени. Это открыло ему дорогу на юридический факультет Московского государственного университета.

Как следует полагать, профессиональные знания будущего юриста особенно не интересовали, и это было отчетливо видно в его умении руководить великой страной. Юрист по образованию, он был явно не в ладу с основополагающими правовыми

дисциплинами – теорией государства и права, государственного строительства и, подчеркиваю особенно, историей государства и права. Результаты известны. И не стоит столь обличительно доказывать закономерность развала второго в мире по значению великого государства. Роль личности в истории известна.

Все пять лет учебы в Москве Михаил Сергеевич посвятил активному участию в общественной жизни. Тогда это давало солидные дивиденды студенту, особенно при распределении. Но… произошла осечка. Горбачева направили на работу в прокуратуру Ставропольского края. Впереди маячило малоперспективное будущее: выезды на места происшествия, осмотры трупов, допросы свидетелей, еженедельные посещения следственного изолятора и т. д. В общем, работа, которую называют грязной. Это было крушение честолюбивых устремлений, и Горбачев решился. Заполнив необходимые документы в прокуратуре, Михаил Сергеевич тут же заявился в крайком партии и предложил свои услуги.

Принял его заместитель заведующего орготделом Поротов, который потом вспоминал: «…появился такой румяненький, с животиком… Рассказывает, кто, откуда… Не скрою, произвел хорошее впечатление. Я его спрашиваю: «А чего ты, Миша, пришел ко мне? У тебя направление в прокуратуру». – «Хотел бы на общественную работу», – отвечает. «На какую?» – «Ну, на комсомольскую, я и в университете и до него этим занимался». – Глаза у него тревожно забегали».

Предложили Горбачеву должность секретаря сельского райкома. Он вежливо отказался, сославшись на болезнь жены, к тому же философа по образованию, не имевшей возможности в сельской глуши работать по специальности. И попал в точку. Назначили молодого юриста заместителем заведующего отделом пропаганды крайкома ВЛКСМ. Началась партийная карьера номенклатурного работника.

СТУДЕНТ ПОКИДАЕТ МОСКВУ
Комбайнеру Покровской МТС, ныне студенту МГУ Михаилу Горбачеву посвящается

Мой товарищ – в грядущем юрист по профессии,
Ныне знатный комбайнер – студент МГУ,
На «отлично» окончив весеннюю сессию,
Завтра утром со мной покидает Москву.

Нелегко расставаться с любимой столицею,
Ведь такой ни в одной не отыщешь в стране.

Но шумит Ставрополье созревшей пшеницею,
И товарищ не может стоять в стороне.

Вот та юность, горящая ленинским пламенем,
И в труде и в учебе всегда впереди.
С комсомольским значком орден Красного Знамени
У студента в созвездье горит на груди!

Завтра встанет рассвет, и за синею дымкою
Вдаль последний московский гигант уплывет.
До свиданья, столица, с бурлящей Стромынкою,
С Комсомольскою площадью в гуде работ!

И я вижу, что в комбайновом пении
Урожай собирают на нашей земле.
У штурвала – мой друг. Он идет в наступление
На своем самоходном степном корабле.

А когда он вернется, как воин с заданья,
В каждой новой работе всегда молодой,
Первым с Ленинских гор величавое здание
Засверкает ему золотою звездой.

Геннадий Фатеев (газета «Молодой ленинец», орган Ставропольского краевого и городского комитета ВЛКСМ, 18 июля 1954 года)

Не правда ли, неплохой панегирик в адрес новоиспеченного заместителя заведующего отделом агитации и пропаганды? И лицемерия, и лести у автора стихотворения предостаточно. Но какой оракул уже тогда предсказал, что, выполнив поставленное «задание», Михаил Сергеевич вернется к кремлевским звездам? Вот и не верь после этого в Бога.

Да, карьера Горбачева была яркой и стремительной, о чем широко известно. В своей книге Кучмаев описывает те детали восхождения бывшего шефа на политический олимп, которые он лично наблюдал. И какой же вывод приходится делать читателю? Всю свою жизнь Горбачев предавал всех и вся, если ему это было выгодно. Невесть какое большое открытие. Почитайте мемуары Крючкова, Варенникова, Лукьянова, Медведева (начальника охраны), Болдина и других. Объективно оцените историю с ГКЧП, развал КПСС – и поймете, насколько прав Кучмаев по отношению в земляку.

«…Я служил одному Богу – Делу, – вспоминал о Горбачеве

бывший второй секретарь Ставропольского крайкома КПСС Виктор Алексеевич Казначеев. – На этой почве у нас были и столкновения. Часто очень острые. Я высказывал ему один на один, что он бывает необъективен. Указывал на отсутствие четкой линии и позиции, которые менялись от настроения и особенно жены Раисы Максимовны. Она и в Ставрополе вмешивалась абсолютно во все… Я говорил Михаилу Сергеевичу о его болезненной подозрительности, мнительности, зависти… Он расплодил вокруг себя шептунов, поощрял доносчиков… Горбачев… был великим интриганом… Любил сталкивать лбами, вышибал из седла возможного соперника, завидовал чужому успеху… Я знал, что со стороны Горбачева возможно предательство, какого в мире больше не будет. Он во имя собственных амбиций всегда предавал интересы рядовых коммунистов, партийных работников. Он – двуликий Янус».

Вообще, отношение Горбачева к супруге вызывало и вызывает много кривотолков. Много лет назад я попал в одну компанию с нашим консулом в одной из латиноамериканских стран. Он рассказал, что люди, близкие к Горбачеву и из его окружения, располагая информацией о реакции большинства наших граждан на совместные поездки четы Горбачевых за рубеж, решили по-товарищески переговорить с главой государства. Разговор на столь скользкую тему Горбачев оборвал сразу.

– Не нужно этого трогать, – сказал он. – Она – моя слабость.

И снова вопрос: насколько это соответствовало действительности? На это отвечает сама жизнь и то, что все мы видели.

Вскоре после визита Горбачева в Китай со мной беседовал один из редакторов видеоприложения к журналу «Огонек»:

– Владимир Иванович, вы человек достаточно осведомленный о положении в верхах, и я хочу задать вам вопрос. Как понимать то, что рассказал мне недавно мой друг и наш известный актер Леня Филатов? Он был в составе делегации, выезжавшей в Китай. Однажды вечером Горбачев пригласил на ужин узкий круг членов делегации, в том числе Филатова. Горбачевым был провозглашен тост, который звучал примерно так: «Ребята, нужно до основания развалить это государство, до основания, ибо только на его развалинах мы построим действительно цивилизованное общество». Как это понимать, Владимир Иванович? Я все время думаю об этом.

Тогда я воспринял вопрос, который мне задали, как очередное злословие вокруг личности главы государства и от ответа уклонился. Сейчас я отношусь к этому по-иному.

Если бы деятельность Горбачева ограничивалась только тем,

что он предавал свое ближайшее окружение! Он ринулся в реформы, последствия которых не предвидел и не просчитал, если только не с точностью наоборот. С декабря 1986 года я был напрямую причастен к расследованию дел о межнациональных конфликтах в Казахстане, Сумгаите, Баку, Узбекистане, Киргизии и имел отношение к подготовке аналитических записок в ЦК КПСС с предложениями о мерах по локализации таковых. Это были толковые и дельные документы. Реакция – ноль, мы сотрясали пустоту. Более того, приходили в недоумение, когда выдавались прямо противоположные решения тому, что предлагалось.

Сегодня много написано о роли Горбачева в той трагедии, которая постигла наши народ и страну. Кто же он: агент влияния, как утверждали некоторые представители спецслужб, или просто глупец?

«За обедом в Америке он не стеснялся раскрывать даже решения политбюро ЦК, которым непременно предписывался гриф «секретно» или «совершенно секретно», на что бывший глава ЦРУ Ричард Хелмс заметил с кривой улыбкой: «Когда я был шефом разведки, я мог убить за подобную информацию». Вот ведь до чего доходил генсек-президент в своем неукротимом стремлении понравиться новым «друзьям» в Западной Европе и за океаном. Да его и не требовалось вербовать как платного агента, поскольку информацию, за раскрытие которой «в цивилизованном мире» убивали, он преподносил за так. Впрочем, ошибаюсь, – платил государственными интересами. Не человек, а дьявол», – пишет Кучмаев, ссылаясь на разговор с сотрудником из ближайшего окружения бывшего президента СССР.

«Оказалось, у вас никогда не было друзей. Начисто лишенные чувства товарищества, вы даже ближайших использовали всего лишь как материал, как средство для достижения определенных целей. Материал, который по мере надобности с холодной жестокостью отбрасывали, так же холодно подыскивали новый, подходящий по одному вам известной целесообразности и конъюнктуре. А уж в финальной части своей деятельности отбросили за ненадобностью «материал», состоящий из 19 миллионов живых человеческих судеб»[48].

В период правления Горбачева я занимал ответственную должность в центральном аппарате Прокуратуры СССР и в силу должностных обязанностей знал, что со временем Горбачева стали подозревать не только в двурушничестве, но и в получении взяток. Речь об этом пойдет ниже. Тогда же, возглавив ЦК КПСС, Горбачев нуждался в укреплении личной власти, для чего необходимо было устранение политических соперников, и прежде

всего «старой гвардии». Наиболее опасным для него был старейший член политбюро, первый секретарь ЦК КП Казахстана Динмухамед Ахмедович Кунаев.

Д. А. Кунаев. Закат политической карьеры

Казалось бы, уроки на всю жизнь – живи как все, воруй потихоньку, не замечай, как воруют другие, выступай на собраниях и говори правильные слова. Я видел, что всюду вокруг верх берут люди нечистоплотные, использующие свои должности лишь в личных целях, сметающие всех неугодных на своем пути. Передо мной стоял вопрос, выбор: погибнуть в бессмысленной борьбе либо перестать быть белой вороной. Я вспомнил одну восточную мудрость: если во главе стаи птиц орел, то полет птиц уподобляется полету орла; если во главе стаи ворон, то он приведет к падали.

Из заявления от 20 апреля 1987 года на имя прокурора Казахской ССР начальника автопарка № 3 Карагандинского пассажирского автоуправления Сейткамалова

Лето 1986 года.

«Приведите спинки кресел в вертикальное положение. Застегните привязные ремни. Через двадцать минут наш самолет произведет посадку в аэропорту столицы Казахстана, городе Алма-Ате…»

Слипаются веки, и очень хочется спать. Три часа разницы во времени – это практически вся ночь в полете. По местному времени около семи утра. В иллюминаторе горы, горы и буквально рядом с ними выплывающий из тумана шпиль телевизионной башни. В Алма-Ату я лечу в первый раз и думаю: хорошо бы побыстрее добраться до гостиницы и заснуть. С этой мыслью вхожу в здание аэровокзала. С недоумением оглядываюсь

по сторонам… Меня никто не встречает. Для заместителя прокурора республики Мызникова, клятвенно заверившего накануне, что встреча и размещение в гостинице будут обеспечены, такой прокол никак не может быть случайным. Похоже, меня сразу решили поставить на место…

А началось все несколько дней назад, когда совершенно неожиданно последовал вызов к генеральному прокурору.

– Мне звонил Кунаев, – начал с места в карьер Александр Михайлович[49]. – Местной прокуратурой арестованы бывший начальник Карагандинского пассажирского автоуправления, ныне министр автомобильного транспорта Караваев и группа подчиненных ему работников. По делу возникли какие-то осложнения. Кунаев считает, что необходимо наше вмешательство и проведение независимого объективного расследования. В общем, он просил помощи. Вылетайте в Алма-Ату, затем в Караганду, определяйтесь и приступайте к работе. – Какое-то время Рекунков помолчал, как бы раздумывая, говорить или нет о чем-то сокровенном, и наконец добавил: – Да! Вот вам для ориентировки: за этим делом конфликт между Кунаевым и председателем Совета министров Казахстана Назарбаевым. Это информация к размышлению. Будьте предельно осторожны.

В 70-х годах, посетив казахстанскую Магнитку, Кунаев заприметил молодого, подающего надежды партийного руководителя. Это был Назарбаев. Чутье не подвело опытного аппаратчика, и, говорят, уже тогда в узком кругу приближенных он сказал: «Этот парень сменит меня на посту первого».

Началась политическая карьера будущего президента Казахстана. Восхождение шло по всем отработанным годами правилам. Секретарь Темиртауского горкома, а затем Карагандинского обкома партии, секретарь ЦК по промышленности и, наконец, в начале 80-х председатель Совета министров.

Переехав в Алма-Ату, Назарбаев продолжал оставаться любимцем Кунаева, пользовался его полным доверием, стал соседом по дому и, более того, своим человеком в семье. У Кунаева не было детей, и супруга, Зухра Шариповна, привязавшись к молодому, обаятельному соратнику мужа, называла его ласково «сынок». Эти сложившиеся годами теплые, дружеские взаимоотношения расстроились в одночасье.

Что произошло в канун XXVIII съезда КП Казахстана, можно только предположить. Недолгий период нахождения у власти Андропова лишь положил начало кадровым перемещениям в высших эшелонах власти, и с началом эры Горбачева все понимали, что оставшиеся брежневские сподвижники расстанутся

с занимаемыми должностями. Когда и как? Это зависело от тактики и стратегии, избранной в проведении внутренней политики новым генсеком.

Свое отношение к руководителю казахстанской партийной организации Михаил Сергеевич продемонстрировал, совершая поездку по Сибири. Как бы мимоходом они с супругой посетили Целиноград. В большой политике такие демарши оживленно обсуждаются заинтересованными лицами, каждый просчитывает, что это значит в перспективном развитии событий в борьбе за власть и для него лично. Кстати, несколько позже я получил от работников КГБ еще одно подтверждение о том значительном влиянии, которое имела на мужа Раиса Максимовна. В ту единственную ночь, которую они провели в гостевом доме Целинограда (ныне – Акмалык), супруги вдвоем, без помощников, почти до утра работали над предстоящим выступлением Горбачева перед целиноградцами.

Уже тогда по поведению первого лица в государстве многие стали догадываться, что, готовя смену старых кадров, Горбачев предпочитал тщательно скрываемые маневры. Одним из них были не прямые волевые решения сверху, а своеобразная, им же и спровоцированная инициатива снизу. Так он поступил и по отношению к Кунаеву.

Накануне всесоюзного партийного съезда по традиции проходили съезды республиканские. На казахстанском разразился местный скандал. Несколько первых секретарей обкомов и Назарбаев выступили с резкой критикой в адрес Кунаева. Я думаю, вопрос был поставлен центром так: попытайтесь убрать его сами, соблюдая «партийную демократию». Назревавший скандал ближайшему сподвижнику Брежнева удалось замять, и его вновь избрали «первым». Между тем страсти не утихали, а критические высказывания Назарбаева в адрес брата Кунаева – Оскара (президента Академии наук Казахской ССР) привели к возбуждению против него уголовного дела за злоупотребления по службе.

При таком довольно неожиданном для Кунаева обострении борьбы за власть ему понадобился серьезный компромат на бывшего любимца. Услужливые царедворцы тут же подбросили информацию о том, что поступает много сигналов о системе взяточничества, сложившейся в Министерстве автомобильного транспорта республики. А поскольку министр Караваев и Назарбаев – карагандинцы и долгие годы работали вместе, то лучшего варианта для компрометации предсовмина не придумать. Идея Кунаеву понравилась. В первых числах мая начались аресты руководителей Карагандинского пассажирского

автоуправления. Это-то и было тщательно скрываемой для многих подоплекой уголовного дела, расследование которого мне поручили.

До гостиницы в тот день я с горем пополам все же добрался. Через несколько часов, разбуженный телефонным звонком, узнал, что Кунаев назначил мне аудиенцию, и немедленно.

Путь к ЦК КП Казахстана (нынешняя резиденция президента) лежал по дороге на Медео. Монументальное многоэтажное здание возвышалось над площадью, носившей имя Л. И. Брежнева (говорят, по размерам она превышает Красную в Москве). У основания площади находилась трибуна из красного мрамора, напоминавшая Мавзолей в миниатюре. Кстати, под ней расположены такие же подземные сооружения, как в московском пантеоне. В обозримом будущем именно там будут приниматься все ответственные решения, связанные с событиями 17–18 декабря 1986 года[50].

Апартаменты Кунаева располагались в торце здания и имели отдельный вход. Большой, просторный кабинет. В глубине – огромный глобус. Слева от входа приставной столик, как я понял – для сувениров. Через год ко мне попала старая фотография Кунаева в этом кабинете, и я сразу обратил внимание все на тот же приставной столик. Только стояли на нем не сувениры, а бюст Леонида Ильича Брежнева из белого мрамора. В июле 1986 года этого бюста уже не было.

Явно демонстрируя дружелюбие, Кунаев кратко охарактеризовал обстановку в республике, постоянно подчеркивая необходимость усиления борьбы с «негативными явлениями». Естественно, разговор он строил вокруг дела Караваева с откровенными намеками на подозрения в отношении некоторых высокопоставленных должностных лиц. Нужно отдать ему должное – ни одной фамилии он при этом не назвал.

– У нас много товарищей, заинтересованных в благополучном исходе этого дела, и поэтому я просил бы проявить максимум принципиальности, – говорил Кунаев на прощание. – О результатах информируйте меня. И еще одно: я много о вас слышал, особенно по работе у наших соседей в Узбекистане. Смею вас заверить: подобного в нашей республике нет.

Оптимизма члена политбюро я, естественно, не разделял, ибо обширная оперативная информация об обстановке в Казахстане говорила об обратном.

На следующий день со мной пожелал встретиться второй секретарь ЦК Олег Семенович Мирошхин. Он заметно волновался, расспрашивал о перспективах расследования дела, которого я, кстати, пока в глаза не видел. Рассказал и о своем

видении конфликта в борьбе за власть в республике. Спросил, не хочу ли я встретиться с Назарбаевым. Я откровенно ответил, что, поскольку за всем этим стоит «первый», все мои действия будут под неусыпным контролем, а посему любой контакт с «оппозицией» приведет к скандалу.

Через несколько дней мы с Мызниковым уехали в Караганду. С этого дня Прокуратура СССР была втянута в «казахстанские интриги».

Масштабы уголовного дела о взяточничестве в Карагандинском пассажирском автоуправлении впечатляли. Все водители автобусов занимались безбилетным провозом пассажиров, естественно за плату, которая шла к ним в карман. Часть денег в определенных долях собирали бригадиры и вручали начальникам автоколонн. Далее по цепочке они доходили до начальника автоуправления и его заместителей. Параллельно функционировала система взяточничества в контрольно-ревизионном управлении. Контролеры на линии получали свою долю, и часть этих денег также перемещалась по вертикали.

Платили за выделение новых автобусов, за обеспечение запчастями, за покровительство и поддержку в работе. Не обижали и работников министерства в Алма-Ате.

К моему приезду более трехсот водителей давали показания о совершаемых годами преступлениях. Развязали языки начальники автоколонн, сменивший Караваева начальник Карагандинского пассажирского автоуправления Бондарев, сам Караваев и многие другие.

Суммы взяток исчислялись сотнями тысяч рублей, и, как в Узбекистане, перед следователями встала проблема: а были ли эти деньги реальными? Можно ли было накапливать такие огромные суммы за счет безбилетного провоза пассажиров? Искать и допрашивать жителей города и области, пользовавшихся услугами местного автотранспорта, – занятие бессмысленное, но найти выход из этой ситуации нужно было обязательно.

Подсказку нашли в хранившемся в личном деле Анатолия Родионовича Караваева приказе о его наказании за злоупотребление служебным положением. Оно было оценено как банальный дисциплинарный проступок.

В начале своей блестящей карьеры молодой начальник пассажирского автоуправления заключил договор с одной из кафедр Карагандинского политехнического института о проведении научно-исследовательской работы по изучению движения пассажиропотоков в области. На кафедре создали лабораторию из шести человек, финансирование которой за счет государственных средств обеспечил Анатолий Родионович.

Комбинация стала известна в министерстве, и Караваева наказали. Однако это не помешало ему на материалах, подготовленных лабораторией, защитить в Московском автодорожном институте кандидатскую диссертацию. За эти художества ему объявили строгий выговор.

Даже беглый взгляд на эту работу позволял прийти к выводу о том, что еще в 1973 году будущий министр с помощью ученых рассчитал, сколько денег нужно отдавать государству, выполняя безусловно плановые задания, а сколько класть себе в карман. Только после этого мы стали понимать, почему размеры дани с каждого из пяти автопарков были разными и фиксированными. Все зависело от пассажиропотоков, приносящих определенному автопарку определенные доходы. Наука воистину служила на благо взяточникам.

Опираясь на опыт проведения планово-экономической экспертизы по хлопковому делу, мы назначили такую же по делу Караваева. Результаты ее были поразительными. Только за счет безбилетного проезда на автобусах междугородных маршрутов Карагандинского пасавтоуправления за пять лет водители присвоили и раздали в виде взяток от 11 до 21 миллиона рублей. (К слову, если учесть, что подобная практика процветала по всей стране, то левые доходы советских «автопредпринимателей», исключая грузовой автотранспорт и такси, исчислялись сотнями миллионов рублей.)

Выводы планово-экономической экспертизы нашли полное подтверждение в реальной жизни. После пресечения преступной деятельности Караваева и компании за семь месяцев 1986 года выручка по Карагандинскому автоуправлению превысила плановую на два миллиона рублей. Позже счет пошел на десятки миллионов.

К августу мы определились с разделением уголовного дела на ряд самостоятельных производств, в том числе и с основным – по обвинению Караваева и тринадцати его взяткодателей. Всех их перевели для дальнейшего содержания под стражей в следственные изоляторы Москвы. В такой ситуации Кунаев и его окружение фактически лишились возможности получения любой информации по делу, в том числе и оперативной.

О том, что арестованные охотно и подробно дают показания о своей преступной деятельности, они знали, как, впрочем, и о существующей на автотранспорте системе взяточничества. Долгие годы на это закрывали глаза, а когда стало нужно отпустить вожжи – отпустили. Вырисовывающаяся неприглядная картина требовала неординарных государственных решений, но Кунаева интересовало другое, и через своих помощников он не уставал

напоминать об этом.

При очередном приезде в Москву я доложил обо всем Рекункову.

– Упаси вас боже дать вовлечь себя и нас в политические интриги и в использование материалов следствия для сведения счетов, – сказал, как отрезал, Александр Михайлович. – Должны быть только доказанные, не основанные на оговоре и конъюнктурщине факты, получившие оценку в установленном законом порядке. Поймите, вы сегодня должны быть больше дипломатом, чем следователем.

– Это значит, что я должен обманывать члена политбюро? – спросил я Рекункова.

– Членов политбюро не обманывают, – последовал жесткий ответ.

С этим наказом я и отбыл в очередную командировку. Но как человек, недостаточно искушенный в придворной дипломатии, решил по возможности избегать встреч с Кунаевым, потому и отправился прямиком в Караганду.

Через несколько дней меня поставили в известность о предстоящем визите Динмухамеда Ахмедовича, или, как его звали в республике, Димаша, в шахтерскую столицу республики, а также о том, что проживать он будет в той же облисполкомовской гостинице «Космонавт», где обычно селили меня.

Расположена она в парке, вдали от жилой зоны. Номера обычные, но в столовой питание много лучше, чем в городских общепитовских точках. Через некоторое время обратил внимание на какие-то апартаменты, расположенные слева от входа, занимавшие целое крыло на двух этажах. Заходить туда не разрешали, но нетрудно было заметить, что их обслуживает ежедневно несколько человек, поддерживая готовность в любую минуту принять гостей. Это была личная резиденция Кунаева, где, кроме него, проживать никто не имел права.

Любопытство брало верх, и как-то я уговорил администратора разрешить экскурсию по запретной зоне. Слева, в комнате площадью около тридцати квадратных метров, обтянутой мягкой зеленой тканью, располагался огромный бильярдный стол со специальными киями. Справа – кинозал на пятьдесят мест и шикарная парикмахерская с импортной мебелью и прочим оборудованием. В полуподвальном помещении была сауна с десятиметровым бассейном и мраморным полом с подогревом. В нескольких комнатах имелось оборудование для различных водных процедур. Комната отдыха была отделана ценными породами дерева начиная от стен со стеллажами и

кончая столами и лавками. В спальные помещения на втором этаже я попал позже.

Приезд Кунаева, как всегда, был обставлен с большой помпой, и то, что целью его поездки являлась встреча со мной, я понял только на второй день после его приезда. Отказавшись следовать заранее разработанной программе визита, Кунаев к 11 часам вернулся в гостиницу и через службу охраны передал, что хотел бы встретиться. Так я попал в закрытые для других спальные помещения. Состояли они из нескольких отдельных комнат, уставленных дорогостоящей импортной мебелью.

Передо мной стояла задача повести разговор так, чтобы, не обманывая члена политбюро, не сказать ему ничего лишнего. Справиться с этой задачей удалось полностью. Больше часа мы проговорили о взаимоотношениях, сложившихся между людьми из его близкого окружения. Как я понял, это больше всего беспокоило Кунаева. Передо мной сидел уставший человек, потрясенный изменой тех, кому он безгранично доверял, понимавший, что крах его политической карьеры лишь вопрос времени. Ему можно было только посочувствовать. Тепло попрощавшись, мы расстались. Следующая, и последняя, встреча состоялась через полтора года – на допросе.

Через несколько месяцев, в декабре 1986 года, в Алма-Ате проходила очередная сессия Верховного Совета. В разгар ее работы Кунаев покинул президиум и на своем самолете убыл в Москву.

11 декабря в Караганду позвонил Мирошхин.

– Видимо, у нас предстоят большие перемены в руководстве, – сказал он. – Я хотел бы переговорить с вами. Если вас не затруднит, прилетайте завтра. Я дал указание обеспечить вам вылет.

Улетали мы с Мызниковым в двадцатиградусный мороз при таком боковом ветре, что с трудом добрались до самолета, не надеясь, что он может взлететь. Все обошлось, правда с промежуточной посадкой и ночевкой в Балхаше.

Олег Семенович перезвонил около девяти утра и перенес аудиенцию с 10 на 12 часов. По его словам, Кунаев собирал всех руководителей республики, чтобы сделать заявление. Какое – все, конечно, догадывались. Встретились мы в назначенное время.

– Димаш Ахмедович был у Горбачева, – стал рассказывать Мирошхин. – Заявил, что хотел бы уйти на пенсию. Генсек ответил, что это правильное решение и он его одобряет. Ну тут началось. Мукашев (в то время председатель Президиума Верховного Совета Казахстана) чуть не прослезился: что, мол, без вас, отец родной, делать будем? Осиротеем! (Пройдет совсем

немного времени, и на пленумах и партийных активах тот же Мукашев будет поливать грязью бывшего патрона. Тогда же, как я понял, его панегирики вызвали горькую иронию у окружающих.)

– Я вот что хотел спросить, – продолжал Мирошхин. – Знаете ли вы, кто заменит Кунаева? Понимаете, для меня это не безразлично. Если первым станет Назарбаев, я остаюсь. Если придет русский, то вторым должен быть казах.

– Олег Семенович, я по должности в такие тайны мадридского двора не посвящен. Как понял, вы на 16 декабря готовите пленум. Кто приезжает из центра?

– Сказали, Разумовский[51].

– Если он приедет один, первый – кто-то из ваших; если привезет «варяга», все сразу станет ясно.

15 декабря 1986 года спецрейс из Москвы встречали первые лица республики. За спиной заведующего орготделом ЦК по трапу спускался первый секретарь Ульяновского обкома КПСС Геннадий Васильевич Колбин.

На следующий день, утром, состоялся пленум, длившийся не более сорока минут. Он был проведен, с моей точки зрения, в оскорбительной для казахской партийной организации форме. После представления Разумовским малоизвестного казахстанцам Колбина растерявшиеся участники пленума безропотно и чисто по-коммунистически подняли руки: «одобрям».

Но все было не так просто. Наши следователи одними из первых поняли, что произошло. После окончания работы пленума обстановка в аппарате прокуратуры республики, где большинство работающих были казахи, стала тревожной. В кабинетах собирались группами и что-то оживленно обсуждали. Приход Колбина, известного «наведением порядка» в Грузии[52], мог означать только одно – повторение «узбекского варианта». Взрыв не заставил себя ждать.

Около 10 часов утра следующего дня ко мне в кабинет вбежал перепуганный Мызников:

– Володя, перед зданием ЦК собралась группа студентов. Требуют проведения нового пленума. Едем!

На площади, носящей имя Брежнева, стояла толпа молодых ребят и девушек человек в триста. Над толпой были лозунги на русском языке: «Каждому народу своего вождя!» Перед трибуной и вдоль нее виднелась редкая цепочка милиционеров. Среди снующих по площади людей я заметил председателя КГБ Мирошника и министра внутренних дел Князева. У всех на лицах растерянность, потому что ни на какие уговоры и просьбы разойтись молодежь не реагировала. В это время со стороны улицы Мира им навстречу двинулась еще одна толпа молодежи.

Последовала краткая команда, и работники милиции, растянувшись цепью, попытались преградить им дорогу. Из толпы, стоящей на площади, и той, которая намеревалась соединиться с ней, раздались крики. Люди ринулись навстречу друг другу. В считаные секунды милиционеры были смяты. Тех, кто упал, топтали ногами бегущие. Раздавались призывы на казахском языке. Кто-то кричал по-русски: «Не давайте им спровоцировать нас!»

Обстановка накалялась, и по мере увеличения количества митингующих на площадь прибывали также многочисленные группы моложавых, подтянутых парней в гражданском – как мы догадались, переодетых офицеров КГБ и милиции. Прямо к трибуне подогнали УАЗ. Там разве что не билась в истерике одна девушка, и парни сумели вытеснить ее из толпы и пытались усадить в автомашину. Она отчаянно что-то кричала и вырывалась. Вдруг на работников КГБ набросилась очень уж хорошо одетая женщина и отбила у них задержанную. Я увидел изумленное лицо Мызникова.

– Боже! Это же секретарь обкома по идеологии!

Заработали громкоговорящие установки. Молодежь уговаривали разойтись и к 15 часам собраться на другой площади, у здания Совета министров.

Реакции не последовало.

К 11 часам на площадь привезли руководителей и преподавателей алма-атинских вузов. Разговаривали они на родном языке, но и без перевода было понятно: действия студентов они одобряют. Заметили мы также в толпе людей, команды которых студенты беспрекословно выполняли. К 12 часам толпа разделилась на две части. Одна колонной двинулась по улицам, другая рассеялась на мелкие группы. Через полчаса поступила информация о том, что они буквально штурмуют общежития, призывая других студентов присоединяться к ним.

Площадь очистилась, но ненадолго. Через несколько часов уже многотысячная толпа вновь собралась у здания ЦК.

Сегодня алма-атинские события получили совсем иную оценку в Казахстане. Поэтому расскажу только о том, что видел сам. Около часа следовали мы на служебной автомашине за колонной демонстрантов, проследовавшей с площади на улицы города. С собой у меня был фотоаппарат, и на имеющихся фотоснимках хорошо видно, как по бокам колонну с палками и прутьями в руках охраняют молодые ребята крепкого телосложения. А ведь это было только утро 17 декабря 1986 года.

К тому времени милиция стягивала силы на площадь. Демонстрантам никто не угрожал, тем более никто не применял к

ним насилия.

В следующий раз мы с Мызниковым приехали на площадь в самый разгар второй стадии митинга. Водитель Мызникова был крайне напуган происходящим и все время уговаривал нас уехать от греха подальше. Мы же очень рассчитывали на получение свежей информации от прокурора республики Елемисова.

К тому времени толпа молодежи выросла до трех-четырех тысяч человек. Агрессивность была высокой. С трибуны с ними пытались вести диалог Назарбаев, заместитель министра внутренних дел Басаров, Елемисов. Требование митингующих одно – проведение повторного пленума. При движении в сторону трибуны запомнилась сценка с участием группы казахов и русского парня.

– Слушайте, ребята, нас, русских, здесь больше половины, но не кричали же мы два десятка лет: «Долой казаха Кунаева!» Ну, избрали сейчас русского, что изменилось? Мы же все вместе живем на одной земле, в Советском Союзе.

В ответ кто-то гордо доказывал свое, большинство отвечало угрюмым молчанием.

Митинг продолжался, а на трибуне высокорангированные руководители пытались унять страсти все более и более бушующей толпы. В это время мы заметили, что по ступенькам на трибуну взбирается молодая женщина с девочкой лет семи. Подумали: чья-то мать хочет призвать к благоразумию сына или дочь и их товарищей. Она же, подняв девочку на руках, выкрикивала что-то на казахском языке. Перевод криков Нуркеновой (такой была ее фамилия) нас, признаться, озадачил: «Не допустим возрождения 37-го года!.. Они мучили меня в своих застенках!.. Не позволим русским руководить нами!» и т. д. Получалось, что она пережила репрессии задолго до своего рождения.

Толпа отвечала возмущенным ревом. Около 17 часов митингующие попытались прорвать оцепление и двинуться к зданию ЦК. Работники милиции стояли спокойно, сцепив руки. Я же вдруг понял, что сдержать митингующих они не смогут, и тогда… Честно говоря, стало страшно. Бежать можно было только в одном направлении, по обледеневшим ступеням мраморных лестниц, но мы с Мызниковым понимали, что так далеко не убежишь. Посмотрел на коллегу. Он был белее самой белой из стен.

– Уходим, – коротко бросил Аркадий Дмитриевич.

В обход мы буквально рванули к месту, где нас должна была ждать автомашина, но ее там не было. Перепуганный больше нашего водитель просто-напросто сбежал.

Позже нам рассказали, что в это время Горбачев через Колбина обращался к Кунаеву с просьбой выступить перед митингующими. Кунаев отказался. Такое его поведение через некоторое время дало повод к обвинению бывшего члена политбюро в причастности к организации массовых беспорядков. По этому поводу я попросил высказаться одного из крупных политических лидеров Казахстана эпохи застоя – Асанбая Аскарова, кстати находившегося в родственных отношениях с Кунаевым.

– Да нет, что вы, – заулыбался Аскаров. – Никакого отношения к декабрьским событиям он не имеет. Душа Кунаева, конечно, радовалась, что проводы его, такие сухие и формальные со стороны центра и бывших соратников, сопровождаются громким скандалом, но не более.

Шло время. Напряжение не только не спадало, а, наоборот, нарастало. Наиболее агрессивно настроенные участники митинга стали срывать с работников милиции шапки и погоны, бросали в них куски мрамора из облицовки зданий на площади, наносили удары прутьями и палками. Появились первые раненые. Это был уже далеко не мирный митинг.

На площадь начали стягиваться внутренние войска. Ряд спецподразделений из других регионов страны срочно перебрасывался в Алма-Ату самолетами. Все имеющиеся в наличии силы милиции и армии сосредоточивались только для защиты здания ЦК, оставляя сам город практически неприкрытым. Развешанные в кабинетах руководителей МВД, куда мы с трудом добрались, секретные карты и графики оперативного развертывания милиции на случай массовых беспорядков оказались фикцией. А ведь в любой момент могли начаться более серьезные столкновения на межнациональной почве. Поводов к этому было более чем достаточно.

При нас в приемную министра позвонила русская женщина. Ее мужа избили на улице, и она заявила, что если властями срочно не будут приняты действенные меры, то они из жильцов дома создадут боевую дружину и будут защищать себя сами. Помощник министра, кстати казах по национальности, как мог успокаивал ее, заверяя, что наведение порядка вопрос времени.

В 18 часов нам сообщили, что Москвой принято решение направить в Алма-Ату заместителя заведующего отделом ЦК Разумова, заместителя генерального прокурора СССР Сороку, заместителя министра внутренних дел СССР Елисова, первого заместителя председателя КГБ СССР Бобкова. Вместе с ними спецрейсом и рейсовыми самолетами следовала большая группа руководящих работников МВД и КГБ СССР. К этому времени

образовали кризисный штаб, который разместился в бункере, расположенном под центральной трибуной площади. Здание МВД, в котором находились мы и еще с десяток работников различных ведомств и где хранилось оружие, прикрывали всего 15 милиционеров, вооруженных автоматами. Единственными источниками информации о событиях, происходящих в городе, были телефон и обычная переносная рация, по которой можно было слышать переговоры патрулей и руководителей подразделений внутренних войск и милиции.

Около 21 часа к площади прибыли пожарные машины. Стоял десятиградусный мороз, и пыл митингующих попытались охладить водой. Безрезультатно. В ответ пожарных разогнали, их автомашины раскурочили и стали жечь. Напряжение все более нарастало. На легковых автомобилях и грузовиках к площади стали подвозить специально и наспех заготовленные колья, прутья, дубинки.

Из дневниковой записи хронологии событий 17 декабря 1986 года:

«…22 часа 20 минут. Люди из толпы обстреливают из ракетниц здание ЦК. Загораются два кабинета. Пожар потушен. Одной из ракетниц стреляют в спину солдата внутренних войск. В больницу поступают с ранениями различной тяжести работники милиции и военнослужащие…

…В 23 часа в бункере принята делегация парламентеров митингующих. После переговоров парламентеры сумели разагитировать митингующих и увести с площади около тысячи человек.

…В 23 часа 30 минут толпа численностью 200–300 человек, постоянно увеличиваясь за счет примыкающих к ней жителей города, движется к центру города со стороны двух окраинных микрорайонов. Толпой захвачены два трамвая. Пассажиров вытащили из вагонов, многие избиты.

…24 часа. Толпу пытаются остановить кинологи с собаками. Три собаки убиты. Толпа продолжает движение…»

Эти сообщения все мы, собравшиеся в кабинете заместителя министра внутренних дел Митрофаненко, слушали по портативной рации. Переговоры руководителей и командиров подразделений, разбросанных по городу, шли на отборном русском мате, примерно так: «…Мать твою, кинологи живы? – Вроде да! – Они с оружием? – Да! (Нецензурная брань.) Идиот! – Оружие у них забрали? – Нет, все в порядке. Товарищ генерал, товарищ генерал! Нам их останавливать? (Мат.) – Нет! Пропускай к центру, мы их встретим…»

Я, стоя возле рации, вслушивался в эти переговоры. Подошел

один из руководителей 3-го отдела КГБ республики:

– Представляешь, все это через спутники фиксируют американцы. Ну и будут смеяться над нами! Вот как советские воюют!..

Отвечаю:

– А может, мы иначе не умеем?

Идут доклады о том, что начались роптания среди работников милиции и военнослужащих. Их раненых товарищей, в том числе и с тяжелыми травмами, выносили из оцепления и увозили в больницы. Они требовали приказа дать отпор и угрожали, что начнут действовать по своему усмотрению.

В начале первого часа ночи поступило сообщение о том, что сосредоточенным на площади спецназовцам дана наконец команда очистить площадь. С заданием они справились в пределах получаса. Действовали эти асы руками и ногами, спецсредств и оружия не применяли. «Площадь очищена от хулиганствующих элементов» – эту новость восприняли с облегчением. Около 2 часов в Доме политпросвещения Колбин собрал партийный актив города. Гневно бросил в зал: «Прекратите этот махровый национализм!»

Эх, Геннадий Васильевич! Если бы все было так просто. Жизнь и работа на руководящих партийных должностях в Ульяновской области и в Грузии отнюдь не позволяли вам с ходу объективно и правильно оценить специфику Казахстана.

А в «бункере» продолжали совещаться уже с участием командующего Среднеазиатским военным округом Лобова. Ожидали прибытия одного из заместителей министра обороны СССР. Связь с Москвой поддерживалась постоянно. Наконец, центр в лице министра обороны Соколова дал согласие на привлечение к подавлению массовых беспорядков курсантов Алма-Атинского высшего училища погранвойск.

Только к семи утра мы смогли добраться в гостиницу. Через пару часов разбудил Мызников. С ним приехал начальник отдела союзной прокуратуры Виктор Стрельников. Все вместе решили переговорить с Сорокой, который входил в состав правительственной комиссии и всю ночь заседал в «бункере». Добираться туда было опасно и сложно. Поэтому в сопровождении двух автомашин ГАИ буквально прорывались к зданию ЦК. Оно было полностью оцеплено войсками, милицией и людьми в гражданском. Саму площадь с двух сторон перекрывали шеренги спецназа со щитами и дубинками в руках. На улицах Мира и Фурманова находились толпы молодых парней и девушек казахской национальности. Многие были вооружены палками и прутьями.

Курсанты-пограничники разместились ближе к центральному входу в ЦК. Оружия у них нет, хотя на ступеньках на определенном расстоянии стоят ящики с боеприпасами и оружием. Бросилось в глаза, что на поясе за спиной у каждого курсанта закреплена саперная лопатка. Мы пришли тогда к выводу о том, что это не случайно. При прямом столкновении с толпой ничем не вооруженные 18–20-летние парни только и могли прибегнуть для своей защиты к помощи саперных лопаток. Так за них решили командиры.

Через несколько лет, читая сообщения о трагедии, произошедшей в Тбилиси, и обвинения в адрес армии, использовавшей для разгона митингующих саперные лопатки, я вспомнил Алма-Ату. На военных возлагали функции, к которым они не были готовы ни морально, ни в плане технического обеспечения спецсредствами. Каждый действовал по своему разумению.

Сорока переговорил с нами накоротке. Сообщил, что обстановка продолжает оставаться сложной, поступают сообщения о начинающихся выступлениях молодежи в ряде областей республики. Пожелав нам сохранять выдержку и самообладание, распрощался. Тут-то мы и увидели, как толпа с улицы Фурманова попыталась прорваться на площадь. Смять прикрывающиеся щитами шеренги спецназа они не смогли и отхлынули назад. Тут же шеренги разомкнулись и на толпу ринулись молодцеватые парни в гражданском. Митингующие начали в беспорядке разбегаться. Тех из них, кого смогли задержать, буквально волоком тащили на площадку, расположенную за трибуной. Следовали жесткие команды: «На колени! Руки за голову!» На задержанных сыпались удары руками, ногами, дубинками.

Обратили внимание на высокого парня-казаха, который, видимо, более остальных досадил спецназовцам. Десяток из них, доставив очередного задержанного, обязательно подбегали к нему, наносили один-два удара и удалялись за следующими.

Вдоль площадки с папкой в левой руке и обычной деревянной дубиной в другой вышагивал, что-то приговаривая, подполковник-пограничник с перебинтованной головой. Приблизившись к этому парню, он громко дал команду: «Разойдись!» – и, когда избиваемый попытался поднять голову, нанес ему резкий удар дубинкой по голове. Следующий удар, ногой в сапоге, последовал в пах. Парень стал падать вперед, но отлетел в обратную сторону после не менее сильного встречного удара ногой в лицо. Напротив нас что-то гневно кричала подполковнику девушка-казашка, разносившая горячий чай

солдатам.

Вслед за этим последовала не менее безобразная сцена, поразившая нас бессмысленной жестокостью по отношению к задержанным. На площадку подогнали автобусы. Вооруженные дубинками работники милиции образовали коридор в 25–30 метров. Раздалась команда: «Встать! Руки за голову! В автобус! Шаг влево, шаг вправо – удар! Марш!»

Очумевшие от происходящего мальчишки трусцой бежали по коридору, получая удары дубинками при малейшем отклонении в сторону. В автобусы их буквально набивали как сельдь в бочку. Из окон многоэтажного здания ЦК за происходящим наблюдали их соплеменники.

Бесчинства в городе продолжались. В одном из автобусов пригородного маршрута казах ударом ножа убил шестнадцатилетнего мальчишку Аристова, виновного лишь в том, что он как контролер потребовал предъявить ему проездной билет. Еще более дикий случай произошел напротив телецентра на улице Мира, где в оцеплении были выставлены в живой цепочке его работники.

По улице в сторону площади двигалась очередная толпа, лидеры которой несли большой портрет Ленина. Неожиданно несколько молодых людей, вооруженных металлическими прутьями, бросились к стоявшим на обочине и, избивая, вытащили на середину улицы инженера телецентра Савицкого. Свалив его на асфальт, они стали наносить ему удары металлическими прутьями по голове. Буквально в несколько секунд все было кончено. Савицкого убили.

Пройдет некоторое время, и следователи смогут изобличить только одного из убийц – Раскулбекова. Поскольку, по заключению судебно-медицинской экспертизы, каждый из ударов, нанесенных Савицкому, был смертельным, суд вынесет ему суровый приговор – смертную казнь.

В ожидании исполнения приговора убийца не выдержит психологического стресса и покончит с собой в тюремной камере. Спустя годы в Казахстане будет создана комиссия Верховного Совета республики по пересмотру оценок событий 17–18 декабря 1986 года. Все осужденные за участие в массовых беспорядках будут реабилитированы. Дойдет черед и до постановки вопроса о реабилитации лиц, изобличенных в наиболее тяжких преступлениях, в том числе и убийцы Савицкого. Мне рассказали, что его именем назвали улицу в Чимкенте, а позже якобы присвоили звание Героя Казахстана. Если это правда, то этого я не могу понять ни умом, ни сердцем. Что же, у каждого народа свое понимание правды. Я рассказываю только о том, что увидел

и пережил в те тревожные декабрьские дни.

Пройдет несколько лет, и вопреки правде по инициативе Горбачева будет изменено решение политбюро по оценке декабрьских событий в Алма-Ате. Это развяжет руки местным националистам, и начнется большая травля работников правоохранительных органов, причастных к расследованию дела о массовых беспорядках, в основном русских. Расправа вершилась руками специально созданной комиссии под руководством видного деятеля культуры республики Марата Шаханова. Он станет делать публичные заявления о десятках казахов, убитых при подавлении массовых беспорядков. Ложь! В те трагические дни были убиты только три человека: двое русских и один казах. В лечебные учреждения за оказанием помощи обратились 923 человека. Я позволю себе привести свои дневниковые записи того периода, сделанные, как говорят, по горячим следам. Вот они.

По состоянию на 20 декабря 1986 года:

«В медицинские учреждения города обращалось 679 человек… из них: госпитализировано – 241, в том числе: гражданских лиц – 88, военнослужащих – 82, сотрудников органов внутренних дел – 71. В тяжелом состоянии находится 17 человек, из них: 10 гражданских, 4 сотрудника органов внутренних дел и 3 военнослужащих…

Сожжено 11 и повреждено 24 единицы специальных транспортных средств, выведено из строя 89 автобусов и 33 легковых такси. Нанесен ущерб 13 студенческим общежитиям, 5 учебным заведениям, 6 предприятиям торговли и общественного питания, 4 административным зданиям и другим объектам.

Доставлено в органы внутренних дел 2335 человек… Профилактировано и отпущено 1994 человека. Содержится на 20 декабря 1986 года в органах внутренних дел 341 человек».

С бунтом, имевшим ярко выраженную националистическую окраску, справились за два дня. На тех, кого считали виновными, обрушились разного рода репрессии. Десятки молодых людей были арестованы, сотни исключены из высших и средних учебных заведений. В республике, как тогда любили говорить, начался активный «очистительный процесс». Слетали со своих постов люди из ближайшего окружения Кунаева, встал вопрос о привлечении к уголовной ответственности отдельных из них.

Здесь-то и проявилась своеобразная позиция республиканской прокуратуры. Сразу после возбуждения уголовного дела в отношении активных участников массовых беспорядков ее руководители заявили, что в помощи союзных следователей не нуждаются и с расследованием справятся сами. Сорока, поддерживавший дружеские взаимоотношения с

Мызниковым, против этого не возражал. Такую же позицию наши коллеги заняли и по расследованию должностных злоупотреблений. Желая не ударить в грязь лицом перед Колбиным, они сами возбудили уголовные дела против помощника Кунаева Дюсетая Бекежанова, управляющего делами ЦК Статенина и управляющего делами Совета министров Лысых.

Этих широко известных в республике ответственных работников арестовали. Газеты запестрели сообщениями об активах, пленумах, на которых вчерашние товарищи по партии активно разоблачали «поправших нормы партийной жизни отщепенцев». Пошли разговоры о том, что не за горами повторение узбекского дела. Но многие забывали, что никто в республике в этом заинтересован не был. Никто не хотел, как выразился один из руководителей республики, запустить козла в огород и позволить вести крупномасштабное расследование силами Прокуратуры СССР.

Между тем завершалось следствие по делу Караваева, и тут ход событий изменил его величество случай. Как-то при очередном посещении прокуратуры жена бывшего министра вскользь проговорилась, что скрыла факт продажи через комиссионный магазин якобы купленного ранее магнитофона «Шарп-777». Таковой по материалам дела не проходил, и мы пришли к выводу, что Караваев был искренен с нами до определенного предела. При очередном допросе я выразил свое недоумение таким его поведением. Караваев растерялся и рассказал, что получил магнитофон в качестве взятки от начальника Чимкентского пассажирского автоуправления Дмитриева. Новый эпизод мы вынуждены были отрабатывать и вызвали Дмитриева в следственную часть Прокуратуры СССР, благо он в то время находился на курсах повышения квалификации в Москве.

Результат был неожиданным. Дмитриев, как говорят на нашем профессиональном жаргоне, «полностью раскололся». Он рассказал о системе взяточничества в Чимкентской области, которая не только не уступала, а намного превосходила карагандинскую по вертикальной и горизонтальной схеме преступных связей.

В Чимкент выехала группа следователей. Оперативных работников из центра возглавил начальник отдела ГУБХСС МВД СССР Асланбек Аслаханов. К нам на помощь поспешили Мызников и заместитель начальника ОБХСС МВД Казахской ССР Дружинин. Операция по реализации показаний Дмитриева заняла несколько недель и вызвала большую панику в Чимкенте. Повязанные взятками руководители не могли понять, кто

следующим окажется за решеткой. К нам постоянно поступала информация о том, что на легковых и грузовых автомашинах в отдаленные поселки ночью вывозятся нажитые преступным путем ценности. Между тем возможности наши были ограничены, и имеющимися силами мы могли обеспечить только расследование взяточничества в пассажирском автоуправлении.

В те дни меня представили новому руководителю областной партийной организации Герою Социалистического Труда Мырзашеву. Он сменил на этом посту небезызвестного Асанбая Аскарова. Назначая на этот пост, перед ним поставили задачу – навести порядок в коррумпированной на всех этажах власти области.

По существующему тогда порядку я в общих чертах проинформировал Мырзашева о перспективах расследования, назвал некоторых партийных руководителей, которые фигурировали в деле как взяточники. Мырзашев побледнел и с трудом скрывал охватившее его волнение. «Неужели и ты успел вываляться в чимкентской грязи?» – подумал я, прощаясь с первым лицом в области.

К тому времени мы арестовали бывшего первого секретаря Абайского райкома Мустафаева, но, как у нас говорят, «обожглись». Он упорно отрицал свою вину. Ценностей и вещественных доказательств при обысках у Мустафаева не обнаружили, и доказательство его вины представляло известные сложности.

Уезжая в Москву для завершения дела Караваева, я рекомендовал коллегам не рисковать и идти на новые аресты только при полной уверенности, что мы не провалимся. Тем более что ближайшим кандидатом в подследственные из числа партийных руководителей был только бывший первый секретарь Чардарьинского райкома партии Лесбек Бекжанов. (Двое из арестованных «автомобилистов» заявили о даче ему взяток.)

Между тем местечковая чимкентская жизнь шла своим чередом, и Мырзашева крайне беспокоили анонимки о его прегрешениях, систематически поступавшие на имя Колбина и в ЦК КПСС.

Он дал команду работникам КГБ разыскать доносчика. Его вычислили оперативным путем. Подозрение пало на Бекжанова, и последовало новое поручение, теперь уже прокурору области Шведюку. Ему надлежало изыскать возможность изъятия у Бекжанова пишущей машинки, последующего экспертного исследования заявлений с целью изобличения автора подметных писем. Тут-то и вспомнили показания о получении Бекжановым взяток. Предлог для проведения обыска был, но никто и

предположить не мог, какими окажутся результаты. У обыскиваемого изъяли денег на сумму около 1,5 миллиона рублей, вещей и ценных предметов в таком количестве, что вывозить их пришлось грузовиками. В такой ситуации приняли решение о задержании Бекжанова. Оно оказалось полностью оправданным. На следующий день он стал рассказывать о созданной и взлелеянной им системе взяточничества в районе.

Возглавив районную партийную организацию, действовал Лесбек (по-казахски – Лекэ) целеустремленно и продуманно. Заручившись согласием начальника милиции Акмурзаева, поручил ему поиски компромата на всех руководящих работников района.

– Куандык, ищи на них такое, чтобы тряслись от страха, но не переборщи, – поучал он стража правопорядка и законности. – Уголовные дела и скамья подсудимых не для них. Пусть делятся с нами – и этого достаточно.

Тандем заработал в полную силу. Рубли потекли рекой. Частью своих левых доходов Лекэ одаривал тех, от кого зависели его благополучие и карьера.

«Мой ранг секретаря райкома партии требовал от меня беспрекословно выполнять указания, подчиняться своему руководителю. Тут действует партийная дисциплина. Жить надо. Надо воспитывать детей, а для этого нужно трудиться, а чтобы работать, надо давать взятки. Дача взятки не мною придумана. Я вошел в нее, когда она была создана как система, то есть задолго до моего появления на партийной работе. В душе я не был согласен с собственным деянием, являлся лишь жертвой деспотизма своего вышестоящего руководителя… С себя я не снимаю ответственности за содеянное, но я не первопричина, только следствие того кошмара, который был создан руководителем надо мной стоящего органа»[53].

Закладывая бывших патронов и подчиненных, Бекжанов убеждал следствие в своей искренности подробным изложением обстоятельств совершения преступления, проявлял большое усердие в помощи по отысканию вещественных доказательств – предметов взяток.

С первой нашей личной встречи я убедился, что Бекжанов говорит правду, но это отнюдь не было продиктовано его раскаянием в содеянном. Думаю, как и большинство взяточников, он рассуждал примерно так: «Мне плохо, очень плохо. Сплю на нарах, питаюсь баландой, а они… они… Нет уж, пусть, как и я, до дна выпьют эту горькую чашу». И еще я понял, что Бекжанов горит желанием отправить на скамью подсудимых тех, кого он так щедро одаривал и кто не помог ему в трудную минуту. Для

нас же важным было то, что от Бекжанова мы впервые получили показания о конкретных фактах получения взяток Асанбаем Аскаровым.

Кем же был этот человек, биография которого кратко излагалась в Большой советской энциклопедии? Герой Социалистического Труда, награжденный пятью орденами Ленина и всеми прочими орденами СССР (некоторыми по нескольку раз), он в течение 27 лет возглавлял партийные организации Джамбульской, Алма-Атинской, а затем Чимкентской областей. Депутат Верховного Совета СССР многих созывов, он был также председателем Комиссии по делам молодежи Совета национальностей и в этом качестве тесно взаимодействовал в конце 70-х с Горбачевым. Укрепляя личную власть, он выдал одну из своих дочерей замуж за сына брата Кунаева Оскара и тем самым породнился с семьей могущественного члена политбюро. И самое главное – Аскаров был одним из влиятельнейших фигур в могущественном роде дулатов «старшего джуза» (родо-племенное деление казахов). По крайней мере, нас в этом убеждали неоднократно.

«В печати уже сообщалось об исключении из членов КПСС бывшего первого секретаря Чимкентского обкома партии А. Аскарова, он занимал высокий пост, встал на путь предательства интересов партии и народа, подло поправ оказанное ему доверие. Высочайше обласканный, огражденный от критики и ответственности, уверовав в собственную непогрешимость, перерожденец превратил свое рабочее место в кресло удельного князька, действовал по принципу: «Хочу – казню, хочу – милую». Утвердив отношения с окружающими на основе круговой поруки, личной преданности, коррупционист создал благоприятную почву для процветания взяточничества, которое стало в области системой отношений многих подчиненных и подконтрольных работников»[54].

Об этом высокорангированном партийном руководителе-взяточнике мы впервые услышали в 1984 году, когда преступные связи узбекских хлопководов впервые привели нас в Чимкент. Сосланные в эту область Федорчуком[55] для продолжения службы бывшие ответственные работники УБХСС МВД СССР Ярцев и Бакрадзе с возмущением рассказывали о вопиющих фактах взяточничества, о полной безнаказанности высокопоставленных должностных лиц области. Тогда подготовленная по их инициативе оперативная информация вынудила ЦК КПСС принять решение о направлении в Чимкентскую область специальной комиссии. Спрятать все концы в воду не сумели, и поэтому Аскарова, слегка пожурив, отправили

на пенсию. В печати, как всегда в таких случаях, сообщили, что Аскаров «допускал серьезные недостатки в работе».

Такой поворот в благополучной карьере не был случайным. Его предопределила опала, в которую Асанбай Аскарович попал в начале 80-х, возглавляя в то время партийную организацию Алма-Атинской области. Тогда Кунаев перенес тяжелый инфаркт, и прогноз врачей был самым неблагоприятным. Аскаров позволил себе преждевременно намекнуть о своих претензиях на «престол». Этого Кунаев ему не простил.

Следствие по делу набирало обороты, и становилось очевидным, что вырисовывается основная группа взяточников из руководящих работников партийных органов области. Вместе с тем мы все больше убеждались, что наши республиканские коллеги делают все возможное, чтобы не выпускать ситуацию из-под своего контроля. Благо обстановка для них складывалась благоприятная. Из-за моих забот по делу Караваева и фактически постоянного пребывания в Москве первую скрипку на этом этапе расследования играли они сами.

Показаний Бекжанова для ареста Аскарова было недостаточно, но следствие располагало многочисленными показаниями о так называемых «трех его кошельках». Фамилию первого я опущу, так как вина его доказана не была и к уголовной ответственности он не привлекался, а вот второй – заведующий отделом торгово-финансовых органов обкома Комекбаев – и третий – заведующий отделом науки и учебных заведений Ахметов – надежды следствия оправдали. Заслуги в их разоблачении принадлежат Мызникову, следователям группы Сидоренко, Гаврилову и Нестерюку. Они же вышли на Аскарова еще через одного из его приближенных – первого секретаря Кызылкумского райкома партии Аргинбекова. В прошлом он возглавлял Чимкентское пассажирское автоуправление, был дружен с Караваевым и получением взяток баловался давно. Материалов для ареста Аскарова стало более чем достаточно.

В то время я неоднократно встречался с Колбиным и видел его заинтересованность в выявлении фактов коррупции и взяточничества в республике. Сегодня в Казахстане есть лица, и довольно влиятельные, которые имеют собственное суждение о событиях тех лет. Соединив декабрьские события с арестами сановных чиновников, они выдают это чуть ли не как заранее спланированные и осуществленные центром репрессии против казахского народа на его пути к подлинной демократии.

Это не так! И ЦК, и Колбина, конечно, интересовало, как сложилась и функционирует в республике система казнокрадства и взяточничества, кто спровоцировал молодежь на открытое

неповиновение властям. Но это не было самоцелью многочисленных (в основном местных) следственных групп, работавших в тот период. Народ возмущала безнаказанность высокорангированных руководителей.

О предстоящем аресте Аскарова Колбина проинформировали я и Елемисов. Через некоторое время узнали, что он разговаривал с Горбачевым и генсек ответил: «Пусть товарищи действуют по закону».

17 апреля 1987 года Колбин совершил поездку в Чимкентскую область. По традиции его встречал и неотлучно находился рядом Мырзашев. Сопровождающие отметили явно бросающееся в глаза странное поведение первого. Мырзашев был растерян, на вопросы отвечал невпопад. Когда его спросили, что случилось, бросил коротко: «Плохо себя чувствую». На следующий день утром он повесился в туалете собственной квартиры. Некролог, подписанный Горбачевым и другими членами политбюро, лживо информировал советский народ о том, что очередной «верный сын партии» почил в бозе.

«18 апреля 1987 года скоропостижно скончался кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, первый секретарь Чимкентского обкома Компартии Казахстана Рысбек Мырзашев»[56].

Что же заставило этого человека принять роковое решение? Собственные грехи были известны ему как никому другому. Видимо, полученную от нас информацию о ходе следствия он проанализировал по-своему, дорисовал логическими умозаключениями и психологического перенапряжения, в которое сам себя вогнал, не выдержал.

Не желая повторения такого рода сюрпризов, к аресту Аскарова готовились тщательно. Нам хватало тех неприятностей, которые в избытке были у Гдляна, когда после очередного самоубийства в Узбекистане нагнетались страсти о бесчеловечности и жестокости представителей центра. Аскарова решили брать на улице, но он упорно отсиживался дома.

До этого Колбин в моем присутствии дал указание председателю КГБ Мирошнику оказывать нам любую помощь по делу, но довольно скоро я и Аслаханов убедились, что нас, мягко говоря, водят за нос. Местные гэбисты не только не имели намерений помочь нам в аресте, но и, как мы поняли, скрывали задокументированную ими информацию о местах сокрытия ценностей, принадлежавших Аскарову, и это несмотря на то, что они плотно опекали его в течение длительного времени.

Тогда и было принято решение действовать на свой страх и риск. Вечером в гостинице, переодевшись в спортивную одежду, я

и Аслаханов двинулись к дому Аскарова. Мы решили лично осмотреть место расположения подъезда его квартиры и произвести арест самым примитивным, десятки раз описанным в детективах и показанным в кинофильмах способом.

Служба наружного наблюдения засекла мой вход и выход из подъезда, но с укромным местом, где ждал Аслаханов, грубо прокололась. Мы столкнулись, как говорят, нос к носу, и растерянность наших коллег была так велика, что они через несколько минут засветили всю свою бригаду. Позже я спрашивал у Мирошника, кого они в нас заподозрили и какими кличками нарекли на следующий день в своих донесениях. Он отделался шутками. Обид на коллег, честно говоря, не было. Каждый делал свою работу.

На следующий день утром Аслаханов и начальник БХСС республики Сулейменов, взяв с собой сотрудницу БХСС, позвонили в квартиру Аскаровых. На вопрос «Кто там?» женщина ответила: «Вам правительственная телеграмма». Двери открыли. Аскаров отдыхал в спальне и ничего не успел сделать. Арест прошел просто и быстро. Начался длившийся несколько дней обыск его квартиры.

Минут через тридцать позвонил начальник 7-й службы КГБ и проинформировал, что Аскарова выкрали и увезли на автомашине с номерами Совета министров в неизвестном направлении.

– Аскаров сидит передо мной и дает показания, – сообщил я ему. – Так и доложите своему руководству.

Поместили Асанбая Аскаровича в следственный изолятор КГБ, но уже через день, когда он сослался на плохое самочувствие, не проинформировав нас, его срочно перевели на лечение в военный госпиталь. В течение десяти наиболее важных в таких ситуациях дней мы были лишены возможности допрашивать матерого взяточника. Но это так, к слову. Все могло быть и случайным стечением обстоятельств.

Поведение Аскарова в дальнейшем было непоследовательным. Он признавал отдельные факты получения им взяток, а потом отказывался от своих показаний. Очень охотно и подробно описывал в заявлениях нравы, царившие в верхних эшелонах власти.

Для нас же главным были результаты обысков у Аскарова, ибо при их проведении мы обнаружили и изъяли именно те предметы взяток, о которых задолго до этого рассказывал Бекжанов.

Из заявления Аскарова на имя М. С. Горбачева от 20 июня 1987 года: «Уважаемый, Михаил Сергеевич, горько сожалею, что

не набрался мужества написать это заявление Вам, когда был решен вопрос об освобождении меня от должности. Вот уже три месяца, как я арестован и обвиняюсь в получении взяток. К глубокому сожалению, все, в чем меня обвиняют, правда. Я получал взятки, исчисляемые сотнями тысяч рублей. После очных ставок и предъявленных нам материалов я сразу понял, что впереди безысходность…»

Летом 1990 года во Фрунзе (ныне – Бишкек) будет близиться к завершению судебное следствие по делу Аскарова и его бывших сподвижников. Единственным, кто не откажется от своих показаний на предварительном следствии, будет сменивший Дмитриева начальник Чимкентского пассажирского автоуправления Алтунин. Все остальные будут дружно утверждать, что оговорили себя вследствие применения незаконных методов расследования. За 20 лет работы следователем я никогда не допрашивался в суде, но тут, узнав о намерениях председательствующей по делу, вдруг подумал, что хотя, с моей точки зрения, следователи не могут быть свидетелями, но почему бы и нет? Мне захотелось не один на один в кабинете следственного изолятора, а в присутствии адвокатов и общественных защитников, родных и близких посмотреть им в глаза, выслушать их доводы и гласно рассказать, как на допросах, в том числе и под видеозапись, изгалялись они в разоблачении системы взяточничества, лгали и изворачивались, оговаривая друг друга по размерам взяток. Как оскорбляли на очных ставках бывших соратников по партии и даже пытались подраться, разнимаемые растерявшимися следователями. Особенно колоритно это выглядело при демонстрации в суде на экране монитора видеозаписи этих безобразных сцен.

Наш очный поединок в суде взяточники проиграли и расплатились довольно суровыми мерами наказания. Не помогла и кампания в защиту соплеменников, развязанная в Южном Казахстане. Правда, после приговора при посещении Горбачевым Чимкента к нему и Назарбаеву обратились ходатаи с просьбой помочь в освобождении Аскарова. Президент ответил неопределенно, но спустя некоторое время другой президент – Кыргызстана – помиловал бывшего партийного функционера. Такие «мелочи», как непризнание вины и неотбытие половины срока назначенного судом наказания, естественно, во внимание не принимались. Кстати, признавшему вину Караваеву, возвратившему государству суммы необоснованного обогащения, в помиловании отказали.

Но это так, о равенстве всех перед законом. Ведь остальные остались маяться в колониях усиленного режима. Антимораль

прошлого прочно входит в антиморальные принципы дня сегодняшнего. Пусть бы освободили от отбытия наказания всех. В конечном счете пребывание в колонии – это только физические и моральные страдания человека в условиях изоляции.

Уже в 1991 году Аскаров вернулся домой, и не таким уж безысходным оказалось его положение, как оценивал он его через три месяца после ареста. Человек безусловно неординарный, с достаточно высоким интеллектом и высоким уровнем общей подготовки, он мог прожить и другую жизнь, если бы не система, искалечившая его. Даже находясь в тюрьме и признаваясь в получении взяток, он клялся в преданности делу коммунистической партии и ее идеалам. Он мог, забыв о том, где находится, громыхнуть кулаком по столу и требовательно прокричать следователям: «Сядьте!» А после корректного, но жесткого разъяснения его положения расплакаться. Таким уж он был, Асанбай Аскарович Аскаров.

Его подельники в нравственной их оценке оставляли желать лучшего. Всего один пример из жизни «кошелька» Аскарова, одного из идеологов партийной организации Чимкентской области Ахметова.

27 августа 1953 года на первый курс Алма-Атинского государственного пединститута иностранных языков был зачислен будущий партийный функционер и кандидат экономических наук Турмысбек Ахметов. На вступительных экзаменах он выбрал свободную тему сочинения «Непобедимый лагерь мира и демократии». Сей опус на двух с половиной листах ученической тетради написал за Ахметова неизвестный соратник явно русского происхождения.

«Наша социалистическая родина уверенной поступью идет вперед на пути строительства коммунизма. Советский Союз – оплот мира и дружбы между народами. Юноши и девушки отдают все свои силы, всю свою энергию и знания делу мирного строительства, борьбе за счастье своего народа…» (из сочинения Т. Ахметова).

Об истинном уровне грамотешки Турмысбека следствию поведала имеющаяся в его личном деле объяснительная на имя декана, датированная 22 апреля 1954 года: «Я Ахметов даю эту объяснительную так как я не бил пьяним когда вся мои товарищ пьянствовали я бил на Конференции НСО и здесь в институте занимался уроком. В 11 часов ночю ушел в общежитию и видел тов. Сокасбаеву и Толедову. Встретив по коридоре тетя Дуся обвинил меня как пьяним. Я не бил пьяним и не признаю нахальность Дуси».

И вот с такой грамотешкой этот «специалист» успешно

окончил институт, защитил диссертацию и долгие годы руководил наукой и образованием в Чимкентской области. Кстати, напоминание об этом он и сегодня считает равным личному оскорблению.

Не лучше выглядел и сын волостного старосты Лесбек Бекжанов. Начиная партийную карьеру, он всерьез опасался, что его социальное происхождение будет препятствием при продвижении по службе. От спецпроверок Бекжанов ушел примитивным способом, изменив в анкетах число, месяц, год и место рождения. Об отце Лесбек вспомнил только в суде. Он не придумал ничего лучше, как заявить, что его миллионы не имеют преступного происхождения и достались в наследство от отца. Правда, нужно было объяснить, как золотые царские империалы превратились в современные рубли. Оказалось – просто. Бекжанов заявил, будто родитель оставил ему мешок с золотом, и он в середине 70-х обменял его на советские дензнаки. Нашлись даже свидетели, которые подтвердили, что видели мешок и в те трудные предвоенные голодные годы получали от старосты по золотой монетке на пропитание.

Воистину велико было партийное лицемерие. Миллионам наших сограждан социальное происхождение родителей закрывало путь к служебной карьере, к выездам за рубеж и т. п. Оказывается, далеко не всем, и не только таким, как Бекжанов. Чего стоят факты из биографии Кунаева, обнародованные его соратником по партии.

Из выступления председателя госпрофа Казахской ССР А. Д. Бородина на XII пленуме ЦК Компартии Казахстана 6 июня 1988 года: «Сколько разговоров было по поводу реставрации торгового дома по ул. Горького в 1980 году. Ведь его отделали так, что сам купец, наверное, увидел и удивился бы. Из бюджета республики и горисполкома на этот дом было затрачено почти 700 тысяч рублей, а почему? Да потому, что в торговом доме до революции небезуспешно вел коммерческие дела отец бывшего первого секретаря ЦК Компартии Казахстана, а директором его одно время была теща Бекжанова Д. (помощник Кунаева). Или другой факт. В 1919 году в Акмолинске колчаковская администрация провела выборы главы городской думы. От купцов, именитых граждан в его состав вошел Шарип Ялымов, ярый противник советской власти. А в 1973 году на городском кладбище в Атбасаре Целиноградской области ему был установлен памятник. Ритуал сопровождался пышными поминками, раздачей подарков, и многие участвовавшие в нем не могли не знать, что оказывают почести бывшему белогвардейцу, громившему Советы и жестоко расправлявшемуся с борцами за власть Советов, среди которых

был и классик казахской литературы С. Сейфуллин. Однако люди знали другое: Ялымов – тесть Кунаева».

Сын именитого купца, зять колчаковца, Динмухамед Ахмедович Кунаев сделал блестящую карьеру, и прошлое не стало препятствием в достижении желаемой цели. И сегодня в окружении действующих фонтанов бюст трижды Героя Социалистического Труда стоял и стоит в центре Алма-Аты прямо напротив дома верного соратника Л. И. Брежнева.

Вплоть до кончины он персональный пенсионер, пользующийся авторитетом, уважением и даже влиянием среди определенных группировок в Казахстане. Не вижу в этом ничего загадочного. Фактическая моральная реабилитация Рашидова, возвращение к власти Алиева и другие примеры дня сегодняшнего не могут быть случайными. Эти люди не только годами пользовались привилегиями номенклатуры, но и многое сделали для своих республик, для своих народов, небесталанными выходцами из которых они были. Красавица Алма-Ата, Ташкент, освоенная Голодная степь и целина. Не так уж все было плохо в застойные годы. Правда, за счет нищающей России, которая, заигрывая с окраинами, просто-напросто обкрадывала себя.

Уголовное дело по обвинению Караваева и двенадцати его бывших подчиненных было рассмотрено судебной коллегией Верховного суда СССР. Всех их осудили, хотя двое, не дождавшись приговора, скоропостижно скончались от тяжелых заболеваний. Свыше восьмидесяти должностных лиц были осуждены приговорами Карагандинского областного суда. В основном они представляли русскоязычную часть населения этого региона.

Около тридцати руководителей пассажирского автоуправления попали на скамью подсудимых в Чимкенте. Те из них, кто признал вину и дал показания о системе взяточничества, получили приличные сроки; те, кто лгал и изворачивался, – смехотворно малое наказание.

Никому из сотен водителей, вовлеченных во взяточничество, обвинение предъявлено не было. Такое решение было продиктовано жизненными реалиями. Избежали уголовной ответственности десятки высокорангированных чиновников, чью вину мы посчитали недоказанной. Тем не менее по мановению искусно направляемой дирижерской палочки процесс по делу Аскарова попытались превратить в политический. Смысл один: это акция центра, ни много ни мало направленная против коренного населения. Муссируется эта тема в средствах массовой информации Казахстана и сегодня.

Бесславно, хотя и с повышением, оставил свой пост Колбин. Партийную организацию республики, как намечалось в 1986 году, возглавил Назарбаев. Он же стал первым всенародно избранным президентом Казахстана. Высокий авторитет его на родине, впрочем, как и в странах СНГ и во всем мире, бесспорен. Это современный, жесткий, разумный и целеустремленный политик.

Кунаев, как и многие его коллеги из партийной элиты времен застоя, пытаясь расправиться с политическими противниками руками центральных правоохранительных органов, допустил ошибку. Он забыл, что при таких широкомасштабных расследованиях для «заказчика» существует золотое правило – не выйти на самого себя.

Из заявления А. Аскарова на имя М. С. Горбачева от 20 июля 1987 года: «Вся моя трагедия связана с именем Кунаева Д. А. Именно он заставил меня брать такие огромные деньги, требуя их от меня. Он говорил, что они нужны «кошкару», что в переводе на русский язык означает «баран-производитель» во главе стада. В данном случае он имел в виду Брежнева. Позже он говорил, что деньги нужны также «каро», т. е. черному, в этом случае имея в виду Черненко».

О фактах получения взяток Кунаевым Колбин доложил Горбачеву. Генсек грязно выругался и сказал: «Если заслужил, пусть сидит». Так что карт-бланш на арест пусть и бывшего члена политбюро Прокуратуре СССР выдали. Я не решился на арест пусть и виновного, но старого и тяжелобольного человека. Сановных получателей от него мзды к тому времени не было в живых. Предъявление обвинения в получении взяток в виде дорогостоящих охотничьих ружей, швейцарских часов, шкатулок, изготовленных из драгоценных камней, было бы откровенной натяжкой, тем более что преподносились они лизоблюдами не от себя лично, а от имени трудовых коллективов.

И пусть Кунаев и многие другие его соратники по партии, претворявшие в жизнь программу построения коммунистического общества, избежали скамьи подсудимых, то, как они жили, как разлагали великую державу ложью, подкупами, поголовной коррупцией, не дает им права на моральную реабилитацию. Впрочем, это моя личная точка зрения. У них на родине думают иначе.

Кунаева допрашивали у него на квартире. Шикарная мебель, много книг. В кабинете большая коллекция зажигалок и часов. В его арсенале было сорок охотничьих ружей, в том числе тринадцать нарезных. (Правда, нужно отметить, что сразу после освобождения от занимаемой должности часть из них он сдал в ХОЗУ МВД, другие продал через комиссионный магазин.) Бывший

член политбюро заметно нервничал, личный врач через каждые 30 минут делал ему уколы. Заявления Аскарова Димаш Ахмедович назвал вымыслом, напрочь отрицая получение и дачу кому бы то ни было взяток.

Протокол читал долго и внимательно. Несколько раз переспросил, действительно ли его допросили как свидетеля, а не в другом качестве. Все-таки ареста и привлечения к уголовной ответственности он опасался.

Через несколько месяцев подлинники заявлений и документов в отношении Кунаева были вырваны из томов уголовного дела и похищены при изучении материалов одним из тех наших соратников по «очистительному процессу» в Казахстане, кому, кстати, доверяли, хотя и знали, что он из кунаевской команды. Но это совсем другая история.

Дело о 140 миллиардах (окончание)

«…Козел отпущения…»

«Задержанный в Москве англичанин – пешка в руках КГБ» («Дейли мейл», 14.02.91 г.).

Питер Бэрден и Питер Роуз:

«Руководители британской разведки полагают, что советские консерваторы использовали его в качестве пешки в своем собственном заговоре против Бориса Ельцина, основного соперника Михаила Горбачева.

Сценарий напоминает детективный роман с контрабандистами, красивой русской любовницей, южноафриканскими связями, сверхсекретными техническими новинками и банкнотами в количествах достаточных, чтобы заполнить десятки железнодорожных вагонов.

В Лондоне министр иностранных дел Дуглас Хей отверг идею рублевого заговора как «откровенно идиотскую». На заданный ему в палате общин вопрос о том, верит ли, по его мнению, всему этому президент Горбачев, он заявил: «Горбачев не идиот».

В Москве Гиббинса содержали под вооруженной охраной в больнице[57]. Ожидается, что он будет главным свидетелем во время «показательного процесса».

Источник из британской безопасности заявил: «Гиббинсу нравилось считать себя международным воротилой. Но он больше похож на специалиста по надувательству, которого самого надули. Он напоминает классического козла отпущения».

«След русских денег может привести к сети наркобизнеса» (Джон Девисон).

«Швейцарская полиция считает, что скандал с обменом 140 миллиардов рублей, разразившийся в Советском Союзе, связан с отмыванием денег для Медельинского наркокартеля.

Она указала еще на одну сделку, в которую были вовлечены крупные суммы рублей; сделка эта была раскрыта в декабре и имела мощные связи с колумбийскими баронами от наркобизнеса. Указано было также и на увеличивающееся количество доказательств того, *что Советский Союз становится центром для наркобизнеса и отмывания денег.*

Последняя сделка, в которой принимал участие британский бизнесмен Колин Гиббинс, состояла в том, чтобы обменять 140 миллиардов рублей *по курсу черного рынка* на 7,7 миллиарда долларов (4 миллиарда фунтов), и привела она к поразительному заявлению советского премьер-министра Павлова, сделанному на

прошлой неделе, о попытке банков Запада совершить «экономический переворот». Сторонники президента России Бориса Ельцина выступили с контрзаявлениями о том, что разоблачение этой сделки является заговором КГБ в целях их дискредитации. В Швейцарии, где должна была осуществляться сделка, источники в руководящих кругах полиции убеждены, что след приведет в конечном счете к наркокартелям. «Мы считаем, что в данной сделке задействованы наркоденьги, включая и принадлежащие Медельинскому картелю, как часть мощной машины для отмывания грязных денег, в настоящее время действующей в Советском Союзе», – заявил швейцарский офицер по связи с американским агентством по борьбе с наркотиками (ОБА).

Советский Союз – Дикий Запад для наркомира. Местная полиция слаба, плохо оснащена и зачастую коррумпирована, а местная мафия – могущественна и имеет хорошие связи с КГБ и прочими сорвиголовами.

Это еще и рай для отмывающих деньги, поскольку там никто не откажется от нарко – или любого другого рода доллара.

Старший офицер женевской группы по борьбе с мошенничеством сказал также, что убежден: наркодоллары вовлечены в сделку с рублями, равно как и другие грязные деньги. Он сообщил, что в течение прошлого месяца из ряда европейских стран поступали запросы, включая Германию, Нидерланды, Бельгию; эти запросы касались других крупных, подозрительных операций с рублями.

В декабре, после оповещения агентства по борьбе с наркотиками, швейцарская полиция вмешалась в одну из сделок, осуществлявшихся в Женеве, которая, как думалось, представляла собой некую операцию по отмыванию денег для Медельинского картеля. Подозреваемые сознались, что вели переговоры относительно крупного валютного обмена, вовлекающего 70 миллиардов рублей. Но после трех недель расследования следователь приказал их выпустить.

«Я просто поверить не мог, чтобы кто-нибудь в здравом уме обменивал наркодоллары на рубли, которые никто потратить не может. Не имея дела, которое могло бы убедить присяжных, я вынужден был освободить их», – сказал Жан-Пьер Трембли, старший инструктирующий судья. Однако события последней недели заставили его вновь задуматься. «Если любой полицейский пришлет мне донесение со свежими доказательствами, я могу быстро возобновить дело», – добавил он.

Кремль также отдает себе отчет в том, что иностранные

капиталовложения могут быть использованы для отмывания грязных денег. Один государственный эксперт на прошлой неделе сказал, что длительная изоляция страны от Запада означает то, что она несведуща в том, как справляться с такого рода деятельностью, и допустил, что страна представляет собой привлекательное место для отмывания денег». (Перевод публикации может быть не совсем точным.)

Так писали о сделке по 140 миллиардам на Западе.

Согласно представленным следствию выводам специалистов Госбанка СССР, Госбанка РСФСР, Внешэкономбанка, Минюста и МВС СССР, беспрецедентная по масштабам сделка была заключена в обход действующего законодательства, доверена мелким, никому не известным и профессионально не подготовленным посредническим фирмам.

Из выводов комиссии, созданной решением Верховного Совета РСФСР по делу о 140 миллиардах: «С учетом изложенного комиссия ВС РСФСР полагает, что контракт, о котором упоминалось выше, не имеет юридической силы, т. к. фирма ЭХО не имела статуса юридического лица, а открытый в банке г. Челябинска расчетный счет был закрыт. Следовательно, данная сделка со стороны ее советских участников является мошенничеством. В связи с этим комиссия приняла решение направить собранные ею материалы в Прокуратуру СССР».

ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТОВ ГОСБАНКА РСФСР

«Данная сделка представляет собой покупку рублей иностранным клиентом. Учитывая значительные перекосы в ценах между СССР и зарубежными странами, особенно на сырье, репатриирование рублей привело бы к массовой скупке товаров, предприятий и других элементов национального богатства. Мы присоединяемся к оценкам специалистов Барклайз-банка документов по данной сделке как безграмотных. Указанная сделка не могла быть осуществлена. Документы отчасти безграмотны, отчасти бессмысленны.

Директор Главного управления по работе с коммерческими банками Родионов С. С. Начальник управления анализа и надзора за деятельностью кредитных учреждений Светличный В. Г.».

Расставить все точки над «i» в деле о 140 миллиардах не

удалось. Августовский путч положил начало развалу СССР, ликвидации союзных органов, в том числе и Прокуратуры СССР. Сделка была прервана на стадии ее проработки и никаких последствий не повлекла. Моральная сторона – дело другое. У нас в кулуарах, а на Западе в открытую связывали скандал с противостоянием между Горбачевым и Ельциным. Не без этого! Михаил Сергеевич проявил большой интерес к расследованию дела о 140 миллиардах.

> «Президенту СССР господину *Горбачеву М. С.*
> Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич!
> К Вам обращаются участники Великой Отечественной войны – супруги Трухачевы… Для нас, как и многих наших соотечественников, в последнее время стало очевидным, что Ельцин Б. Н. вполне определенно и открыто встал на преступный путь и своими действиями принес нашему народу еще более огромные беды и страдания. Мы полностью согласны с телевизионным выступлением Андрея Федоровича Завидия, квалифицировавшим преступные деяния Ельцина по признакам ст. 71 и 72 УК РСФСР[58].
> Больше всего нас волнует, почему до сих пор не осуществлена проверка октябрьского прошлого года сообщения английской газеты «Гардиан» о финансировании ЦРУ межрегиональной депутатской группы, сопредседателем которой является Ельцин. Газетные статьи, осуждающие деятельность Ельцина, как видно, у него вызывают лишь еще большую ярость и непредсказуемость в его поведении…
> *20 марта 1991 г.*
>
> *Супруги Трухачевы В. П. и Л. Г.».*

Ровно через месяц, 22 апреля 1991 года, это письмо попало на стол президенту СССР. Его резолюция была краткой: «Лично! Трубину Н. С.[59] Прошу ознакомиться. *Горбачев М. С.».*

Ответ на письмо Трухачевых поручили готовить мне и начальнику управления по надзору за КГБ Виктору Илюхину – ныне депутату Госдумы.

Вот этот ответ:

> «Президенту СССР
> т. *Горбачеву М. С.*
> *28 мая 1991 года*
> Уважаемый Михаил Сергеевич!

Письмо супругов Трухачевых рассмотрено. Расследование дела о 140 миллиардах продолжается. Корыстной заинтересованности республиканского руководства в осуществлении этой сделки не установлено.

Выступление народного депутата СССР, Председателя Верховного Совета РСФСР т. Ельцина Б. Н. действительно насыщено резкими словами. На наш взгляд, достаточных оснований для постановки вопроса о возбуждении уголовного дела, о чем пишут супруги Трухачевы, не имеется.

По смыслу выступления Б. Н. Ельцина речь идет об усилении и активизации политической борьбы с использованием таких крайних методов, как забастовки, гражданское неповиновение и т. п. Однако призывов к насильственному свержению конституционного строя, пропаганды войны в смысле указанных статей УК РСФСР не усматривается.

Генеральный прокурор СССР Н. С. Трубин».

В течение всего хода расследования дела демократическая пресса обвиняла следствие в политической конъюнктурщине с целью дискредитации российского руководства. Налево и направо раздавал интервью Фильшин, называя себя чуть ли не отцом-спасителем отечества, пытавшимся сделкой по обмену рублей на доллары осуществить на территории России «план Маршалла».

Довольно скоро Фильшину дали понять, что он, мягко говоря, не прав.

«По информации пресс-секретаря Совета министров РСФСР В. Сергеева, 12 февраля подал заявление об отставке заместитель председателя Совета министров РСФСР Г. Фильшин.

Заявление было рассмотрено на заседании Президиума Совета министров РСФСР, после чего отставка была принята.

Заявление об отставке Г. Фильшин рассматривает как протест против «антидемократической провокационной кампании» и хочет им «привлечь внимание общественности к тревожным событиям, происходящим в стране» (газета «Вечерняя Москва», 12.02.91 г.).

1991 год. Ярославль. Встреча Ельцина Б. Н. с народными депутатами Ярославской области. Ельцин Б. Н. отвечает на вопросы из зала.

«Вопрос. Комментируя на днях по телевидению дело о 140 миллиардах, вы назвали это крючкотворством Крючкова и

попутно признали вину Фильшина. Не лучше ли с вашей стороны привлечь виновных к ответственности, чем занимать туманную позицию…

Ответ. Моя позиция не туманная, а совершенно четкая. Сделка эта не состоялась, ее прервали. Но то, что Фильшин в этом виновен, – это факт. Он подписал первый документ – гарантию правительства, разрешение на заключение такой сделки с несуществующей фирмой. А потому никто с Фильшина вины не снимает. Он сам это почувствовал и подал в отставку» («Известия», 22.02.91 г.).

Фильшина отправили торговым представителем в Австрию, и он постарался отойти в тень.

Остальные главные действующие лица «сделки века», такие как Свиридов и Моисеев, продолжали заниматься бизнесом. Их имена всплывали в прессе безотносительно сегодня к забытому скандальному делу!

25 августа 1995 года в Москве убили одного из руководящих работников фирмы «Жесави» Вадима Твердовского. Ему всадили две пули в грудь и добили контрольным выстрелом в голову. Еще с лета 1993 года за руководителями компании гонялись милиционеры, кредиторы и бандиты, ибо, собрав с клиентов 6,5 миллиарда рублей под поставки сахара, фирма не смогла выполнить своих обязательств.

Эту астрономическую сумму, равную 20 миллионам долларов США, руководители фирмы перечислили на счета компании «Уралинвест», которая должна была купить нефтепродукты, а затем, осуществив поставки нефти в Болгарию и Индию, получить сахар. Сделка сорвалась. В один из летних дней офис «Уралинвеста», в особняке на улице Дмитрия Ульянова, был оцеплен двумя кольцами боевиков одной из преступных группировок, вооруженных автоматами. Они обеспечивали переговоры по возврату долга между руководством «Уралинвеста» и коммерческим директором фирмы «Жесави» Александром Лебедевым. Расписки о возврате денежных средств Лебедев дал, но вскоре бесследно исчез. Денег «Уралинвест», естественно, не вернул. Президентом этой корпорации был все тот же Андрей Александрович Свиридов.

Гиббинсу дали возможность выехать в ЮАР, и, видимо, он был счастлив таким поворотом событий. Пирсон, грубо говоря, не искушая судьбу, смылся намного раньше.

Весной 1994 года австрийский экономический еженедельник «Виртшафтсвохен» опубликовал статью, в которой был сделан вывод о том, что члены кабинета Ивана Силаева заключали соглашения с представителями западных мафиозных синдикатов,

заинтересованных в том, чтобы по дешевке скупать рубли за доллары. Десятки миллиардов рублей были проданы на Запад за половину их тогдашней стоимости. В придачу покупателям было предоставлено право на закупку и вывоз за границу России стратегического сырья. Связь между мафиозными дельцами и российскими чиновниками, по мнению газеты, осуществлял агент КГБ в Хельсинки Михаэль Прайсфройд, который помогал переводить на Запад миллиарды рублей через общество «Трансатлантик фаундэйшн» в Лихтенштейне и все ту же финансовую группу «Нью репаблик ГМ ВХ» («Новая республика»), возглавляемую Лео Ванто и гангстерами из нью-йоркского клана «Гамбино».

По данным итальянского адвоката Романо Дольче, Ванто покупал не только рубли, но также русское оружие и ядерные материалы, выполнял заказы неаполитанской мафии. Романо Дольче вывел австрийскую контрразведку на полковника КГБ Александра Кузина, работавшего под крышей коммерческого бюро в Вене и управлявшего целой империей, в которую входили фиктивные фирмы в Праге, Будапеште и итальянском городке Удине. Одним из партнеров Кузина был Лео Эмилио Ванто.

В конце 1992 года Кузин спешно покинул Вену. Позднее его арестовали в Швейцарии и осудили на 10 месяцев тюрьмы. В середине 1993 года Кузин вернулся в Россию, а затем выехал в Белград с сербским паспортом. След Ванто австрийские спецслужбы потеряли. Он словно в воду канул.

По мнению шведского советолога Ослунда, высказанному в интервью швейцарской газете «Вельтвохен», организованная преступность в России тесно связана с государственным аппаратом, который во все большей мере становился участником политических интриг. Государственный аппарат, на который вынужден опираться Черномырдин, в свою очередь, содействовал тому, что экономическая мафия в России проникала в политику.

Это была оценка западными журналистами ситуации в России в марте 1994 года.

К такому же выводу они приходили и раньше. Более того, они располагали сведениями, что, несмотря на заверения советской стороны, помимо сделки о 140 миллиардах в конце 80-х годов на Запад сумели вывезти значительное количество рублей так называемым черным налом.

«…В середине февраля 1992 года, т. е. во время цюрихской встречи, американским инвесторам были предложены рубли в лотах на миллиарды долларов. К официальным предложениям прилагались гарантийные письма, обеспечивавшие возвращение

рублей в Россию.

В январе того же года через Польшу проследовал в Бельгию поезд с рублевым грузом. При нем тоже были сертификаты, обеспечивавшие возвращение денег, – так утверждают польские дельцы, которым предлагали приобрести часть этих сумм.

В конце декабря веронские карабинеры зарегистрировали неоднократные телефонные переговоры, во время которых два сицилийских торговца наркотиками обсуждали предстоящую встречу с русскими в Цюрихе. Документ, обнаруженный у одного из них, свидетельствует о том, что несколько миллиардов рублей переправлялись из России через Швейцарию и Италию в Майами, где планировались весьма крупные капиталовложения.

Примерно в тот же период итальянская комиссия по борьбе с мафией обнаружила доказательства пребывания автопоезда с советскими деньгами на территории провинции Романья. Была арестована одна женщина из Катании – Людовика Бал, занимавшаяся организацией сбыта этих денег.

В конце декабря в Беллинцоне (Швейцария) к одетому в штатское агенту подразделения полиции по борьбе с наркобизнесом подошел известный сбытчик героина Гамза Туркерезин, связанный с калабрийской мафиозной семьей Морабино и с торговцами кокаином из группы Пабло Эскобара. Туркерезин считается крупнейшим сбытчиком турецкого героина, поступающего из Стамбула в Милан. Он сказал агенту, что располагает целым контейнером советских денег, которые надо продать. Агент приобрел у него «на пробу» 100 000 рублей и тотчас сообщил о своем приобретении в Женеву.

21 декабря в Женеве судья Жан-Пьер Трамбли выдал ордер на арест пяти лиц, действовавших от имени немецкого преступника Андреаса Беренса, которого полиция разыскивала по делу об отмывании миллионов наркодолларов Пабло Эскобара через Канаду. Один колумбиец, один немец и трое аргентинских «менял» встретились накануне в отеле «Сенчури» с целью обменять 70 миллиардов рублей на 4,6 миллиарда долларов. Покупателем был ливанец Джихад Аннан, служащий некой фирмы «Галф инвестмент Ко» и гость женевского «Сауди Эрэбиен бэнк».

Судья Трамбли не сумел найти тот контейнер с советскими деньгами и в конце концов был вынужден освободить подозреваемых. Он заявил: «Я просто не мог поверить, что люди, пребывающие в здравом уме, способны обменивать наркодоллары на рубли, которые тоже невозможно потратить».

И действительно, если бы не было на что тратить за границей советские деньги, все эти сигналы о перемещении огромных

рублевых масс можно было бы счесть чьей-то выходящей из ряда вон шуткой. В этом деле русские преступники – настоящие мастаки. Сейчас, например, из России незаконно вывозится так называемая красная ртуть, которая продается на Западе по 300 долларов за килограмм. А между прочим, специалисты утверждают, что никакой красной ртути не существует, что все это сказки.

Но история с советскими деньгами совершенно иное дело. Сами советские руководители признались, что они хотели продать свою реальную валюту; а иностранцы, которые намеревались отмыть грязные деньги, хотели купить на них рубли, которые могли бы потом возвратиться в Россию или осесть в русских банках.

Ниже я перечислю некоторые «сделки», о возможности которых я узнал от крупных русских экономистов и высоких чинов МВД.

Имея текущий счет в русском банке и нужные знакомства, иностранец может лично или с помощью подставного лица принять участие в открытом аукционе и приобрести кооперативы, магазины и любую недвижимость. Он может купить акции и даже брокерское место на деловых биржах Москвы и Санкт-Петербурга. Кроме того, он может участвовать в смешанных предприятиях. В одном из докладов московского отделения Интерпола отмечается, что 40 % таких обществ, созданных за последнее время, оказываются мошенническими. Они могут платить заработную плату, превышающую средний уровень, и давать взятки нужным чиновникам, чтобы получить разрешение на импортно-экспортные операции, служащие своего рода пропуском через границу.

Иностранец может совершать и следующие сделки: купить тонну нефти за тысячу рублей (в ноябре прошлого года ее цена равнялась 22 долларам) и перепродать ее в Европе за 160 долларов; купить грамм золота на черном рынке – в Одессе, например, – за 300 рублей (в ноябре прошлого года оно стоило 6 долларов за грамм) и перепродать его на Западе за 11 долларов; купить бокситы, медь, цинк, титан, кобальт, уран, советское оружие и ядерное сырье с помощью хорошо информированных русских посредников. Прибыль от продажи за границей товаров, купленных на советском черном рынке, настолько велика, что в прошлом году было решено принять на работу 3000 новых таможенников, чтобы сдержать отток товаров. Тщетно! Короче говоря, иностранец, обладающий большими рублевыми суммами, может преспокойно внедриться в теневую экономику России.

В конфиденциальном докладе, переданном русскими

лионскому отделению Интерпола, объясняется, как это происходит. В апреле прошлого года сообщали, что вывоз природных богатств через таможню за границу возможен из-за коррупции. Сырье и такие стратегические материалы, как титан, экспортируются под видом отходов. Драгоценные металлы и сплавы скупаются за гроши, а затем экспортируются. Отмечается также, что советские мафиозные группировки, вступая в смешанные предприятия, проворачивают множество сделок с мошенническими иностранными компаниями. Сами эти группировки «участвуют в контрабандной торговле советской валютой» через дипломатический корпус, через служащих различных иностранных фирм и всевозможных бизнесменов.

Именно такого типа соглашением и является протокол о намерениях, подписанный бывшим премьер-министром российского правительства Иваном Силаевым с украинским мошенником, выступившим под именем Джона Росса. Обменивая рубли на доллары по ценам черного рынка, российское правительство брало на себя обязательство «предоставлять доступ к вторичному сырью, промышленным отходам и другим ресурсам».

В общем, не боясь ошибиться, можно утверждать, что различные валютные сделки, заключенные в Москве, могли быть использованы иностранными дельцами в целях проникновения в Россию, а затем и установления господства над останками советской экономики. По мнению парламентской комиссии, текущие банковские рублевые счета для иностранцев могли обернуться «приобретением большого количества сырья, поддающихся рециклированию материалов и основных капиталов – то есть всего национального достояния – по чрезвычайно низким ценам, что явно чревато потерей экономического суверенитета Россией»…»[60]

Сегодня тот придуманный «кредитный трансферт» стал обычной операцией, называющейся конвертацией рубля. Прилавки магазинов завалены товарами и продуктами иностранного производства, часто сомнительного качества. В результате обмена рублей на доллары десятки миллиардов «зеленых» осели на счетах наших предпринимателей в зарубежных банках. Промышленность России развалена, владельцами десятков акционерных предприятий уже сегодня стали крупные фирмы и компании Европы, США, других стран. У нас появились миллионы безработных. Галопирующая инфляция превратила большую часть наших граждан в нищих. И все же заметно, и в лучшую сторону, изменяется облик Москвы. За деньги можно купить свободно то, что раньше в ограниченном

ассортименте раздавалось в спецпайках. Хорошо это или плохо, покажет время.

Осенью 1991 года меня и заместителя генерального прокурора Владимира Ивановича Кравцева вызвал Трубин. Его интересовала перспектива расследования дела о 140 миллиардах.

– Можно ли по делу предъявить кому-то обвинение? – спросил Трубин.

– Да, можно, – ответил я. – По статье 69 УК РСФСР[61].

Услышав мой ответ, Трубин задумался.

– Николай Семенович, – продолжал я, – такое решение действительно основано на законе, но после смерти Сталина в стране не возбуждалось и не направлялось в суд ни одного дела о вредительстве. Нас просто не поймут. Пойти по этому пути при такой сложной политической обстановке в стране – это дать прямой повод к еще более резкой конфронтации с российским руководством и демократическим движением в России. Дело следует прекратить.

Меня полностью поддержал Кравцев.

– Пожалуй, вы правы, – сказал Трубин. – Выносите постановление о прекращении дела.

Это было одно из последних решений последнего генерального прокурора СССР.

Прокурорские тайны. Немного о прошлом и настоящем

8 января 1990 года я впервые переступил порог известного кабинета на пятом этаже административного здания по ул. Пушкинская, 15а (ныне Большая Дмитровка), где размещался центральный аппарат Прокуратуры СССР. В глубине кабинета за массивным, сталинских времен столом восседал полный, несколько обрюзгший человек-легенда советской юриспруденции генеральный прокурор Союза ССР Роман Андреевич Руденко. Коротко остановившись на том, какое высокое доверие оказано, Руденко тут же подписал приказ о моем назначении следователем по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР, то есть при нем.

Второй раз я увидел Руденко, когда его хоронили. Из жизни ушел не имевший высшего юридического образования, но безусловно одаренный человек, государственный обвинитель на Нюрнбергском процессе, устраивавший на протяжении многих лет по занимаемой должности двух генеральных секретарей ЦК КПСС.

Роман Андреевич верой и правдой служил властям предержащим, и вопросы соблюдения законности, которую называли социалистической, были для него важны настолько, насколько служили интересам правящей партии. Чего стоило дело двух знаменитых валютчиков начала 60-х Рокотова и Файбишенко. Под них дважды изменили действующий уголовный закон в сторону отягчающих признаков состава преступления и в конечном счете по желанию Хрущева расстреляли. Естественно, на столь грубое нарушение принятых в цивилизованном мире правовых норм Руденко не отреагировал.

Эпоха «реформаторства» сменилась так называемым застоем. Эти годы стали временем беззастенчивого присвоения госсобственности начиная от проступков мелких несунов на госпредприятиях до крупнейших цеховиков-миллионеров, грабивших государство по-крупному, фактически поголовного взяточничества, особенно в республиках Средней Азии и Закавказья. Умение делать деньги противозаконным путем становилось психологической установкой миллионов граждан огромной страны.

Довольно наглядно это проявилось при допросе высокорангированного взяточника начальником следственной части Прокуратуры СССР Каракозовым. В нем участвовал и я.

– Герман Петрович, – вопрошал крупный в прошлом партийный функционер, – неужели вы не понимаете, что нельзя рубить сук, на котором строится система? Без подачек и подмаза нормальная хозяйственная деятельность невозможна. Одни решают вопросы, другие имеют реальный доход. Не делиться при такой системе нельзя, ибо без этого не проживешь.

Каракозов, помолчав, спросил:

– Неужели вы полагаете, что в связи с вашим арестом перепуганные чиновники перестанут брать? Нет, конечно!

– Так зачем же я сижу?! – радостно воскликнул взяточник.

Каракозов с хитринкой улыбнулся:

– Но, батенька дорогой, согласитесь: не бороться с этим нельзя.

– Не понимаю вас, – продолжал горячиться обвиняемый. – Ведь берут все поголовно, и прокуратуре это хорошо известно. Почему взяли именно меня?

– Значит, лично вам не повезло, – ответил Герман Петрович.

Действительно, коррупция к концу 70-х стала приобретать угрожающие размеры. Необходимость борьбы с тем, что разъедало устои государства, понимали многие честные люди, и прежде всего председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов.

Оперативные службы его ведомства все более активно вели разработки преступлений, совершаемых в сфере экономики. Подставляться официально как организатор противокоррупционной кампании Андропов не хотел, поэтому собранные материалы передавали, как правило, в Прокуратуру СССР для официального расследования.

Уже тогда Андропов понимал, что руководители союзной прокуратуры не в состоянии обеспечить решение назревших проблем. Вследствие многоходовых комбинаций первым заместителем прокурора РСФСР, а затем генеральным прокурором СССР назначили прокурора Воронежской области Александра Михайловича Рекункова. Заместителем прокурора РСФСР по следствию, а затем заместителем генерального прокурора СССР по этому же участку работы стал бывший прокурор Ульяновской области, впоследствии инструктор отдела административных органов ЦК КПСС Виктор Васильевич Найденов. Оба они пришли в Прокуратуру СССР в бытность Руденко и начали работу в столь высоких должностях под его непосредственным руководством.

Какие бы участки работы ни курировали заместители генерального, самой реальной властью и влиянием обладал начальник Главного следственного управления. Полным

хозяином следствия в стране, которое Руденко полностью отдал ему на откуп, стал Найденов. Свою деятельность на новом посту Виктор Васильевич начал с проверки организации и результатов работы следственной части. Состоявшаяся вскоре коллегия закончилась освобождением от занимаемой должности ее начальника Рыбакова.

Вообще, следственная часть Прокуратуры СССР всегда была элитным подразделением. После войны, когда следственный аппарат был только в органах прокуратуры, следователи районного звена именовались народными. В прокуратурах областей были старшие следователи, и только в республиках – следователи по особо важным делам. Шесть таких же должностей было при генеральном прокуроре СССР.

Как рассказывал Каракозов, переведенный из прокуратуры Москвы в центральный аппарат еще в 50-х годах, «важняков» все боялись как огня. Когда они приходили на службу, многие старались не попадаться им на глаза. Именно эти следователи готовили материалы с советской стороны к Нюрнбергскому процессу, расследовали дело Берии.

Как-то Каракозов рассказал мне забавную историю, ставшую известной ему от следователя Царегородского. На встрече глав антигитлеровской коалиции в Ялте обсуждался вопрос о расследовании преступлений нацистов. Неожиданно Черчилль спросил Сталина:

– Кто будет представлять следствие с советской стороны?

Иосиф Виссарионович ответил:

– Следователи прокуратуры.

– Не могу ли я узнать, какую заработную плату они получают? – спросил Черчилль.

Сталин дал соответствующее поручение и на следующий день назвал эту сумму Черчиллю.

Премьер-министр Англии, задумавшись, помолчал, затем закурил сигару и, выпустив дым, со вздохом произнес:

– Господи! Они же у вас продажны!

Грустное замечание выдающегося политического деятеля. Но он был не прав. Наши следователи, особенно того ранга, никогда продажными не были. Они были фанатиками, безмерно преданными своей профессии.

К сожалению, так сложилось, что следователи по особо важным делам 50–60-х годов довольно болезненно воспринимали пополнение их рядов молодой порослью, и подспудно тлеющий конфликт между «старыми и молодыми» стал толчком к снятию с должности Рыбакова.

Из той старой когорты следователей вплоть до последних лет

доработал только Сергей Михайлович Громов. Его преданность работе и профессиональное мастерство заслужили такой оценки, что в 1990 году, впервые в истории советской прокуратуры, он был представлен к присвоению звания Героя Социалистического Труда. Получить «Золотую Звезду» и орден Ленина Сергею Михайловичу помешал августовский путч, а затем и развал СССР. Стать Героем России он, естественно, не мог, потому что долгие годы верой и правдой служил «тоталитарному режиму».

На место Рыбакова пришел прокурор Карачаево-Черкесской области, будущий прокурор Узбекской ССР Алексей Владимирович Бутурлин. При нем по инициативе Найденова началось и стало разворачиваться знаменитое рыбное дело, естественно родившееся с подачи КГБ.

К тому времени начальником следственного управления по надзору за следствием и дознанием в МВД работал бывший «важняк», сокурсник Найденова по студенческим годам и старинный его друг вышеназванный Герман Петрович Каракозов. Следователь от Бога, он не слишком уютно чувствовал себя в занимаемой должности, и Найденов поручил ему неофициально возглавить расследование рыбного дела. Так в следственной части сложилось двоевластие, что значительно осложняло работу подчиненных следователей. Внешне Бутурлин и Каракозов поддерживали доброжелательные отношения, но напряженность между ними все мы ощущали. Кстати, все это косвенно сказалось на расследовании хлопкового дела, и особенно на «послехлопковых разборках». В те годы конфликтная ситуация разрешилась смещением Бутурлина и назначением Каракозова начальником следственной части. Он вернулся в свою стихию.

Рекунков в роли первого зама ничем себя особенно не проявил и как бы держался в тени, а вот имя Найденова гремело, и при его активном участии рыбное дело мягко переросло в сочинско-краснодарское. Тем более неожиданным стало назначение на должность генерального не Найденова, а Рекункова. Уже тогда поговаривали о, мягко говоря, натянутых отношениях между ними.

За счет успешного расследования громких дел авторитет Найденова заметно укреплялся, но он продолжал наживать себе смертельных врагов. Одним из таких стал первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС Медунов. Для нас не было тогда большим секретом, что за место под солнцем, то есть в составе политбюро, борются этот партпрофессионал и его сосед – недруг, в то же время большой приятель Андропова, ставропольчанин Горбачев. Так что совсем не случайным было активное инициирование расследования сочинско-краснодарского дела,

одним из неожиданных результатов которого стало освобождение Найденова от занимаемой должности по инициативе Медунова. Заместителем генерального по следствию стал бывший прокурор Алтайского края Олег Васильевич Сорока.

После смерти Брежнева друзья Найденова стали добиваться его реабилитации, Виктор Васильевич поставил условие: он должен возвратиться на ту должность, которую занимал. С ним согласились, но назначили заместителем генерального, не имеющим отношения к следствию.

Вскоре разразился очередной скандал, теперь уже в Грузии. Арестовали друга Шеварднадзе секретаря ЦК Солико Хабеашвили. В Тбилиси вылетел Найденов. Насколько мы знали, он был сторонником передачи дела для расследования в Прокуратуру СССР. Что там произошло, во многом осталось тайной за семью печатями, но от сердечного приступа скончался прокурор республики Барабадзе, а Найденов угодил в больницу со вторым обширным инфарктом. Хабеашвили отправился надолго в места не столь отдаленные и в годы торжества демократии уже у себя дома был убит.

Расширялся и обновлялся аппарат следственной части. В начале 80-х в Прокуратуру СССР пришел Тельман Хоренович Гдлян.

Завершив расследование дела Хинта, Гдлян убыл в командировку в Узбекистан, где работниками КГБ были изобличены во взяточничестве председатель Бухарского облпотребсоюза Кудратов и начальник ОБХСС Музафаров. В бригаду Гдляна включили следователя из Архангельской области Николая Иванова. Начиналось ставшее впоследствии таким громким и скандальным узбекское дело. Кстати, к расследованию дела по хлопку Гдлян и Иванов никакого отношения не имели. Они сумели разоблачить первого секретаря обкома Каримова и далее вели следствие в отношении ответственных работников МВД Узбекской ССР с выходом на связанных с ними взятками руководителей партийных органов. Узбекское дело с потугами и скандалами переросло в кремлевское, сотрясало следственную часть. Следственная часть сотрясала страну.

Страсти накалились до предела, когда Гдлян официально поставил вопрос о привлечении к уголовной ответственности за получение взяток второго секретаря ЦК КП Узбекистана Осетрова и бывшего ответственного работника ЦК КПСС Смирнова. Обоим напрямую покровительствовал Егор Кузьмич Лигачев. Сорока, через которого направлялись в ЦК все документы по этим лицам, уклонился от дачи санкции на арест Осетрова. Таковую дал Найденов.

Реакция последовала незамедлительно. Найденова выдвинули на должность главного государственного арбитра СССР. Должность почетная, но ровным счетом ничего не значащая в стране развитого социализма. За освобождение Осетрова из-под стражи разгорелась настоящая война. В один прекрасный день Найденова вызвали в ЦК, видимо для объяснений. Что там произошло, знает узкий круг лиц, но они помалкивают, ибо после отъезда со Старой площади, по пути на дачу Виктору Васильевичу стало плохо, и он скончался от третьего инфаркта. Похоронили его пышно и торжественно на Новодевичьем кладбище. Траурную панихиду завершил речью член ЦК КПСС Рекунков.

О том, что вскоре расправятся и с ним, Александр Михайлович не догадывался, как и о том, что сам заложил под себя мину, назначив в начале 80-х на должность следователя по особо важным делам Александра Нагорнюка.

Работая заместителем прокурора Одинцовского района Московской области, Нагорнюк при довольно резком противодействии местных властей разоблачил руководителя старательской артели «Карелия» известного мошенника Качуровского. Дальнейшее расследование дела рисовало радужные перспективы с выходом на руководителей союзного Министерства промстройматериалов.

Но уже тогда целью Нагорнюка было не столько изобличение Качуровского, сколько выход на старательские артели по добыче золота в Сибири и, в частности, на друга Владимира Высоцкого – знаменитого руководителя старательской артели Вадима Туманова. Интересы Нагорнюка совпадали и переплетались с таковыми оперативных работников вновь созданного подразделения по борьбе с преступлениями в сфере экономики КГБ СССР и тех политических группировок, которые стояли за ними.

Начиная расследование любого крупного дела, Каракозов на первых оперативных совещаниях любил говорить в шутку: «Задача ставится ответственная. Но помните! Самое главное – не выйти на самих себя».

Если бы он знал, какими пророческими окажутся его слова! КГБ вывел Нагорнюка на директора бассейна «Москва» Будкевича. На фоне других громких фамилий его арест заметного ажиотажа не вызвал. Правда, обратили внимание, что в кабинет Нагорнюка по вечерам зачастили на допросы ответственные работники правоохранительных органов. Заговорили и о том, что Рекунков связан с Будкевичем, а через него с Тумановым. До взяток было, мягко говоря, далеко, но в баньке у Будкевича Рекунков парился нередко. Директор бассейна присутствовал на свадьбе сына

генерального. В ходе следствия последовала серия разоблачительных статей в газете «Социалистическая индустрия», Рекункова пачкали грязью. Смысл – сокрытие с использованием должностного положения хищений в золотодобывающей промышленности.

Кстати, не удосужившись разобраться в материалах дела, по откровенно натянутому обвинению санкцию на арест Будкевича дал Сорока. Вскоре в кулуарах заговорили о компромате, появившемся на самого Сороку (позже Гдлян публично обвинил его в получении взяток по узбекскому делу, впрочем так и не доказанных). Олега Васильевича потихоньку сплавили на должность заместителя начальника Главного следственного управления МВД СССР. Его место занял главный военный прокурор Александр Филиппович Катусев.

Доказательств, достаточных для направления в суд дела Будкевича, так и не добыли. Его освободили из-под стражи и прекратили следственное производство. Нагорнюк написал заявление об увольнении по собственному желанию и ударился в коммерцию. Начал он с добычи и реализации пчелиного молочка в сибирском регионе, то есть с того, на чем сделал карьеру и свои миллиарды будущий кандидат в президенты России Брынцалов. Работали ли они в паре – история умалчивает.

Был ли достаточным негативный материал, собранный Нагорнюком на Рекункова, не знаю, но то, что генеральный потерял авторитет, а тем более контроль за своими следователями, стало очевидным. И тут произошло событие, небывалое в истории Советского государства: генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев вдруг решил лично принять и выслушать простого следователя Гдляна. То, что действия Тельмана Хореновича в тот период безусловно устраивали Михаила Сергеевича, сомнений не вызывало. Компромат на соратников – соперников по партии тек рекой.

Как было принято, врагов нужно было добивать, и началась беспрецедентная утечка в средства массовой информации материалов дела, составляющих следственную тайну. Первая выставка изъятых ценностей и денег с согласия Рекункова прошла в мраморном зале Прокуратуры СССР. Сам генеральный, как бы пытаясь укрепить пошатнувшийся авторитет, на фоне ювелирных изделий и пачек денег с удовольствием позировал перед корреспондентами центральных газет и телевидения. Возня, затеянная Нагорнюком против Рекункова, казалась мышиной возней. Как бы не так! Оргвыводы последователи. Рекункова ушли на пенсию.

Горбачев, видимо, не слышал о заповеди Каракозова «не

выйти на самого себя» и, когда до него дошло, что в получении взяток с подачи Гдляна и Иванова подозревается он сам, рассвирепел. Последовала команда: фас! Начался поиск компромата на строптивых следователей.

Новым генеральным прокурором назначили Александра Яковлевича Сухарева. Он был известен в кругу юристов как крупный ученый. Человек мягкий, добрый, но, с точки зрения многих, слабовольный. О прокурорской деятельности он был осведомлен сугубо теоретически, и в аппарате это почувствовали сразу. К руководству прокуратурой пришел непрофессионал, взваливший на себя непосильную ношу обуздать Гдляна и иже с ним.

В ответ на Первой Всесоюзной партконференции с подачи Гдляна и Иванова главный редактор журнала «Огонек» Коротич заявил о том, что в зале находятся делегаты-взяточники, которых по указанию ЦК КПСС покрывают в Прокуратуре СССР. Горбачев попал в крайне щекотливое положение, ибо о материалах следствия по этим лицам ему докладывали. Должного реагирования на это заявление не последовало, а действия следователей расценили как откровенный выпад против режима.

Это были не первые серьезные неприятности для Горбачева. Работники правоохранительных органов хорошо помнили не совсем понятные кадровые перемещения середины 80-х. Совершенно неожиданно КГБ СССР возглавил выходец с Украины Федорчук. Поговаривали, что своей суровостью он в Киеве довел до самоубийства сына. Так это или не так, но с его приходом обстановка в чекистской среде коренным образом изменилась. Впрочем, ненадолго, ибо после падения и последующего самоубийства Щелокова Федорчук возглавил Министерство внутренних дел страны. Началась беспрецедентная кадровая чистка милиции. Тысячи сотрудников, в том числе центрального аппарата, выводились за штаты. Многих увольняли, других отправляли в ссылку в разные регионы страны с понижением. Кое-кто оказался за решеткой. Им на смену приходили кадровые сотрудники КГБ, остававшиеся, как ни странно, в штатах своего ведомства. Так, например, ОБХСС Москвы возглавил небезызвестный генерал Стерлигов. Стало разворачиваться дело Трегубова, Соколова и других работников торговли столицы.

Борьба с коррупцией, а если быть точным, видимость борьбы набирала темпы. Минрыбхозовское и сочинско-краснодарское дела в одном из ответвлений привели следователей в Ставропольский край. Арестовали ряд известных воротил теневого бизнеса и через них вышли на ответственных работников Министерства легкой промышленности РСФСР. На

скамью подсудимых они пошли во главе с министром Кондратьковым. Кстати, расследовал это дело все тот же Нагорнюк.

Тогда же на двух показаниях о даче взяток арестовали руководителя Кисловодского треста ресторанов легендарного Лобжанидзе.

Фамилия Лобжанидзе всплыла перед нами после ареста заместителя министра торговли РСФСР Лукьянова. На него вышли через сочинских торговцев. Он и заместитель начальника Главкурортторга Гончаров дали показания о получении взяток от Лобжанидзе. Вообще, таких эпизодов у нас были сотни, и на двух показаниях мы никого не арестовали. Здесь же Каракозов почему-то загорелся. Лобжанидзе вызвали в Москву.

Лукьянова, вменив эпизоды получения взяток от Лобжанидзе, решили предать суду по делу бывшего второго секретаря Сочинского горкома партии Тарановского. Его расследовал Сергей Михайлович Громов. Правой рукой его в деле был Сашин. Бывший старший следователь прокуратуры Москвы, он имел в столице квартиру, забронировал ее и уехал на Камчатку. Работа в следственной группе Прокуратуры СССР и командировка домой в Москву его вполне устраивала, так как получал он двойную зарплату в виде северных надбавок.

Лобжанидзе допросили. Факты дачи взяток он категорически отрицал. За ним установили наружное наблюдение и вскоре зафиксировали, как после выхода из следственной части он встретился с несколькими первыми секретарями горкомов из Ставрополья. Они пошли на Старую площадь и поднялись в кабинет к Горбачеву – тогда секретарю ЦК КПСС по сельскому хозяйству. После этой встречи Лобжанидзе скрылся. Ситуация в общем-то обычная по нашим делам, тем более еще раз подчеркиваю – материалов для ареста Лобжанидзе было явно недостаточно. Но тут все пошло по-другому. Объявили его розыск, дали санкцию на арест. Все как всегда, но необычным было то, с какой активностью МВД СССР взялось за розыск Лобжанидзе. Его фотографиями как особо опасного преступника (это за два-то эпизода дачи взяток!) оклеили все райотделы милиции.

Через год или чуть больше Лобжанидзе, решившего посетить столицу, взяли в Сандуновских банях, куда он пришел попариться. Это говорило о небывалой активности МВД в его розыске. Уже тогда я знал, что Сашин с первых допросов стал «колоть» Лобжанидзе на Горбачева. Более того, он разработал план, как развернуть дело по Ставропольскому краю. В этот план посвятил меня Каракозов и спросил мое мнение о его реализации.

– Вы шутите, Герман Петрович. Разве нам мало Краснодарского фронта? Вы хотите открыть второй в Ставрополье?

Каракозов помолчал. Затем произнес: «Я подумаю».

Как «думал» Герман Петрович, не знаю, но Сашин выехал в Ставрополье с группой следователей. «Накопать» на Лобжанидзе он смог только эпизоды злоупотребления служебным положением.

Никакие попытки Сашина получить от Лобжанидзе показания на высоких руководителей, в том числе на Горбачева, успеха не имели. Тогда же я узнал, что в Ставрополе в сберкассе взяли местного мафиози, пытавшегося обменять крупную сумму денег. Он оказался работником ликеро-водочного завода. Историю эту раскрутили и дело забрали в МВД СССР. По разговорам в нашем кругу я знаю, что по указанию Федорчука основная задача расследования заключалась в повторении краснодарского варианта и выходе через этого человека и Лобжанидзе на Горбачева.

С избранием Михаила Сергеевича генеральным секретарем ЦК КПСС Федорчук продолжал оставаться на своем посту, но последующее освобождение его от должности произошло моментально. Мне рассказали, что якобы через жену Лобжанидзе Горбачеву предоставили информацию о том, какими путями министр пытался помешать ему стать первым лицом. На стол генсеку положили подписанное Федорчуком задание на оперативную разработку Лобжанидзе в следственном изоляторе. Там была прелюбопытнейшая фраза: «Склонять к даче показаний о преступных связях с советско-партийным аппаратом Ставропольского края». Эти «связи» были широко известны на Северном Кавказе, и все понимали, что в первую очередь речь идет о Горбачеве. Судьба Федорчука была предрешена, и он канул в Лету, даже не оставив о себе доброй памяти.

Лобжанидзе на одних показаниях Лукьянова был осужден к девяти годам лишения свободы. Михаил Сергеевич в ход расследования и судебного разбирательства не вмешивался. Как рассказывали мне друзья в Сочи, знавшие близко семью Лобжанидзе, через несколько лет жена осужденного приехала в Москву и позвонила Раисе Максимовне. Нарвалась на просьбу – больше ее не беспокоить. Взлетевшие так высоко люди не любят вспоминать прошлое.

Михаил Сергеевич, говорят, был более милостив. Он принял жену Лобжанидзе, выслушал ее внимательно и сказал:

– Он заслужил наказание, но в тюрьме мы сделаем из него настоящего коммуниста.

Правда ли это? Доподлинно не знаю.

Я поверил потому, что это очень похоже на поведение и отношение к прошлому четы Горбачевых. Я вообще не знаю ни одного факта, когда генсек вмешивался в расследование какого-либо уголовного дела и пытался оказать воздействие на следствие. Прошлое, каким бы оно ни было, ему безразлично.

Как Шеварднадзе с Хабеашвили, так и Горбачев по отношению к Лобжанидзе пальцем о палец не ударили, чтобы хоть как-то облегчить участь бывших друзей. Оба осужденных до конца вкусили все прелести зэковской жизни.

Ставропольского дела не получилось, но эстафету подхватил Гдлян. Он и Иванов публично обвиняли Горбачева во взяточничестве. Ошибки в их действиях, безусловно, были. Они послужили основанием к возбуждению уголовного дела о нарушениях законности. Следователи призвали на помощь средства массовой информации и заручились поддержкой Межрегиональной депутатской группы во главе с Гавриилом Поповым. Взбунтовался Зеленоград, ряд коллективов крупнейших предприятий Ленинграда. Безобразные сцены на фактически взаимных оскорблениях происходили на совещаниях в знаменитом мраморном зале. Здесь коллективу Прокуратуры СССР ее руководители во главе с Сухаревым доказывали необходимость наказания Гдляна и Иванова и пытались оправдать решение о расформировании следственной группы, которой они руководили.

Так же неубедительно выглядел Сухарев на съезде народных депутатов, когда убеждал народных избранников в том, что Гдлян не прав.

Пока Гдлян, Иванов и Сухарев бодались на сессиях Верховного Совета, убрали не оправдавшего надежды Катусева, а затем и Каракозова. Если Гдлян и Иванов были защищены депутатской неприкосновенностью, то Каракозов нет. Ему предъявили обвинение в халатности.

Это было большим потрясением для Германа Петровича. Человек огромного таланта, следователь от Бога, он был по-своему честолюбив. Бесспорные его заслуги в успешном расследовании всех громких дел 70–80-х годов оставляли надежды в признании сделанного, кое-что значили и три ордена, которыми он был награжден. Обвинение в совершении преступления, последовавшее от бывших коллег, было для него тяжелейшим ударом. Лично я этого не понимал, ибо для обвинения руководителя следствия в халатности нужен был вступивший в законную силу обвинительный приговор в отношении тех его подчиненных, кто нарушил законность, то есть

Гдляна и Иванова. А им обвинения, как известно, не предъявляли и это уголовное дело в их отношении прекратили за отсутствием состава преступления.

Каракозов глубоко переживал случившееся, обострились старые хронические болячки, и, как пишут в некрологах, после тяжелой продолжительной болезни Герман Петрович скончался.

Еще при жизни Каракозова следственную часть переименовали в Управление по расследованию дел особой важности. Возглавил его отставной генерал военной прокуратуры Александр Васильевич Сбоев. На пенсии он подрабатывал в управлении по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел. Именно ему было поручено поддержание государственного обвинения по делу зятя бывшего генсека Юрия Чурбанова. Сбоев справился с поставленной задачей неплохо и продвинулся по службе.

Человек безусловно незаурядный, Александр Васильевич продолжал оставаться армейским генералом в своих привычках и действиях. Очень скоро его отношения с Гдляном и Ивановым обострились до предела.

На место Катусева пришел бывший прокурор Башкирской АССР, имевший большой опыт работы в центральных аппаратах Прокуратуры РСФСР, а затем и СССР, Владимир Иванович Кравцев.

Настал черед Сухарева. С поставленной перед ним задачей он не справился и на роль генерального прокурора СССР явно не годился. Его сменил прокурор РСФСР Николай Семенович Трубин (в прошлом прокурор Краснодарского края). Получив приглашение от Горбачева занять столь высокий пост, он ходил советоваться к Ельцину. Председатель Верховного Совета РСФСР дал добро.

В декабре 1986 года под лозунгом «каждому народу своего вождя» на площадь имени Брежнева в Алма-Ате вышли студенты столичных вузов. Конфликт закончился тремя днями массовых беспорядков, десятками покалеченных и тремя убитыми. Тогда же заполыхал Карабах, а затем Сумгаит. Не за горами были ферганская и ошская резня. Счет трупам пошел на сотни, а получившие вскоре сверхтрагическую оценку события в Вильнюсе и Тбилиси были детским лепетом в сравнении с ними.

Для расследования подобных дел в прокуратуре, МВД и КГБ СССР создали подразделения оперативного реагирования. В горячих точках мы были как на войне, не расставаясь ни на минуту с оружием. Но голова шла кругом от решений, принимаемых политическим руководством страны.

Чего стоили, например, тбилисские события! В четверг,

пятницу и субботу никто не решался пойти на разгон многотысячного митинга в столице Грузии. Ночью из Англии вернулся Горбачев. Небольшое совещание в аэропорту, и наутро в ход пошли саперные лопатки. На сессии Верховного Совета президент страны и генеральный секретарь ЦК КПСС беззастенчиво лгал, что с его стороны ответственных решений не принималось. Тогда кем? Или в стране не было власти?

В Вильнюс двумя бортами Ту-134 прибыла группа «Альфа». При штурме телецентра трагически погиб лейтенант Щацких. Поначалу от него открестились все, по крайней мере официально. Это было естественно, ибо наутро после штурма президент отказался подписать указ о введении в Литве прямого президентского правления. Хорошая мина при плохой игре!

Кто же послал альфовцев? Председатель КГБ Крючков? Тогда его нужно было отдать под суд. Нет, все мы в очередной раз слушали все ту же беззастенчивую ложь из уст того, кого некоторые называли то человеком с «божьей отметиной», то посланником сатаны.

Силовые структуры государства в такой обстановке продолжали находиться в состоянии разброда. Четко просматривалась нарастающая тенденция к развалу СССР. Декларативные политические лозунги могли найти поддержку народа только при достижении реальных экономических результатов. Выход искали лихорадочно. В январе 1991 года разразилось скандальное дело о 140 миллиардах.

19 августа 1991 года на улицах Москвы появились танки. В тот же день Б. Н. Ельцин подписал указ, пункт 1 которого гласил: «Считать объявление Комитета (ГКЧП) антиконституоционным и квалифицировать его организацию как государственный переворот, являющийся не чем иным, как государственным преступлением».

Этот политический демарш, больше основанный на эмоциях, в последующем послужил установкой для руководства Прокуратуры РСФСР, квалифицировавшей действия гэкачепистов как измену Родине.

Состав этого преступления определялся ст. 64 Уголовного кодекса РСФСР, которая дословно звучала так: «Измена Родине, то есть деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, а

равно заговор с целью захвата власти».

Любой непредвзятый человек поймет, что если даже считать членов ГКЧП заговорщиками, то закон прямо указывал на то, что они должны были преследовать цели развала СССР. Такой цели у них не было. Все они обладали реальной властью в пределах своих полномочий. С моей точки зрения, которую я открыто высказал, после провала путча Янаев, Язов, Крючков и Пуго, и только они, могли быть обвинены в злоупотреблении властью и ее превышении. Расследование такого дела можно было успешно завершить за месяц и, как говорят, расставить точки над «i».

Утром 22 августа 1991 года я улетел в служебную командировку в Лондон. За три дня до этого, включив телевизор, впервые услышал о ГКЧП.

– Делай что хочешь, – сказала мне жена, – но не запятнай себя арестами тех, кто хочет сделать нашу жизнь лучше. Не позорь свое имя.

С таким напутствием я и ушел на работу. Трубин убыл в командировку на Кубу. Находившийся на хозяйстве его первый заместитель Алексей Дмитриевич Васильев назначил на 11 утра расширенное оперативное совещание. Вместе с заместителем начальника отдела оперативного реагирования Алексеем Виноградовым мы от совещания увильнули и пошли на улицу Горького. У здания Моссовета разворачивались танки, на которых восседали воинствующие молодые люди с российскими флагами в руках. Немногочисленные прохожие выглядели испуганными. Из-под полы, украдкой, им раздавали листовки с обращением к народам России, подписанные Ельциным, Силаевым, Хасбулатовым. До «героических» событий двух последующих дней было ой как далеко. Поскольку призывы к забастовкам так и не были поддержаны, я пришел к выводу, что до полудня большинство раздумывало, чья же возьмет.

Вернувшись, узнали результаты совещания. Нам рекомендовали быть спокойными и проявлять сдержанность. Около 15 часов услышали лязг гусениц двигавшейся по Горького танковой колонны. Снова пошли к Моссовету. От Маяковской до Пушкинской стояла боевая техника, десантники с танков и БМП разгружали ящики с боеприпасами. На наших глазах последовала команда оцепить здание Моссовета. Собралась толпа, состоявшая в основном из женщин.

Слышались оскорбления в адрес военнослужащих. Последовала новая команда: «Примкнуть штыки!» Как мы поняли, третьей была бы: «Огонь в воздух!», а потом и – «На поражение!». Похоже, дело принимало нешуточный оборот. Но ровно через час десантники загрузились в мототехнику, развернулись и убыли в

обратном направлении.

Перед отлетом я ночевал в следственной части, где были все наши ребята. Они ждали команды на выезд для арестов членов ГКЧП. На моих глазах работники Прокуратуры СССР вступали в «соревнование» с коллегами из Российской Федерации. Каждый хотел быть впереди в заверении своей лояльности к победителям. К глубокому сожалению, в этот сложный для страны период генеральный прокурор СССР и прокурор РСФСР соревновались в том, кто святее папы римского.

После беловежского сговора и фактической ликвидации СССР мне позвонил Илюхин и попросил зайти. Выглядел он подавленным. Протянул лист бумаги. Это было вынесенное от его имени постановление о возбуждении уголовного дела против Горбачева по признакам преступления, предусмотренного статьей 64 – «Измена Родине». В тот же день Виктор Иванович дал интервью о принятом решении «Правде» и «Советской России». Разгневанный Трубин на следующий день постановление Илюхина отменил. После ликвидации Прокуратуры СССР Илюхин ушел работать в газету «Правда». Своих коммунистических убеждений никогда не менял и уже за одно это заслуживает уважения.

Точки расставило время. Через несколько месяцев союзную прокуратуру ликвидировали. Всех работников центрального аппарата уволили, и только отдельные из них, как правило со значительным понижением по службе, были вновь приняты на работу в Прокуратуру России. Владимир Иванович Кравцев, например, получил вполне пристойную должность заместителя прокурора Московской области. Заместитель начальника управления по расследованию дел особой важности (бывшая следственная часть) Олег Михайлович Литвак уехал на родину – Украину и через некоторое время стал первым заместителем прокурора нового суверенного государства. В 1997 году назначен и. о. прокурора Украины. Первый заместитель начальника того же управления Галкин перешел на работу в ФСБ и сегодня возглавляет там главное следственное управление.

Вообще, с Владимиром Семеновичем меня связывают очень добрые и хорошие воспоминания. В начале 80-х годов он работал начальником следственной части прокуратуры Ульяновской области и перешел в Прокуратуру СССР по рекомендации Гдляна. В то время с кабинетами в следственной части было туго, и Каракозов предложил, чтобы мы сидели вместе, помогая друг другу во всем. Так мы несколько лет «промаялись» в одном кабинете.

Тогда же Галкин подружился с другим нашим следователем,

переведенным на работу из Донецка, Анатолием Ивановичем Кондратовым. В паре они иногда могли пойти на дружеские розыгрыши коллег, один из которых мог иметь вполне определенные последствия, но закончился довольно забавно.

В моей группе работал прикомандированный следователь, деловые способности которого оставляли желать лучшего. Как-то он вывел меня из терпения и я заявил, что работать с ним не буду. Парень расстроился и поделился своими неприятностями с Галкиным и Кондратовым, попросил совета, что ему делать. Разговор этот состоялся в первые дни после Чернобыльской катастрофы, и ребята, сохраняя серьезные выражения лиц, сказали ему, что по указаниям генерального набирают группу следователей-добровольцев для осмотра места происшествия в Чернобыле, как говорят на жаргоне следователей, «от центра к периферии», то есть непосредственно взорвавшегося реактора.

Выслушав их, горе-профессионал написал рапорт на имя Рекункова с просьбой направить его добровольцем в Чернобыль для осмотра взорвавшегося атомного реактора. Узнав об этом, растерявшиеся Галкин и Кондратов пришли ко мне и стали советоваться, что делать, как забрать рапорт из приемной. Я попытался это сделать, но, к своему непомерному удивлению, узнал, что генеральный рапорт рассмотрел и направил его в кадры с резолюцией примерно такого содержания: «Таких самоотверженных следователей нужно ценить и поддерживать».

Следует полагать, что история потеряла уникальную возможность лицезреть протокол осмотра раскаленной лавы, от которой получили смертельное облучение даже летчики, облетавшие реактор на вертолете.

Дело ГКЧП неизбежно должно было закончиться провалом. Но мог ли кто предположить, что провал будет сопровождаться скандалами и самым громким из них – публикациями в западногерманском журнале «Шпигель» и демонстрацией по немецкому телевидению видеозаписей допросов членов ГКЧП? Как такое могло случиться?

С первых же дней официальное руководство следственной группой было возложено на заместителя прокурора РСФСР Степанкова по следствию Евгения Кузьмича Лисова. Непосредственно повседневную организацию работы по делу осуществлял начальник отдела оперативного реагирования Прокуратуры СССР Александр Васильевич Фролов. Он зашел ко мне в тот день, когда Степанков собрал узкий круг лиц, причастных к расследованию, чтобы обсудить, как отреагировать на сенсационные сообщения газет и телевидения. Фролов рассказал, что Степанков выдвинул версию о пересъемке

видеозаписи из космоса с помощью спутника. Ничего, кроме иронии, такое заявление вызвать не могло, о чем я и сказал Фролову. Понимая всю нелепость подобной версии, Александр Васильевич какое-то время помолчал, а потом сказал:

– Степанков сгоряча проговорился и высказал упрек в адрес криминалистов за то, что он сам же и разрешил снимать корреспондентам «Шпигеля» отдельные фрагменты видеозаписей допросов.

К этим словам Степанкова никто и никогда не возвращался. Расследование уголовного дела в отношении лиц, отдавших или продавших видеозаписи, кануло в Лету, так и не дав ответа на вопрос, по чьей вине произошла утечка материалов следствия.

Потом было много публикаций в прессе о том, что генеральный прокурор России дает интервью иностранным журналистам за плату в иностранной валюте. Апофеозом стал выход в свет до завершения следствия книги генерального и его заместителя, содержащей конфиденциальную информацию оценки поведения и действий арестованных членов ГКЧП. В суде дело позорно провалилось, и дипломатичным выходом был акт об амнистии всех подсудимых. Единственным из них мужественным человеком оказался генерал армии Варенников. Он сражался до конца и добился оправдательного приговора. Кстати, большую роль в провале дела сыграло издание вышеуказанной книги.

Незадолго до выхода в свет книги Степанкова и Лисова Фролов получил интересное предложение от французского телевидения. Сводилось оно к тому, чтобы бывшие и действующие работники прокуратуры написали шесть-семь сценариев по самым громким и известным делам 70–80-х годов и предоставили необходимые материалы. По этим сценариям планировали снять документальные телевизионные фильмы. Последним должен был быть фильм по делу ГКЧП. Александр Васильевич согласился, но, как уважающий себя профессионал, поставил условие, что речь может идти только о делах с вынесенным приговором, вступившим в законную силу.

О намерениях Фролова узнали в КГБ и доложили Степанкову. С его благословения была проведена операция по изобличению отступников (обыски, выемки, допросы). Результат – ноль. Растерявшиеся французы ретировались, отказавшись от какого-либо сотрудничества с непонятными русскими. Полезный и нужный для нашего и западного зрителя сериал о работе правоохранительных органов остался в то время невостребованным. С осени 1996 года телезрители лицезрели по НТВ сериал «Криминальные хроники», основанный на материалах, фотоснимках и видеозаписях, которыми располагает

Генеральная прокуратура России. Только авторы фильмов не французы, а совсем другие лица. Чем не конкурентная борьба на рынке с участием работников правоохранительной системы страны?

Степанков свое получил, бесславно закончив прокурорскую карьеру. Та же участь постигла Лисова, прекрасного профессионала и глубоко порядочного человека. Он сыграл в навязанную ему игру и поплатился. Очередным генеральным стал ученый Казанник. Отзывы о нем были самые хорошие, но должность генерального требует огромных профессиональных знаний, опыта аппаратной работы. Таковых у Казанника не оказалось.

– Как новое начальство? – спрашивал я в то время у бывших коллег.

– Принимает любую лапшу, которую ему вешают на уши подчиненные, – отвечали они.

Понимая свои слабые стороны, Казанник постарался окружить себя опытными прокурорами. Своим заместителем по следствию он назначил все того же Владимира Ивановича Кравцева. Оба они довольно скоро попали в неловкое положение, связанное с расстрелом Белого дома и событиями вокруг него. Прокуратуру снова понуждали к принятию, мягко говоря, не совсем правового решения. Совестью прокуроры не поступились, и оба поплатились занимаемыми должностями.

Легендарный кабинет на Пушкинской, 15а, который долгие годы занимал генеральный прокурор СССР, перешел к в прошлом рядовому работнику центрального аппарата Прокуратуры СССР Алексею Ильюшенко. Свою деятельность он начал с шикарного, за валюту, ремонта прокурорских апартаментов с размещением рядом со своим кабинетом сауны. Заместителем по следствию Ильюшенко назначил в прошлом прокурора Целиноградской области, а до этого заместителя прокурора Узбекской ССР Олега Гайданова. Знал бы он, кому оказал столь высокое доверие! С согласия и при непосредственном участии Гайданова было реализовано дело в отношении небезызвестного Янчева – главы фирмы «Балкар-трейдинг». Как известно, расследование привело к самому Ильюшенко, и он оказался за решеткой.

Дальнейший выбор президента пал на Юрия Ильича Скуратова. Это мужественный человек, ибо он фактически получил полуразрушенное хозяйство и делает все возможное для его восстановления. Иногда мне искренне жаль его, когда все кому не лень апеллируют к прокуратуре и раздают ей бесчисленные и крайне щекотливые поручения. У любого в такой ситуации голова пойдет кругом.

Стыдливо умалчивая о том, что сегодня на следственных должностях работают молодые, малоопытные работники и даже студенты, все ждут, когда начнут раскрываться скандально известные дела о заказных убийствах и террористических актах. Хорошо, хоть Скуратов не бьет себя в грудь, убеждая народ, что вот теперь чаша терпения переполнилась по-настоящему.

Она переполняется после каждого преступления, потрясающего общественное сознание. Нас убеждают: вот-вот преступники будут схвачены. Неправда, их хватать по большому счету некому, как ни обидно это звучит для ныне работающих и во многом неплохих профессионалов. Тяжело больна правоохранительная система, и выводить ее из кризиса крайне трудно и болезненно. Мне доподлинно известно, что сегодня знают заказчиков и убийц Листьева, Кивелиди и некоторых других. Не только до суда – до арестов дело не доходит.

Тогда же, в 91-м, узнав о беловежском договоре, я решил расстаться с органами прокуратуры, где проработал только на следствии более двадцати лет. Распалась на части великая страна. На родину к родителям и родственникам я езжу и летаю через погранпосты и таможню, подвергаюсь унизительным процедурам досмотра и всем остальным прелестям по отношению к гражданину другого государства. Я – украинец, жена – русская. Кто моя дочь? Почему сегодня талантливейшие следователи по особо важным делам при генеральном прокуроре Толя Дубровин, Костя Майданюк, Саша Морозов, Леша Виноградов и многие другие, не достигшие 50-летнего возраста, работают адвокатами или в банковских структурах? Те, кто решал их профессиональную судьбу в интригах тайных и явных, забыли, что у всех должна быть одна святая обязанность – честно и бескорыстно служить Отечеству.

Следователю по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР посвящается

Как вол работаю, аж взмок, и все ж не уложимся в срок,
А прокурор его продлевает! Зачахла без меня жена,
Ей жизнь такая не нужна, коль мой задор вдали захиревает!

Ни воскресенья, ни суббот, словно в Сахаре бегемот,
Преступности порок искореняю! Свои болезни запустил,
Лишь осознать хватает сил, что в гроб живьем себя я загоняю!

На развлеченья не хожу, в тюрьме с бандитами сижу,
Вокруг меня лишь плачут и страдают! Давленье с сердцем не в ладу,
Давно играют в чехарду, они меня, наверно, доконают!

Не знаю только, кто вперед – инфаркт или инсульт придет.
С «друзьями» этими любые шутки плохи! Но я пока еще бодрюсь,
Вовсю с пороками борюсь. Они же, подлые, плодятся, словно блохи!

Башка как колокол гудит. Мне жизнь начальство не продлит.
Здесь ранги прокурорские бессильны! Пока я жив – режим крутой,
А над могильною плитой промолвят: «Сам он не искал спокойной жизни!»

Другие могут тут и сям ловить загары по Сочам.
В тепле кого там не бывает! Незаменим лишь я – верблюд.
И на курорт меня не шлют. Мне, бледному, там места не хватает!

Верчусь, как белка, день и ночь, себя не в силах превозмочь.

Не всякий эту «жертву» понимает! Вдали от близких мне людей
Дичаю без семьи моей, и дни мои, как воск церковный, тают!

Без отпусков который год грызу пласты тугих пород.
Так истину нередко добывают! Мне некогда сменить штаны,
А дома потекли краны, и лишь меня там в этом обвиняют!

Сгорая в стрессовом огне, скитаюсь по большой стране,
Ползу вперед на нервах, не на вате! Не мудрено когда-то встать, —
Петлички новые… сожрать. И отпуск провести… в «шестой палате»!

Мне только бы передохнуть. И вновь пущусь в привычный путь.
Без этого иной не мыслю жизни! Всегда на острие атак,
Где скрытый копошится враг. Я только так служу моей Отчизне!

В. М. Королевский – следователь по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР, 1980 (в 50 лет заболел неизлечимой болезнью, был отправлен на пенсию и забыт)

notes

Примечания

1

Информация Центра общественных связей КГБ СССР – опубликована в центральных средствах массовой информации.

2

Прокурор Воронежской области.

3

Помощник генерального прокурора РФ.

Советская Россия. 1991. 31 января.

5

Радио «Свобода». 1991. 25 января.

Правда. 1953. № 65. 6 марта.

7

Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР. Правда. 1953. № *66*. 7 марта.

Лицом к лицу с Америкой. М., 1960. С. 72.

9

Генерал-майор Докучаев – один из руководителей внешней разведки КГБ СССР. Москва, Кремль, охрана. М., 1995.

10

Письмо рабочего Ф. Семенова Н. С. Хрущеву. Ленинград, 30 октября 1959 г.

МВЭС – Министерство внешнеэкономических связей.

12

ПГУ – внешняя разведка.

13

Ярый демократ начала 90-х годов.

14

«Отсрочка» – на следственном жаргоне – продление срока следствия.

15

МИ-5 – одно из подразделений спецслужб Великобритании.

16

Дейли миррор. 1991. 15 февраля.

17

Санди таймс. 1991. 17 февраля.

18

ГРУ – Главное разведывательное управление Советской армии.

19

Oros – рот *(лат.)*.

20

Важняк – следователь по особо важным делам.

21

Оперативная разработка – проведение негласных, неофициальных мероприятий спецслужбами.

22

Из интервью кандидата в члены политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КП Азербайджана Г. А. Алиева – Пусть справедливость верх берет // Литературная газета. 1981. 18 ноября.

КПК – комитет партийного контроля.

Балаян З. Очаг. Ереван, 1984.

25

Библиотека Главного хранилища при СМ Азерб. ССР, инв. № 6548, к истории армяно-азербайджанского конфликта накануне революции.

Геворкян Н. Загадка Калиниченко // Московские новости. 1991. 31 марта.

27

Боцман – кличка заместителя министра рыбного хозяйства СССР Владимира Ильича Рытова.

28

Каюта – камера следственного изолятора КГБ СССР «Лефортово».

29

Кусок – на следственном жаргоне уголовное дело, выделяемое в отдельное производство из основного дела.

30

«Кусок» – на блатном жаргоне пять тысяч рублей.

31

В те годы первый секретарь ЦК КП Украины.

32

В 70–80-х годах первый заместитель председателя КГБ СССР.

33

В соответствии с действующим тогда законодательством правом внесения представлений наделялись только генеральный прокурор СССР и подчиненные ему прокуроры.

КПЗ – камера предварительного заключения.

2-й главк – контрразведка КГБ СССР.

ПВО – противовоздушная оборона СССР.

37

«Крот» – на профессиональном жаргоне глубоко законспирированный, занимающий высокое должностное положение агент.

38

«Ахун» – шашлычная на горе Ахун в Сочи.

39

«Кавказский аул» – знаменитый ресторан в Сочи.

Тогда заместитель начальника УВД Сочи по оперативной работе.

41

Оперативные установки – негласные сведения об образе жизни конкретного человека.

42

Известный диссидент 60–90-х годов.

43

В то время начальник УВД Сочи.

«Правда» – газета ЦК КПСС – стоила 5 копеек.

В то время первый секретарь ЦК КПСС Узбекистана.

Классификаторы – работники хлопкозавода, непосредственно изымавшие наличные деньги из кассы.

Кучмаев Б. Отверженный с божьей отметиной. 2-е изд., доп. Ставрополь, 1992. С. 24.

Борис Олейник. Князь тьмы. Два года в Кремле.

Рекунков.

50

Массовые беспорядки на площади имени Л. И. Брежнева в Алма-Ате.

51

В тот период заведующий орготделом ЦК КПСС.

До Ульяновской области Колбин работал вторым секретарем ЦК КП Грузии.

53

Из заявления Бекжанова Л. от 28.02.87 г. на имя генерального прокурора СССР.

Из газеты «Казахстанская правда» от 24 мая 1987 г.

В то время министр внутренних дел СССР.

Некролог в «Правде».

Это утверждение не соответствует действительности.

Ст. 71 Уголовного кодекса РСФСР – «Пропаганда войны»; ст. 72 – «Организационная деятельность, направленная на совершение особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации».

59

Последний генеральный прокурор СССР.

Стерлинг К. Заговор с целью ограбления России // Коррьере делла сера. 1992. Январь.

61

Ст. 69 УК РСФСР – «Вредительство»: действие или бездействие, направленное к подрыву промышленности, транспорта, сельского хозяйства, денежной системы, торговли и иных отраслей народного хозяйства, а равно деятельности государственных органов или общественных организаций с целью ослабления Советского государства, если это деяние совершено путем использования государственных или общественных предприятий, учреждений, организаций либо путем противодействия их нормальной работе.